

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

**ТРАДИЦИИ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В РУССКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ XXI ВЕКА.**

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Сборник статей
V Международной научно-практической конференции
26–28 сентября 2022 г.

Рязань
2022

УДК 811.161.1'373+811.161.1'373
ББК 81.411.2-3+81.411.2-4
Т65

Рецензенты:

А.М. Камчатнов – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания Института филологии Московского педагогического государственного университета;

М.Н. Приемшьева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института лингвистических исследований РАН

Традиции И.И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского: сборник статей V Международной научно-практической конференции, 26–28 сентября 2022 г. / отв. ред. Е.П. Осипова; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2022. – 282 с.

ISBN 978-5-907635-01-2

В сборник статей V Международной научно-практической конференции «Традиции И.И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского» включены доклады отечественных и зарубежных участников, разрабатывающих различные вопросы русистики и славистики, рассматривающих проблемы изучения научного наследия академика И.И. Срезневского, его вклад в развитие славяно-русского языкознания. Статьи посвящены также изучению древнерусских памятников письменности, русских говоров, проблемам этнолингвистики, лексикографии в синхроническом и диахроническом аспектах.

Для филологов, историков, культурологов – преподавателей вузов гуманитарного профиля, научных работников, студентов, магистрантов, аспирантов, всех, кто интересуется историей русского языка.

Ключевые слова: история русского языка, лингвистическое источниковедение, лексикография, лексикология, русские говоры, этнолингвистика

ISBN 978-5-907635-01-2

УДК 811.161.1'373+811.161.1'373
ББК 81.411.2-3+81.411.2-4

© Осипова Е.П., отв. ред., 2022
© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина,
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

Русская и славянская лексикография XVIII-XXI вв.

Абрамова В.И. (Тула)

Тематическая группа «Защита Отечества»
в символярной региональной идентичности
Тульской области (материалы к словарю).....8

Васильева О.В. (Санкт-Петербург)

Словарь обиходного русского языка
Московской Руси XVI – XVII веков и
Псковский областной словарь с историческими данными
как развитие идей И.И. Срезневского в XX – XXI веках.....11

Грановская А.Р. (Москва)

«Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского
в русле лингвокультурологических идей его времени.....15

Державина Е.И. (Москва)

Слова с начальным *ф* в 33 выпуске
Словаря русского языка XI–XVII вв.....20

Донина Л.Н. (Санкт-Петербург)

Исторические словари и «Летописец Еллинский и Римский»
о концепте «православие».....27

Илиева Т.А. (София, Болгария)

Материалы за тематичен речник към
литературните паметници на *slavia orthodoxa*.
Наименования от областта на козметиката.....33

Королькова А.В. (Смоленск)

История лексикографирования афористики в России (XIX – XX вв.).....42

Короткевич И.И. (Минск, Беларусь)

«Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича: истоки белорусской
национальной лексикографии.....47

Ли Лин (КНР; Москва)

Сопоставление принципов построения словаря-тезауруса в русской и китайской
лексикографической традиции
(на материале «Сравнительного словаря всех языков»
Палласа П.С. и «Шовэнь Цзецзы» Сю Шэни).....51

Судаков Г.В. (Вологда)

Язык «Повести о Фроле Скобееве».....55

Шипулина Г.И. (Баку, Азербайджан)

Словарь языка Есенина: принципы создания, структура.....62

Щербин В.К. (Минск, Беларусь)

Об опасности утраты заложенной
академиком И.И. Срезневским традиции подготовки
энциклопедически образованных лексикографов.....67

Раздел 2

Проблемы славянской и русской исторической лексикологии

Дмитриева Ю.Л. (Горловка) Вербализация сакрального пространства в произведениях С.А. Есенина.....	71
Коренева Ю.В. (Москва) Религиозная лексика в словаре И.И. Срезневского в контексте исторической лексикологии: существительные на <i>-ение</i>	76
Омакаева Ц. (Элиста), Цолмон Ш. (Улан-Батор, Монголия), Таганова М.А. (г. Туркменбаши, Туркменистан) Лингвокультурные коды русской фразеологии и паремиологии на фоне монгольской и туркменской: на примере анималистического пословичного текста.....	80
Пенькова Я.А. (Москва) К вопросу о формировании системы начинательных глаголов в истории русского языка: глаголы <i>возникнуть</i> и <i>появиться</i>	87
Пименова М.Вас. (Владимир) Устойчивые глагольные обороты в словаре И.И. Срезневского.....	94
Плешакова В.В. (Рязань) Традиции русских благопожеланий.....	98
Ревуцкая Е.А. (Минск, Беларусь) «Толковый словарь белорусского литературного языка» как инструмент идентификации поэтической метафоры.....	106
Ряховская О.В. (Москва) Сурик и другие наименования красок в исторической лексикографии и палеографии.....	112
Халикова Н.В. (Москва) Об употреблении фонового термина «стихия языка» в научной прозе XIX – начала XX века.....	115
Хизанцян А.М. (Ереван, Армения) История военного термина: воины Древней Руси (по «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского).....	121
Ховрина Т.К. (Ярославль) Славяно-русские переводы иноязычных слов в четырёхязычном лексиконе Герасима Влаха.....	127
Хрусталёв И.Н. (Рязань) Лог, ложбина, лощина, лоск: к проблеме генетического родства.....	131

Раздел 3

Актуальные задачи источниковедения: от И.И. Срезневского до наших дней

Аннушкин В.И. (Москва) Содержание и эволюция филологических наук в эпоху И.И. Срезневского (1830–1880).....	133
Гаярски Л., Громинова А. (Трнава Словакия), Бекасова Е.Н. (Оренбург) Этимологический аспект изучения русского языка в словацкой аудитории.....	141
Иорданиди С.И. (Москва) И.И. Срезневский и В. Ягич (эпистолярная история).....	147
Картавенко В.С. (Смоленск) Региональная деловая письменность XVI-XVIII вв. как лексикологический источник.....	154
Косов А.Г. (Уфа) Деловые документы XVIII века из местных архивов как источник исторического лингвокраеведения.....	158
Лукин О.В. (Ярославль) «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель» как лингвоисториографический источник.....	166
Патроева Н.В. (Петрозаводск) «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII в.» как лексикографический источник для исследований в области диахронической риторики.....	170
Решетова А.А. (Рязань) О труде И.И. Срезневского «Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг.»: первое исследование русского купеческого травелога.....	174
Шаповал В.В. (Всеволожск) Материалы по цыганскому языку в выписках И.И. Срезневского.....	181

Раздел 4

Русские народные говоры: история и современное состояние. Славянская и русская этнолингвистика

Ганцовская Н.С., Окуловская С.В. (Кострома) «Живая старина» в авторских словарях диалектной лексики Костромского края.....	187
Ершова Н.И. (Саранск) Парадигматические связи между названиями ландшафтных объектов в русских говорах Мордовии.....	193

Красовская Н.А. (Тула) Лексика сельского хозяйства в региональных газетах военной поры.....	200
Кузьмина Е.Б. (Санкт-Петербург) Лексика с пометой «пск.» в «Опыте областного великорусского словаря».....	204
Макарийоска Л. (Скопье, Македония) За традицијата и Перспективите на словенската етнолингвистика.....	208
Мызников С.А. (Москва) О некоторых аспектах проблемы диалектного членения в историческом преломлении и в современном контексте.....	215
Никифорова О.В. (Арзамас) Обрядовые лексемы с корнем <i>-вечер-</i> в нижегородских говорах.....	225
Огдонова Ц.Ц. (Иркутск) Лексика питания как фрагмент диалектной картины мира (на материале «Словаря говоров русских старожилов байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой).....	230
Осипова Е.П. (Рязань) Традиционная духовная культура в лексике рязанских говоров (из поездок по «рязанской глухомани»).....	234
Пак М.К. (Караганда, Казахстан) Вопросы русской диалектологии в трудах И.И. Срезневского.....	238
Стародубцева Н.А., Рассыхатская М.В. (Волгоград) Выражение семантики высокой степени в речи носителей донских говоров.....	245

Раздел 5

Жизнь и научное наследие академика И.И. Срезневского

Бондарь Л.Д. (С.-Петербург) И.И. Срезневский и И.А. Бодуэн де Куртенэ – учитель и ученик в зеркале архивных документов (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН).....	252
Волошина О.А. (Москва) Труды И.И. Срезневского в контексте развития науки о языке.....	259
Колгушкина Н.В. (Рязань) И.И. Срезневский в содружестве с хранителями древностей (Ф.Г. Солнцев, А.Н. Оленин).....	264
Кривошапова Н.В. (Тирасполь, Приднестровская Молдавская республика) Методика анализа древнерусских летописей студентами-филологами младших курсов.....	268

Никитин О.В. (Москва) «Словарь» И.И. Срезневского как лексикографический феномен (к 100-летию завершения издания).....	273
Рылов С.А. (Нижний Новгород) Идея развития языка И.И. Срезневского как методологическая основа научного подхода к пониманию содержания термина «развитие структуры предложения» в современной русистике.....	277

Раздел 1

РУССКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ XVIII–XXI ВВ.

УДК 314.925 + 911.372.52 + 351.85 + 316.7

В.И. Абрамова

канд. филол. наук
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА» В СИМБОЛАРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ)

V.I. Abramova

Cand.Sci. (Philology)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

THE "DEFENCE OF FATHERLAND" THEMATIC GROUP IN THE SYMBOLARIUM OF REGIONAL IDENTITY OF THE TULA REGION (MATERIALS FOR A DICTIONARY)

Аннотация. В статье представлены разработки для готовящегося к изданию словаря символов региональной идентичности Тульской области. Поскольку одним из узнаваемых символов региона является оружие, словарь включает тематическую группу «Защита Отечества», в которую входят приведенные в качестве примера вербальные символы «Арсенал», «рабочий полк», «Тульское народное ополчение».

Ключевые слова: региональная идентичность, символ, Тула, словарь.

Abstract. The article provides materials for a dictionary of regional identity symbols of the Tula region, which is being prepared for publication. Since one of the recognizable symbols of the region is weapons, the dictionary includes the "Defence of Fatherland" thematic group, which comprises verbal symbols "Arsenal", "worker's regiment", "Tula people's militia" given as an example.

Keywords: regional identity, symbol, Tula, dictionary.

Исследование «Симболорий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Региональную идентичность современные исследователи определяют как «коллективно создаваемый дискурс, имеющий географическую привязку» [1, с. 187]. Крайне важным является выделение вербальных символов, через которые выражается идентичность в данном дискурсе. Они определяются современными лингвокультурологами как «вербальные средства самосознания» [2, с. 84] и выполняют культурные функции.

Лингвокультурные единицы, отражающие региональную идентичность (квазисимволы, квазиэтнонимы, региональные бренды-репрезентанты той или иной субкультуры), могут быть систематизированы и представлены в соответствующем словаре.

Один из символов Тулы – это оружие. Официальным гимном Тулы с 21 марта 2001 года признана песня «Тульская оборонная» (автор слов – В. Гурьян, композитор А. Новиков), хотя написана она была ещё в конце 50-х годов прошлого века, и каждый туляк на протяжении последующих лет прекрасно знал и любил её текст. Прославленные на весь Советский Союз поэт и композитор поместили в свое произведение тему, являющуюся основой региональной идентификации: «Тула веками оружие ковала». Тульское оружие, названия его элементов, прославленные мастера-оружейники и конструкторы, Тульский оружейный завод, Кузнечная слобода, названия тульских улиц, художественные образы и устойчивые выражения – все это стало символами региональной идентичности не только для туляков, но и для жителей других городов, ассоциирующих Тулу с оружейным производством.

Вербальные символы, формирующие данную область региональной идентичности, могут быть объединены в тематическую группу «Защита Отечества» и описаны следующим образом (приведем примеры нескольких статей):

АРСЕНАЛ – символ тульского оружейного производства, надежной защиты Отечества от врагов. Данные смыслы выражены, например, в урбанонимах (годоним – улица Арсенальная; ансамбль названий – улицы Дульная, Ствольная, Курковая, Штыковая, Пороховая, Пробная, Патронная, Замочная, Заварная, Ложевая, Оборонная; завод «Арсенал»; стадион «Арсенал»; торгово-выставочный центр «Арсенал»), названии тульского футбольного клуба, ведущего свою историю от команды Тульского оружейного завода; названии торговой марки пива «Арсенальное», которое производится Тульским пивзаводом.

Для коллективной памяти актуальны следующие знания:

- основание Никитой Демидовым частного оружейного завода в 1695 году;
- основание по именному указу Петра I Императорского Тульского оружейного завода в 1712 году;
- посещение оружейного завода Екатериной II в 1775 году, создание по ее приказу Палаты редкого и образцового оружия;
- открытие в 1873 году музея оружия;
- обеспечение страны тульским оружием во время Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны, Гражданской войны, Великой Отечественной войны;
- наличие в Туле и области оборонных предприятий: Тульский оружейный завод, Тульский патронный завод, Конструкторское бюро приборостроения, завод «Арсенал», «Туламашзавод», «Тулаточмаш», «Сплав», «Октава», «Стрела», Кимовский радиоэлектромашиностроительный завод;
- имена знаменитых оружейников: легендарных – Левша и «реальных» – С.И. Мосин, Ф.В. Токарев, В.А. Дегтярев, Г.А. Коробов, Н.М. Афанасьев, А.А. Волков, Н.Ф. Макаров, И.Я. Стечкин, С.А. Коровин, Б.Г. Шпитальный, С.А. Ярыев, М.Е. Березин, Р.Я. Пурцен, А.Н. Ганичев, Г.А. Денежкин, Н.А. Макаровец, А.Г. Шипунов, В.П. Грязев;
- названия видов вооружения, созданных / производившихся в Туле: винтовка системы Бердана (берданка), трёхлинейная самозарядная винтовка Мосина, станковый пулемет системы Максима (пулемет «Максим»), автоматический скорострельный авиационный пулемёт – ШКАС, пистолеты систем Макарова, Токарева, Стечкина, реактивная система залпового огня «Град».

Идентификация города с опорой на символ «АРСЕНАЛ» представлена составной номинацией *оружейная столица*, магнитами, брелоками и другой сувенирной продукцией в виде пушек, пистолетов и т.п.

Устойчивое выражение *тульское оружие* встречается в художественной и публицистической литературе: *Беднякам осталось только тульское оружие и фосфорные стички... [А.П. Чехов. Мститель (1887), НКРЯ]; За последние двести лет тульское оружие в третий раз победно прошло по Берлину: первый раз – в Семилетнюю войну, второй раз – в*

Отечественную войну 1812–14 годов, в третий раз – в этом году, который принес нам великую победу [[новости] (1945) // «Известия», 09.05.1945, НКРЯ].

Символика поддерживается

- в городском пространстве (памятники Левше, Петру I, С.И. Мосину, бюсты знаменитых оружейников на Аллее Славы у здания нового музея оружия, который имеет форму шлема, памятник мастерам-оружейникам и солдатам Первой мировой войны на площади Московского вокзала);

- в названиях подарочного издания о городе «Тула. Арсенал и щит России» (Тула, 2006); экскурсионного тура «Тула – арсенал России», предполагающего посещение Тульского государственного музея оружия; выставки «Тула – Арсенал и щит России» в Тульском государственном музее оружия; статьи о презентации книги о Туле «Арсенал и щит России» (газета «Тула», 24.01.2019, автор – Н. Кириленко);

- благодаря учрежденному в 2010 году по инициативе М. Калашникова профессиональному празднику – Дню оружейника России (19 ноября).

РАБОЧИЙ ПОЛК – символ обороны страны, важной роли Тулы в Великой Отечественной войне, в битве за Москву.

Для коллективной памяти актуальны следующие знания о Тульском рабочем полке:

- принятие решения о формировании Тульского рабочего полка 23 октября 1941 года;

- бой Тульского рабочего полка с немецкими танками 30 октября 1941 года;

- имена возглавлявших полк капитана А.П. Горшкова и комиссара Г.А. Агеева.

Символика поддерживается в городском пространстве: установленный на Площади Победы мемориальный комплекс Три штыка, улица Агеева, улица Тульского рабочего полка, улица Генерала Горшкова.

ТУЛЬСКОЕ НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ – символ воли к победе, несломленного духа народа.

Для коллективной памяти актуальны следующие знания о тульском народном ополчении:

- впервые было сформировано еще в 1812 году во время Отечественной войны, включало казачьи полки, оказало значительную помощь регулярной армии;

- снова было собрано в 1941 году, в результате чего сформировался Тульский рабочий полк, участвовавший в обороне Тулы в октябре-декабре 1941 года и сыгравший важную роль в битве за Москву;

- создание 22 октября 1941 года Тульского городского комитета обороны;

- имена членов Тульского городского комитета обороны: В.Г. Жаворонкова, Н.И. Чмутова, В.Н. Суходольского, А.К. Мельникова.

Символика поддерживается в городском пространстве: установленный на Площади Победы мемориальный комплекс Три штыка, улица Тульского рабочего полка, улица Жаворонкова, улица Чмутова.

Литература

1. Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Tempus et Memoria*. 2017. Т. 12. № 3/167. С. 182-189.

2. Токарев Г.В. Модель словаря вербальных средств региональной идентификации // *ФИЛОЛОГОС*. 2022. № 2 (53). С. 83-89.

**СЛОВАРЬ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI – XVII
ВЕКОВ И ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ
С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ
КАК РАЗВИТИЕ ИДЕЙ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В XX – XXI ВЕКАХ**

O. V. Vasilieva
Cand. Sci. (Philology)
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

**DICTIONARY OF EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA
OF THE 16TH – 17TH CENTURIES AND THE PSKOV REGIONAL DICTIONARY
WITH HISTORICAL DATA
AS THE DEVELOPMENT OF I. I. SREZNEVSKY'S IDEAS IN THE 20TH – 21ST
CENTURIES**

Аннотация. Словари, работа над которыми ведётся в Словарном кабинете СПбГУ, воплощают идеи И.И. Срезневского. Словарь Московской Руси даёт представление о лексической системе русского обиходного языка конца донационального периода. Псковский областной словарь максимально полно отражает взаимопроникновение общерусского и регионального, сосуществование в лексике старого и нового, а также является словарём-атласом, показывающим географию распространения в псковских говорах всех описанных слов и значений.

Ключевые слова: Словарь обиходного русского языка Московской Руси, Псковский областной словарь с историческими данными, историческая лексикография, диалектная лексикография.

Abstract. Dictionaries, which are being worked in the Dictionary Room of St. Petersburg State University, embody the ideas of I. I. Sreznevsky. The dictionary of Moscow Russia gives an idea of the lexical system of the Russian everyday language at the end of the pre-national period. The Pskov regional dictionary fully reflects the interpenetration of the all-Russian and regional, the coexistence of the old and the new in the vocabulary, as well as the atlas dictionary showing the geography of distribution in the Pskov dialects of all the described words and meanings.

Key words: Dictionary of everyday Russian language of Moscow Russia, Pskov regional dictionary with historical data, historical lexicography, dialectal lexicography.

Измаил Иванович Срезневский – действительно выдающийся учёный уже далёкого от нас XIX века, когда многие научные направления ещё только формировались. Его прозорливость, понимание того, чем должны заниматься науки, обращенные к социуму, и сейчас вызывают уважение. «Главный долг народной науки – исследовать свой народ, его народность, его прошедшее и настоящее. <...> Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может. Оба вместе обуславливают иногда нераздельность свою в мысли одним названием: так и мы Русские вместе с другими Славянами искони соединили в одном слове «язык» понятие о говоре народном с понятием о самом народе. – Таким образом, в той доле науки, которую мы можем назвать нашей Русской наукой, необходимо должны занять место и исследования о Русском языке» [7, с. 5].

Начав с 14 лет заниматься этнографией, историей и народной словесностью – сначала украинцев, а потом и других славян, поскольку по предложению министерства народного просвещения 3 года путешествовал по Европе, где изучал языки, быт и культуру славянских народов, а затем, получив место в Санкт-Петербургском университете и доступ к столичным библиотекам, Срезневский серьёзно погружается в изучение древнерусского и старославянского языков. Как известно, именно И.И. Срезневский первым высказал мысль о неразрывности изучения истории языка и истории народа и о важности изучения говоров, хранящих историческую память языка. Именно этим путём затем следовали все выдающиеся лингвисты. Академик А.А. Шахматов был и историком, и диалектологом. Профессор Б.А. Ларин также, среди многих своих научных интересов, сочетал, вероятно, основной – к истории русского языка – с другим, неотъемлемым от него – к русским диалектам. Уже стало аксиомой, что невозможно быть хорошим историком языка, не зная народных говоров, точно так же, как нельзя понять всех особенностей диалектов, не будучи знакомым с историческими процессами в языке. Как говорил Б.А. Ларин в 1937 году, «уже больше ста лет усилиями филологов производится у нас тщательная разработка древнейших памятников письменности – и в памятниках этих всё же очень много остаётся загадочным. Если бы в наших руках были только письменные источники, только то немногое, что сохранилось от первых веков развития нашей письменности, то можно сказать с уверенностью, что мы никогда не имели бы надежды полного понимания наших старых текстов – «Слова о полку Игореве», «Русской правды» и т.д. Но уже во второй половине прошлого века при самом зачаточном... состоянии изучения диалектологии, она помогла расшифровать много тёмных мест старой письменности» [1, с. 235]. Именно поэтому Ларин, как раньше Срезневский и Шахматов, ездит в самые разные диалектологические экспедиции, а с другой стороны, подобно предшественникам, массу времени отдаёт работе над словарями как древнерусского, так и современного русского языка. И.И. Срезневский работал над словарём древнерусского языка старшего периода (историческим) и над Опытом областного великорусского словаря (диалектным сводным), а Б.А. Ларин в новое время задумывает Древнерусский словарь конца донационального периода, а с другой стороны – диалектный словарь одного региона, но зато полного типа, включающий как ареально ограниченную, так и общерусскую лексику, зафиксированную в местных говорах. И если работа над ДРС в непростые 30-е годы была запрещена, то концепцию диалектного словаря полного типа Б.А. Ларину удалось отстоять, и ПОС начал выходить с 1967 года, с предисловием Бориса Александровича. В то же время Ларин не расставался с идеей исторического словаря, и в последние годы жизни пишет проект Словаря обиходного русского языка Московской Руси, к воплощению которого в жизнь пришли уже его ученики в Межкафедральном словарном кабинете, созданном Лариным на филофаке ЛГУ для работы над разными словарями и носящем его имя.

Итак, Псковский областной словарь с историческими данными, над которым трудятся диалектологи двух вузов, псковского и ленинградского-петербургского, создается вот уже около 60 лет. Как писал Б.А. Ларин, «народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о её исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышями и литовцами, а также и белорусами... Региональный словарь на широком историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании. Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера и послужит образцом для других словарей этого типа – русских, славянских, финских, балтийских и т.д.» [5, вып. 1, с. 3]. Ежегодные экспедиции в деревни Псковщины, начиная с 1945 года, привели к созданию обширной базы Словаря – миллионных картотек, служащих основой для разработки семантики и грамматики псковских говоров. Безусловно, ПОС – уникальный диалектный словарь, основной принцип которого – принцип полноты – Б.А. Ларин разработал, отталкиваясь от традиционных дифференциальных словарей, восходящих к Опыту, программа которого была составлена И.И. Срезневским. Кроме того,

материалы, вошедшие в Опыт и Дополнение, являлись ответами на вопросы анкеты, разосланной Академией Наук, тогда как материалы ПОСа в основной своей части – результат полевой работы собирателей. Вместе с тем между словарями наблюдается и несомненная преемственность: известно, что И.И. Срезневский призывал добровольных помощников, присылавших в Академию ответы на анкету, записывать цитаты, подтверждающие бытование данного слова в говоре и наличие у него данной семантики. При семантизации материалов, представленных в карточках ПОСа, значение лексемы всегда выводится с опорой на контекст. В последних выпусках ПОСа, как и в первых, авторы вернулись к Ларинскому замыслу максимально полной территориально-временной характеристики материала, когда при каждой цитате указывается не только район, но и деревня, и год записи. На 28 выпусков ПОСа к настоящему времени насчитывается только 12 карт, однако подробная документированность всех примеров, как включённых в статьи, так и подаваемых за плюсами по всем семантическим блокам, позволяет читателям при необходимости максимально точно воспроизвести ареалы распространения диалектных лексем и их отдельных значений. Можно утверждать, что каждый диалектный словарь, а в особенности диалектный словарь полного типа, развивает идею Срезневского о крайней важности изучения народных говоров, совмещающих в себе синхронию и диахронию национального языка. Следует добавить, что в ПОСе эта мысль не только содержится подспудно, как во всех синхронных диалектных словарях, но и получает явное воплощение, поскольку ПОС – единственный диалектный словарь, в который включаются исторические материалы, столь богато представленные на Псковщине. Древний Псков, как и Древний Новгород – культурные центры Руси на протяжении ряда столетий. Благодаря работе исследователей и публикаторов, в ПОС в настоящий момент включаются материалы из 118 разножанровых источников XIII – XVIII веков. При этом материалы из почти столь же многочисленных публикаций XIX – XX столетий входят в современную часть Словаря.

В ещё большей степени заветам выдающегося филолога XIX века следуют словари исторические, которых, как ни трудна над ними работа, становится всё больше и которые выстраиваются вслед за Материалами для древнерусского словаря И.И. Срезневского. Как писал Б.А. Ларин в Проекте ДРС, «и научная история русского языка, и история европейских, а ещё более история восточных языков в средние века – получают новую базу и важный стимул для работы с выходом ДРС. Связи и взаимоотношения между языками Запада и Востока, Юга и Севера, Европы и Азии получают новое освещение, так как Московская Русь была посредником и трансформатором мировых культурных течений. Эти взаимоотношения не могут быть широко изучены, пока нет такого необходимого справочника и сборника критически обработанных материалов, как исторический словарь средневекового русского языка, освещающий историю вещей, историю понятий вместе с историей слов-знаков» [2, с. 596]. Словарь обиходного русского языка Московской Руси (СОРЯ) – один из последних проектов Б.А. Ларина, его научное завещание ученикам. Возвращаясь спустя десятилетия к идее исторического словаря, Ларин писал: «Мне дороже всех других замыслов именно этот замысел – создать словарь русского средневековья, чтобы он послужил основным фондом и русской исторической лексикологии, и всяких исследований по истории русской культуры, воззрений и обычаев, нравов и верований, и общего исторического словаря русского языка, и для разработки ряда теоретических проблем: изменения значений, исторической синонимии, отмирания слов и обогащения словарного фонда разными путями, наконец взаимодействия и судеб разговорного и литературного языков от средневековья до наших дней. Нет более увлекательной задачи, чем создание такого богатого источника для множества исследований, наблюдений и размышлений, а вместе и богатого собрания фразеологии, этих сгустков и самородков народной мысли, опыта мудрейших, самоцветов слова безвестных и тем не менее чудо-умельцев, гениев русского языка!» [3, с. 657].

На протяжении десятилетий в Межкафедральном словарном кабинете формировалась картотека СОРЯ под руководством учеников Бориса Александровича – Святослава Семёновича Волкова, а затем Ольги Сергеевны Мжельской, которые не только сами писали

статьи и монографии о языке Московской Руси, но и руководили научными работами студентов, аспирантов и докторантов на материале средневековой русской лексики. Так из частных картотек пополнялась картотека СОЛЯ, пока в 90-е годы не было принято решение наконец приступить к работе непосредственно над Словарём. Был написан проект, который всесторонне обсуждался на очередной Международной филологической конференции, ежегодно проводимой в ЛГУ – СПбГУ. На круглом столе, посвящённом СОЛЯ, было высказано много замечаний и предложений, но самое главное, что коллеги – историки языка, лексикологи, лексикографы – полностью одобрили идею создания Словаря. На сегодняшний день опубликовано 9 выпусков (до буквы К включительно), готов к публикации 10-ый, продолжается работа и дальше. И если Материалы Срезневского – первый исторический словарь русского языка, подобно тому, как Опыт был первым диалектным словарём, то к началу работы над СОЛЯ в отечественной исторической лексикографии уже сложился круг достойных изданий, центральное место из которых, конечно, занимает Словарь русского языка XI – XVII веков, воплощающий идею Ларина о масштабном словаре всего древнерусского языка донационального периода. Продолжает издаваться Словарь древнерусского языка XI – XIV веков, на новом витке развития исторической лексикографии разрабатывающий пласт самых древних русских текстов, изучавшийся И.И. Срезневским. Выходит уникальный Словарь русского языка XVIII века, воплотивший идею Л.В. Щербы о подлинно историческом словаре. Издан целый ряд региональных исторических словарей. Существуют замечательные словари отдельных древнерусских текстов – Слова о полку Игореве, Моления Даниила Заточника, Повести временных лет. На этом фоне, в этом окружении разрабатывать новый исторический словарь, несомненно, гораздо легче, чем это было во времена И. . Срезневского и даже во времена Б.А. Ларина. Вместе с тем новые возможности, предоставляемые лексикографам современным уровнем развития компьютерной обработки текстов, создают и новые сложности. В последнее время работа над СОЛЯ ведется уже исключительно по электронным версиям источников, а не по бумажной картотеке, что дает возможность авторам иметь перед глазами все случаи использования тех или иных лексем в текстах-источниках Словаря. Прекрасно, если мы имеем дело с не очень частотным словом (*казывать, калика, кибитка*) – программа поиска позволяет найти все цитаты, в которых оно встречается. Но если разрабатывается статья на лексему, активно употреблявшуюся в старорусском языке, да еще при этом и многозначную (*казак, канун, корм*) – в таких случаях перед автором оказываются многие сотни примеров, которые необходимо тщательно изучить, чтобы понять, каким значением обладает лексема в каждом из контекстов, чтобы ничего не пропустить и показать в дальнейшем в корпусе словарной статьи.

Несмотря на то, что СОЛЯ – дифференциальный словарь (он пишется на базе текстов, не относящихся к церковно-книжной разновидности), по методу разработки материала он, как и ПОС, несомненно, словарь полного типа, воплощающий идею Б. . Ларина о максимально полном отражении в словарной статье не только всех значений лексемы, но и всех оттенков значений, всех особенностей употребления слова – грамматических, семантических, стилистических. Полнота показа материала, находящегося в распоряжении исследователя, – это, безусловно, принцип, которым руководствовался И.И. Срезневский при работе над своим Словарём, поскольку он «стремился охватить весь словарный состав памятников древнерусской письменности, а не только отдельные «любопытные» (с точки зрения исследователя) слова» [4, с. 343]. Помимо этого, и в СОЛЯ, и в ПОСе в необходимых случаях (когда реалии, стоящие за словами, неизвестны или не вполне понятны современному читателю – носителю литературного языка), точно так же, как это делал в своём Словаре И.И. Срезневский, приводятся развёрнутые толкования. Но если у Срезневского это не очень частый приём, то в ПОСе и СОЛЯ авторы регулярно им пользуются. (Например, в ПОС-27: *побойня* – «толстая палка с расширением на конце, деревянная колотушка, которой бьют по топору при колке дров» [5, вып. 27, с. 144], в ПОС-28: *подубрусник* – «часть старинного женского головного убора (повязка, кичка и т.п.), надевавшаяся под убрूस (расшитый платок)» [5, вып. 28, с. 328], в СОЛЯ и ещё более подробно: *иордань* и *иордан* – (от греч. 'Иордан,

название реки в Палестине, в которой, согласно Евангелию, крестился Иисус Христос') 1. «Прорубь с помостом и временной часовней для совершения обряда освящения воды и обрядового окунания в праздник Богоявления (Крещения), который отмечается 6 / 19 января». ... 2. «Место, которое специально устраивалось для освящения воды и купания верующих на праздник Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (Медовый Спас), отмечаемый 1 / 14 августа» [6, вып. 9, с. 105]. Или, например, *кадомцы* – «жители города Кадома, расположенного на берегах реки Мокши (на территории современной Рязанской области) [6, вып. 9, с. 307].

Таким образом, ПОС и СОЯ, работа над которыми ведётся в настоящее время в Межакадемиальном словарном кабинете, задуманные Б.А. Лариным уже в XX веке, по многим своим параметрам – как по материалу, так и по способу его описания – развивают идеи академика И.И. Срезневского, изложенные им в XIX столетии.

Литература

1. Ларин Б.А. Об атласе русского языка и современной диалектологии // Б.А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 231 – 240.
2. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря // Б.А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 595 – 605.
3. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б.А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 656 – 660.
4. Лексикография русского языка. Под ред. проф. Д.М. Поцепни. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 704 с.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. – Вып. 28. СПб., 2020. (Издание продолжается.)
6. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. Вып. 1. СПб.: Наука, 2004. – Вып. 9. СПб.: Наука, 2020. (Издание продолжается.)
7. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. (Читано на Акте Императорского С. Петербургского Университета, 8-го февраля 1849 года). СПб.: в типографии военно-учебных заведений, 1850. 210 с.

УДК 811.16-112:81::008

А.Р. Грановская
Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия

«МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В РУСЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЕГО ВРЕМЕНИ

A.R. Granovskaya
Moscow State Regional University
Moscow, Russia

«MISLY OB ISTORII RUSSKOGO YAZYKA» OF I.I. SREZNEVSKY'S IN LINE WITH LINGUOCULTURAL IDEAS OF HIS TIME

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию «Мыслей об истории русского языка» И.И. Срезневского с целью выявить в них лингвокультурологические истоки. На основании анализа фундаментальных трудов О.М. Бодянского, М.А. Максимовича, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля обозначена лингвокультурологическая традиция XIX века.

Ключевые слова: лингвокультурология, И.И. Срезневский, народ, язык, культура.

Abstract. This article is devoted to the study of I.I. Sreznevsky's "Thoughts on the History of the Russian language" in order to identify their linguistic and cultural origins. Based on the analysis of the fundamental works of O.M. Bodyansky, M.A. Maksimovicha, A.A. Potebnya, F.I. Buslaev, V.I. Dal, the linguistic and cultural tradition of the XIX century is designated.

Keywords: linguoculturology, I.I. Sreznevsky, nation, language, culture.

«Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского – фундаментальный труд академика, раскрывающий истоки лингвокультурологии как науки. С самого начала И.И. Срезневский высказывает важную мысль: «Народ выражает себя полнее и вернее в языке своём. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может» [8, с. 16]. То есть академик уже в XIX веке устанавливает объект современной науки лингвокультурологии – взаимосвязь языка и культуры. Любой язык не может изучаться изолированно, так же, как и культура и история народа не может изучаться без лингвистического аспекта. Эта связь, по Срезневскому, неразрывна.

Автор также замечает, что любые изменения в жизни народа и народном сознании сразу отражаются в языке. Поэтому, чтобы понять законы языка, нужно первоначально понять природу культурных изменений, определить ряд причин, по которым это произошло. Ответы на эти вопросы и составляют изучение языка в диахроническом аспекте. Но, как нам известно, исторический аспект изучения языка включает в себя и культурологическую составляющую.

Также И.И. Срезневский устанавливает связь истории языка и этнографии, а последняя, по мнению современного исследователя В.А. Масловой, является разделом лингвокультурологии. «Различные языки одной отрасли народов суть видоизменения одного и то же способа выражать чувства и понятия» [8, с. 17]. Автор говорит в этой фразе о том, что через язык выражаются чувства и понятия народа, а у каждого народа есть племенные отличия, которые также отражаются в языке.

Интересна мысль академика, что каждое слово выражает народную культуру произвольно, бессознательно, подобно мысли народа, такой же безотчётной и интуитивной. В каждом слове, по мнению Срезневского, содержится и название, и действие, и качества предмета называемого.

В труде также поднимается вопрос благозвучности языка. Автор утверждает, что мелодичность языка – следствие вкуса народа, т.е. снова отмечает неразрывную связь языка и культуры и их взаимное влияние. Срезневский считает, что «превращение строя языка превратит и логику народа, и понятие его о красоте выражений, внутренней и внешней» [8, с. 20]. Здесь добавляется мысль о том, что язык может главенствовать над культурой.

Говоря о развитии языка, автор сравнивает этапы его преобразования с биологическим процессом взросления, подчёркивая «такое состояние не независимо от состояния народа, который говорит им», что в очередной раз указывает нам на лингвокультурологические истоки в этом труде. Посмотрев на какой-либо отрывок текста, исследователь может сказать, к какому веку этот текст относится, какая политическая обстановка была в то время, только если будет знать историческую подоплёку. Без знания историко-культурологического контекста понять языковые явления, по Срезневскому, невозможно.

Важно отметить лингвокультурологические вопросы, которые поднимает автор в «Мыслях»:

- 1) что был язык народа в то время, когда народ отделился от своего племени?
- 2) как постепенно изменялся язык в народе, применяясь к его особенному положению, к его личной народности, к успехам его образованности, внешней и внутренней, как сохранял и распространял её? [8, с. 22]

В тексте также устанавливается важность истории русского языка, так как «она пособие для объяснения судеб быта народа» [8, с. 22]. Таким образом, Срезневский говорит, что язык стоит как бы над культурой, определяет его главенствующую, ведущую роль.

В «Мыслях об истории русского языка» автор уделяет особое внимание вопросу наречий русского языка, выделяет их различия и характерные особенности. Важно заметить, что наличие говоров «не нарушает своим несходством единства русского языка и народа» [8, 39]. Он также замечает, что некоторые группы слов свойственны людям одного ремесла, и приводит в пример афинское наречие.

В VII главе «Мыслей об истории русского языка» И. И. Срезневский обращается к вопросу национальной литературы и утверждает, что рассматривать историю литературы можно только вместе с историей языка. Старее язык – старее и книга, она начинает носить на себе отпечаток времени. Через литературу, по мнению автора, можно рассмотреть два явления языка: гармонию и слог. То есть язык является неким проводником в мир культуры нации.

Но И.И. Срезневский был не единственным, кто высказывал мысли о связи языка и культуры в XIX веке. Так, О.М. Бодянский в труде «О судьбе народов...» говорит, что нацию определяет, в первую очередь, её язык, обычаи, нравы. М.Ю. Досталь расценивает рассуждения Бодянского о языке как рассуждения о «проявлении духа, как свидетельстве степени образованности народа» [4, с. 63]. Протицируем самого учёного: «Язык – сам народ, олицетворяющийся в слове. Каков язык, таков и народ. Богат язык – богат и народ жизнью духовной» [4, с. 68]. Как видим, О.М. Бодянский выражает схожие с И.И. Срезневским мысли о единении языка и культуры, о взаимодополняемости друг друга.

Обратимся и к личности ещё одного коллеги-товарища И.И. Срезневского – М.А. Максимовичу. Этот учёный так же, как и О.М. Бодянский, был уроженцем Малороссии и отражал в своих трудах идеи славянства. Его заслуга как зачинателя лингвокультурологии состоит и в этнографических сборниках «Малоросские народные песни», и в трудах о языке «Критико-историческое исследование о русском языке», «Начатки русской филологии», «О значении и происхождении слова». Обратимся к последнему из перечисленных. В этой работе Максимович рассуждает о происхождении слова и приводит в пример выражения души человеческой через звуки – музыка, через деятельность – искусство, образы. Далее автор приходит к выводу, что «слово есть третий, полнейший и, можно сказать, собственнейший и ближайший душе способ её выражения» [5, с. 3]. Хотя этот труд пропитан философскими воззрениями на вопрос происхождения языка, неоспоримым является тот факт, что Максимович считал язык выражением человеческого сознания, деятельности, мировоззрения.

Ф.И. Буслаев также является значимой фигурой в вопросе формирования лингвокультурологических идей XIX века. В сочинении «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» изучает вопрос значимости пословиц. «Пословицы будем мы рассматривать, как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [1, с. 80], то есть автор говорит, что через слово выражается культура народа и его сознание. Буслаев выделяет два главных периода в истории пословиц (мифический и христианский) и раскрывает мысль о том, что история, политическое положение влияет на сознание народа, а это сознание отражается в пословицах, то есть через язык. Учёный приводит в пример пословицу «Солнце днём работает, а ночью отдых берёт» [1, с. 79], подчёркивая, что у его современников уже не возникнет мысли о том, что солнце в данном случае выступает в качестве божественного существа. То есть язык сохраняет факты народного сознания, но в некоторых случаях это возможно узнать, лишь обратившись к историческому комментарию. Также автор обращается к вопросам русского быта и замечает, что одно и то же орудие может называться у разных народов по-разному. Он приводит в пример лексемы «дубина» и «ожог». Первое слово мотивировано материалом, из которого оно сделано (то есть дубом), а второе – способом изготовления (дерево обжигают). В этом же труде Буслаев исследует эпические формулы языка и выдвигает важную лингвокультурологическую мысль: «Такое обозрение выставит народную поэзию в её настоящем свете как постоянное, ни от каких случайностей не зависящее выражение мышлений, впечатлений и чувствований народа» [1, с. 210].

В работе «Опыт влияния христианства на славянский язык» профессор выдвигает схожие мысли. Как и в развитии пословиц, в истории языка автор выделяет мифический и христианский периоды, то есть опять говорит о влиянии мировоззрения на слово. «Первобытная жизнь, в языке выражаемая, столь далека от порчи нравов, возникающей вместе с развитием общества» [2, с. 75]. Автор проводит сравнительно-исторический анализ разных лексем славянских языков и замечает различия в форме и семантике. Он связывает это с различиями во взглядах на обрядовую часть жизни. В конце главы о мифологическом периоде Буслаев подводит итог, который мы можем назвать поистине лингвокультурологическим: «...пока он [народ] не утратил своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков», «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался» [2, с. 98].

Также А.А. Потебня в труде «Мысль и язык» рассуждает о происхождении языка, в этих словах найдём важное замечание: «...разнообразие строя языков представляется зависимым от особенностей народного духа и должно объясняться ими, так что язык будет хотя и народным, но все же человеческим произведением» [7, с. 20], т.е. устанавливается созависимость языка и национального характера и причина различия строя языков. В главе «Язык чувства и язык мысли» можем также наблюдать лингвокультурологические истоки: учёный размышляет о границах сходства и различия разных языков, связанных с картиной мира людей. Например, он размышляет, почему в русском языке есть слово *радуга* (корень *дуг*, *доить*, то есть пить и напоить, тот же, что в слове *дождь*), но в родственном малорусском слово *веселка*, то есть светящаяся (корень *вес*, *светить*, откуда *весна* и *веселый*), хотя называют они одно и то же явление. «Вначале слово и поэзия сосредоточивают в себе всю эстетическую жизнь народа, заключают в себе зародыши остальных искусств в том смысле, что совокупность содержания, доступного только этим последним, первоначально составляет невыраженное и неосознанное дополнение к слову» [7, с. 177]. Интересно, что уже в XIX веке учёный задумывается об эпических формулах в языке, то есть о том, что в сознании людей определённые существительные сочетаются с определёнными прилагательными, например, *крутой берег*, *червона калина*, *дрібен дощ*, *горькие слёзы*.

Ещё одним важным трудом А.А. Потебни является очерк «К истории звуков русского языка». Первая глава открывается подзаголовком «К истории быта», что уже подразумевает опору на культурно-историческую составляющую. Автор обращается к этимологии слова *село* и сопоставляет их с семантически родственными *селище*, *деревня*. Также учёный сравнивает значение этой лексемы в разные века, приводит примеры из памятников письменности. И хоть Потебня не делает прямой вывод, что изменения в значениях связаны с культурно-историческими обстоятельствами, читателю это становится понятно из логики рассуждений автора. Например, лексема *постоль*, по мнению Потебни, имеет значение «подошва, привязываемая к ноге» [6, с. 82], а лексема *подошва* – то, что подшивается снизу к верхней части обуви и состоит из двух частей. Сравнив эти два слова, автор делает вывод, что первое слово древнее и связано это с развитием материальной культуры, т.е. именно с приходом в жизнь новых технологий прослеживается изменение состава слова.

В этом же труде в одной из глав А.А. Потебня анализирует фразеологические обороты и замечает, что в отдельных местностях к привычным фразам добавляются свои особые. Например, к устойчивому выражению *собаку съел* в Малороссии прибавляют *и сучкой зарукусил*. Для более точного анализа автор приводит в пример диалоги местных жителей, народные песни. Такой ход рассуждений, скорее всего, положил начало фразеологической школе лингвокультурологии, которая изучает проблему различных устойчивых выражений с одной семантикой у разных народов.

Нельзя не упомянуть в нашей работе такого выдающегося учёного, как В.И. Даль. Его Толковый словарь живого великорусского языка является поистине лингвокультурологическим. В нём он не просто дал толкования многим русским словам, но и зафиксировал тысячи диалектных лексем, которые послужили в дальнейшем фактом истории

разных народов. Словарь содержит ещё и пословицы, поговорки, присловия, которые ярко отражают культуру и быт народа, его религиозные воззрения. Обратимся к словарной статье:

СБРЕХИВАТЬ о псе, вс(по)лаивать, лаять по временам; | о человеке полыгать, врать иногда. Сбрехать, сбрехнуть что, южн. зап. солгать, соврать. Сбрёхиванье, - ханье, сбрёх или сбрёшка, действ. по глаг. | Сбрех, ложь, враньё; | лгун, врун. Сбрёховатый вост. человек, который говорит и приказывает опрометчиво, бестолково, зря, необдуманно, горячий и безрассудный на речи. Он начальник добрый, да сбрёховат, без толку кричит. Сделать, сказать что сбрёху, с ветру, на ветер, зря [3, т.3, с. 45].

В современном отношении эта словарная статья является не совсем информативной с точки зрения толкования, но в ней мы можем наблюдать несколько примеров употребления этого слова, причём с пометами «южн.», «вост.», указывающих на территориальное распространение лексемы. Всё это передаёт культуру народу через его язык, поэтому словарь Даля является неисчерпаемым лингвистическим источником и по сей день.

Ещё одним важным трудом В.И. Даля являются «Пословицы русского народа». Этот сборник включает в себя изречения, которые автор где-либо слышал. Как подчёркивал Ф.И. Буслаев, пословицы являются отражением мироощущения всего народа, поэтому и являются основательным лингвокультурологическим источником. В.И. Даль разделяет пословицы по тематическим блокам, например, «Бог-вера», «муж-жена», «народ-мир», что позволяет более детально изучать какой-либо раздел культуры.

Лингвокультурологический интерес И.И. Срезневского проявлялся не только в его фундаментальных языковых трудах, но и в простых письмах матери, которые впоследствии получили название «Путевые письма из славянских земель». Этот эпистолярный является кладом культурной специфики славянских народов. Академику была интересна жизнь людей из других стран, поэтому в его письмах встречаются описания жилища, городов, названия одежды, вставки на инославянских языках. Последнее, как правило, это тексты песен, стихи, увиденные объявления, надписи. Некоторые такие слова вкрапляются и в русский текст. Срезневский пишет: «То (обыкновенно вечером) перед домом какой-нибудь слечинки (барышни), накануне дня ее рождения, певцы поют ей серенаду, желая ей долголетия, здравия и всего; <...> а в промежутках слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играет какая-нибудь слепая, то кларнет, то скрипку, то фортепьяно, то то, то другое. Выходите из дому, когда хотите и куда хотите, – и вы музыки не минуете... Люблю Прагу за её музыкальность» [9, с. 98]. Таким образом автор подтверждает свою мысль, что народ следует изучать через его язык и что именно в нём отражается его специфика, самобытность. Измаил Срезневский также отмечает различие в славянских предметах одежды и соответственно в их названиях. Так, академик детально описывает одежду чешских женщин, прилагает зарисовки. Он рассказывает матери о материалах нарядов: ситцевая юбка, шелковый блаточек, кашемировый платок. Срезневский находит сходство и с русскими одеяниями, говоря, что платок у чешки завязан «по Курски так». О мужских нарядах автор тоже пишет: «Штевницкие словаки в костюмах вам известных, и Словаки из гор в белых шляпах и плащах, и Мораваны в синих шинелях, и Ганаки в синих куртках и малиновых панталонах, и Чехи во фраках и кожаных штанах» [9, с. 94]. Посетив католическую церковь в Сербии, Срезневский пишет матери о том, что мужские наряды не отличаются национальным колоритом и даже похожи на русских мещан, а женские имеют отличительные особенности: на голове замужние носят «широкую белую плахту», а незамужние – «что-то вроде очипка с лентами» [9, с. 140]. Автор приводит в пример объекты этнографии, тем самым опять подчёркивает неразрывную связь языка и культуры.

Таким образом, проанализировав труды И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, М.А. Максимовича, Ф.И. Буслаева, А.А. Потёбни, В.И. Даля, мы заметили некую традицию в отношении лингвокультурологических идей того времени. Все они высказываются о неразрывной связи языка и культуры, считают слово отражением национальной культуры славян, утверждают, что именно через язык можно узнать культурные особенности народов. То есть уже в XIX веке, когда лингвокультурологии как самостоятельной науки ещё не

существовало, И.И. Срезневский и его современники уже выражали мысли о связи языка и культуры.

Литература

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1861.
2. Буслаев Ф.И. Опыт влияния христианства на славянский язык. М., 2011.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М., 1914.
4. Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. М., 2005.
5. Максимович М.А. Критико-историческое исследование о русском языке. СПб., 1838.
6. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Варшава, 1883.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1989.
8. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
9. Срезневский И.И. Путевые письма из славянских земель. СПб., 1895.

УДК 181.161.1'04

Е.И. Державина

канд. филол. наук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

Москва, РФ

СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМ Ф В 33 ВЫПУСКЕ СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII ВВ.

E.I. Derzhavina

PhD in Philology

Institute of the Russian Language V.V. Vinogradov RAS

Moscow Russia

WORD WITH INITIAL F IN 33 rd VOLUME OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XI–XVII CENTURIES

Аннотация. В статье изложены некоторые наблюдения над лексикой, начинающейся на букву Ф. Материал имеет особенности со стороны фонетической и лексической. В кириллической азбуке звук реализовался в двух буквах: Ф и Ө. Изначальное отсутствие звука [ф] в фонетической системе русского языка и постепенное его освоение привело к его заменам, которые охватили и заимствованную лексику. Лексическая особенность слов с начальным Ф является то, что она практически вся относится к заимствованной.

Ключевые слова: История русского языка, слова с начальным Ф, Словарь русского языка XI–XVII вв.

Abstract. The article presents some observations on vocabulary beginning with the letter F. The material has features from the side of phonetic and lexical. In the Cyrillic alphabet, the sound was realized in two letters: Ф and Ө. Initial absence of sound [f] in the phonetic system of the Russian language and its gradual development led to its replacements, which also covered borrowed vocabulary. The lexical feature of words with the initial Ф is that almost all of it refers to the borrowed one.

Key words: History of the Russian language, words with the initial Ф, Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries.

Авторский коллектив Словаря русского языка XI–XVII вв. подошел к составлению выпуска, в который будут входить слова, начинающиеся на букву Ф. Материал интересный и обладающий своими особенностями как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения лексики.

1. Фонетические особенности

Согласный *ф* относится к наиболее редко используемым буквам русского алфавита, возможно, в первую очередь это объясняется тем, что изначально в русском не было звука [ф]. Об этом писали многие ученые. Например, вот что писал об этом явлении А.И. Соболевский: «Звук ф не существовало въ обще-славянскомъ языкѣ; его не было и въ языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ до тѣхъ поръ, пока не началось ихъ литературное употребленіе» [14, с. 112]. Со временем он вошел в фонетическую систему и стал произноситься, также как и писаться, в различных частях слова. В данной статье рассматривается лишь положение *ф* в начале слова.

Словари современного русского языка содержат небольшое число слов, начинающихся с буквы *Ф*, немного их было и в исторической перспективе. Главной же особенностью слов с начальным *ф* является то, что они практически все относятся к заимствованной лексике за исключением некоторых подчас звукоподражательных лексем.

Несмотря на отсутствие в фонетической системе русского языка, звук [ф] нашел свое буквенное выражение в обоих алфавитах (кириллице и глаголице). Графически этот звук реализовался в двух буквах: *ф* – «ферт» и *ѳ* – «фита» (в глаголице также как и в кириллице было две подобных буквы). Буквы «ферт» и «фита» кириллицы восходят к греческому алфавиту (см. [16, с. 106 и др.]). Обе буквы просуществовали в гражданском русском алфавите вплоть до 1918 г., когда в соответствии с реформой была упразднена «фита» (ѳ). В церковнославянском языке, в литературе, относящейся к сфере религии и в богослужебных текстах обе буквы сохранились и используются и сейчас. Их относят к буквам, имеющим разное начертание, но реализующимся в одном звуке [12, с. 22]. В конечном счете, по сути, «фита», не неся никакой особой информации, остается в богослужебных текстах как дань традиции, а также для красоты.

Написание слова с начальной **Ф** или **Ѳ** зависит от того, как пишется слово в греческом языке. Относительно греческого языка употребление той или иной буквы зависело, по мнению В.И. Борковского и П.С. Кузнецова, от различия в нем двух звуков: «первая <ф> обозначала в древнегреческом языке ρh (р придыхательное), изменившееся в позднейшем греческом в f, вторая <ѳ> – в древнегреческом th (t придыхательное), изменившееся в дальнейшем в глухое межзубное фрикативное θ» [2, с. 51]. Однако и в текстах, написанных на греческом языке, наблюдается смешение написаний слов с *φ* и *θ*. Это фонетическое явление отмечает М.И. Чернышева (со ссылкой на G.N. Hatzidakis) в работе, посвященной Хронике Иоанна Малалы, причем в позиции начала слова, что для нас актуально, но и не только, см. [17, с. 446]. Таким образом, резонно предположить, что незнание греческого языка могло вносить некоторую путаницу в написание заимствованных слов.

Однако и в греческом языке было не так все однозначно. В исследовании [17] отмечается, что *θ* могла терять элемент придыхания и тогда передавалась в славянском переводе как *т*: *плинтянь* / *плинфянь*, *ксантика* / *ксанфика* [Там же]. Как видим, мена *ф/т* отмечена в положении середины слова. В нашем материале также нашлись примеры подобного явления, это слова *термие* / *фермие* (греч. θέρμιον) ‘род бобов’: Бдяше дньмь ѳѳтермия. Патерик Син., 225. XI в. (Сокращения источников см. Указатель источников Словаря русского языка XI–XVII вв.); Рече преподобный [Андрей Юродивый] имѣши, отметниче сердцемъ осмь цагъ принеслъ еси изъ дому, да единою купишь еси зелие, а другою фермия, а другую испиль еси, а пять суть въ твоємъ чпязѣ, да нудать тя испити, дабы я испиль (ѳѳрца). ВМЧ, Окт. 1–3, 94. XVI в. Также в качестве примера можно привести слова: *темьянь* (*тимьянь*) / *фимьянь* (*фимьянь*) (греч. θυρία) с их производными: Радуеться днѣсь въспитавыи ты блгоуханьмь тьмьянь (тѳ ѳυρία). Мин.Дубр.², 150. XI в.; Авва же Иулианъ стльпьявни, иже бѣ въ кольцѣ въ сущее врѣмя, гла ученикомъ своимъ: вложите фемьяна. Патерик. Син., 113. XI в. Подобное

написание *квартирмейстерь*: Квартирмистрь Григорей. Рим.имп.д. II, 327. 1595 г.; В полк же надобно сумы коженные, в чом порох возить к бою квартирмейстером. Разин.вост. II, 18. 1670 г. Отмечены в историческом словаре и замены обратного порядка: х/ф – *фронографъ* ((1114): И паки бываеъ другая туча, и спадають оленци мали в нѣи и възрастають, и расходятя по земли... аще ли кто сему вѣры не иметь, да почнетъ [в сп. XVI в.: почтет] фронографа [в сп. XVI в.: хронографа]. Ипат.лет., 278. Ок. 1425 г.), а также ф/хв – *хваска (фаска)*. Сюда же относится и слово *финифть*, имеющее в некоторых источниках вид *хинипть*: (1180): И созда цркъвь камену стго Иоана, и украсивъ ю всякимъ строенъемъ цркъвнымъ, и иконы златомъ и хиниптомъ [в сп. XVI в.: финифтом] украшены, память здѣвая роду своему. Ипат.лет., 617. Ок. 1425 г.; Да въ тотъ же предѣль образъ мѣсной Входъ Иерусалимъ, да образъ Лазерево воскресение, оклады и вѣнцы серебряны сканные золочены съ винифты. Кн.прих.-расх.Каз.пр., 268. 1613–1614 гг. Отметим, что эта лексема и в XVII в. была муж.р.: Кубокъ серебрянъ двойной золоченъ на оба конца, травки гнутыя, навожень финифтомъ краснымъ да зеленымъ. Д.Моск.пр. о мятежах, 31. 1648 г.

Фиксируется в письменных источниках и мена ф/п – *фаска* = *пасха*, хотя, как видно из второго фрагмента, имеется конфессиональное разделение: *фаска* – иудейский праздник, а *пасха* – христианский (И распятыя Господь въ пятокъ въ 6 часъ дне марта 30, тогда бѣше еврейскаа *фаска*. Рог.лет., 8. XV в. Сътвори же Иосиа въ Иерѣлимѣ *фасе* [на поле: *фаску*] Гу. (2 Пар. XXXV, 1). Библ.Генн. 1499 г. Евреомъ *фаска* марта 27, а христианомъ *пасха* апрѣля 3. (Гр. архиеп. Геннадия) РИБ VI, 818. XVI в. ~ 1492 г.).

«Замена фонемы <ф> в заимствованных словах на другие фонемы или сочетания фонем относится к кругу тех фонетических явлений, которые достаточно легко находят отражение в орфографии в случае, если данное явление распространено в диалекте, носитель которого является составителем текста, относящегося к тому или иному жанру деловой письменности. В частности, буквенные замены Ф на х, хв, хф и п широко представлены в памятниках южнорусского происхождения, причем встречаются они в самых разнообразных лексемах, преимущественно в именах собственных» [3, с. 219].

Указанная в работе Е.А. Галинской мена ф/п, б отражена и в материале СлРЯ XI–XVII вв. Это слова *бажант / фазан* (о слове *бажант*, зафиксированном в СлРЯ XI–XVII вв. см. [1, 2, с. 69–70]. Слово *фазан* в словарь не попало, т.к. оно, видимо, относится к более позднему периоду) и, возможно, *бирюза / ферюза*. Что же касается второй пары слов, то они оба фиксируются источниками XVII в.: Камень бирюза, цвѣтъ на немъ голубь. Торг.кн. (С.), 121. XVI–XVII в.; Берюза или ферюза есть камень синостень, смѣшанъ съ нѣкотоуроу бѣлостоию, а чтобы синость одолѣла блѣдность. Леч. III, № 217, 154. XVII ~ 1672 г. Ранних примеров употребления слов нет ни в СлРЯ, ни в КДРС. Более раннее начальное п- А.Е. Аникин считает появившимся, «видимо, уже на рус. почве вследствие ассим. п...з > б...з» [1, 3, с. 198].

2. Лексические особенности

Лексический состав отрезка словаря на букву Ф интересен тем, что это слова в основном заимствованные (за исключением некоторых слов, о которых говорилось в первом разделе). Для описания мы выберем лишь некоторые из лексем. Эти заимствования относятся к разным периодам в истории русского языка, начиная с самого раннего.

К таким ранним заимствованиям на Ф относятся в первую очередь церковные имена (Федор, Феофан, Фома, Фекла и др.), многие из которых сохраняются в русском именослове и до настоящего времени; названия местностей (Фиваида и др.).

Ожидаемо, что более ранние заимствования на Ф – это грецизмы, и многие из них относятся к лексике религиозной, пришедшей с христианством, с богословской и богослужебной литературой, а также с церковной жизнью. Примерами могут служить слова:

– *фараонъ* (есть также написания: *фарао*, *фараосъ* – Море тебѣ раступиться, фарао погрузиться. Гр.Наз., 262. XI в.; Убѣжахомъ Егупта и фараоса горкааго влкъ (*фарао*)). Гр.Наз., 283. XI в.), от которого образованы производные – *фараоновъ*, *фараонъ*, *фараосовъ*, *фараошь*.

В XVIII в. у слов *фараонь* и *фарао* появилось значение ‘название карточной игры’, что фиксирует картотека Словаря русского языка XVIII в.;

– *фарисей* и некоторые производные, которые также зафиксированы в памятниках письменности XI–XII вв. (И рѣша же ему [Иисусу] фарисеи: ты о себѣ самъ свѣдѣтельствующи, свѣдѣтельство твое нѣсть истинно (οι φαρισαῖοι). (Ин. VIII, 13) Остр.ев., 27. 1057 г.);

– *фелонь* (Авва Феодоръ философъ ничьсо же имяше, тѣчию единъ стихарь и фелонь, и мало книгъ. Патерик Син., 270. XI в.). Производные *фелонецъ* и *фелоний* фиксируются только в источниках более поздних (Фелоний являеть порфиру (загряницу), в ню же облекоша нечестивии инса в страсть поругающе его, знаменууеть и одежду крѣщения. Скрижалъ, 134. 1656 г. (1389); И облекоша царя въ священный фелонецъ малъ, до поаса багрянъ, еже есть ризицы малы багряны, точию до пояса, и иде царь на выходъ, свѣщу въ руцѣ дръжа. Никон. лет. XI, 103. XVI в.);

– *философъ* (Послушаи ты житья... сѣаго Иоан<a> Злагоустааго и сѣаго Кирила философа и инѣхъ многъ стѣихъ. Изб.Св.1076 г.¹, 163.) и некоторые другие.

Слова, не относящиеся к церковной сфере, также входят в словник 33 выпуска, хотя, надо признать, что появляются они в житиях, минеях и т.п. источниках:

– *фасуль* (Во едино же говѣние говѣвшю ему [св. Епифанию] первую неделю прѣжде литургия нача варити самъ собѣ сочиво, нарѣчаемо фасули, не дая никомуже отрокъ своихъ прикоснутися къ огнищу дну въ своеи ложници. Ж.Андр.Юрод.¹, 225. XVI в. ~XII в.). Это написание слова сохраняется и в письменных источниках нач. XVIII в.;

– *финикъ* (Всяивъ яко финикъ, процвьль еси въ прѣкв<e>, всеблѣжне бѣмудре, плодовъ сластями, веселя (ся) вѣрныхъ испълнения. Мин.окт., 152. 1096 г.);

– *фока* ‘тюлень’ (Суть ины рыбы нарѣчаемыя фоки, и есть нравъ и обычаи ихъ, егда чада ихъ что прежаствьятся, то паки в мѣрню утробу вомкнутъся. Палея Толк.¹, 43. 1406 г. ~ XIII в.);

– *фридакъ* ‘салат латук’ (Кьи Галинь [Γαληνός – Гален], ястрябнии недугъ сокомъ очищаетъ горьколистнаго фридака, мракъ ими изъ очию изгонит (πικροφύλλον θρισάκων). Шестоднев Г. Пизиды, 29. XV в. ~ 1385 г.).

Греческий язык являлся также посредником, через который в русский попал латинизм *февраль* (februarius). В следующие периоды подобных слов становится больше.

Со временем появляются новые реалии, что влечет за собой появление новых слов, меняется культурно-исторический фон, что определяет иной вектор заимствования лексики. Подавляющее большинство таких слов относятся к нескольким тематическим разрядам: названия воинских званий и гражданских чинов, названия тканей, названия лекарств и названия оружия.

Здесь также есть заимствованная из греческого языка лексика, но это по большей части светская лексика, в том числе и названия одежды (О слове *ферязь* и произв. см. [6, с. 42–55]). Необходимо обратить внимание на то, что ранняя фиксация слова относится к XVI в. К этой же лексике можно отнести слово *фалборъ* ‘оборка’ (XVII в.), о различных вариантах этого заимствованного их западноевропейских языков слова и их фонетических особенностях подробно написано в [4]), фистема, флегма, XVIII в.: фаланга, феатръ и произв.

Период конца XVII в. отмечен появлением многочисленных заимствований из западноевропейских языков. К ним относятся названия воинских и гражданских чинов, привычных для нас в ином написании: *фицадмираль*, *фицеконтъ*, *фицезидентъ* и неизвестный в наше время военный чин – *фицерой*. Это начальное фице- говорит о том, что перечисленные слова были заимствованы из немецкого языка, где начальное v- произносилось как [f]. В немецко-русском словаре 1969 г. говорится, что в устной речи в сложениях употреблялось произнесение fi- [11]. Все указанные слова зафиксированы в переводных Уестях Курантах: Велми на том караване умирають у фицаадмирала на корабль. Куранты⁵, 36. 1652 г.; Фицеконте де Туране... ходил в Бургундскую землю и тамо многие мѣста поимал и роздалъ тѣ мѣста ратнымъ людям. Куранты², 161. 1644 г.; Гсднь Крузиус... у ннешнего

губернатора гсдна королевственного канцлѣрова сѣа, у графа Эрика в Колывани будет промышляти въ фицепрезиденты. Куранты³, 147. 1646 г.; К Неаполису пришло олат<ь> нача(льный) поруччик от Миланта повелением начал<ь>ново фицероя для ратных людей. Куранты¹, 48. 1620 г. Пишут, что неаполской фицрой кармалитеров из монастыре Свяга<о> Мартына... хочет выслат<ь>. Куранты⁴, 153. 1649 г. По данным НКРЯ, слово фицрой в значении 'военный чин' не зафиксировано в основном и историческом подкорпусе. В них фиксируется лишь фамилия **Фенрих**.

Также сейчас в русском языке неизвестно слово *фенрих*. Это название воинского звания в армиях и на флотах ряда стран. В русской армии оно было введено Петром I как европеизированный аналог традиционного звания прапорщика для пехоты. В СлРЯ XI–XVII вв. приводятся лишь два контекста – переводные Куранты и письма и бумаги Петра I: Еще из Руской земли от фенриха именем Филип Гестер вѣсти, которой октября в А де<нь> сюды к намъ в город Ригу из Дюняборга приѣхал. Куранты¹, 134. 1630 г. Фенрих или прапорщикъ. Фельдвбель или приставъ. Петр, I, 717. 1698 г.

В [МАС] отмечается слово *фенрих* с пометой «разговорное» и «устаревшее». Толкуется оно как 'шутливое или пренебрежительное название молодого человека, недавно произведенного в офицеры' и отмечается, что оно заимствовано из польского языка, который в свою очередь заимствовал его из немецкого. В современной художественной литературе (по данным НКРЯ) используется слово *фенрих*, но лишь в описании реалий, относящихся в основном не к реалиям жизни в России. И он, Зольдинг, вместе со всеми, как какой-нибудь сопливый фенрих, орал, выкатывая глаза: «Фюрер! [П.Л. Проскурин. Исход. Части III-IV (1967)]; Я фенрих Йозеф Шустер, — раздалось из середины строя. [А. Насибов. Безумцы // «Спортсмен-подводник», 1964] Мы втроем, фенрих Шустер, штабс-боцман Глюк и я, живем в одном кубрике. [А. Насибов. Безумцы // «Спортсмен-подводник», 1964] Фенрих в коротеньком кителе – начальник этого домика – смотрел на возню с собакой иронически, но когда узнал, сколько стоит рейху одна такая овчарка, покуда ее научат и воспитают, – принес из другой комнаты аптечку с множеством разных тюбиков, коробочек и флакончиков [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)].

Среди названий оружия обращает на себя внимание слово *фальконетъ*, *фальконета* с вариантами передачи итал. falconetto как *волкоinea*, *волконет* и др. (более подробно см. [1, 8, с. 141], где приведены и этимология, связывающая это написание со словом *волк*, как подобных наименований пушек по изображению какого-либо животного их украшавшего, и некоторые варианты написания слова). По материалам СлРЯ XI–XVII вв., *волкоinea*, *волконетъ* ожидаемо встретились в непереводных русских источниках (Кн.п.Моск. II, СГГД II, Посольство Толочанова, ДАИ IV), кроме переводных Курантов. Слово *волкоinea* имеет в НКРЯ (исторический подкорпус) только четыре вхождения, и все они из Записной книги Московского стола 7145 года (1636, сентябрь – 1637, август). Слово же *фальконетъ*, *фальконета*, по данным СлРЯ, зафиксировано только в переводном Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки в 1607 и 1621 г.: Десять пищалей фалконетовъ, они же именуются полу-змии, стрѣляютъ желѣзные или свинчатые ядра вѣсомъ по четыре фунта Устав ратных д. I, 102. XVII в.; Пищаль Фалканета, въ которой вѣсу мѣди осмь контаревъ, стрѣляетъ желѣзнымъ ядромъ два фунта. Устав ратных д. II, 32. XVII в.

В более поздних текстах (примеры взяты из НКРЯ) слово *фальконет* также употребляется, однако в основном в текстах, в которых описывается старинные орудия.

В сарае, называемом цейхгаузом, хранятся пушечки (фальконеты) Ермаковы и ружья, весом в пуд или в 11/ 2 по крайней мере, ствол чугунный, ложа деревянная простая, замок старинный с колёсами. [А.Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790)]. Флотилия тоже гремела по городу из своих медных фальконетов [С.Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)]. Сотни фальконетов на сошках, вкопанных в землю, решетили площадь. [Ю.Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)].

В статье рассмотрены лишь некоторые слова из материала формируемого 33 выпуска СлРЯ XI–XVII вв. Есть среди них немало слов неясного происхождения и значения. Однако работа еще ведется и будет продолжена вплоть до издания выпуска.

Литература

1. Аникин РЭС – А.Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2007–.
2. Борковский, Кузнецов 1963 – В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: изд-во АН СССР. 1963.
3. Галинская 2002 – Е.А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.
4. Горячева 2021 – Т.В. Горячева. К этимологии рус. диал. фарботы в свете некоторых особенностей освоения иноязычных слов в русском языке // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. № 4. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 94–98.
5. ДНД – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Иорданиди 2020 – С.И. Иорданиди. Русск. Ферезь: семантика и словообразовательный потенциал // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 3 / Отв. ред. В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 42–55.
7. Кусмауль 2018 – С.М. Кусмауль. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI – первой половине XVII в. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2018.
8. МАС – Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. 4. М. 1981–1984.
9. Мещерский 1972 – Н.А. Мещерский (ред.). Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1972.
10. Мин.Пут. – Новгородская служебная Миня на май (XI век). (Путятина Миня). Текст, исследования, указатели / Отв. ред. В.М. Марков. Ижевск: Изд-дом «Удмуртский университет», 2003.
11. Нем.-рус. словарь 1969 – Большой немецко-русский словарь. Т. I–II. М.: Советская энциклопедия, 1969.
12. Плетнева, Кравецкий 2012 – А.А. Плетнева, А.Г. Кравецкий. Церковнославянский язык. Учеб. изд. 5-е изд., стереотип. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
13. Прокопенко и др. 2010 – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Жлязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский. Под ред. В.Б. Крысько. Т. 1. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2010.
14. Соболевский 2004 – А.И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки по истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В.Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2004. 712 с.
15. Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971.
16. Черепнин 1956 – Л.В. Черепнин. Русская палеография. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956.
17. Чернышева 1994 – М.И. Чернышева. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В.М. Истрина / Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой. М.: ДЖОН УАЙЛИ ЭНД САНЗ, 1994.
18. Чернышева 2021 – М.И. Чернышева. Проблемы описания старой иноязычной лексики в русской исторической лексикографии // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 196–210.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И «ЛЕТОПИСЕЦ ЕЛЛИНСКИЙ И РИМСКИЙ» О КОНЦЕПТЕ «ПРАВОСЛАВИЕ»

L.N. Donina
Candidate of Philology
Saint Petersburg State University,
Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences
St.Petersburg, Russia

HISTORICAL DICTIONARIES AND “HELLENIC AND ROMAN CHRONICLER” ABOUT THE CONCEPT OF “ORTHODOXY”

Аннотация. В статье реконструируется ранний этап ментализации концепта «православие» в русском языке. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского приведены примеры употребления слова главным образом в текстах XV в., к этому же веку относят и вторую редакцию «Летописца Еллинского и Римского». Исторические данные сопоставлены с представлением концепта в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и в трудах С. Булгакова.

Ключевые слова: концепт «православие», И.И. Срезневский, «Летописец Еллинский и Римский», древнерусский язык, XV век.

Abstract. In this article we discuss early stage of mentalization of the concept of “Orthodoxy” in the Russian language. In the “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I.I. Sreznevsky, examples of the use of the word mainly in texts of the XV century are given, the second edition of the “Hellenic and Roman Chronicler” is also attributed to the same century. Historical data are compared with the representation of the concept in the “Dictionary of Russian Mentality” by V.V. Kolesov and in the works of S. Bulgakov. (10 position in References)

Keywords: Concept of “orthodoxy”, I.I. Sreznevsky, “Hellenic and Roman chronicler”, Old Russian, 15th century.

Концепт «православие» глубоко и разносторонне изучен богословием, русской религиозной философией, а позже и др. науками. В когнитивной лингвистике концепт представлен следующим образом: «Православие – исповедание христианской веры, сложившееся в Византии (*греческая вера*) и официально принятое в России как *правильное* после 988 г. (*православная вера*).

Включает в себя учение (*слово*) о Боге, человеке и церкви, а также особую систему обрядов поклонения Богу (*славить*); противопоставлено господствующим на Западе *инославным* католицизму (*всеобщая вера*) и новому протестантизму (*провозглашающая вера*)» [8].

Эти исследования имеют дело с развитым национальным концептом («зрелым словом», по терминологии Флоренского), нас же интересует процесс его ментализации (до XV в.), последовательность признания и принятия тех или иных заимствованных признаков. Следующий этап – накопление собственных признаков различения (идеация) – завершился в середине XVII в. с реформами Никона и распадением на староверие и нововерие.

Ранний этап ментализации концепта отражён в древнерусских памятниках, в частности, в «Летописце Еллинском и Римском», и зафиксирован в исторических словарях. Наиболее подробную информацию содержат «Материалы для словаря древнерусского языка по

письменным памятникам» И.И. Срезневского [9] и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [7], которые выделяют у слова три значения: ‘благочестие, следование догматам православия’; ‘православная вера, греколатинское вероисповедание’; ‘православная община, православные’, расходясь лишь в последовательности приведения этих значений.

Хронограф «Летописец Еллинский и Римский» [5] (редакция и списки XV в.) представляет собой авторитетный компилятивный текст, освещающий всемирную историю, и светскую, и церковную. Текст можно назвать «энциклопедией» [4], в частности, «религиозной энциклопедией», он содержит богословские комментарии, споры с *еретиками-ересниками*, описание убранства храмов, празднеств (*опресночная*), небесных сил (*херувим*) и т.д. Приводятся обзорные статьи по церковным вопросам: история всех Соборов, *иконоборство*, очерк римских пап, отношения государства и церкви, обычаи *латин*. В памятник включены высказывания об усопших и о загробной жизни Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Св. Афанасия, Мартирия (Мартурия), Максима Исповедника, Св. Григория и др. Поэтому в «Летописце» широко представлена религиозная лексика разного происхождения (грецизмы, старославянизмы), соответствующие устойчивые выражения (*анафеме предати, в тоиць снѣ*). Абстрактные существительные среднего рода с суффиксами *-(е)нѣи, -иѣ* типа склонения на *jō (к которым принадлежит и сущ. *православие*), буквально переполняют этот текст, их здесь около тысячи.

Слово *православие* представлено «неожиданно скромно» в этом тексте: употреблено 5 раз в ряду с существительными *правовѣрие* (3 употребления) и *правовѣрствие* (1 раз), которым в греческих источниках также соответствует *ортодоѣѣ*.

Например, *правовѣрствие* выступает как синоним христианства в противопоставлении еллинам: *Федосии убиеном христіаном блажи, яко правовѣрствѣ ради убиеном, еллинѣ же изгнати повель или на христьянство прѣложитися* [5, с. 328].

Православие встречается в пяти фрагментах ближе к концу памятника, попадает в текст из нескольких (неосновных) источников, которыми расширена именно вторая редакция «Летописца» его составителем, как доказал О.В. Творогов [6]. Все фрагменты связаны с отношением к *иконам*, во всех, кроме отрывка из русских летописей, упомянут император Феофил (царствовавший в 829–842 гг.), имя которого метонимически сближается с иконоборством. Т.о., если говорить о существенных смысловых компонентах, которые вкладывались в этот символ, можно установить прежде всего, что православие почитает святые иконы (и само *святное*, это единственное его определение в памятнике).

Слово *православие* первый раз упомянуто в составе так называемой пространной редакции сказания об императоре Феофиле, которая именуется «Слово събрание еже есть православная вера въ 1 недѣлю святаго поста. О Феофиле царе, како по смерти прощен бысть от муки»: *В ты же убо день в 1-ю недѣлю святаго поста православие, сирѣчь вѣстелесие святых и честных иконѣ церкви праздновати приат, бывшая от Михаила и Феодоры, святых и блаженныя цариця, и святаго Мефодия, патриарха Костянтина-града* [5, с. 448].

Сказание о Феофиле приведено в «Летописце» очень необычно для этого памятника (и вообще нетипично!) – 2 раза подряд. То есть сначала читается так называемая краткая редакция сказания, а затем, по завершении рассказа о царствовании сына Феофила, Михаила, следует пространная редакция (выделение в памятнике двух редакций сказания и их названия принадлежат А. Попову). Оба текста добавлены составителем «Летописца»: в тексте «Хроники Георгия Амартола», по которой излагаются эти царствования и события, сказания нет. Объяснения этой «странности» возможны разные.

О.В. Творогов указал, что «краткое есть сокращенная переделка пространного. Из этого уже следует, что оба они не могли принадлежать одному автору; вероятнее всего, переписав краткий вариант сказания, составитель ЕЛ-2 наткнулся на Пространную редакцию, но, не исключив первого, переписал затем и второе» [6, с. 171].

«Наткнулся» или «сознательно разыскал», но что-то в этой истории вызвало особый интерес русского книжника, заставило узнать подробности. Ранее уже были изложены постановления всех Соборов, помещена и отдельная статья об иконоборстве. В Пространной

редакции Сказания тоже повторена история иконоборчества, рассказано о 12 годах царствования Феофила, «*еже на святых иконы неистовство велие положи*». Но составителя, может быть, привлекла занимательность самого сюжета: император-иконоборец перед смертью страдал от страшной, судя по описанию, болезни и вид имел ужасный. Его жена Феодора, тайная иконопочитательница, горячо молилась, а затем увидела сон о посмертных муках мужа, которого ждёт наказание за неистовство иконоборства (сон подробно изложен). Молилась и после его смерти, пока не убедилась, что Феофил помилован Богом. Феодора, в правление и при участии которой совершилось торжество православия над иконоборчеством, изображена на множестве икон.

Что же особенного есть в этой истории, в начальных строках которой впервые в «Летописце Еллинском и Римском» употреблено слово *православие*? Есть

- 1) иконы;
- 2) сила молитвы, молитва за умершего, общая молитва;
- 3) мистика, чудеса, сны;
- 4) надежда не только на справедливость Божию, но на милость;
- 5) наконец, составитель второй редакции хронографа заботится о том, чтобы

читателю были интересны его исторические рассказы. А эта история могла быть близкой и привлекательной для читателя тем, что она не только об иконопочитании, но и о любви: Феофила к жене и сыну, Феодоры к Богу и к мужу, Бога к падшему человечеству...

Какие из этих черт важны для понимания пути ментализации концепта «православие»? По совету В.В. Колесова для выявления коренных признаков русского православия были привлечены к сравнению мысли протоиерея Сергия Булгакова, и оказалось, что главы его сочинения о православии [2] четко «наложились» на компоненты семантики слова, отражённые в рассказе хронографа:

1) **иконы**. В «Летописце Еллинском и Римском» иконы – основа всего повествования. Феодора приложила икону к разверстому рту умирающего супруга (который, кстати, видел тот же сон, что и она), и он не только смог сомкнуть челюсти, но и взгляд его приобрёл осознанность. Известен вариант жизнеописания, в котором он приложился к иконке, спрятанной под одеждой одного из присутствующих. Историки описывают другую версию: опасаясь, что его трехлетнего сына Михаила и Феодору сместит с царствования один из популярных военачальников, он приказал убить его и умер, когда ему принесли голову врага, зажав ее в руке, но в «Летописце» он умер покаявшись. После смерти мужа Феодора назначила на все должности сторонников почитания икон, в том числе провозгласила патриархом Мефодия, вернула и освободила всех изгнанных, а иконоборцы были наказаны, все её действия относительно икон описаны с деталями и подробностями. Иконы были возвращены в храмы, и «*Вси же радостью великою взрадовашася*».

У С. Булгакова о значении иконы в православии: «Вообще, икона является особым видом церковного предания, в красках и образах, наряду с устным, письменным, монументальным». Для русского составителя хронографа это было совершенно понятно, иконописное искусство достигло высшего развития к XV веку в Москве и Новгороде – предполагаемом месте составления второй редакции «Летописца Еллинского и Римского». Грецизм *икона* употреблен в хронографе 86 раз, из них 55 раз в форме множественного числа, 23 раза при этом слово сопровождается определением *святые* и еще 10 раз *честные* или сразу двумя этими эпитетами, которые можно назвать устойчивыми. Фактически с помощью пояснительного союза *сиречь* православие толкуется через изображение «святых и честных иконь»: *православие, сиречь въстелесие святых и честных иконь* [5, с. 448], ср. также из Повести о латынех с союзом *и*: *створитися православию и поклонению святых и честных икон* [5, с. 458].

2) **молитва**. Всеобщая великая радость о возвращении икон не облегчила страданий Феодоры, вдова продолжала горевать о Феофиле, обречённом на муку вместе с прочими еретиками. Значительная часть сказания посвящена тому, как Феодора горячо и непрерывно

молилась, объединившись с другими женщинами (соборность), и смогла уговорить патриарха Мефодия совершать всеобщие церковные молитвы о спасении его души.

А вот что утверждает протоиерей Сергей Булгаков: «Однако над всем преобладает одно дело, один труд — молитва». И конкретно о молитве в обстоятельствах, в которых оказалась Феодора: «В православии огромное место занимает молитва за усопших, как совершаемая в связи с евхаристической жертвой, так и помимо ее, в связи с верой в действенность этой молитвы. Последняя может облегчать состояние грешных душ и освобождать их из места томления, изводить из ада. Конечно, это действие молитвы предполагает не только предстательство пред Творцом о прощении, но и прямое воздействие на самую душу, в которой пробуждаются силы для усвоения прощения». Это высказывание напрямую соотносится с третьим признаком православия в хронографе.

3) **мистика**. О мистической основе православия С. Булгаков пишет много: «Небесных видений исполнена вся жизнь Православия, и это в нем есть самое существенное, чего, однако, не видят “спутники”, которые поэтому знают его не в существе, а только в покровах, кажущихся им “окаменевшими” или мумифицированными. ... Жизнь в православии связана с видением миров иных, и без него она просто не существует».

В Слове «О Феофиле царе, како по смерти прощен бысть от муки», мотивы чуда, видений, тонкого сна, общения с Богом через ангелов (и другими способами) наполняют повествование особым мистическим религиозным колоритом. В пятницу первой недели Великого поста Феодора увидела сон о прощении, патриарху Мефодию тоже дано было от ангела указание не докучать больше Богу молитвами, потому что Феофил получил милость. Многие таким же образом были извещены о прощении покойного императора. А имя Феофила исчезло из составленного Феодорой и спрятанного в храме списка еретиков, преданных анафеме. Сверхъестественные духовные явления представлены как реальность. После сообщения чуда о Феофиле следует красочно описанное торжественное богослужение «*на утверждение правоверия съ иконами*», чтобы «*еретиков прокляти*», «*правоверныя прАславити*». Этот праздник и сейчас называется «торжество православия», «неделя православия». Но слово *православие* в Сказании больше не употребляется.

4) и 5) **справедливость, милость и любовь**. Закачивается Сказание переписанным из краткой редакции, очевидно, понравившимся составителю русского хронографа обращением к читателям: «*Почудимся же, братие, челоуѣколюбию Господа Бога нашего: толь сквернена челоуѣка и по смерти помиловал*», а затем говорится о женах, способных и по смерти мужа спасти... Как следует из размышлений С. Булгакова, это и есть «центр» православия: «Не умаляя справедливости и правды Божией, которая должна иметь удовлетворение, православие ставит в центре учения о спасении любовь Божию, не пощадившую Сына Божия ради спасения мира чрез его обожение». Об этой же черте православия говорит его близкий друг Н. Бердяев: «Православная мысль никогда не была подавлена идеей божественной справедливости, и она никогда не забывала идеи божественной любви» [1, с. 10].

Как сейчас установлено, эти два Сказания об императоре Феофиле восходят к разным источникам. Пространная редакция в «Летописце Еллинском и Римском» второй редакции взята «из триодного Синаксаря, составленного Никифором Каллистом Ксанфопулум. Славянский перевод этой редакции греческой Троицы был сделан на Афоне в первой половине XIV в. В приписке к рукописи Синайск. № 23 сохранилось даже имя переводчика – Закхей Философ» [10, с. 165–171].

Однако в «Летописце» в этом втором пространном сказании имеются фрагменты текста, которых нет в Троице. Откуда они? Скорее всего, составитель хронографа сделал то же, что он делал много раз и умел делать хорошо – компиляцию: обнаружив, что в первом коротком сказании есть информация, отсутствующая в пространном, он сохранил краткий вариант, а затем восполнил фрагментами из него более подробный текст. Е.Г. Водолазкин предполагает, что «...не Краткая редакция возникла путем сокращения Пространной, а Пространная редакция возникла путем присоединения к тексту Никифора чтений редакции Краткой. ... Помимо Летописца Еллинского и Римского, Краткая редакция представлена в Полной

Хронографической Палее (там она соединена с Пространной), а также в составе «Слова святого Кирила в 1-ю неделю, поучение на сборъ» [3, с. 408].

Не обозначив, по сути, содержания понятия «православие», хронограф в этом фрагменте всё-таки даёт о нем представление, хотя и образное. Здесь заметна неполнота представления о православии, но не отступление от него, не не-истина.

Следующие 3 употребления существительного *православие* восходят в «Летописце» к полемическим сочинениям против латинян. «Повесть крѣтцѣ полезна о латынѣх...» в хронографе вставлена в повествование «Хроники Георгия Амартола». «Особенно широко антилатинские сочинения распространяются с конца XIV в., объединяясь в рукописной традиции в целые сборники. В таких сборниках мы находим и сочинения, включённые в состав ЕЛ-2» [6, с. 184]. Показательно, что опять слово *православие* содержится в отрывках о Феофиле и о победе над иконоборством:

*Поим же Михаилъ протосиγγель ученики своя Феофана и Феодора самобратна, и изволи наити на Костянтинъ-град, и Феофилу царю стати на лицѣ и запрѣтити о иконоборствѣ и православию поучити, яко да православныя люди укрьпятъ уклонившихся на иконоборствѣ, елико възможно им привести их на пръвое благовѣрие и поклоняние святыхъ иконъ наставити [5, с. 457] (в некоторых списках Чудовского вида нет фразы *православию поучити*); По смерти Феофила царя иконоборца при благочестивии царици Феодоръ, яже православие святое церкви святой Божии и святымъ иконамъ створи съ сыномъ своимъ Михаиломъ царемъ [5, с. 461]; И приведоша его, якоже инья прочая, иже бяху заточени в темницахъ о иконоборствѣ отъ царя Феофила, якоже убо свѣща сия блаженная Феодора съ сыномъ своимъ с Михаиломъ царемъ и съ всѣми благочестивыми и съ святыми архиерѣи и старци створитися православию и поклонению святыхъ и честныхъ икон, еже и бысть [5, с. 457–458].*

Пятый фрагмент, в котором встречается суц. *православие*, показывает столь же бесхитростное его употребление в русских летописях (Софийской 1, Новгородской 4). Этим отрывком «О иконе Богородицы» последняя дошедшая до нас страница «Летописца Еллинского и Римского» символически завершается, дальше до дефекта листа написаны только 2 предложения текста «О ризѣ Богородицы въ Влахернѣ» из той же летописи, а также список царей. *И держаша иконоборци 60 летъ Царьград, и потомъ бысть православие, и възыскаша иконы святыя Богородица [5, с. 510].* Здесь речь идёт о первом периоде иконоборства, до Феофила, поэтому он не упомянут, но «связка» *иконоборцы – православие – икона* сохраняется и, значит, не является случайной: признаки православия – оно не поддаётся ересям, хранит не только догматы, но и предание, чтит иконы как символ устойчивого идеала святого и святости. Это важно для понимания православия, на этом же настаивает и Н. Бердяев: «Православная Церковь есть прежде всего Церковь предания в отличие от Церкви Католической, которая есть Церковь авторитета, и церковей протестантских, которые суть церкви личной веры. ... Она оставалась наиболее связанной с перво-христианством из всех форм христианства. Сила внутреннего предания в Церкви есть сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до Апостолов» [1, с. 4].

Таким образом, к XIV–XV вв., как показывает хронограф, концепт «православие» не получил каких-то признаков, выработанных собственно русской культурой и отличающих сейчас русское православие от других христианских учений, но хронограф позволяет угадать признаки, которые осваивались народным сознанием из переводной литературы. Ярче всего в «Летописце Еллинском и Римском» отражён признак «поклонение иконам»; если доверять хронографу, этот признак можно назвать древнейшим.

По-видимому, интеллектуальные усилия в период, предшествующий созданию памятника, направлены на выявление объёма понятия. Содержательные признаки, возможно, накапливаются в рамках опережающего по скорости ментализации концепта *вѣра* (204 употребления; *правья, истинныя* и еще около 40 определений – признаков разных типов *вѣры крестьянствѣ, христианствѣ, православиѣ, простославиѣ, правовѣрныѣ*...). Сочетание

православная *вѣра* образует образное понятие, замещающее *православие*. Кроме того, прил. *православный* способно занимать позицию неразработанного содержания понятия, в качестве объема которого выступают названия людей: *православныя люди*, *православных архiereги*, *всѣмъ православнымъ крестьяномъ*, *Феодора простославная*. Объем понятия расширяется: *христианство* и *крестьянство* (заменяют друг друга по спискам по 2 раза), *крестьяне* (78 раз) и *христиане* (77 раз) (также заменяют друг друга в близких контекстах и по спискам).

Наконец, следующий этап наполнения объема понятия «православие»: формы *православный* и *православен* представлены как субстантивированные: *И бысть радость велика православнымъ о иконѣ святыя Богородица, сеи же иконѣ служит племя Лукино и до сего дни* [5, с. 511]. Таких употреблений без сущ. более 30, главным образом в статье «Царие, царствующие в Константине-граде, православнии же и еретици» [5, с. 510], где указано количество лет правления, иногда родственные связи, главное же – вероисповедание, и противооставление происходит уже латинянам-католикам.

Важнейшие семантические процессы произойдут, видимо, после периода создания памятника, уже без старославянского и греческого влияния, что и определит своеобразие русского *православия* по сравнению с греч. *ортодоѣ́ѡ*. В хронографе отражено предшествующее этому соотносению символа *православие* с реальным миром живущих и действующих людей – *православных*.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истина Православия // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. Париж, 1952. № 11. С. 4–11.
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 471 с.
3. Водолазкин Е.Г. О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 406–409.
4. Донина Л.Н. «Летописец Еллинский и Римский» – русская историческая энциклопедия XV века // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 96–101.
5. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 513 с.
6. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 271 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18.
8. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 89–90.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Ст. 1350–1351.
10. Тамаркина И.В. Источники «Сказания о посмертном прощении императора Феофила» в древнерусских хронографических сводах // Афиногенов Д.Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М., 2004. Приложение IV. С. 165–171.

Т. И. Илиева
доцент доктор
Кирило-Методиевски научен център
Българска Академия на науките
г. София, България*

**МАТЕРИАЛИ ЗА ТЕМАТИЧЕН РЕЧНИК КЪМ ЛИТЕРАТУРНИТЕ
ПАМЕТНИЦИ НА SLAVIA ORTHODOXA. НАИМЕНОВАНИЯ ОТ ОБЛАСТТА НА
КОЗМЕТИКАТА***

T. I. Ilieva
Ph.D (Philology)
Cyrillo-Methodian Research Centre
Bulgarian Academy of Sciences
Sofia, Bulgaria

**MATERIAL FOR A TOPICAL DICTIONARY BASED ON THE LITERARY WORKS
OF SLAVIA ORTHODOXA: DESIGNATIONS FROM THE SPHERE OF COSMETICS**

Анотация: Докладът е част от работата на авторката по подготовката на тематичен речник към средновековните славянски писмени паметници. Анализират се различни думи, назоваващи понятия за козметични средства и процедури, използвани в миналото, придружени с интересни и любопитни сведения за разкрасителните практики в исторически план. Разглежда се както пряката, така и образната употреба на думите от темата като сравнения и метафори.

Ключови думи: *Историческа лексикология на българския език, Тематичен речник на старобългарския език.*

Abstract: This paper reflects the writer's work on compiling a topical dictionary of the medieval Slavic written records. An analysis is provided of different words denoting concepts of cosmetic products and procedures used in the past, accompanied by interesting and curious information about the beautifying practices in the past. Both the literal and the figurative uses of the relevant words (similes and metaphors) are examined.

Keywords: historical lexicology of the Bulgarian language, a topical dictionary of the Old Bulgarian language.

Подобряването на външния вид чрез разкрасителни процедури е познато още от дълбока древност. Тази практика съществувала и през Средните векове, въпреки че Църквата я осъждаше от морални съображения. Разхубавяващите средства били широко използвани, особено сред жените от богатото съсловие. Доказват го археологическите разкрития на останки от изящни сандъчета, чието предназначение несъмнено ще да е било свързано с козметиката. При разкопки от средновековните стратиграфски пластове на големи градски центрове често се изравят артефакти като пинсети, остатъци от четчици, гребени, дръжки от бронзови огледала и пр. предмети от козметичния реквизит. На хълма Царевец в столицата на Второто българско царство Търнов са намерени шишенца от венецианско стъкло със следи от оловни пломби на гърлото — очевидно флакони за редки и скъпи парфюми [1, с. 69].

В настоящата работа ще съсредоточа вниманието си върху езиковите данни за тази страна от бита на хората, запазени в славянските средновековни писмени паметници. Предмет на изследване ще бъде лексиката, свързана с темата за декоративната козметика и средствата за разхубавяване, която тук ще бъде разгледана на макроезиково равнище, поставена в контекста на поредица предходни мои публикации върху отделни лексико-семантични групи думи в книжнината на Slavia Orthodoxa, обединени и диференцирани въз основа на своите предметно-логически връзки по отношение към реалността (вж. библиографски единици №

89, 90, 95, 103, 104, 153, 162, 163, 182 на адрес <https://www.kmnc.bg/wp-content/uploads/2021/03/T.-Илиева-научна-биография.pdf>). Тези разработки предхождат изготвянето на Тематичен речник към литературните паметници на Slavia orthodoxa, в който словният материал ще бъде разположен не в азбучен порядък, а в микроструктури от думи, които назовават реални, взаимно свързани в действителността [3]. Такова организиране на лексемите по теми, подтеми или по-малки тематични гнезда, ще позволи техните значения да бъдат възприемани не изолирано, както в обикновения тълковен речник, а взаимосвързано, в системата от понятия, покриващи съответния сегмент от обективната реалност, отразявайки по този начин езиковата картина на света в конкретния исторически отрязък от развитието на обществото.

Изследването е базирано на данни от основните палеославистични лексикографски трудове. В него са привлечени Старославянският словарь (СС) и Старобългарски речник (СтБР), които включват словния ресурс от класическия старобългарски корпус, както и речниците на Фр. Миклошич (Микл), И. И. Срезневски (МДРЯ), ЧАН (СЯС) и РАН (СДРЯ), съдържащи речниковото богатство на голям брой писмени паметници от Преслав и Охрид, съхранени по късни преписи, а също и на такива от други редакции. Наблюденията обхващат и църковнославянската традиция, отразена у архим. Ат. Бончев (ЦслР). Извлеченият от текстовете с различна жанрова и хронологична принадлежност материал позволява цялостен поглед върху (а) семантичната структура на реализираните в разнообразни контексти отделни лексикални единици, (б) синонимията като отношение в системата на разглежданата тематична група, (в) общоезиковите словообразователни тенденции в синхрония и диахрония. (Справка за съкращенията на паметниците, от които са извлечени примерите, вж. в цитираните справочници).

За етимологията на думите се консултирам по ЭСРЯ на М. Фасмер и БЕР, издание на БАН.

При лингвистичното изследване като основен способ за издирване членовете на анализирания тематична група прилагам метода на ключовите думи на Елмслев [2, с. 136]. Чрез наименованията на базовите за конкретната сфера от бити на даденото общество в съответната историческа епоха понятия определям мрежата от подчинените думи, зависещи от тези наименования, и съществуващата в тази мрежа йерархия.

При характеристиката на отделните думи ползвам данните от индоевропейското, сравнителното и съпоставителното езикознание, както и методите на лексикологията и морфологията (с оглед на словообразуването).

В по-широк интердисциплинарен план, поради тясната обвързаност на битовата терминология, към която до голяма степен се числят думите от изследваната тема, с постиженията на археологията, етнологията и културологията, при изясняване съдържателната страна на разглежданите реални се опирам на постиженията и на тези научни дисциплини.

В средновековните писмени паметници очаквано (поради тематично стеснения кръг от писмени свидетелства с предимно религиозно съдържание) се открива относително ограничен брой лексика, свързана с темата за декоративната козметика и средствата за разхубавяване в живота на средновековния човек. Нещо повече, много от тези думи са употребени именно в рамките на религиозен контекст със значението им като названия на реални от обредния живот (вж. думите в подтема „Благовония“), в образен смисъл или в пряк, но със съответната оцветеност.

На първо място ще отбележа думите от словообразователното гнездо на основа -крас-/краш. Тук влизат съществителното краса, прилагателното красънь и глаголят красити с производните им. Още в КСП са документирани следните думи от посоченото словообразователно гнездо (в кръгли скоби е отбелязана честотата им):

- а) съществителните краса (1), употребено в предметно значение, и красота (11), регистрирано само в абстрактен смисъл;
- б) прилагателното красънь (19);

в) глаголи и отглаголни образувания: красити /с.а./ (6), красовати /с.а./ (4); оукрасити (28), оукрашати (2) + девербатив оукрашение (2) – в предметно значение, и адективирано причастие оукрашень; прѣоукрасити (1).

Съществителното краса е засвидетелствано в по-късните паметници с две значения – (1) абстрактно ‘сбор от положителни физически характеристики на някого или нещо, които извикват естетическа наслада и удоволствие у човека при възприемане със зрение или слуха; хубост’; *прен.* ‘сбор от високи нравствени и интелектуални качества на дадена личност, които пораждат възхищение у другите от нея’, и (2) конкретно само *мл.*, обикн. със съгл. или несъгл. опред. ‘красиви неща’.

С първото си значение думата е употребена в изградения върху смислов паралелизъм афоризъм от Изб. 1073 якоже оусеразъ златъ въ ноздрехъ свинии, тако же и женѣ злосъмыслнѣ краса [МДРЯ I, ч. 2, 1315], където тя се противопоставя аксиологически на прилагателното злосъмыслнѣ в аспекта ‘положителна физическа характеристика’ ↔ ‘отрицателна нравствена квалификация’. С конкретната си семантика е засвидетелствана в пасажа от Ефр. Сир. XIV в. ниже глоумимъ себе красами мира сего, гр. μηδὲ μετεορισθόμεν φαντασίας τοῦ κόσμου τούτου (нвб. прев. Да не се превъзнасяме от красотите на този свят.) [МДРЯ I, ч. 2, с. 1315].

Освен горепосочените смисли съществителното краса има още едно предметно значение – ‘средство за разкрасяване’: Жена без красы. Женѣ краса есть млъчание Прол. XIV в. [СДРЯ IV, с. 284].

Думата е с праславянско потекло. По данни на БЕР [II, с. 717] тя се пази във всички славянски езици, като сродни на нея имена се откриват и в литовски и латвийски. В полски и латвийски е съхранено (очевидно първичното по произход) конкретно значение на съществителното ‘боя’ (особ. червена), ‘хубава оцветка’, което говори за посоката на неговото семантично развитие и връзката му с изначалната представа за външен вид, допълнително оформен посредством козметични средства. Срв. в нвб. думата *краска* от същата мотивираща основа със значение ‘цвят, багра’, *остар.* ‘боя, багрило’ [РБЕ, <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/краска/>] Въпреки очевидната първичност на предметното значение палеославистичните лексикографски трудове отбелязват на челна позиция абстрактната семантика на думата краса поради преобладаващата ѝ употреба в писмените паметници, факт, тясно свързан с тяхната основна тематика.

С аглутинация на частицата не- към краса е образувано отрицателното название некраса, частично антонимизиращо се с изходната дума по нейното първо значение.

Ще отбележа произведените от безсуфиксните краса и некраса посредством прибавяне на наставката за продуциране на отвлечени наименования -ота (вероятно с цел обновяване на облика и постигане на по-ясна морфологична структура) и припокриващи се с тях по значение словообразователни дублети красота и некрасота (засвидетелствано у Микл).

Срезневски документира и абстрактното наименование бескрасие Ж. Стеф. Перм. [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1315]. От същия предложен израз бес красы е продуцирано и прилагателното бескрасънь, регистрирано в Григ. Наз. XIV в. [СДРЯ I, с. 125].

Засвидетелствано е и словосложението красолубиѣ ‘любов към украшения или разкрасяване’, гр. φιλοκοσμία. Корень всемоу злоу красолубиѣ, тъщеславие, любославие, самолюбие СбТрХII-ХIII. [СДРЯ IV, с. 286]. В Манасиевата хроника са регистрирани от същата двусъставна основа дублетни прилагателни красолубивъ и красолубьнъ. Архим. Ат. Бончев съобщава и за композит красотолубивъ (– дѣвица ‘който обича да се краси’) [ЦслР I, с. 243].

Прилагателното красънь ‘хубав, приятен’, респ. отрицателната му форма некрасънь (синоним на посоченото по-горе бескрасънь), съчетани в общ антонимен контекст в Прол. февр. 26 – красньи и некрасньи [ЦслР I, с. 313], също съдържат двойствен смисъл – този, който притежава / не притежава естествена хубост или такава, постигана чрез изкуствени средства. Заслужава да се отбележи употребата в едно изречение на качественото определение красънь и миналото страдателно причастие от глагола повапити в пасажа

подобите са гробомъ повапненомъ · иже вьнѣждж оубо съжт красьни Мт 23, 27 Мар. [СС, с. 293], където може да се търси далечен отзвук от изконното значение на мотивиращата основа -крас-. Това се потвърждава и от факта, че красьнъ освен ‘красив; приятен’ означава също и сетивно възприемаемо физическо качество цвят ‘червен’, което следва да се приеме за негова първична конкретна семантика. Според М. Фасмер значението ‘червен’ е вторично по отношение на ‘красив’ [ЭСРЯ I, 368], доколкото и производящото име краса по негово мнение е с изначална отвлечена семантика, родеещо се с исл. hrós ‘слава’ [ЭСРЯ I, 367].

Въз основа на емпиричното квалитативно значение впоследствие се развива значението му като название на оценъчен признак, базиран върху отношението на субекта на изказването към неговия носител съобразно съответствието, респ. несъответствието на качествената характеристика с определени естетически критерии.

Прилагателното красьнъ е документирано с посочените си значения и в състава на сложни композиции като техен първи или втори компонент: благокрасьнъ Гр. Наз. XI в. [МДРЯ I, ч. 1, кол. 100], богокрасьнъ Мин. окт. 30 свет. [ЦслР I, с. 53], красьнолицъ Ж. Екат. [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1317], красьноличьнъ Прол. май 9 [ЦслР I, с. 243], красьнолѣпнъ Мин. февр. 11 кан. п. 6 [ЦслР I, с. 243] (Срв. словосъч. красьнъ и лѣпъ в теп.-леор. [Микл]), красьнообразьнъ Мин. окт. Новг. XII в. [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1318].

Срещат се и градуални образувания с елативни форманти прѣ- и въсе- в значение ‘във висша степен красив’: прѣкрасьнъ [МДРЯ II, ч. 2, кол. 1656], въсекрасьнъ Осм. гл. 4 пет. кан. п. 8 [ЦслР I, с. 114]

Документирано е и прилагателното красотьнъ (< красота) [СДРЯ IV, с. 288. Вж. и ЦслР I, с. 243].

Глаголът красити означава съответно действие:

1. Украсявам, разкрасявам. Красащя на главѣ власы Ефр. корм. Трул. 96 [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1315]. Възвр. Красити са – Разкрасявам се. Красити са паче мѣры (гр. καλλοπιζεσθαι) Пч к. XIVв. [СДРЯ IV, с. 285].

2. Боядисвам (това е вероятно първичната семантика на думата, от която после се развива основното за средновековните славянски писмени паметници значение ‘права красив’) – често със съществителното вапъ ‘боя’: Вапомъ красить брадоу и главоу Пч. Син. 6 [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1315].

В медиален залог глаголът красити е развил още едно, емотивно, значение ‘радвам се, веселя се’ на базата на съществуваща асоциативна връзка между украсата на тялото (с пишно облекло и козметични процедури) и ведрото настроение на човека, между гизденето и празничната атмосфера. Вж. Изб. 1073 г. 100, 165. Срв. в същото значение и красоватиса в примера о тѣлесе красоующихъса Гр. Наз. XI в. [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1315].

Доколкото красотата – външна (телесна, притежавана по природа или постигана чрез изкуствени разкрасителни средства) и вътрешна (нравствена и интелектуална) откроява индивида сред себеподобните глаголът красоватиса означава и ‘привличам внимание, изпъквам’: моужь оунъ бывъ ... красоуѣса тѣломъ... Пр. 1383, 127г [СДРЯ IV, 285].

Ще отбележа и префиксалните производни оукрасити (са), гр. καλλοπιζεσθαι Юдит10:4 / оукрашати, гр. ωραιζω Мин. окт. 17 кан. п. [ЦслР II, с. 250]; оукрастъи, гр. ωραιουσθαι [Микл., с. 1046]; покрасити Панд. Ант. XI и XIVв. [Микл., с. 611], гр. κοσμεω; съкрасити са hom.-mih., гр. ενωραιζεσθαι [Микл., с. 928], оукрасовати (са) isaac., διοπτρ. [Микл., с.1046], гр. κοσμεω; прѣ/оу/красити / прѣоукрашати ‘украсявам богато’, гр. περικοσμεω, паралелно с адективираните причастия прѣоукрашенъ Пс. 143, 12, гр. περικοκοσμημένος, и прѣкрашенный Мин. авг. 18 сед. 1, гр. τελοικιμένος, с тяхната елативна семантика ‘премногo украсен’ [ЦслР II, с. 78. Срв. МДРЯ II, ч. 1, кол. 1656, Микл. 732]*.

* Като синоним на прѣоукрашити се среща прѣоудобрити ‘украсявам много’ (в преносен смисъл – с духовна красота), гр. περικαλλύειν Прол. дек. 6, паралелно с адективираното причастие прѣоудобренъ, περικαλλής Мин. авг. 18 троп. [ЦслР II, с. 78]. Засвидетелстван е и изходният глагол оудобрити, в чиято семантична парадигма значението ‘украсявам’ се развива от първично ‘права нещо да стане по-добро, да придобие по-добри качества; изправлям,

поправям' [МДРЯ III, ч. 2, кол. 1150]. Пак там с примери от Стихир. 1163 и Мин. 1097 е посочено и отглаголното съществително оудобрение. Срв. нвб. *подобрявам, подобрене*.

Към този синонимен ред принадлежат и дериватите от основа -твор- оутворити /сА/, оутварѣти /сА/ 'украсявам /се/', респ. оутворение и оутварь 'украшение', възходящи етимологично към праслав. *tvāriti, сродно с лит tvėrti 'държа, хващам' и оттам 'придавам форма, оформям'. Затова те се свързват в паметниците неизменно с представата за създаване и творчество [МДРЯ III, ч. 2, кол. 1304-1305]).

Миклошич регистрира и негирана форма неоукрашенъ в превода на словата на Григорий Богослов [Микл., с. 446]. Оукрашенъ се среща и като втора съставка на сложни прилагателни доброоукрашенъ, свѣтлооукрашенъ, златооукрашенъ, новооукрашенъ Ман. хрон.

Засвидетелствани са също девербативът крашение (с предметно значение) – крашение тѣлесноу Никон. панд. сл. 37 [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1319], и неговите производни – отрицателното неоукрашение hom.-mih (с отвлечена семантика) [Микл., с. 446], и елативното прѣоукрашение Мин. 1096 (окт.) [МДРЯ II, ч. 1, кол. 1710]. Миклошич прибавя към списъка на отглаголните деривати красование [Микл., с. 309], а И. И. Срезневски отбелязва и продуцираното със суфикс -ѣба име красѣба (също с предметно значение 'украса') [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1315].

И така, относно думите с мотивираща основа -крас-/краш- в паметниците на Slavica orthodoxa ще обобща, че по мое мнение от гледище на етимологията словообразователен връх на гнездото е нарицателното краса с първично конкретно значение 'червена окраска', мислена като естествена руменина на кожата или като нейно допълнително козметично подобрене. (Така е и според БЕР, където прилагателното *красен* се извежда от съществителното *краса*, а не обратно: „Праслав. *krasъль*, произв. от *krasa с наставка -ѣль“ [БЕР II, с. 718 по красен]). Извън това съществително триадата *название на обект* → *название на признак по името на този обект* → *название на процес / състояние* с инвариантно значение 'притежаване, придобиване или придаване на съответната качествена характеристика') се попълва от прилагателното красънь 'червен' и глагола красити (сА) 'червя (се); нанасям (си) червена боя; правя (се) червен'. От тази конкретна семантика се развиват вторичните абстрактни значения на думите 'червена боя' → 'красота', 'червен' → 'красив', 'червя' – 'украсявам', доколкото руменината (природна или придадена) се асоциирала с физическата хубост, и третичните 'радост', 'мил, приятен' 'радвам се'. От епохата на писмената кодификация на езика в синхронен аспект отношенията в семантичната парадигма на думите от разглежданото гнездо се трансформират, като преднина в езиковото съзнание добива тяхната абстрактна семантика, а изконно първичното им конкретно значение отива на заден план. Този обрат води след себе си още един – изнасянето напред на качествеността вместо обектността, при което словообразователен връх на гнездото вече става признаковото название красънь. Тази концепция много ясно е прокарана в СДРЯ, където краса и красота са обяснени чрез прилагателното красънь: 'свойство по красънь'. По абсолютно аналогичен начин и в Словообразователен речник на съвременния български книжовен език словообразователното гнездо на думите от основа -крас- също има за връх прилагателното *красив* [СлРСБКЕ, с. 174].

Извън тази обща лексика в анализираната тематична група влизат и редица конкретни наименования, в т.ч.:

1. Наименования на бои за гримиране
2. Наименования на благовонни масла и аромати
3. Наименования на козметични принадлежности и атрибути
4. Наименования на действия, свързани с разкрасителните процедури

Средновековните славянски писмени паметници пазят различни езикови свидетелства за прилагането на конкретни разкрасяващи средства. По онова време познавали и използвали не малко козметични препарати. Освен продуктите собствено производство от местни билки и цветя, мазила от животинска мазнина или растително олио, сапун от пчелен клей и зехтин за почитване и подхранване на кожата, с развитието на търговията започнали да се внасят

чуждоземни гримове и други козметични продукти, приготвяни от различни екзотични растения, етерични масла и благоуханни аромати.

В онази епоха рисуваха лицата си с растителни бои. По друг повод вече отбелязах по-горе общото название за 'боа' вапъ, означаващо всякакво багрило вещество, независимо дали е предназначено за оцветяване на тъкани, макиаж на лицето или боядисване на косата. Ето един пример за употреба на думата в интересувания ни тук смисъл: жени вапы лица пишоутъ ЙоЗлатXIV [МДРЯ I, ч. 1, кол. 226]. В преносно значение пък я виждаме в пассажа: видѣвъ оуношоу зардѣвшаса и ре(ч) во истинуоу вапъ добръдѣтельнъ имаша Пч. к. XIV, 123 [СДРЯ I, с. 371].

Съществителното вапъ (Срезневски посочва и морфологични дублети вапа и вапъ [МДРЯ I, ч. 1, кол. 226-227]) се пази и до днес в източнославянските езици руски, украински и белоруски, в западнославянските чешки, словашки, полски, долнолужишки, а от южнославянските – в сръбски. В нвб. се среща глагол *вапцям / вапсам*. [РБЕ <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/вапцям>]. Според Фасмер [ЭСРЯ 1: 272] е малко вероятно да се касае за стара гръцка заемка (срв. βαφή). В паметниците са документирани също производните вапньъ (вапньоу дѣлание КрмЕфр), вапница (Полик. посл.), вапсати [МДРЯ I, ч. 1, кол. 226-227]. Макар и да са засвидетелствани в различни от интересувания ни контексти, няма съмнение, че са се употребявали и досежно гримирането на лицето.

Особено се ценял светлият тен, съчетан с розови бузи и подчертан контур на очите. За постигането на този изглед си служели с белило за лицето, червило за бузите и устните и черна боя за клепките.

Най-търсен и прилаган цвят в макиажа бил белият. Бледата кожа се смятала като белег за аристократизъм, затова избелването ѝ било основна грижа. За целта се използвали различни пудри на основата на креда и гасена вар. Познат бил избелващият ефект и на оловото. Всички тези продукти били отбелязвани в паметниците с общото наименование бѣль м. Ето един пример: и начаша друога прѣд друоугоу червити лице и бѣлимъ трѣти Переясл. Л [МДРЯ I, ч. 1, кол. 219].

Широко употребима била и гамата на охрата – от жълто до портокалово и червено. Тя служила за градиране на скулите и подчертаване на устните, на които придавали червено-оранжев цвят с помощта на ярко червен живачен сулфит (минимум) или с кармин, добит от ябълковата гъсеница, както и със слюзта от пурпурен охлюв Паста от глина и охра или зехтин с пчелен восък са стари рецепти за приготвяне на червена боя за гримиране на лицето. (В древен Египет с тази цел били използвани червени кохорни бръмбари, римляните обикновено оцветявали своите бузи с червено вино, а гърките – със сок от плодове).

Червената боя за лице е означавана в средновековните славянски писмени паметници с общото название роумѣньць, отговарящ на днешните 'руж' (за страните) и 'червило' (за бърните): Видѣхъ женоу злообразноу приничующе къ зерцалоу и мажоущи ся роумянцемъ Сл. Дан. Затв. Засвидетелстван е и словообразователният дублет роумѣньство, произведен с наставка -ство за продуциране на отвлечени имена с последващо опредметяване на значението. Роумѣньствомъ творъ различенъ и пьстръ, еже имамы на лица Диоптра XV. Косата оцветявали с вапъ (обикновено къна).

Миглите се почерняли с чрънило – смес от стрит на прах въглен и овча лой или от сажди с белтък и смола. Използван бил и лепкав черен катран: една жена роумано лице имоуще очи смаглѣ, а брови висоцѣ акы черниломъ заволоченѣ и велми взорита ЗЦ к. 14, 576 [СДРЯ III, 288].

Очна сянка се приготвяла чрез смесване на зехтин с прѣст или въглен.

В цитираните примери откриваме и редица глаголи, назоваващи различни действия, свързани с нанасяне на грима по лицето: трѣти 'втривам', чръвити (с.л), чръмнѣти (с.л) 'начервя (се)', красити 'оцветявам', мазати 'намазвам', писати 'изпиша'.

Като козметично средство от древни времена се използват и благовонията наред с прилагането им при редица специални случаи – в еврейските, а по-късно и в християнските религиозни обреди като един от елементите на жертвения дар пред Бога; в различните

тайнства (миропомазване, свещенство, маслосвет); при погребалните церемонии. Играйски ролята на средство за ритуално очистване предвид факта, че се извличали от неподдаващи се на развала вещества, каквито са смолите, етеричните масла били употребявани също и в бита за поддържане свежо състоянието на кожата. След умиване и къпане тялото или части от него били натривани (мастити, мащевати) с елей и благовонни мазила (масть, масло). Това се правело особено при празненства и радостни събития. В Юдея служело като жест на уважение на домакина към неговия гост, както сведочат библейските книги. Примери: –Мастьномъ лицемъ Ж. Й. Богосл. Масть тѣла ради бысть, да же мастьт его (ἵνα χροΐζη αὐτό) Й. Екз. Бог.

В средновековните писмени паметници на славянски език са документирани различни заимствани от преводите на Свяшеното писание като библейски реалии или усвоени с внос на козметични продукти от Византия чужди наименования на етерични масла и благовония. Тук се числят:

а) общи названия като аромать, гр. ἄρομα (Фр. Миклошич регистрира и облик аромато [Микл, с. 7]); хризма, гр. χρίσμα (И. И. Срезневски регистрира и облици хрижма [МДРЯ III, ч. 2, кол. 1403] и крижма [МДРЯ I, ч. 2, кол. 1322]); мвро, гр. μύρον;

б) названия на отделни видове като касия, гр. κάσσια; нардо, гр. νάρδος, пистикия, гр. πωτική (В Остромировото евангелие е засвидетелствано и сложението от гореспоменатите нардопистикия, гр. νάρδος πωτικῆ [МДРЯ II, ч. 1, кол. 317]. Срв. в Мар. и Зогр. алавастръ хризмы нарѣдъны пистикияѣ Мк 14, 3; ливра хризмы нарда пистикияѣ Й 12, 3 [СС, с. 352]); стакти, гр. στάκτη);

в) названия на съдове за пренасяне и съхранение на етерични масла и благовония, например алавастръ (покрай домашните наименования стѣкланица и съсѣжд).

Тези заемки ясно сочат посоката на културно въздействие. Наличието на активно словообразуване, базирано върху някои от тези наименования в паметниците, показва, че те са били вече дълбоко вкоренени в езика и са имали широка употреба в речта. Вж., например, хибридниите наименования като похризмити (покрай домашното помаз/ов/ати), ароматьница, ароматъскии, ароматьствовати.

Освен заемките се употребявали домашни думи, между които съществителното вонѣ със или без определение добръа или благаѣа, както и производните от него дублети вонявица, вонялица, вонилица и вонича [МДРЯ I, ч. 1, кол. 300-301]. Налице са също и калки, съставени по гръцки образец (благожхание, благовоня, благовоние, благовоньное *ср. субст.*) [МДРЯ I, ч. 1, кол. 92, 108]. Терминологията включва и означения със синтагмен строеж като жхание валсамово, масть благовонья и др. Ето няколко илюстративни примера от писмените паметници, цитирани по МДРЯ и СДРЯ: мария же примѣши стѣкланицо масти сѣмѣшени балговоньны помаза нозѣ йсовѣ Йо 12, 3 Юр. Ев. сл. 1119. мастию не помазах се до три седмьнъ дньныхъ, гр. ἄλειψα Дан. 10, 3 (Упир). коупиша вона Мк 16, 1 Юр. Ев. сл. 1119. вонями мажущаяся, гр. μύρα ΚΕ. власы главныя соблюдающеу и всегда вонями мажашо ти(с) МПрXIV. вельми согрѣшають мыочеса по стмѣ комкань не со ц□срмѣ обѣдавъ кто или мвромъ мажемъ и воничами течеть скоро въ баню отъмывать добровония МПрXIV мвромъ мажемъ и воничами Теод. Сик. в Крм XIII-XIVв. Ж. Теод. Сик. Мин. чет. апр. не бо мвромъ мажемъ кто или вонявицами отъмывають блговония. Ж. Теод. Сик. Мин. чет. апр. Продааниемъ пшеница и вонялицъ касиѣ же и рочьныи медѣ, масло и точеница Ез. 27, 15. тѣло...свѣтло и красно и цѣло и блговоню имоуще (гр. εὐωδία) Иак. Бор. Гл. наполнивъ же я камении чстныхъ и бисера многоцѣннаго и всакого добровонна блгооухания приносиль Пал. 1406. и изагъ съсоудъ паче то(г) болии, благооухания прѣполненъ ПКП 1406.

Ясно личи тенденцията да се използва мн. ч. на наименованието за парфюм (вонѣ). Това може да се обясни с факта, че благовонията са се приготвяли обикновено на базата на смеси от няколко етерични масла.

С оглед на информацията, която получаваме от текстовете в качеството им на исторически извори ще отбележа, че на места в паметниците се отбелязва произходът на благовонията: обиста е (тѣло иисоусово) ризами съ ароматы. все же оубо б□лгожхание и паче отъ индискихъ арамафѣ, рекше благаѣхъ вонь ГАХIII-XIV. Другаде се изтъква тяхната

висока стойност, поради което не всеки могъл да си позволи употребата им: и благоухание отъ гроба бысть и воня подобна араматы многоцѣнныхъ ЛИ ок. 1425. яко ливануо воняюще или иному отъ цѣстныхъ вонь Ж. Пол. Мин.-чети Февр. Те се поднасяли като скъпи дарове, вкл. и с дипломатическа цел за затвърждаване на добри междудържавни отношения: донесите моужо дарь смолоу и медь и вонявицоу (воняца) Бт 40, 11 XIV в. приносаше кождо ихъ ... дары своя съсоуды златыя гѣдовабль, и воня добрыя и коня и мьскы (нѣбсцата) ГАХШ-XIV. С прилагателни като сладкожханьнъ и сладкоцѣхновенъ бива квалифицирано качеството на благовонията: муро сладкоцѣхновено Мин. 1096 (септ). муро сладкожханьно Мин. 1097.

Не било позволено осветените за богослужбена употреба миро и други благовония да се използват за ежедневни нужди. Това обаче очевидно е съществувало като практика, ако се съди по някои данни в изворите: аще чернецъ в бани мажется хрижмоу да са постить мѣднии КМДА.

Моралистите като цяло не препоръчвали парфюмирането, считайки го като проява на излишна суетност, средство за съблазн на ближния и изкушение, изнежващо собствените сетива: аще ноздри тѣ соут обонялы възбѣгаи блговони, ослаженемъ раслабѣль еси отрцисѣ гладотамъ и макотамъ ГБ XIV [СДРЯ I, с. 171].

Същевременно обаче в образната стилистика на средновековната литература ароматът става символ на добродетелите на Божиите избраници, които са истинските благоухаещи: покажѣте, молно, ктождо (къждо) васъ отъ добраго житья своего своя дѣла ... кипашю въ блговонное гсоу. се оубо ...свѣтлаго ради хожения блѣгихъ дѣль ТСтXIV. И обратно, смрадта е проявление на духовната сквернота от лошите дела: очи мои смрадь видита дѣль моихъ. лице мое стоуда исполни са, оуши мои на пѣсни бѣсовскыя оуверьзошаса, обоухание трѣбѣ есть блговоняния, оуста разверзаются на объядение и клатвоу СБярXIII, 32-33 [СДРЯ I, с. 171].

Този символ, както можем да видим от многобройните примери, се превръща в обикнат топос на много места: Якоже араматы ...аера исполняютъ благовоньствомъ своимъ, также и благаго моужа пришьствие ближнимъ пользоуетъ Пч. к. XIV [СДРЯ I, с. 171]. блгжханьемъ и свѣтлостью добродѣтели оукрасивъ дшоу свою ЖВИХIV-XV [пак там, с. 212]. да просияете яко свѣтила въ мирѣ, да блгооухаете ТСтXIV [пак там, с. 213]. вслѣдъ тебе текоса жены, мурѣ сладкоцѣхновенаго очютивыши Мин. 1096 (септ.) [МДРЯ III, ч. 2, с. 410]. Срв. и антонимните контексти: дньсь блѣгоуханиемъ мажущесѣ есмь, а оутро смердаща Пал1406. да якоже прияхъ блѣгоуханья приимоу злосмрадьѣ отъ мене исходащая ПНЧ XIV [СДРЯ I, с. 212-213].

Много сполучлива антитеза между отричането на преходните благовония, употребявани за плътски нужди, и утвърждаването на истинското и нетленно благоухание, което излъчват Божиите люде, откриваме в следния пример: в простыхъ ходаше и не во псаныхъ пѣши ходаше, не красны лици и ослабленама рукама и отъ таковыхъ ѣдва дышюще, но не тако инако блгооухающе и о томъ просвѣщающесѣ ТСтXIV [СДРЯ I, с. 213].

Трудно доловимата и при все това действителна изтъгненост на парфюма го сродява от символна гледна точка с духовното присъствие. Оставеният от вече отишъл си човек аромат се превръща в символ на спомена и вероятно това е значението му в чудесата с мироточеши икони и мощи: истачаетъ муро сладкожханьно ис твоихъ костии обило Мин. 1097.

Особено обикнато е противопоставянето на суетната хубост на женската плът и издигането на действителната и непреходна духовна красота Осъждат се жените, които „се мажат с благовония, подправят, лицето си посредствомъ белило и като мажат бузите си, променят напълно цвета на своето лице". Напротив, възхваляват се онези от тях, които „нямат нужда от украшения и разкрасяващи средства“.

Думите от подтемата често се срещат в образна употреба като сравнения и метафори: очисти тѣло постѣмъ, истрѣби жаждоу, оукрасии съмѣрениемъ, накади благооуханьною молитвою ЗЦ к. XIVв. [СДРЯ I, с. 213].

В заключение можем да обобщим следното: По метода на ключовите думи на Елмслев бяха ексцерпирани около 80 думи, принадлежащи към темата „Козметика“. Разглежданата

тематична група съдържа както домашна, така и чужда лексика в съотношение приблизително 7:1. Лексиката от подтемата „грим“ е основно славянска (воня, вапъ, краса, бълъ, роумѣньць, масть, мазати са), а в подтемата „благовония“ се срещат и определен брой гърцизми (хризма, муро, алавастръ, аромат, касия, нардо пистикия), хибридни образувания, произведени от чужда основа със славянски словообразователни форманти (похризмити ароматъница, ароматъскии, ароматъствовати), както и калки, произведени по гръцки образец (благожхание, благовоня, благовоние, благовоньное *ср. субст.*), и словосъчетания (жхание валсамово, масть благовоньна, воня добръя). В рамките на тази семантична група синонимията се проявява в синонимните редове: ароматъница – стъкълъница – съсоудъ – алавастръ; похризмити – помазовати; аромато – благожхание – благовоние – добровоние; чръвити са – чръмѣти са; (лице) красити – пьсати. Словообразователната вариантност се илюстрира в дублетите роумѣньць – роумѣнство; вонявица – вонялица – вонница; благовоня – благовоние – благовонство.

От гледна точка на словообразуването разглежданата тематична група съдържа основно конкретни наименования, образувани със следните наставки:

-ъць/ -ица – роумѣньць, ароматъница, вапъница, произведените от различна словообразователна основа дублети воняв-ица, вонял-ица, вон-ица;

-ниє – благо/жхание, оу/крашение (в резултат на опредметяване на първоначалната процесуална семантика);

-ло – масло, чрънило, чръвило, *срв.* в по-късния език *белило, руменяло*;

-ъство – роумѣнство, благовоньство (в резултат на опредметяване и обективация на първоначалната абстрактна семантика). Същият словообразователен формант се открива и в деноминативния глагол ароматъствовати.

В разглежданата тематична група присъстват думи от основния речников фонд, особено глаголи като писати, тръти, мазати, които разширяват семантичния си обем, развивайки функционална полисемия, поради активното им включване в разнообразни речеви сфери и промяна на тяхната обектна отнесеност или атрибуция.

Част от основния речников фонд на съвременния български книжовен език продължават да бъдат думи като *аромат, стъкленца, мажа се, червя се, пиша (вежди)*. Стилистично обогатени са *благовоние, благоуханен, благоухая, благоухание*. Със стеснено значение ‘лоша, неприятна миризма’ в съвременния език се явява думата *воня*. Има и такива, които са напълно отпаднали – похризмити, сладъкдохъновець, чръмѣти са, вапъ, касия, нардо, пистикия, нардопистикия.

Някои се срещат в диалектите: роумѣньць – *руменец* (БЕР VI, с. 343), мастити – *мастя* (БЕР III, с. 682).

Други са заменени от свои словообразователни дублети: бълъ – белило; роумѣнство – руменяло *диал.* ‘червило, плод на бяз’ (Ново село, Видинско) [БЕР VI, с. 343].

Съставът на групата е бил значително по-разнообразен и богат в сравнение със зафиксираното в средновековните писмени паметници. Сред това, което ни остава неизвестно, са вероятно диалектизми с по-ограничена регионална употреба, рядко използвани книжни гърцизми, архаизми и неологизми.

По-нататъшният анализ на различните тематични групи лексика, застъпена в средновековните писмени паметници, ще ни даде изобилен материал, който ще докаже словното богатство на старобългарския език, обхващащо думи за всички страни и процеси от материалния и духовния живот, позволяващо му да отразява в детайли многообразната действителност. Тяхното издирване и установяване е предмет на бъдещи изследвания.

Бележка

* Изследването е направено в рамките на двустранния проект между Кирило-Методиевски научен център към Българска академия на науките и Словашката академия на науките на тема „Езиков образ на правното и културно мислене в текстовете на старата българска и словашка литература“, № IC-SK/08/2021-2022.

Литература

1. Андреев Й. Всекидневието на българите през XII-XIV век. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 1992. 226 с.
2. Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. Составил В. А. Звегинцев. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962, 117-136.
3. Илиева, Т. Състояние и перспективи на съвременната българска историческа лексикография. Тематичен речник на старобългарския език // Писменото наследство и информационните технологии. El'Manuscript-2014 (Материали от V международна научна конференция Варна, 15–20 септември 2014 г.). Отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев, София-Ижевск, 2014, 248-256. Вж. ilieva_elmanuscript2014-1.pdf

Източници

- Бончев, Ат. архим. Речник на църковнославянския език. Т. 1. София: НБКМ, 2002; Т. 2. София: НБКМ, 2012. (= ЦслР).
- Иванова-Мирчева Д. ред. Старобългарски речник. Отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 1. София: В. Траянов, 1999. Т. 2. София: В. Траянов, 2009 (= СтБР).
- И-т за български език. Български етимологичен речник. Т. 1–8. София: БАН, 1971–2017. (= БЕР).
- И-т за български език. Речник на българския език. Т. 1–15. София: БАН, 1977→. (= РБЕ).
- Крысько В.Б. ред. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. В 10 т. Гл. ред. В.Б. Крысько. Москва: РАН. Ин-т русск. яз., 1988 →. (= СДРЯ).
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. Санкт Петербург: Импер. Акад. Наук. Репр. Москва: Книга, 1989 (= МДРЯ).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Москва: Прогресс, 1964–1973. (= ЭСРЯ).
- Цейтлин Р.М., Р. Вечерка и Э. Благова ред. Старославянский словарь (по рукописям X–XIV в.). Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Русский язык, 1999 (= СС).
- Kurz J. ed. Slovník jazyka staroslověnskeho. 4-vol. Praha: AV ČR, 1958–1997 (= СЯС).
- Miklosich, Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien: Scientia Verlag Aalen, 1862–1865 (= Микл).

УДК 811.33

А.В. Королькова

доктор филологических наук
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия

ИСТОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ АФОРИСТИКИ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

A.V. Korolkova

Grand PhD in Philology
Smolensk State University
Smolensk, Russia

THE HISTORY OF LEXICOGRAPHY OF APHORISTICS IN RUSSIA OF THE late XIX – early XX CENTURIES

Аннотация. Лексикография афористики XIX – начала XX века является классической как по широте охвата тем, так и по началу развития отдельных направлений. В конце XIX века

появляются первые обособленные книги русских афористов, сборники афоризмов зарубежных писателей. Афористика проникает из области художественной мысли в публицистику, в научные сочинения, активно вторгается со страниц газет, журналов, книг в повседневную речь.

Ключевые слова: лексикография, афористика, афоризм.

Abstract. The lexicography of aphoristics of the XIX – early XX century is classical both in terms of the breadth of topics and the beginning of the development of individual directions. At the end of the XIX century, the first separate books of Russian aphorists, collections of aphorisms of foreign writers appeared. Aphoristics penetrates from the field of artistic thought into journalism, into scientific writings, actively invades from the pages of newspapers, magazines, books into everyday speech.

Keywords: lexicography, aphoristics, aphorism

В истории русской лексикографии словари афоризмов, крылатых слов и выражений известны с начала XIX века, однако наибольшее количество их дореволюционных изданий увидело свет на рубеже XIX – XX вв. Интерес к мудрому слову в русской лингвокультуре существовал всегда. Заметим, что начало русской афористике было положено еще во времена Древней Руси в первых памятниках русской письменности, в которых содержались краткие мудрые изречения (по структуре представляющие собой пословицы), касающиеся самой разнообразной тематики. Многие из этих изречений стали крылатыми выражениями и активно используются в языке и в настоящее время. Например, «*Лучше убитым быть, чем пленным быть*» (из «Слова о полку Игореве»), «*всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может смыслить*» (из «Моления» Даниила Заточника).

Вводная афористика содержалась во многих текстах, но до XIX века русских словарей изречений не существовало.

В начале XX века афористика переживала подъем. Интерес к ней необычайно возрос уже в конце XIX века. Считается, что в период явно ощущаемых перемен люди пытаются найти ответы на интересующие их вопросы в мудрости предыдущих поколений. Так было и на рубеже XIX – XX веков и на рубеже XX и XXI столетий. Однако рубеж XIX – XX столетий в истории афористики отличался обилием книг обособленных афоризмов. Среди них можно назвать: "Мысли и афоризмы" Д.С. Христофорычева (1897); "Мысли и афоризмы" Д.Х. Тутаева (1898); "О счастье" Н.А. Лухмановой; "Мысли и афоризмы" И.О. Пирожникова (1901); "Мысли, афоризмы и негативы" М.В. Безобразовой (1902). Книга "Мысли и афоризмы" А.Г. Рубинштейна (1903) [3] содержала ряд изречений и пользовалась огромной популярностью, была разнообразна по широте охвата тем. Например: **Деспоты** никогда не считают народ достаточно зрелым для свободы. **Клевета** – столь же опасное оружие, как и огнестрельное. **Женщина** в обществе – змея, извивающаяся и ядовитая, с любовником – кошка, прижимающаяся и царапающаяся, с мужем – корова, полезная и безропотная. Кроме того, женщина – драматический элемент творения – и при всём том – всё же поэзия жизни.

Особенно нужно отметить, что в России возникает особый интерес к творчеству отдельных зарубежных писателей, поэтов, философов. И, как следствие, появляются переводные собрания их афоризмов. Так, нужно отметить сборник афоризмов Шекспира [Мысли и афоризмы] [20], Оскара Уайльда [Письма. Афоризмы. Стихотворения в прозе] [18], Эдгара По [11, 12], книги Ницше [8, 9, 10] и Шопенгауэра [21, 22, 23], Лихтенберга [4], Г. Спенсера [1], а также сборники афоризмов, например, «Мир и жизнь. Афоризмы из всемирной литературы (1891)» [6, 7].

В начале XX века в России господствовало ощущение приближающейся катастрофы. Интерес к произведениям и афористике Ницше как нельзя более иллюстрировал это ощущение. В 1899–1900 годах выходит в свет книга Ницше «Ценность европейской культуры. Посмертные афоризмы (из времени Заратустры). Происхождение морали о пользе и вреде истории для жизни». В 1900 году появляется книга Ницше «По ту сторону добра и зла», в которой, помимо прочего, приведены и изречения Ницше о физиологии нравственности, о

народах и Отчизне и пр. Книга переиздана в 1907 году. В 1911 году увидела свет книга Ницше «Человеческое, слишком человеческое», в которой приводятся изречения философа об общении, о женщинах и детях, о друзьях и дружбе и пр. В 1912 году опубликована книга Ницше «Рождение трагедии». Рассуждения Ницше о нравственности и безнравственности, об оправдании жестокости будоражили воображение наших соотечественников и пользовались большой популярностью.

Также большой интерес вызывали и философские рассуждения Шопенгауэра. Так, в 1887 г. в Санкт-Петербурге выходит его книга «Афоризмы и максимы. Мысли» в переводе Ф.В. Черниговца, в 1892-1895 г. уже выходит 3-х томное издание под тем же названием, в 1902 году книга опять переиздана в одном томе. Параллельно с этим изданием в 1888 году в Харькове выходит сборник статей и афоризмов Шопенгауэра «Статьи эстетические, философские и афоризмы» [21].

Об огромном интересе к творчеству Эдгара По свидетельствуют большие тиражи и разнообразие изданных книг произведений и афоризмов. В 1911-1913 году издано собрание сочинений Э. По в 5-ти томах, во 2 томе представлена и его афористика в переводе К. Бальмонта. В журнале «Новое слово. Ежемесячный журнал. Бесплатное приложение к газете Биржевые ведомости» в 1913 году опубликована подборка афоризмов Э. По [11].

Особый интерес и у современников, и у исследователей наших дней вызывают книги обособленных афоризмов Л.Н. Толстого. Его перу принадлежит несколько такого рода книг. Это и «Мысли мудрых людей на каждый день», и «Круг чтения» [15], и «На каждый день» [16], и «Путь жизни» [17]. Эти книги нельзя назвать собранием афоризмов, так как в них присутствуют помимо афоризмов самых разных авторов мысли и изречения самого Л.Н. Толстого, который, следуя традициям древнерусской литературы, считал возможным заимствовать мысли других авторов и перестраивать их сообразно своим взглядам. Сам Л.Н. Толстой в предисловии к «Кругу чтения» отметил, что можно и должно вольно обращаться с цитатами из других писателей, а классическое благоговение перед каждой фразой «есть очень важный и вредный предрассудок» [15, с. 470]. В сборнике «Путь жизни» он претворил в жизнь это положение и настолько изменил многие изречения, что даже «находил неудобным подписывать их именами их авторов» [17, с.17]. Об афористическом наследии Л.Н. Толстого весьма подробно писали Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская в монографии «Афористика», они указывали, что эти книги можно назвать «апологией любви и доброты». В каком-то смысле анализ афористики Л.Н. Толстого, данный в этой книге, оказался не совсем объективным, так как авторы монографии сетовали, что трудно разобраться, «какие мысли <у Льва Толстого! – А.К.> являются истинными, а на каких отразилось ошибочное мировоззрение писателя» [19, с.125].

Совершенно непонятно, по каким критериям вообще можно определить «ошибочность» мировоззрения Л.Н. Толстого. Творческое наследие Льва Николаевича Толстого огромно и полное издание его афористики, включая отдельные книги и множество вводных афоризмов, составило бы несколько объемных томов. Афористика Л.Н. Толстого назидательна, поучительна, ведь главной целью литературы он считал исправление нравов людей. Он считал себя ответственным за все, что происходило в России, и пытался с помощью пера исправить ситуацию. Множество афоризмов Льва Толстого посвящено России, Родине, русскому человеку, русскому языку. Например: Велика моральная сила **русского народа**. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для **России** минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из нечастий России, оставит надолго следы в ней. Что за прелесть народная **речь!** И картинно, и трогательно, и серьезно. Не верьте **словам** ни своим, ни чужим, а верьте **делам** и своим и чужим.

Афоризмы Льва Толстого обширны по объему, у него мало афоризмов, представляющих собой одно предложение, чаще в его художественных и публицистических текстах можно найти афористические высказывания. Л.Н. Толстой одним из первых в истории русской афористики высказал свое отношение к этой форме изложения мыслей, он полагал, что «афоризмы – едва ли не лучшая форма для изложения философских суждений», они развивают

силу ума, они непосредственны и смелы. Например: **Добро, красота и истина** ставятся на одну высоту, и все эти три понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного. **Добро** есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу. **Добро** есть действительно понятие основное, метафизически составляющее сущность нашего сознания, понятие, не определяемое разумом. **Добро** есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное.

Такой же огромный интерес к афористике, как и Л.Н. Толстой, проявил классик социалистического реализма М. Горький. В его творческом наследии, однако, нет отдельных книг афоризмов, зато изречения очень часто включались им в тексты художественные и публицистические. В монографии «Афористика» авторы указывают, что афористическими произведениями М. Горького можно назвать философский этюд «Часы» и поэму «Человек». Хочется заметить, что это все же не отдельные книги обособленных афоризмов, а художественные тексты с их включениями. Например: **Жизнь** тасует нас, как карты, и только случайно – и то ненадолго – мы попадаем на свое место. Надо так **жить**... чтобы самому себя можно было уважать...

Как и тематика афористики Л.Н. Толстого, тематика афористики М. Горького необычайно разнообразна, принципиально новой темой является тема революции, тема самопожертвования ради идеи освобождения, в его афоризмах впервые в русской литературе звучит тема революционной романтики. Множество афоризмов этого рода стали крылатыми выражениями. Например: **Безумство храбрых – вот мудрость жизни!** **Безумству храбрых поем мы славу!**

Малоизвестен тот факт, что А.И. Куприн также не пренебрегал жанром афоризма. Так, в журнале «Новое слово. Бесплатное приложение к газете «Биржевые ведомости» за 1909 год в № 3-4 [3] опубликована подборка его афоризмов. Например: **Язык** – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью. Женская **любовь**, точно уголь, который, когда пламенеет, то жжется, а холодный – грязнит! Если бы всякая **любовь** продавалась, то уж давным-давно земной шар и вся вселенная были бы в совершеннейшей и вечной власти дьявола.

В это же время, на рубеже XIX – XX веков, появляются сборники афоризмов, составленные из цитат из священных книг. В качестве примера можно привести книгу «Лучи света. Мысли и афоризмы из талмуда» (Составитель И. Штерн 1902 г.) [5] или книгу «Великие истины». Мудрые речи. Мысли и афоризмы замечательных проповедников» [2].

Приведенный перечень сборников и отдельных книг афоризмов можно продолжить, их десятки. Книги афоризмов выходили не только в столицах, но и в провинции, например, в Вятке.

В период начала Первой мировой войны в России стали пользоваться особой популярностью изречения классиков русской литературы, деятелей культуры, критиков о патриотизме, о Родине, о России. Редкий журнал в 1914–1916 гг. не печатал такую подборку.

Октябрьская революция 1917 года положила начало новой эпохе. Все революционные потрясения требовали словесной поддержки, и она находилась в афоризмах из произведений Руссо, Дидро, Монтескье, Маркса, Энгельса, а затем и Ленина. В период, последовавший вскоре за Октябрьской революцией, без афористических высказываний не обходилось ни одно политическое собрание или манифестация. Именно в этот период высказывания руководителей страны стали приобретать афористический характер из-за массового цитирования и превращаться в крылатые выражения.

Лексикография афористики XIX – начала XX века является классической как по широте охвата тем, так и по началу развития отдельных направлений. Именно в конце XIX века появляются первые обособленные книги русских афористов, сборники афоризмов зарубежных писателей. Афористика проникает из области художественной мысли в

публицистику, в научные сочинения, активно вторгается со страниц газет, журналов, книг в повседневную речь.

Об исключительной ценности опыта, содержащегося в афоризмах, в свое время писал Л.Н. Толстой: «У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное».

Литература

1. Афоризмы из сочинений Г. Спенсера, извлеченные и приведенные в систему Р. Гинджелль. Спб.: Изд. Н. Корбасникова, 1896. 200 с.
2. Великие истины. Мудрые речи. Мысли и афоризмы замечательных проповедников. Составитель Андерсонов. Спб., 1904. 112 с.
3. Куприн А.И. Афоризмы // журнал «Новое слово. Бесплатное приложение к газете «Биржевые ведомости» за 1909 год в № 3-4. Спб.: Типография Биржевые Ведомости, 1909. 160 с.
4. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. Перевод Соколова. Спб.: Издательство Л.Ф. Пантелеева, 1899. 272 с.
5. Лучи света. Мысли и афоризмы из талмуда. Составитель И. Штерн. Спб.: Издание В.И. Губинского, 1902 г. 64 с.
6. Мир и жизнь. Афоризмы из всемирной литературы. Избранные и переведен. О.Н. Штейнбергом. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1891. 412 с.
7. Мир и жизнь. Афоризмы из всемирной литературы. Избранные и переведен. О.Н. Штейнбергом. Третье, исправленное и дополненное издание. Спб.: Издание Первой Скоропечатни «Восток», 1900. 332 с.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Спб., 1900; переиздание 1907 г. 846 с.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. 201 с.
10. Ницше Ф. Ценность европейской культуры. Посмертные афоризмы (из времени Заратустры). Происхождение морали о пользе и вреде истории для жизни. Перевод Фрюлингга и Ринского. М.: Издание книгопродавца М.В. Клюкина, 1899-1900. 325 с.
11. По Э. // журнал «Новое слово. Бесплатное приложение к газете «Биржевые ведомости» за 1913 год в № 8. Спб.: Типография Биржевые Ведомости, 1913. 144 с.
12. По Э. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т.2 рассказы, статьи, афоризмы. Перевод с англ. К.Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1911 -1913.
13. Погодин М.П. Исторические афоризмы Михаила Погодина. М.: Университетская типография, 1836. 128 с.
14. Рубинштейн А.Г. Мысли и афоризмы. СПб.: г: Г.В. Малаховский, ценз. 1903. 175 с.
15. Толстой Л.Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Ч.1-2. // Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928 – 1958. ТТ. 41-42. М., 1957.
16. Толстой Л.Н. На каждый день: учение о жизни, изложенное в изречениях. Ч.1-2. // Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928 – 1958. ТТ. 43-44. М., 1929, 1932.
17. Толстой Л.Н. Путь жизни, 1910. // Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928 – 1958. Т. 45. М., 1956.
18. Уайльд О. Письма. Афоризмы. Стихотворения в прозе. Перевод Ек. Андреевой. М.: Гриф, 1905. 153 с.
19. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 415 с.
20. Шекспир В. Мысли и афоризмы. Составил А.Н. Сальников. Спб.: Издание В.И. Губинского, 1897. 94 с.

21. Шопенгауэр А. Статьи эстетические, философские и афоризмы. Перевод с немецкого Р. Кресин. Харьков: Издание книжного магазина В. и А. Бирюковых. Типография Каплана и Бирюкова, 1888. 307 с.

22. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Мысли. В переводе Ф.В. Черниговца. Спб.: 1887; переиздание в 1902 г.

23. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Мысли. В переводе Ф.В. Черниговца. Спб.: 1892-1895 гг. в 3-х т.

УДК 81'374(091)

И.И. Короткевич

канд. филол. наук

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

**«СЛОВАРЬ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА» И.И. НОСОВИЧА:
ИСТОКИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

I.I. Karatkevich

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor

Belarusian State University

Minsk, Belarus

**«DICTIONARY OF THE BELARUSIAN LANGUAGE» BY I.I. NOSOVICH:
THE ORIGINS OF THE BELARUSIAN NATIONAL LEXICOGRAPHY**

Аннотация. «Словарь белорусского языка» («Словарь белорусскага нарѣч'я», 1870 г.) И.И. Носовича – источник историко-этимологического исследования белорусского языка XIX в. Основной задачей словаря явилось собрание лексико-фразеологического материала из разных текстов и живой речи, чтобы утвердить стилистическое разнообразие лексики и утвердить наличие полноценного славянского языка. Лексико-грамматический состав реестровой и иллюстративной частей Словаря заложили основы научного изучения белорусского литературного языка.

Ключевые слова: белорусский язык, нациеобразующая лексикография, И.И. Носович.

Abstract. «Dictionary of the Belarusian language» («Dictionary of the Belarusian dialect», 1870) by I.I. Nosovich – a source of historical and etymological research of the Belarusian language of the 19th century. The main task of the dictionary was to collect lexical and phraseological material from various texts and live speech in order to establish the stylistic diversity of vocabulary and to establish the existence of a full-fledged Slavic language.

The lexical and grammatical composition of the registry and illustrative parts of the Dictionary laid the foundations for the scientific study of the Belarusian literary language.

Keywords: Belarusian language, nation-forming lexicography, I.I. Nosovich.

1. В начале XIX века развитие сравнительно-исторического языкознания способствовало интересу общественных и филологических кругов к разным народам и их языкам. Интерес к белорусскому языку проявился в результате раздела Речи Посполитой, после которого Беларусь вошла в состав Российской империи. Было заявлено, что Россия возвратила себе некогда утраченные земли, из чего следовало, что белорусский язык – это диалект русского языка. Польские же власти заявляли, что белорусский язык – диалект польского языка. Название территории «Беларусь» также отрицалось обеими сторонами, вместо этого употреблялись этнонимы «Западнорусский край», «Северо-Западный край» или «Восточные

окраинь», «Восточные кресы» (*Kresy Wschodnie*). После присоединения на западные губернии Российской империи распространился указ Петра I от 1720 г. о запрете книгопечатания на ином языке, нежели русском.

Это привело к противоречивым взглядам языковедов на статус белорусского языка. Некоторые из них (В. Даль, А. Соболевский, И. Срезневский, А. Потебня и др.) считали его диалектом русского языка, некоторые же (С.Б. Линде, Я. Чечот, Н. Надеждин, М. Максимович, К. Калайдович, П. Шпилевский, З. Доленга-Ходаковский, Д. Языков) считали самостоятельным языком.

Попытки изучения белорусской культуры и языка в первой половине XIX века предпринимались со стороны российской общественности, но эти попытки были случайными и несистемными (например, некоторые белорусские материалы среди работ «Общества любителей российской словесности»).

Во второй половине XIX – начале XX вв. на белорусских территориях началось движение за восстановление самостоятельности Польши в границах 1772 г., а значит, с вхождением в эти границы белорусской территории. По этой причине царское правительство стремилось доказать, что население «Северо-Западный край» – это великорусское «племя», что вынудило учёных обратиться к исследованию быта, языка и культуры белорусов. Множество белорусских народных песен, легенд, этнографических заметок стало печататься на страницах газет и журналов. Кроме этого, назрела необходимость системного изучения словесного богатства белорусского языка.

2. В истории изучения белорусского языка важную роль сыграла образовательная, исследовательская и лексикографическая деятельность Ивана Ивановича Носовича (1788–1877), уроженца Могилёвской губернии. Он посвятил себя педагогической работе, а после отставки в 1843 г. вплотную занялся исследованием белорусского лексико-фразеологического наследия.

В сотрудничестве с Археографической комиссией, этнографическим отделением Русского географического общества, Отделением русского языка и словесности Академии наук были подготовлены значительные исследования, такие как «Алфавитный указатель старинных слов», извлеченных из Актов, относящихся к истории Западной России» (1853 г., не опубликовано, Уваровская премия 1865 г.); «Сборник белорусских пословиц» (Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии, 1867 г.), «Сборник белорусских пословиц» в двух томах (1867–1869 гг.); «Сборник белорусских песен» (1873 г.) и др. За «Сборник белорусских пословиц» (1874 г.) И.И. Носович был вознагражден золотой медалью Русского географического общества. Академик Петербургской академии наук И. Срезневский высоко оценил деятельность энтузиаста и советовал Отделению русского языка и словесности просить И. Носовича продолжать сбор народного творчества и присылать эти записки в Академию наук.

Одновременно И. Носович работал над большим белорусским словарём и обращался в Академию наук с ходатайствами об официальном разрешении на его публикацию в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», в результате чего в 1861 г. Отделение русского языка и словесности предложило составителю подать белорусский словарь на конкурс, где он был отмечен половиной Демидовской премией в 1863 г. Однако издан «**Словарь белорусскаго нарѣчiя**» («Слоўнік беларускай мовы») был только в 1870 г.

Словарь содержал более 30 тыс. лексико-фразеологических единиц живой белорусской речи середины XIX в., собственноручно записанных И. Носовичем в Могилёвской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях, лексика из его же «Алфавитного указателя старинных белорусских слов», а также материалы из записей И. Григоровича и С. Микуцко, из памятников старобелорусской письменности, периодических, фольклорных и историко-этнографических изданий, актов, грамот. Таким образом, словарь систематизировал лексику живого народного языка и одновременно явился источником для филолого-этнографического исследования белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности.

Объяснение задач словаря раскрывается в отдельном Предисловии к нему. Само Предисловие, хотя и написано всего лишь на 2 страницах, имеет самостоятельную научную ценность, не имеет постраничной нумерации и не входит в общую нумерацию страниц словаря. Написано оно было не самим И.И. Носовичем, а секретарём Императорской Академии Наук академиком К. Веселовским.

Предисловие формулирует основную цель словаря белорусского «наречия»: «*въ виду сознанный необходимости иметь подь руками словарь этого наречія, между прочимъ и для пониманія важныхъ и любопытныхъ историческихъ актовъ, на немъ писанныхъ*», объясняя это тем, что «*Белорусское наречіе, которое является господствующимъ на обширномъ пространстве отъ Немана и Нарева до верховьевъ Волги и отъ Западной Двины до Припечи и Ипути, которымъ говорятъ жители северо-западныхъ и некоторыхъ частей смежныхъ съ ними губерній, или техъ местностей, которыя некогда населяло Кривичское племя, уже давно обращало на себя внимание отечественныхъ филологовъ по уцелевшимъ въ немъ драгоценнымъ остаткамъ стариннаго языка*» [3].

В Предисловии к словарю указаны источники лексического материала: памятники устной народной словесности: песни, пословицы, поговорки, сказки и т.п.; сборники слов, собранные И. Носовичем в поездках по белорусским губерниям; алфавитный указатель старинных белорусских слов из Актов Западной России, составленных им же; Опыт областного словаря великорусского наречия, в который вошло несколько небольших сборников белорусской лексики; немногочисленные материалы белорусской словесности из «Известий Императорской Академии Наук» по отделению русского языка и словесности, «Трудов Московского общества любителей словесности», «Этнографического сборника Императорского Русского географического общества», сборников Я. Чечота и Р. Зенкевича.

Реестр словаря был составлен по-белорусски, а словарные статьи были переведены на русский язык. Значения слов и сочетаний слов раскрывались авторскими толкованиями и диалектными или литературными цитатами, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, фрагментов народных песен:

Баба-Яга, -ы -и, с. ж. 1) Бранное слово на злую старуху. Чертовка или вѣдьма. 2) въ сказкахъ: Злой дух въ образѣ старой отвратительной женщины. Бѣлоруссы въ старину имѣли повѣрье, будто баба-яга похищаетъ малыхъ дѣтей и питается ихъ мясомъ. И нынѣ малыхъ дѣтей страшатъ бабой-ягой, чтобы они не плакали.

Баба-яга, косяная нога

На ступѣ ѣдзецъ,

Товкачомъ погоняецъ,

Помеломъ слѣдъ замѣяецъ. (Сказка) [3, с. 10].

Микола, -ы, с. м. 1) Имя отъ крещенія Николай. *Позови Миколу сюды.* 2) Святит. Николай. *Поставлю свѣчку святому Миколѣ, колибъ тольки выбрацьца отъ бѣды.* 3) Праздникъ св. Николая. *Лѣтній Микола. На Миколу нѣту ни зимы ни лѣта. (Посл.)* 4) Церковъ свят. Николая. *Живецъ подь Миколю.* [3, с. 284].

Толока, -и, с. ж. 1) Сельская полевая работа съ приглашенными на помощь сосѣдями. Толокою вывозять навозъ, косять, жнуть, пашуть и проч.; угощеніе есть необходимое условие толоки. *Просивъ панъ на толоку, а не пойдзешъ, и за лобъ поволоку.* Посл. 2) собирать. Прошенные на полевую работу сосѣди.

Да гудзецъ поле, гудзецъ; толока съ поля идзецъ. Изъ пѣсни.

Слава, да й слава, паночекъ, твоя:

Пьяна, да й пьяна, толока твоя. Изъ пѣсни [3, с. 636].

Именно использование в качестве иллюстрационного материала фрагментов живой народной речи – народных песен, идиоматических и фразеологических единиц – с сочетанием разных лексикографических параметров (переводных, толковых, диалектологических) обусловило своеобразие словаря И. Носовича.

В списке сокращений отсутствует отдельное разделение на сокращения лингвистических терминов, этимологических или региональных помет. Но в общем списке выделяются:

– «обозначения географического ареала распространения лексем: Брестский, Пинский, Пружанский уезды, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская губернии;

– этимологические характеристики слов, как их понимал сам И.И. Носович: *белорусское, греческое, древнее славянское, жидовское, жидовско-немецкое, латинское, литовское, польское* (перевод с белор. наш – И. К.);

– общие характеристики происхождения слов: *детское слово, заимствовано, «известного значения», областное слово, «от древнего слова», «собственное от крещения», «старинное слово», «философическое слово», церковное слово, юридическое слово;*

– стилистические характеристики слов: *«бранное», «иронически», «ласкательное», «негодование», «ругательное слово», «смягчительное слово», «увеличительное слово», «укорительное слово», «уменьшительное слово», «уничжительное слово»;*

– фольклорные характеристики источников: *волоочной песни, духовной песни, колыбельная, крестинной песни, пословица, поговорка, рекрутской песни, свадебной песни;*

– характеристики специфического употребления слов: *«в нравственном отношении», «желательно», «от малоупотребительного, неупотребительного слова», «употребляемое в среднем классе народа»* [1, с. 173].

Разветвлённая система авторских помет, отражение стилистической дифференциации слов «свидетельствует о зарождении и становлении белорусской лексикографической традиции в современном её понимании» [2, с. 67].

Публикация «Словаря белорусского нарѣчія» в Санкт-Петербурге в 1870 г. не осталась незамеченной в академическом сообществе и вызвала отзыв в виде рецензий академиков А.Ф. Бычкова и И.И. Срезневского в авторитетной публикации – специальном издании Императорской академии наук о присуждении Демидовской премии (1865 г.). И.И. Срезневский написал особенно развёрнутую рецензию-отзыв, где отметил и подвижническую самостоятельную работу составителя словаря, и практическое значение этого издания в качестве собрания лексики живой устной речи. Однако кроме неподдельного восхищения и похвалы («*Что касается до Словаря белорусского наречия, то я позволю себе выразить уверенность, что этот труд г. Носовича достоин особенного внимания Комиссии, как в своём роде необыкновенный*» [4, с. 20]), в рецензии содержались и пожелания. Они касались, в частности, необходимости последовательной передачи:

- правописного оформления белорусского произношения (*ѣ, цца* и др.);

- замены форм косвенных падежей в реестре на формы именительного падежа;

- звуковых изменений в глаголах при изменении их форм;

- передачи этимологических сведений в тех случаях, где возможно их воссоздать, и избегания ложной этимологии в очевидных случаях;

- разграничения лексики «южного великорусского наречия», «северного великорусского наречия» и «малорусского великорусского наречия» [цит. по: 4, с. 26].

Тем не менее, мнение рецензента однозначно: «*Только при помощи такого словаря, каков словарь Носовича, можно начать подробные расследования о составе белорусского наречия, и между прочим искать оправдательных доказательств предположению, что в этом наречии сохранилось очень много древнего, важного для истории русского языка... Нельзя поэтому не желать, чтобы словарь г. Носовича был издан; с уверенностью можно сказать, что он принят будет везде с уважением и признательностью*» [цит. по: 4, с. 25].

Таким образом, стремление составителя раскрыть этническую аутентичность белорусского населения в составе империи объясняет фольклорную основу реестровой части словаря. Заинтересованность автора национальной культурой углубляется с развитием этнографии и диалектологии, что обусловило этнолингвистическую составляющую в реестровом, объяснительном и иллюстративном аппаратах словаря. Это показало лексико-фразеологическое богатство белорусского языка, подтвердило этническую давность и культурную самобытность населения Беларуси и придало словарю историко-культурную ценность. Благодаря удачному совмещению разнообразных приёмов описания живой белорусской речи лексикографический труд И. Носовича стало возможным использовать

также для перевода старославянских и старобелорусских текстов, объяснения отдельных этнографических явлений. Составленный в период неоднозначного имперского отношения к т.н. «белорусскому нарѣчю», словарь И.И. Носовича явился первой значительной лексикографической обработкой белорусской лексики, положил начало научной систематизации лексико-фразеологического состава белорусского литературного языка и стал нациеобразующим словарём белорусского литературного языка.

Літаратура

1. Караткевіч І.І. Крыніцазнаўчы аналіз «Слоўніка беларускай мовы» І. Насовіча і «Слоўніка ўкраінскай мовы» Б. Грынчэнкі // Мова – Літаратура – Культура: Матэрыялы VIII Міжнар. навук. канф., Мінск, 15-17 верасня 2016 г. У 2 ч. Ч. 1 / Беларус. дзярж. ун-т. Мінск. 2016. С. 172-175 [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/233109/1/Караткевіч%20І.І.%20Крыніцазнаўчы%20аналіз%20Слоўніка%20беларускай%20мовы%20%20І.І.%20Насовіча%20і%20Слоўніка%20ўкраінскай%20мовы%20Б.Грынчэнкі.pdf>, свабодны. – (дата абращения: 06.08.2022).
2. Короткевич И.И. «Словарь белорусского языка» И.И. Носовича: становление национальной лексикографии // Славянские чтения – 2020: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 18-19 мая 2020 г. / Отв. ред. С.В. Минибаява. Стерлитамак. 2020. С. 65-69.
3. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск: БелСЭ, 1983. 756 с.
4. Прыгодзіч, М. Р. З жыццяпісу і гісторыі стварэння «Словаря белорусского наречия» І.І. Насовіча // Спадчына Івана Насовіча і беларускае мовазнаўства: матэрыялы навуковых чытаньняў, прысвечаных 220-годдзю з дня нараджэння Івана Іванавіча Насовіча (18 лютага 2018 года, г. Мінск) / адк. рэд. М.Р. Прыгодзіч; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Мінск. 2008. С. 16-28.

УДК-82.003.2Л.

Л. Ли (КНР)

Аспирант

Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ «СРАВНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ВСЕХ ЯЗЫКОВ» ПАЛЛАСА П.С. И «ШОВЭНЬ ЦЕЦЗЫ» СЮ ШЭНИ

L. Li

postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

COMPARISON OF THE STRUCTURE OF THE "COMPARATIVE DICTIONARY OF ALL LANGUAGES" BY PALLAS P.S. AND "SHUOWEN JIEZI" BY XU SHEN

Анотацыя. В статье сопоставляются принципы расположения слов в тезаурусе «Сравнительного словаря всех языков» Петра Симона Палласа и китайском словаре «Шовэнь Цецзы» Сю Шэни, приводится ряд сходства принципов построения обоих словарей.

Ключевые слова: «Сравнительного словаря всех языков» Петра Симона Палласа, «Шовэнь Цецзы» Сю Шэни, расположение слов, словник, лексико-семантическая группа, тезаурус.

Abstract. The article compares the principles of the arrangement of words in the thesaurus of the "Comparative Dictionary of All Languages" by Peter Simon Pallas and the Chinese dictionary "Shuowen Jiezi" by Xu Shen, provides a number of similarities in the principles of construction of both dictionaries.

Keywords: "Comparative Dictionary of All Languages" by Peter Simon Pallas, "Shuowen Jiezi" by Xu Shen, word arrangement, dictionary, lexico-semantic group, thesaurus.

Статья посвящена сопоставлению принципов расположения слов в тезаурусе «Сравнительного словаря всех языков» Петра Симона Палласа и китайском словаре «Шовэнь Цзецзы» Сю Шэни.

Выбор этих словарей обусловлен тем, что они служат фундаментальным материалом при изучении происхождения слов в русской и китайской лексикографии и важным этапом развития русской и китайской лексикографии.

Тезаурус «Сравнительный словарь всех языков» Палласа П.С. вышел в свет в 1787–1789 гг. в Санкт-Петербурге на русском языке, в этом словаре каждое заглавное слово было переведено на все известные к тому времени иностранные языки (200), причём произношение иностранных слов было передано русскими буквами. Таким образом, словарь Палласа являлся первой попыткой сопоставления лексического материала разных языков Российской империи. В словаре не приводились сведения о грамматических характеристиках слов, но записанные русскими буквами слова, похожие в родственных языках, в какой-то степени способствовали формированию представлений о генетической классификации языков [Волошина 2012: 357], ведь звуковые соответствия являются одной из важнейших методик доказательства языкового родства. Кроме того, в словаре-тезаурусе П.С. Палласа слова следовали друг за другом в такой последовательности, которая позволяла объединять их в лексико-семантические группы – списки слов соответствовали перечням основных понятий. Например, *названия деревьев и их частей: дуб, пень, листья, плоды, кора, корень и т. п.*

Словарь «说文解字Шовэнь цзецзы» Сюй Шэнь вышел в свет в 100 г. н. э. Его название в переводе звучит как «объяснение простых и толкование сложных знаков». При описании происхождения слов китайского языка иероглифологический анализ опирается на объяснение принципа образования именованного, на семантику слова и звуко-смысловые соотношения. В контексте объяснения семантики и способа образования иероглифов, необходимо ввести важное понятие китайской иероглифики – «ключ», которое обладает особой смысловой значимостью, ведь иероглифы с одинаковым ключом имеют общую сему (элемент значения) или общую формальную принадлежность. Сю Шэнь в своём словаре впервые систематизировал все иероглифы по ключам, например, *иероглифы с ключом дерева 木 [му]: 林 [лин] (лес), 松 [сун] (сосна), 根 [гэнь] (корень), 枝 [чи] (ветка), 桔 [цзюй] (мандарин) и т. п.*

Сравнивая принцип построения словарей Палласа и Сю Шэни, мы убеждаемся в сходстве принципов построения словарей и расположения слов.

1. Словари начинаются словами, называющими важнейшие для культур понятия, и заканчиваются «числительными словами»

В словаре Палласа первым словом было «**Бог**» – важнейшее, основополагающее понятие христианской культуры. Именно Бог считается началом и причиной существования всего окружающего мира и самого человека. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [Иоан. 1, 1–4].

Вторым словом в словаре Палласа было слово **Небо**, потому что «в начале сотворил Бог небо и землю», и небо оказалось местом пребывания Бога.

Однако в словаре Сю Шэни, первым ключом, также и первым иероглифом является — [и], который обозначает один. Согласно китайской философии, — [и] – это начало всего. Дао (Путь) рождает одно (нерасчленённое единство), и одно рождает два (раздвоенность – небо и

землю), два рождает три (триаду), от трёх рождаются все существа (вещи). Не случайно, иероглиф 天 [тянь] (*небо*) имеет ключ — [и], и иероглиф 天 [тянь] (*небо*) был третьим словом в словаре Сю Шэни.

Завершается список слов в словаре Палласа числительными (от 1 до 10, название *сотни* и *тысячи*). А словарь Сю Шэни заканчивается иероглифами системы китайского циклического летоисчисления (Система китайского циклического летоисчисления, основанная на сочетании десятиричного (天干) и двенадцатеричного (地支) циклов (см. соответственно небесные стволы и земные ветви). Т. н. система гань-чжи, образована из наблюдений за небесами (небесными явлениями), за звездами (изменением мест звезд, или астрологией) в древнем Китае), которые употреблялись для названия времени суток, года и служили порядковыми числительными.

2. Наличие словника и индекса (алфавитного указателя)

В словаре Петра Симона Палласа все слова четко расклассифицированы по категориям (по тематическим группам), например: термины родства, части человеческого тела, природные явления, растения, животные и т. д. При этом можно определить категорию, к которой относится нужное слово, но всё-таки часто бывает сложно быстро его найти в силу известной субъективности тезауруса. Для быстрого поиска слова в словаре приводится словник – перечень слов с указанием нужного раздела.

Сходную функцию в китайском словаре выполняет индекс, так как Сю Шэни выделил всего 540 ключевых знаков, порядок которых сложно запомнить, причём каждый ключ охватывает переменное количество иероглифов.

Таким образом, словник (ропись) в словаре Палласа можно сравнить с индексом в словаре Сю Шэни, все они выполняют одну и ту же функцию вспомогательного аппарата для эффективного поиска нужного слова.

3. Связь между категориями понятий и ключами

Как упомянули раньше, в словаре Палласа слова группируются по категориям (тематическим группам), например, после слов **Бог** и **Небо**, первой категорией были термины родства (**Отец**, **Мать**, **Сын**, **Дочь** и т. п.), далее части человеческого тела (**Голова**, **Лицо**, **Нос**, **Глаз** и др.), абстрактные понятия (**Любовь**, **Боль**, **Жизнь**, **Смерть** и т. д.) и т. п.

Анализ слов и их группировки по категориям позволяет обнаружить связь между ними: так за словами **Бог** и **Небо** стоит слово **Отец**, с которого начинается перечень наименований кровных родственников. Далее перечисляются слова, называющие материальные объекты и понятия духовной и ментальной сферы: части тела, названия жилища, растений и животных, а также перечень названий абстрактных понятий, который заканчивается словом «**Смерть**». Далее начинается категория «природных явлений», начинающаяся со слова «**Стужа**», причиной этого, возможно, является устойчивое словосочетание «смертная стужа» и ассоциация смерти с холодом. Конечно, такие связи имеют субъективный характер.

Связи между словами одной тематической группы кажутся более понятными, естественными и логичными, так как нам проще найти общую сему следующих друг за другом слов (можно сказать, что такие слова принадлежат к одной лексико-семантической группе.) Например, перечень слов «**Круг**, **Шар**, **Солнце**, **Звезда**» имеет общее значение «круглый объект», а «**Песок**, **Глина**, **Пыль**, **Грязь**» - состав или состояние почвы и т. п. Можно сказать, что главным критерием классификации слов в словаре Палласа, является семантика, кроме того, это многоязычный словарь, поскольку каждое слово представлено материалом различных языков.

В словаре Сю Шэни, кроме семантической связи, как в словаре Палласа, ключи группируются также по формальному признаку. Например, один ключ частично повторяется в следующем ключе (三, 王, 玉, 珏; 聿, 聿, 書), причём следующий ключ сложнее или проще предыдущего (習, 羽 и 广, 广).

Что касается семантической связи между ключами, то в индексе словаря нетрудно заметить несколько лексико-семантических групп, например:

- группа ключей со значением части тела: 齿(зуб), 牙(зуб), 足(нога), 舌(язык) и 肉(мясо), 骨(кость), 筋(связка);

- группа ключей со значением животных: 象(слон), 马(лошадь), 麕(единорог), 鹿(олень), 鼯(чо, животное, похожее на огромного чёрного зайца), 兔(заяц), 犬(собака), 鼠(крыса).

Как уже было сказано, иероглифы с одинаковым ключом имеют общую сему (элемент значения) или общую формальную принадлежность, в таком случае, мы можем объединять иероглифы с одинаковым ключом в одну лексико-семантическую группу, например, 吃 – есть, 喝 – пить, 吹 – дуть, 唱 – петь, 咳 – кашлять. Все эти иероглифы имеют ключ 口 (рот), соответственно, значения этих иероглифов тесно связаны со ртом.

Таким образом, принцип составления словарей Палласа и Сю Шэни оказывается во многом сходным, ведь слова располагаются в соответствии с классификацией по тематическим группам, однако в словаре Палласа (как в многоязычном словаре) приводятся слова разных языков, а в словаре Сю Шэни группировка слов основывается не только на общих понятиях, но и на общности ключей – формальной части структуры иероглифов.

4. Отражение знаний о мире

Словарь-тезаурус нам даёт представление об объединении разных понятий в общую «картину мира», об иерархии понятий и об ассоциативных связях, которые возникают между различными понятиями. Кроме того, по мнению Воронцовой, тезаурус — это «сверхпонятие», которое, с одной стороны, отражает запас знаний человека о мире, с другой стороны, представляет собой систематический справочник, в котором отражены связи между понятиями [Воронцова 2011: 6–7]. Таким образом, можно предположить, что тезаурус позволяет описать окружающую действительность (мир) с помощью языка.

При изучении индекса словаря Сю Шэни мы также обнаруживаем элементы китайской картины мира, например, китайской философской мысли, что помогает нам понять формирование китайской языковой картины мира и особенный образ мышления китайского этноса.

Таким образом, сопоставляя принципы построения двух словарей, никак не связанных и принадлежащих разным культурам, мы убеждаемся в поразительном сходстве: **словарь-тезаурус**, представляющий группировку понятий по семантическим группам, отражает языковую картину мира. Сходство проявляется, кроме того, в расположении слов – от главных понятий к второстепенным, а также в формальной структуре словарей.

Важно подчеркнуть, что словарь Палласа – многоязычный, списки слов позволяют говорить о сходстве слов родственных языков, тогда как китайский словарь является отражением исключительно китайской картины мира, использует принцип формальной классификации слов с опорой на ключ.

Оба словаря являются семантическими словарями, то есть словарями-тезаурусами, опираются на семантическую категоризацию, то есть, можно сказать, являются продуктом **когнитивной лексикографии**.

Литература

1. Волошина О.А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012, № 6 (1). С. 354–361.
2. Воронцова И.А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново. 2011. 23 с.
3. Каминская Л.Н. К истории создания первого российского универсального словаря 1787, 1789 гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета, №. 1 (5). 2016. С. 4.
4. Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. СПб.: Печатано в типографии у Шнора, 1787–1789. 2 тома.
5. 图解说文解字 / (汉) 许慎撰; 思履主编 - 北京: 中国华侨出版社, 2016.

ЯЗЫК «ПОВЕСТИ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ»

G.V. Sudakov
doc. philol. Sciences
Vologda State University
Vologda, Russia

LANGUAGE OF «THE TALE OF FROL SKOBEEV»

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых особенностей «Повести о Фроле Скобееве» – первой русской плутовской новеллы с целью охарактеризовать речевую основу повести. Доказывается, что повесть является записью текста, созданного первоначально как устное повествование, изложенное средствами просторечия. Рассматриваются элементы просторечия на лексическом и грамматическом уровнях языка.

Ключевые слова: история русского литературного языка, историческая лексикология, тематические группы слов, словосочетание, художественная речь.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguistic features of "The Tale of Frol Skobeev" - the first Russian picaresque short story in order to characterize the speech basis of the story. It is proved that the story is a record of the text, originally created as an oral narrative, presented by means of colloquial speech. The elements of vernacular at the lexical and grammatical levels of the language are considered.

Keywords: history of the Russian literary language, historical lexicology, thematic groups of words, phrase, artistic speech.

Один из наиболее оригинальных памятников русской словесности начала XVIII века – «Повесть о Фроле Скобееве» (далее – Повесть). Повесть открыта в 1852 г. в сборнике XVIII в. из архива М.П. Погодина. Это анонимный литературный памятник, точная дата создания его не установлена. В своей статье на эту тему я доказывал, что повесть написана не ранее третьего десятилетия XVIII века. Из девяти списков повести самый ранний относится к первой половине XVIII века. Итоги литературоведческого анализа Повести обобщались неоднократно [1; 7; 6; 5; 15, 14]. Комплексное исследование языка Повести ранее не проводилось.

Наша статья посвящена проблеме просторечия в русском литературном языке начала XVIII века и в связи с этим языковым особенностям «Повести о Фроле Скобееве». Повесть представляет собою историческое бытовое повествование, к тому же это первая русская плутовская новелла. Современные методики сравнительно-сопоставительного и структурно-семантического анализа помогают ответить как на вопросы истории и языка произведения, так и определить роль просторечия в создании литературных произведений в начальный период национального литературного языка.

Для анализа мы взяли Погодинский список (ГПБ, собр. Погодина, №1617, лл. 59-71), изданный В.П. Бударагиным [9]. Дополнительно привлекается ещё одна публикация [16].

Вначале попробуем разобраться в стилистических установках автора. По традиции в произведениях древнерусской литературы во вступлении, а иногда в концовке приведена стилистическая декларация автора. Так, в концовке цикла сочинений Аввакума и Епифания есть обращение Аввакума к «чтущим и слышащим»: *<...> что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обыкъ речи красить, понеже не словесъ красныхъ богъ слушаетъ, но дель нашихъ хоцетъ* [12, с. 454]. Здесь Аввакумом впервые определяется понятие «просторечие».

В «Повести о Фроле Скобееве» роль стилистической установки выполняет начальный фрагмент: *В Новгородском уезде имелся дворянин Фроль Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах* [9, с. 55]. Автор, используя стилистику деловой описи, реестра, представляет главных героев. Троекратно повторенный глагол *иметься*, равно применимый как к людям (*Фрол Скобеев, Аннушка*), так и к имуществу (*вотчины*), вносит ироничную ноту в содержание текста. Автор обыгрывает двузначность глагола *иметься*: “находиться, жить” и “быть в наличии”, причем второе значение явно важнее первого. Фрол – главный герой, он – субъект действия, причем для Фрола обладание вотчинами важнее Аннушки, но без завоевания Аннушки не овладеть вотчинами.

Лаконизм и сухость описания, внимание только к фактической стороне событий, полное отсутствие каких-либо образных средств – отличительная особенность текста. Только факт, событие, подлинность значимы для автора. В Погодинском и в Тихонравовском списках в названии произведения указано: «**История** о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве [9, с. 55]; **Гистория** о росьсийском дворянине Фроле Скомрахове [16, с. 264]. Судя по названию, для автора его произведение – историческое повествование, в котором действие перенесено в сравнительно недавнее прошлое (80-ые годы XVII века), где живут столтники, которые, выйдя из церкви, на Ивановской площади в московском Кремле обсуждают последние новости, молодежь того времени любит святочные гуляния, а Фрол уже посещает новомодные банкеты.

В тексте мы не увидим описания внешности или оценки личности Аннушки, скупо будет обрисован и Фрол Скобеев. Равнение на «просторечие», то есть на неукрашенную речь, непринужденное повествование совпадает с речевой подготовкой главного героя (а, может быть, также и автора Повести). Кто Фрол? Фрол Скобеев ведет дела своих доверителей: представляет их интересы в приказах, пишет для них деловые бумаги, но он не площадной писец, как утверждают некоторые исследователи, его статус выше: он выполняет функции поверенного (или по-тогдашнему, просторечному – «ябедника»).

Элементы фольклора в этом историческом сочинении минимальны, чудес в нем нет, все успехи, то есть Аннушка и богатства её отца, достаются Фролу за счет его собственного плутовства. В научной литературе в подтверждение наличия фольклорных элементов цитируется всегда одно высказывание Фрола: *Хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник*. Мечта о полковничьем чине – это из солдатского фольклора, а не из волшебной сказки. Напомним еще две цитаты: *И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве* ср.: стал жить-поживать – добра наживать; *Сей истории конец*, ср.: тут и сказке конец.

Элементов фольклоризма, скоморошества могло бы быть и больше, но автор сознательно отстранился от сказочной традиции. Обратим внимание на список Тихонравова, в котором Фрол носит фамилию Скомрахов: *Гистория о росьсийском дворянине Фроле Скомрахове* [16, с. 264]. *Скомрахов* – это переделанное на церковнославянский лад именование *Скоморохов*, что акцентировало бы комическую и святочную сторону событий: оправдывало пререодевания, плутовство, обманы. Почему комическое *Скомрахов* заменено на нейтральное *Скобеев* (от *скоба*)? *Скомрахов* вряд ли был бы дворянином, даже захудалым, или поверенным в имущественных спорах. Фамилия, связанная со скобяным производством и торговлей скобяными товарами [20. В. 24, с. 216], лучше объясняет ситуацию с «захудалым» статусом Скобеевых. Стольник *Нардин Цаплин* (так значится в Тихонравовском списке!) – тоже слишком «обвинительная» для столника фамилия, поэтому она заменена на фамилию Нардин-Нащокин. Словом, эта Повесть не сказка, а «первая русская плутовская новелла» [14, с. 210].

Следующий вопрос, важный для оценки языка Повести, кто автор Повести, каков его социальный статус? Вероятно, автор близок к своему герою: он хорошо знает терминологию деловой речи. Вот лексемы, связанные с родом занятий главного героя и с делопроизводством той поры: *ябеда, ябедник, ябедничать*. Первоначально *ябеда* – это термин с положительным

смыслом «должностное лицо, судья», зафиксирован в Новгородской I летописи под 1218 годом, к XVI веку, как зафиксировал И.И. Срезневский, приобретает и второе значение «клеветник» [24: т. 3, стлб.1631].

В XVIII веке *ябеда* было многозначным словом, в частности, обозначало «предмет судебного или административного разбирательства, судебный процесс». Активизируется и негативная коннотация, что зафиксировали в своих произведениях Феофан Прокопович и В.К. Тредиаковский [17; 25]. Но впервые ябедничество было описано и осуждено устами стольников Ловчикова и Нардина-Нащокина в «Повести о Фроле Скобееве».

Развитую семантическую структуру этого слова описывает «Словарь Академии Российской»: *Ябедникъ, Ябедница*. 1) Крючкотворец, сутяга; тот, кто ябедничеством, крючкотворством по тяжёлым делам промышляет; которой ищет чужое отнять, присвоить наклонением, натяжкою, кривым толком. *Ябедник* – *суцая язва в обществе*. 2) Клеветник, наговорщик, тот, кто ложными словами обносит другаго [19 Ч. VI, с. 1018-1019]. Словарь фиксирует и однокоренные слова: *ябедничество, ябедничая, ябедничанье, наябедничать*.

Далее определим роль разговорной речи («просторечия») в анализируемом тексте. Забелин И.Е., первый исследователь повести, предположил, что это произведение «первоначально ходило в форме устного рассказа и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени» [8, с. 107-108]. Эту идею поддержал в то время и А.Н. Пыпин [18].

Мы придерживаемся данной точки зрения. Речевая основа «Повести о Фроле Скобееве» – живая разговорная речь, общерусская речь. До сих пор ещё никто не обнаружил диалектизм в тексте повести. Такие тексты дают основание утверждать, что уже в первой трети XVIII века просторечие функционирует как общерусский феномен наряду с общерусским литературным языком.

Исследователи, ориентируясь на показания «Словаря Академии Российской» и на литературные тексты последних десятилетий XVIII века, утверждают, что просторечие формируется во второй половине XVIII века. При этом просторечие характеризуется как разновидность, подсистема литературного языка или как стилистический слой лексики и фразеологии [10; 22; 2]. Вопрос о более раннем, в конце XVI-XVII вв, формировании лексики просторечного характера недавно поставлен Е.В. Генераловой. Для неё просторечная лексика – набор стилистически окрашенных языковых средств, что является основой будущего просторечия как функциональной подсистемы [4].

Анализ лексико-фразеологического состава Повести убеждает в том, что текст «Повести о Фроле Скобееве» первоначально сочинен в устной форме, в этой форме и существовал некоторое время, а затем был записан несколько раз, вероятно, разными лицами, хотя, судя по спискам, разночтений в списках немного. Считаем, что устный характер создания и бытования какое-то время в устной форме и определил просторечный характер языка «Повести о Фроле Скобееве».

Повесть даёт представление о формирующихся нормах устного речевого этикета.

Во-первых, это формулы официально-почтительного обращения типа *господинъ Скобеевъ: Господинъ Скобеевъ* – это укрепляющаяся форма почтительного обращения к лицу, обычно – из дворян, из образованного круга, при этом называется фамилия, звание, чин, сословие [21, В. 5, с. 190].

Во-вторых, используются стандартные обращения к просителю: *что твоя нужда к нам?*; *Каку нужду имеешь ко мне?*. Здесь *нужда* употреблено в значении «надобность, потребность».

В-третьих, воспроизводится формула приглашения к обеду и формула согласия и благодарности за приглашение. *И пришьел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать* [9, с. 63], *по тому ея прошению все обещались быть* [9, с. 55]; *попросила сестру ево, чтобы она пожаловала в дом* [9, с. 56]; *Донеси батишку, готовь быть сей день къ их милости!* (История: 61). В словаре

отмечается, что это вежливая заключительная формула в письме и форма выражения согласия в разговоре [20, В. 10, с. 102].

В-четвертых, обозначается пожелание здоровья и проявление интереса к самочувствию собеседника. Есть несколько вариантов 1) *Как здрава? Какое зоравье?* (используются в этикетных формулах приветствия и прощания. Желая *здравствовать* – используется обычно в приветствии и при прощании).

Обычай поклонения – один из наиболее древних в этикете: *И отдал всем столникам, как по обычаю, поклонь*.

Оценим следующий фрагмент, богатый разговорной лексикой: *вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разгаваривать чтоб онь вскоре не возымет докладу к государю: «просоветуй обще! Какь к лутчему уже быть»*. Наречие *вторително* («вторично, повторно») – зафиксировано в СлРЯ XI-XVII с цитатой из Повести о Фроле Скобееве). Глагол *просоветовать* имеет значение «отговорить».оборот *посоветовать обще* «совместно обудить, посоветоваться» в СлРЯ XI-XVII не зафиксирован.оборот *как к лутчему уже быть* можно толковать «как сделать, чтобы было лучше». Текст произведения изобилует разговорной фразеологией в оригинальных сочетаниях: *на те их разговоры пришел Фрол Скобеев*. Выражение *прийти на разговоры* «приходить во время разговоров с целью присоединиться». *Велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна* [20, В. 10, с. 102]. Словарь иллюстрирует оборот *притворить себя* только этой цитатой [20, В. 20, с. 61].

Несколько разговорных фразеологизмов обнаруживаем в следующем фрагменте: *И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстательствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чумо»* («и ты не жди хорошего» – Г.С.): *Мне уже пришло* («я уже решил; мне уже пришло на ум» – Г.С.) *показат на тебя, для того что ты возников и корету довал* [20, В. 10, с. 102].

Фразеологизм *милость казать* имеет значение «проявлять милость-милосердие»: *Не по заслуам моим ко мне милость казать изволишь* [20, В. 10, с. 102].

Лаконичное выражение смысла наблюдаем в других фразеологизмах разговорного характера: *И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: То мне си е не во что!* [20, В. 10, с. 102]. *«То мне сие не во что!»* значит «то мне ничего не стоит». К фразеологии устной речи отнесем оборот *пал пред ногами* – «пасть в ноги; выражая покорность, мольбу, почтительность» [20, В. 10, с. 102].

Тематически близкие обороты касаются обычаев, связанных с лишением невинности и избеганием позора: *обнести другим, иметь обязательную любовь*. См. примеры: *просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онь не обнесь ея другим*. Ср. показания словарей *обнести ея другим*: «отговорить, осудить, опорочить» [20, В. 10, с. 102].

Свою историю имеет выражение *обязательная любовь Фрол Скобеев приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь* – это «любовь, официально закрепленная и обязывающая к чему-либо» [21, В. 16, с. 149]. Выражение употреблялось и позднее в значении «неромантическая, без страсти; по обязанности, по чувству долга», например, трижды упоминается в повести Н.Г. Помяловского «Мологов» (1861) [11].

Обращает на себя внимание обилие оборотов разговорного характера, например: *иметь покой* «успокоиться, уснуть» [9, с. 57], *в сильном пьянстве – весма пьян – жестоко пьян* [9, с. 59], *разсуждая к склонению милости* «просить о милости». Разговорными являются обороты типа *спросил сестры, спрашивал дочери*. Например: *спросил сестры своей: Сестрица, что я не вижу Аннушки?; Стольник... спрашивал дочери своей Аннушки*. Смысл данных словосочетаний следующий: *спросил сестры* – «спросил у сестры»; *спрашивал дочери* – «спрашивал о дочери». Подобные модели управления зафиксированы словарем [20, В. 27, с. 91]. Другой оборот этого же уровня *подарил мамку двумя рублями* значение «одарил кого-л.» [20, В. 15, с. 21].

Факты смешения прямой и косвенной речи, пропуски слов также подтверждают мысль о воспроизведении автором особенностей устного рассказа: *Аннушка просила мамки своей,*

как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему; Сказала ему, чтоб он, как можно, выпроси корету.

Автор семантически объединяет близкие по звучанию обороты, например: *твоей к нам услуги много; моей заслуги к вам никакой не находится*.

У автора Повести есть свои речевые пристрастия, например, он часто употребляет наречие *весьма* «очень, много». См. примеры: *о том весьма стала думать; весьма о том сокрушалась; весьма в печали великой пребывала; весьма к нему добръ. Весьма* – новое для XVIII века словоупотребление, ранее в этих значениях употреблялись наречия *вельми, zelo, очень, крайне, гораздо* [23, В. 2, с. 137]. Для усиления степени интенсивности действия автор употребляет также сочетание *весьма жестоко* «сильно», что могло быть проявлением жаргона или речевой моды: *Того кучера поил весьма пьяна; Напоя ево весьма жестока; кучер лежит в корете жестоко пьян; Аннушка жестоко болна, жестоко плакала*.

В первой части повести речь идет о святочных играх, поэтому в описании используются средства функционально-семантического поля «игры и развлечения»: *веселость* «развлечение, состояние радости», *увеселительный (вечер: время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству*. Оборот *увеселительный вечер* обозначал «вечернее развлекательное собрание приглашенных гостей», см. пример: *<...> тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. Вечеринка* – «вечернее собрание гостей». Слово появилось на вечерних празднествах у Петра при Лефорте [3, с. 3].

Многочисленны в тексте просторечные глаголы: *воротить* «вернуть», *обыскаться* «найтись, отыскаться», *пообождати* «немного подождать», *разговаривать* «отговаривать», *притворить (себя)* «притвориться», *спознаться* «познакомиться»; *уходить* «убить», *просоветовать (обще)* «посоветоваться», *признать* «узнать»; *проведать* «навестить», *промотать* «израсходовать неразумно».

В тексте представлена лексика сферы «мыслительная деятельность»: *И умыслил Фроль Скобеев, чтоб идти к столнику Ловчикову. Умыслить* значит «замыслить, задумать». Рассмотрим примеры с синонимичными фразеологизмами: *Взял себе намерение. И пришло в память Фролу Скобееву*. Фразеологизм *пришло в память* в значении «вспомнилось» не учтен в лексикографических источниках.

Вторая часть Повести – это события в Москве и переживания героев в связи со сложившейся ситуацией. Автор употребляет лексику сферы «душевные переживания», что было ещё редким явлением в художественном тексте. Так неоднократно употребляемое слово *сожалеть* в словаре XI-XVII не зафиксировано. Оно имело оригинальное управление *глагол + род. п.: в печали великой пребывала, сожелея брата своего* [9, с. 57]; *сожелея дочери своей*. Вместе с тем отмечена и модель *сожалеть о чем* со значением «*жалеть кого*», см. *И столник <...> весьма сожелея о дочери своей*.

Слово *соболезновать* употребляется в конструкции *соболезновать о чем*: *сестра ево весьма о том соболезнаеть. И столник з женою своею соболезнавали о ней*. Как видим, автор старается выравнивать управление в двух семантически близких предложно-именных конструкциях: *сожалеть о ком – соболеznовать о ком*. Глаголы *сожалеть* и *соболезновать* с начальной приставкой *со-* носят черты старославянского влияния и свидетельствуют о стремлении автора соблюдать и традиции книжного языка. Вместе с этим тип моделей управления – свидетельство равнения автора на разговорный узус своего времени.

Ср. ещё фразеологию душевных переживаний: *обратиться сердцем, отпустить вину*. Первый оборот имеет значение «*сменить гнев на милость, поддаться родительскому чувству*»: Подобное употребление следует квалифицировать как разговорное, потому что традиция знала одно употребление: *обратиться сердцем к Господу*. Синонимичный оборот *сердце умилиститца к ним* «склонится к милости, к прощению» является показателем наличия в разговорной речи средств для выражения душевных переживаний, ср.: *когда сердце наше умилиститца к ним* [9, с. 62].

Следующие обороты имеют в структуре глагол *стать*: *Стать в великом страхе* «сильно испугаться» [20, В. 28, с. 4]. *Аннушка на то стала в радости великой* «обрадоваться сильно»

является фактом устной речи, поэтому в словарях не зафиксирован. Словосочетание *стать в великом сумнении* «сильно сомневаться» повторяется в тексте трижды. В этом ряду есть еще оборот *стала в лице переменна* «изменилась в лице – о быстрой смене выражения лица под влиянием каких-либо переживаний». Этот фразеологизм тоже не зафиксирован словарями. Автор старается воспроизводить устный пересказ, ср. *стать в беспамятстве* вместо книжного *впасть в беспамятство* и разговорного *опамятоваться*: (Нащокинъ) *стал в беспаметстве. И мало опаметовался*. Уточним семантику: *стать в беспамятстве* – «впасть в бесчувствие» [20, В. 1, с. 157], *опамятоваться* – «придти в себя» [Там же, В. 12, с. 31], «образумиться, собраться с мыслями!» [Там же, В. 17, с. 7].

Автор использует семантически богатую именную лексику: *притчина* «повод, решение, выход», *почив* «сон, отдых», *сожительница* «жена», *безделица* «незаконные, недозволенные поступки» [23, В. 1, с. 108], «негодное, скверное дело» [21, В.1, с. 168]; *так нянька Аннушки называет учиненный Фролом обман и поругание, за что его следует «скрыть в смертное место»*. *Смертное место* – «место, где происходит казнь; место убийства».

Просторечные наречия *затно* «видно, понятно»; *изрядно* «превосходно, особенно, необычно» фиксируются уже в Изборнике Святослава 1073 г. [Там же, В. 6, с. 208]; *особлива* «более других, в большей мере» [21, В. 17, с. 33]; *наутре* «на утро следующего дня» [20, В. 10, с. 294]. Наречие *вдаль* в речи Скобеева имеет значение «в будущем»: *Ныне еще богатства не вижу, что вдаль – время окажет*. Слово в этом значении фиксируется с конца XVII в. [23, В. 2, с. 37].

Любопытна история разговорного наречия *сносно* «подходяще, приемлемо». В словаре фиксируется только прилагательное *сносный* с другим значением [20, В. 25, с. 270]. Впервые в письменности слово *сносно* («в меру» в резолюции Петра I на докладе Б.П. Шереметова в 1702 г.: *Князь Иванъ Львовъ старъ, и въ конецъ бедень и несносно ему полкомъ править* [13, Т. 8, с. 24]. *Буде сносно, стану старатся о тебе. Старатся о тебе* здесь имеет значение «помогать, заботиться, выручать».

Таким образом, элементы просторечия представлены на всех уровнях языка, что позволяет формировать с их участием речевую основу художественного текста, используя минимальное число книжных средств.

Выводы

1. «Повесть о Фроле Скобееве» – оригинальная историческая бытовая повесть. Речевая основа текста – устный рассказ, для создания которого использовались преимущественно средства разговорной речи и некоторые элементы делового языка. Устный характер создания и временного бытования в устной форме определил опору автора на общерусское просторечие. Пословицы и поговорки, как и другие образительные средства народного юмора и сатиры, отсутствуют. Это простая, неукрашенная речь, т.е. «просторечие» в понимании писателей того времени. Влияние деловой письменности проявилось в употреблении фразеологических оборотов, которые преобразуются под влиянием живой речи.

2. Зафиксированы различные тематические группы просторечного словаря: формулы устного речевого этикета; лексика развлечений, мыслительной деятельности, душевных переживаний.

3. К конституирующим свойствам просторечия XVIII века относятся следующие: общерусское распространение, употребление в устно-разговорной речи, оценочная семантика и эмоционально-экспрессивная окраска.

Литература

1. Бегунов Ю.К. «Повесть о Фроле Скобееве» и литературное движение первой четверти XVIII века // Сборник статей, посвященных памяти проф. Карло Вердани. Pisa, 1979. С. 11-32.
2. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке. М.: МПУ, 2000. 304 с.
3. Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682-1694. Соч. Б.И. Куракина. 1727.

4. Генералова Е.В. Лексика просторечного характера в русском языке конца XVI–XVII в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 30–41.
5. Душечкина Е. «Повесть о Фроле Скобееве». История текста и его восприятие в русской культуре. СПб: Изд-во Юолюкка, 2018. 127 с.
6. Душечкина Е. «Повесть о Фроле Скобееве». Литературный и культурно-исторический аспекты изучения. Изд-во СПбГУ, 2011. 112 с.
7. Душечкина Е.В. Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве). Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986. 92 с.
8. Забелин И.Е. Ещё несколько слов о «Фроле Скобееве» // Отечественные записки. 1853, май. Отд. V. С. 107–108.
9. История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве, столничей дочери Нардина-Нашекина Аннушки // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М.: Наука, 1988. С. 55–64.
10. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. – Л.: Наука, 1974. 253 с.
11. НКР - Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.12.2021)
12. Обращение Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая. М.: Художественная литература, 1988. С. 454.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. 1711 год. Москва, 1962. 616 с.
14. Панченко А.М. Повесть о Фроле Скобееве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып 3 (XVII в.). Часть 3. П.-С. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 209–212.
15. Панченко А.М. Переводная и оригинальная новелла. Повесть о Фроле Скобееве // История русской литературы в четырех томах. Т.1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 369–384.
16. Покровская В.Ф. Повесть о Фроле Скобееве: (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т.2. С. 249–297.
17. Прокопович Феофан. Первое учение отрокам. СПб., 1723. 114 с.
18. Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. 374 с.
19. САР - Словарь Академии Российской, произвольным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
20. СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–32. М., 1975–2020 (издание продолжается).
21. Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
22. Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.-Л., 1949. С. 95–160.
23. СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–9. Санкт-Петербург: Наука, 2004–2020 (издание продолжается).
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
25. Третьяков В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб, 1735. 25 с.

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ЕСЕНИНА: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА

G.I. Shipulina
Candidate of Philological Sciences
Baku Slavic University
Baku, AzerbaijanYESENIN'S DICTIONARY OF THE LANGUAGE: PRINCIPLES OF CREATION,
STRUCTURE

Аннотация. В статье анализируется опыт лексикографирования языка Есенина; опубликован семитомный Словарь авторского языка С. Есенина (197 печ. л.); дается характеристика пяти частеречных словарей поэтического языка и двухтомника языка художественной прозы С. Есенина. Концептуальная основа словаря – максимально полное описание всех без исключения лексем, обнаруженных в поэтических текстах и художественной прозе С. Есенина.

Ключевые слова: авторская лексикография, авторский словарь, есенинский словарь, ручной способ выборки лексем.

Abstract. The article analyzes the experience of lexicographing the language of Yesenin; the seven-volume Dictionary of the Author's Language by S. Yesenin (197 p.l.) is published; the characteristics of five partial dictionaries of the poetic language and the two-volume dictionary of the language of fiction by S. Yesenin are published.

Keywords: author's lexicography, author's dictionary, Esenin dictionary, manual way of selecting lexemes.

На рубеже XIX-XX веков в русской лексикографии зарождается новое направление – словарное описание языка русских писателей-классиков XVIII-XIX веков Державина, Фонвизина, Грибоедова и Пушкина. Второй этап российской авторской лексикографии связан с реализацией идеи толкового словаря языка Пушкина [4]. Велась также работа по созданию словарей языка Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Грибоедова, М. Горького, Н.В. Гоголя. Идиолект Сергея Есенина внимания лексикографов не привлёк. Третий период начался с 60-х годов и характеризовался многообразием типов авторских словарей: одно- и двуязычные, монографические и сводные, общий словарь языка писателя, отдельного произведения, цикла, отдельного периода, всех художественных произведений, публицистики, эпистолярный, словари-индексы, конкордансы, частотные и пр. и пр. Но имя Сергея Есенина и тогда, спустя сто лет после возникновения авторской лексикографии, никак не соотносилось с возможностью лексикографического описания его языка. А ведь сам поэт во вступлении к сборнику «Стихи скандалиста» (20 марта 1923 года, Берлин) отмечал: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе. Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия» [2, 5, с. 221].

Создание авторских словарей невозможно без комплексного изучения языка конкретного автора. Работ, посвященных языку С. Есенина, не очень много и сейчас, а в конце XX века их было еще меньше (одно из немногих исключений – работа Е.М. Галкиной-

Федорук «О стиле поэзии Сергея Есенина» [1]). Поскольку я «болела Сергеем Есениным», начиная примерно с 70-х годов XX века, то весьма самонадеянно решила восполнить этот пробел: регулярно выступала на конференциях Всероссийского (теперь Международного) есенинского общества Радунца (последнее выступление на пленарном заседании в ИМЛИ им. Горького 15 сентября 2022 года), публиковала статьи и доклады о Есенине. А потом как-то вдруг вспомнила, что на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Есенина в нашем университете (тогда это был Педагогический институт русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова), ректор К.М. Абдуллаев говорил не просто о необходимости активизировать изучение творчества С. Есенина именно в Азербайджане, учитывая значение Баку в жизни и творчестве поэта, но и предложил подумать о создании Словаря языка великого поэта.

Это предложение показалось мне очень интересным, стало моей мечтой, но желающих принять участие в составлении «Словаря языка Есенина» не нашлось, и прошло более 10 лет, прежде чем я решила взяться за эту работу. Начался Словарь очень сложно. Почему-то я пошла, как мне сейчас кажется, по самому трудному пути – начала с описания не знаменательных слов, как в обычных словарях разных типов, а со служебных. К этому времени уже появилось описание отдельных лексем и даже концептов С.А. Есенина – естественно, это были существительные. Возможно, поэтому я и обратилась к служебным словам, работа над которыми мне показалась интереснее, поскольку о них писали еще меньше, чем о знаменательных.

Такова предыстория «Словаря языка Есенина» [9]. Работала я одна, без консультантов и помощников. Правда, когда ведущий лексикограф России Л.Л. Шестакова познакомилась с первыми пятью томами есенинского Словаря и достаточно лестно отозвалась о них, она согласилась стать научным редактором моей работы, и под ее руководством появился двухтомник «Словарь языка Есенина. Художественная проза» [8]. Мне также удалось, благодаря её бесценной помощи, опубликовать три огромных двухтомника «Словаря языка Лермонтова» объемом 4600 страниц.

Но вернемся к Есенинскому словарю: писала я его, переписывала, без конца исправляла и передельвала. И параллельно училась лексикографированию. Обычно перед работой над любым, тем более, авторским словарем, составляется подробная инструкция – у меня её не было: о проекте, принципах создания Словаря, его структуре тогда не думалось. Главной задачей было собрать все служебные слова русского языка: просматривались доступные вузовские учебники, выписывались все предлоги, союзы, частицы (к счастью, в нашем вузе до начала 90-х годов была очень приличная библиотека по русской лингвистике). Списки уточнялись, корректировались оттенки значений, потом началась проверка составленных списков по толковым словарям, опять помог случай: еще в советское время я смогла приобрести БАС, МАС, словари Ожегова, Ахмановой и т.д., поэтому наличие такого лексикографического богатства позволило работать дома и только в исключительных случаях обращаться к библиотечным фондам. Значения и оттенки значений всех лексем уточнялись по БАС [3].

Со временем увеличивалось число моих научных статей, посвященных языку Есенина, потихоньку накапливался опыт лексикографирования. Все семь томов словаря (два выпуска конкорданса; словари существительных; глаголов; прилагательных, числительных, местоимений и наречий, а также двухтомник Словаря языка художественной прозы Есенина) составлены по одному принципу: способом ручной выборки отбирались все без исключения примеры на каждую лексему, распределялись в алфавитном и хронологическом порядке. Ручной способ позволяет глубже проникнуть в тонкости значений каждого слова, уловить все его оттенки – это, мне кажется, основное достоинство и преимущество традиционного способа сбора иллюстративного материала. Все тексты отбирались по наиболее авторитетному и филологически (но, к сожалению, не лингвистически!) прокомментированному академическому Полному собранию сочинений Сергея Есенина [2]. Расписаны пять томов: в первых четырех – язык поэтического творчества, в пятом – художественной прозы («Ключи Марии», а также

небольшие прозаические произведения, наброски, отрывки не лексикографировались). Для названия последнего двухтомника мы воспользовались обозначением первого раздела Пятого тома, предложенным составителями академического ПСС Есенина, хотя понимаем, что «Яр», «Бобль и Дружок», «У белой воды» – с одной стороны, и «Железный Миргород» – с другой, сложно отнести к одному литературному жанру).

К началу 2012 года сложилась концептуальная основа словаря – максимально полное описание всех без исключения лексем, обнаруженных нами в поэтических текстах и художественной прозе С. Есенина; было описано даже небольшое количество обценной или грубо просторечной лексики, к которой, вопреки расхожему мнению, С. Есенин обращался нечасто.

В основе лексикографирования языка Есенина лежит мнение Л.В. Щербы о том, что «словари писателей должны быть сделаны по типу thesaurus, так как <...> только располагая всей полнотой цитации, можно строить какие-либо предположения и выводы» [10, с. 286]. Говоря о характерной особенности тезаурусов, Л.В. Щерба отмечает, что «в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз <...>, и что под каждым словом приводятся решительно все цитаты из имеющихся на данном языке текстов» [10, с. 281]. Именно на этом принципе и построен «Словарь языка Есенина».

Идея тезауруса в наибольшей степени применима к авторским словарям, имеющим дело с законченными текстами. В каждом томе «Словаря языка Есенина» описывались, повторим, все без исключения лексемы конкретной части речи, поэтому мы считаем, что принцип «полноты цитации» [8] вполне может быть отнесен и к частеречному авторскому словарю.

В мае и сентябре 2012 г. вышли первые два выпуска «Словаря языка Есенина», названные не совсем точно «Частотно-семантическим конкордансом служебных слов в поэзии Сергея Есенина» (вып. 1-й «Предлоги», вып. 2 «Союзы. Частицы») общим объемом 470 стр. [9]. Содержание, построение, объём словаря и образцы словарных статей даны в первом выпуске. Основу двух выпусков составили собственно словари объявленных в заголовках частей речи с их лексико-семантической и частотной характеристикой – всего 120 словарных статей и более 20 тыс. словоупотреблений. Кроме того, как отмечалось в рецензиях на Словарь [11], достоинством его является наличие Приложений [два в вып. 1-м: а) Алфавитный словарь предлогов с указанием частотности; Частотный словарь предлогов (самыми частотными, как и ожидалось, оказались предлог **В** 2053; из 2-го вып. союз **И** 2107, частица **Не** 1443; моносемантными – семь предлогов: **вперекор, подле, посередь, промеж, против, с-за, с-под** и три союза **зане, кабы, чуть**), б) Сравнительный словарь частотности предлогов по словарям (поэзия Есенина – наши подсчеты, Частотный анализ служебных слов во всех произведениях Есенина [5], Частотный словарь русского языка Л.Н. Засориной [7], Словарь языка Пушкина [4], Словарь-конкорданс словоформ языка Тютчева [6]. Во втором выпуске уже 6 приложений: а) Алфавитный словарь полифункциональных слов с указанием частотности (**А, Ну** – союз, частица, междометие, **Еще** – наречие, союз, частица; б) Частотный словарь союзов; в) Частотный словарь частиц; г) Сравнительный словарь частотности полифункциональных слов и предлогов по словарям [источники те же, что и в первом вып.]; д) Алфавитный словарь всех служебных слов с указанием индекса частотности; е) Частотный словарь всех служебных слов в поэзии С. Есенина (Приложения – это не словари, а словники, списки проанализированных лексем).

Кратко хотелось бы остановиться на трёх томах, в которых последовательно представлены существенное (4236 лексем); глагол (около 3000 глаголов и глагольных форм) и четыре части речи в одном томе (прилагательное (1460); числительное (61); местоимение (60); наречие (615). Все три тома построены одинаково: лексикографирование с подробной лексико-семантической и частотной характеристикой соответствующих частей речи – это собственно сам Словарь. Не останавливаясь на частностях, которые, конечно, обязательны при характеристике каждой самостоятельной части речи, отметим то общее, что есть в каждом томе: Предисловие; Введение; Литература. Предисловие носит в основном комплиментарный характер. Введение объясняет причины того, почему началась работа над авторским словарем; дается наше понимание того,

что должно в него входить; краткое перечисление того, что было уже опубликовано в предшествующих томах, и возможности продолжения лексикографирования Есенинского идиолекта. Очень важны во Введении разделы «Содержание и построение Словаря», образцы словарных статей, объём которых постоянно увеличивался с появлением опыта и навыков работы над авторским Словарём. Завершается Введение обоснованием нашего понимания необходимости включения в каждый том определенного количества Приложений-словников: в двух выпусках конкорданса их было соответственно три и шесть; в словаре существительных – семь, глаголов – девять, в частеречном – пять, в двух из которых, в свою очередь, было дополнительно по четыре приложения по количеству частей речи в этом томе.

Начиная с конкорданса и в процессе продолжающейся в настоящее время работы над Словарем языка Лермонтова обязательными для каждого тома были Алфавитный словник с указанием частотности каждой лексемы и Частотный словник, позволяющий быстро находить максимально частотные слова (полисеманты) и моносеманты, употребленные в поэзии С. Есенина по одному разу. Например, в частотных словниках существительных и глаголов по восемь лексем употреблены 100 и более раз, а по одному разу – соответственно 2129 и 1337. Частотный словник удобен и для выделения лексико-тематических групп, характеризующихся определенной частотностью. Если представить себе идеальную ситуацию, что все авторские Словари всей русской классики были бы снабжены частотной характеристикой лексем, это, возможно, открыло бы безграничные возможности для сравнения (сопоставления, противопоставления) лексиконов разных авторов одного периода, жанра и пр.

И, наконец, в «Словарь языка Есенина» входит двухтомник языка художественной прозы (1072 стр.), в котором лексикографирован язык трех художественных произведений поэта («Яр», «У Белой воды», «Бобыль и Дружок»), а также очерка «Железный Миргород» – «статья первая», как назвал свои впечатления от поездки в Америку поэт, передавая очерк в редакцию «Известий».

Кроме традиционных для «Словаря языка Есенина» разделов (Предисловие, Введение, Словарь, Приложение), в двухтомник включены также Список сокращений (кодированные названия четырех произведений), традиционные для лексикографирования сокращения: будущ., несов., метаф. и др.) и знаки, указывающие на особенность употребления слова, оттенок значения и фразеологизм. В художественной прозе Есенина выделено 6775 единиц (слов и словосочетаний), охарактеризованных, как и в других томах Словаря, с лексико-семантической и частотной точек зрения.

В двухтомнике Приложение состоит из четырех словников. Нам всегда хотелось сделать Словарь максимально пригодным не только для филологов, но и для практического использования в школьной или вузовской аудитории без обращения к словарным статьям, требующего определенных навыков лексикографической работы. Поэтому в Алфавитный словник, кроме указания частотности лексем, как в предшествующих томах, добавлено также указание частеречной принадлежности, позволяющее подбирать определенные ЛПГ с учетом интересов учащихся и лишь потом переходить уже непосредственно по Словарию, к подбору иллюстративного материала по конкретному произведению.

Итак, резюмируем проделанную работу: «Словарь языка Есенина» в семи томах содержит 16327 лексем, из которых объём поэтического словаря 9552 слова, объём языка художественной прозы – 6775 слов и словосочетаний. Пятитомный поэтический «Словарь языка Есенина» представляет собой частеречный тип авторского словаря, в каждом томе которого представлена одна или несколько частей речи, отобранных из всего поэтического творчества Есенина ручным способом методом сплошной выборки. На наш взгляд, при индивидуальной работе над авторским словарём частеречный тип словаря – наиболее плодотворный путь начального лексикографического анализа авторского тезауруса. В поэтический словарь не были включены немногочисленные междометия, а также вводные слова, вошедшие в конкретные словарные статьи знаменательных слов.

Что касается Словаря художественной прозы С. Есенина, он, на наш взгляд, максимально подходит под тип словаря-тезауруса, потому что в нём описаны слова всех

частей речи, включая междометия, причастия и деепричастия, каждое из которых образует отдельную словарную статью. Кроме того, в отдельную словарную статью выделены также производные наречия, со всеми их значениями, встречающиеся в прозе Есенина, без отсылки к соответствующим прилагательным, как принято при создании толковых словарей.

При исследовании языка любого автора ученые обычно отмечают его попытки найти необходимые для каждого случая языковые средства. Однако богатство словарного запаса, который представлен в художественной прозе Есенина (не забудем, что молодой поэт написал три из четырех прозаических произведений, не достигнув возраста 20 лет), – яркое доказательство того, что он никогда ничего не искал: всё, что нужно было ему для творчества, он брал из родников своей души, из своего сердца, именно они подсказывали ему, какое слово необходимо в каждом конкретном случае.

Хотелось бы возразить против создания словарей-идиоглоссариев, включающих только концептуально значимую для писателя лексику, выбор которой в целом зависит от мнения составителя и вряд ли полностью совпадёт с мнением других лексикографов. Если следовать этой точке зрения, подлинный полный Словарь языка любого писателя никогда не будет создан, хотя мы допускаем и приветствуем составление, на начальных этапах, словарей отдельных, наиболее крупных произведений или, как в представляемом Словаре, отдельных частей речи (это позволило бы помочь в изучении творчества классиков русской литературы в школе и вузе).

Мы стремились создать «Словарь языка Есенина» как полноценный текстологический справочник с полнотой охвата и детальным описанием каждой лексемы. Подробные Приложения в качестве автономного источника информации, созданного на материале основного корпуса Словаря, допускают, на начальном этапе, отказ от обращения к авторскому тексту и позволяют, на наш взгляд, использовать Словарь при любых формах лингвистической работы с есенинскими текстами как филологов, так и учащихся на любой стадии знакомства с русской литературой. В перспективе подобный опыт лексикографирования языка С.А. Есенина мог бы быть распространён на словарное описание лексиконов других авторов.

Все исследователи, работающие с Есенинским идиолектом, непременно отмечают уникальность и самобытность его лексикона. Но только полноценный «Словарь языка Есенина» может приблизить читателей к адекватной оценке неповторимости и яркости его идиолекта, показать его вклад в развитие русского языка.

Литература

1. Галкина-Федорук Е.М. О стиле поэзии Сергея Есенина. М., МГУ, 1965.
2. Есенин Сергей. Полн. собр. соч. в семи томах (девяти книгах). Тт.1-5. М.: «Наука» - «Голос», 1995- 2002.
3. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. М.-Л., 1950-1965.
4. Словарь языка Пушкина в четырех томах. М., 1956-1961.
5. Частотный анализ всех сочинений Есенина // toska19.narod.ru/poesia/analiz/poety/Esenin_analiz_vse.txt/
6. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф.И. Тютчева // www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html/.
7. Частотный словарь русского языка /под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.
8. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
9. Шипулина Галина. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. I. Предлоги. Баку, 2012. 184 с.; Вып. II.Союзы. Частицы. Баку, 2012. 288 с.; Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку, 2013. 588 с.; Словарь языка

Есенина. Глагол. Баку, 2013. 462 с.; Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку, 2013. 553 с.; Словарь языка Есенина. Художественная проза / научный редактор Л.Л. Шестакова. Т. 1, 564 с., Т. 2, 508 с. Баку, 2015.

10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, С. 265-303.

11. Рецензии на пятитомный «Словарь языка Есенина»: *Мамедли А.М.* Галина Шипулина. Словарь языка Есенина (I-V тт. Баку: Мутарджим, 2012-2013 гг. //Уч. зап. Бак. слав. ун-та. Серия языка и лит-ры, 2013. № 2. С. 115-116; *Хашимов Р.И.* Г.И. Шипулина. Словарь языка Есенина // ж. «Русская речь». – М. 2014. № 3. С. 121-124; *Шестакова Л.Л.* Вклад в историю писательской лексикографии // ж. «Русский язык и литература в Азербайджане». 2013. № 2. С. 78-80.

УДК 81'374-054:37.046-021.68

В.К. Щербин

канд. филол. наук

Центр системного анализа и стратегических исследований

Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Беларусь

**ОБ ОПАСНОСТИ УТРАТЫ ЗАЛОЖЕННОЙ АКАДЕМИКОМ
И.И.СРЕЗНЕВСКИМ ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИ
ОБРАЗОВАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФОВ**

V.K. Shcherbin

Cand. Sci. (Philology)

The Center for Systemic Analysis and Strategic Studies,

National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

**ON THE DANGER OF LOSS OF TRADITION OF TRAINING OF
ENCYCLOPAEDICALLY EDUCATED LEXICOGRAPHERS AS PLEDGED BY
ACADEMICIAN I.I.SREZNEVSKY**

Аннотация. В статье рассматривается заложенная академиком И.И.Срезневским традиция подготовки энциклопедически образованных лексикографов. Определяются взаимоотношения этой традиции с ключевыми лексикографическими тенденциями, доминирующими в современной российской лексикографии. Анализируются: а) проблема снижения уровня общелексикографической грамотности современных словарников; б) причины девальвации идеи академика В. Дорошевского о том, что «лексикография – гуманитарное звено всех наук». Обосновываются выводы относительно возможных путей сохранения традиции подготовки энциклопедически образованных лексикографов.

Ключевые слова: научные интересы И.И. Срезневского, словарная традиция, лексикографическая тенденция, энциклопедизм, общелексикографическая грамотность.

Abstract. This article considers the tradition of training of encyclopedically educated lexicographers established by academician I.I. Sreznevsky. The interrelations between this tradition and key lexicographic trends dominating in modern Russian lexicography are determined. The problem of deterioration of general lexicographic literacy of present-day compilers of dictionaries and reasons of devaluation of the idea by academician V. Doroshevsky about that “lexicography is the humanitarian link of all sciences” are analyzed. The conclusions are substantiated about possible ways of preservation of the tradition of training of encyclopedically educated lexicographers.

Keywords: scientific interests of I.I. Sreznevsky, dictionary tradition, lexicographic trend, encyclopedic trend, general lexicographic literacy.

Основанием для того, чтобы считать именно академика И.И. Срезневского основоположником традиции подготовки энциклопедически образованных лексикографов, служит исключительно широкий круг его научных интересов. Так, рамки этих интересов включали не только филологические дисциплины (славистику, историю русского языка, палеографию, методику преподавания языков, лексикографию, классические языки и проч.), но и другие гуманитарные и социальные науки (педагогика, политические науки, этнографию, статистику, политэкономия, право, общую историю, археологию, библиографию, источниковедение и многие иные) [7, с. 13]. Именно обширные мультидисциплинарные знания академика И.И. Срезневского обеспечили высокий уровень энциклопедичности составленных им «Материалов для словаря древнерусского языка. Тт. 1-3, что не раз отмечалось исследователями его лексикографического наследия [1].

Несмотря на поданный академиком И.И. Срезневским исключительно позитивный пример того, как мультидисциплинарные, энциклопедические знания могут обогатить чисто филологический словарь, история отечественной лексикографии показывает, что далеко не всегда позитивная словарная традиция получает в последующем свое развитие. Дело в том, что развитие любой национальной словарной традиции зависит от целого ряда взаимодействующих (и нередко противоборствующих!) факторов, как собственно языковых и чисто филологических, так и общенаучных, социально-экономических и прочих. В частности, что касается влияния собственно языковых и чисто филологических факторов на судьбу национальной словарной традиции, то российский исследователь А.Я. Шайкевич призывал всегда помнить о том, что «...тексты – то единственное первичное, достоверное, фактическое в языке, что вводится в машину. Словарная традиция надстроена над этими текстами, а кроме того, она есть продукт собственного развития лексикографической деятельности как особого вида деятельности вообще, обусловленный не только самим языком, которому посвящена данная лексикография, но и какими-то филологическими традициями, например, обычаем давать определения в словаре. Это есть некоторый исторически конвенциональный элемент» [6, с. 227].

Далее влияние общенаучных факторов на развитие отечественной словарной традиции проявляется через логическую цепочку «общенаучные тенденции – собственно лексикографические тенденции». В частности, общенаучная оппозиция тенденций а) к интеграции (смешению) научных знаний и б) к дифференциации (специализации) научных знаний имеет свое логическое продолжение в области лексикографии в виде словарной оппозиции тенденций а) к интеграции (объединению) словарных знаний в рамках универсального словаря и б) к дифференциации (специализации) словарных знаний в рамках целого ряда узкоспециализированных словарей. Вот что, к примеру, писал об этой словарной оппозиции тенденций известный российский лексикограф П.Н. Денисов: «С теоретической точки зрения необходимо отметить в словарной практике две диаметрально противоположные тенденции: 1) тенденцию к универсализации словаря и 2) тенденцию к узкой аспектизации словаря» [2, с. 51].

На наш взгляд, конечным итогом реализации первой тенденции является формирование лексикографического мейнстрима в виде толковой лексикографии. Конечным итогом действия второй тенденции стала узкая специализация словарного дела и развитие многочисленных лексикографических направлений (диалектного, исторического, ономастического, орфографического, переводного, терминологического, этимологического и др.). Причем из двух указанных выше словарных тенденций доминирует в настоящее время вторая тенденция. Ее доминирование проявляется в узкой специализации а) подавляющего большинства современных словарей; б) повседневной деятельности лексикографов; в) профессиональной подготовки лексикографов. Указанная чрезмерно узкая специализация современных словарей и их составителей не позволяет последним своевременно учитывать

новейшие методологические наработки представителей лексикографического мейнстрима (толковой лексикографии) и других лексикографических направлений.

Наконец, весьма значимая роль социально-экономических факторов в современной лексикографии проявляется в растущем удельном весе коммерческих словарных изданий, которые сегодня количественно преобладают над финансируемыми государством словарными проектами. К сожалению, главной целью таких коммерческих словарных изданий является совсем не обеспечение читателей надежной и достоверной словарной информацией, а получение коммерческой прибыли от их продажи. Главное же, составителями таких коммерческих словарей выступают не профессиональные лексикографы, а «люди, весьма далекие от филологии» [4, с. 81]. Результатом современной коммерциализации словарного дела становится «постепенное превращение словарей, бывших ранее сокровищницами языковых и культурных знаний, в обычный товар» [8, с. 742]. Причем этот товар нередко носит некачественный и морально устаревший характер, поскольку «реализация характерных для рыночной экономики мегатрендов максимизации прибыли и минимизации расходов приводит к тому, что компании, зарабатывающие деньги на производстве и реализации словарно-справочной продукции, сплошь и рядом не стремятся вкладывать деньги в создание новых типов словарей, поскольку это очень затратно, а по возможности максимально используют уже имеющиеся массивы словарных знаний, наработанных в рамках профинансированных государством научно-исследовательских программ и проектов, для подготовки слегка отличающихся коммерческих переизданий уже известных словарных брендов, нередко нарушая при этом не только этические нормы, но и авторские права составителей словарей» [8, с. 740].

Все отмеченные выше факторы и словарные тенденции (чрезмерно узкая специализация словарного дела, массовое приобщение к нему непрофессионалов, современная коммерциализация словарей и тесно связанная с ней идеологизация словарно-справочной продукции, которая проявляется (в числе прочего) в ее подчеркнутой ориентации на ценности рыночной экономики) привели к резкому снижению уровня общелексикографической грамотности современных словарников. Если в 1970-е годы у польского лексикографа Витольда Дорошевского были веские причины считать, что «долг лексикографа осознавать...», что его работа над значениями слов является формой его участия в языковом мышлении как социальном процессе и что в этом состоит содержание и сущность лексикографии – гуманитарного звена всех наук» [3, с. 39], а у русского лексикографа С.И. Ожегова были все основания утверждать, что «культурное и политическое значение словарей и словарной работы вышло далеко за пределы собственно филологических интересов» [5, с. 158], то к настоящему моменту подобные мнения и утверждения утратили свою актуальность. К большому сожалению, протекающие сегодня процессы чрезмерной коммерциализации, специализации и идеологизации словарей во многом девальвировали идеи великих лексикографов прошлого – академика ПАН В. Дорошевского, члена-корреспондента АН СССР С.И. Ожегова и др.

Завершая рассмотрение существующей опасности утраты заложенной академиком И.И. Срезневским традиции подготовки энциклопедически образованных лексикографов, считаем целесообразным сделать ряд выводов. Если мы желаем сохранить и развить далее указанную словарную традицию, то для нас сегодня должно быть крайне важным поставить и решить две взаимосвязанные задачи:

1. Необходимо повысить уровень энциклопедических знаний современных словарников в процессе их профессиональной подготовки.
2. Необходимо восстановить баланс в развитии общей лексикографии и ее специализированных, аспектных направлений, отдавая приоритет формированию общелексикографической грамотности словарников в процессе их профессиональной подготовки.

Литература

1. Архипова Е.В., Щербин В.К. Культурные концепты в Словаре И.И. Срезневского (лингвистический и лингводидактический аспекты) // Функциональная лингвистика. 2014. № 6. С. 14-15.
2. Денисов П.Н. Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. Сборник статей / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 48-52.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / пер. с польск. М.: Прогресс, 1973. 288 с.
4. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
5. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
6. Шайкевич А.Я. Выступление во время дискуссии о Машинном фонде русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 226-230.
7. Щербин В.К. Рецепция лексикографических идей И.И. Срезневского в работах Г.А. Богатовой // Славянский мир в прошлом и настоящем: языки, литература, образование: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, 20-22 мая 2015 г. / Отв. ред. В.А.Лаврентьев, Е.В. Архипова. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2015. С. 12-19.
8. Щербин В.К. Экономика словаря: отраслевая хозяйственная подсистема и направление металексикографии // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14 / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 735-754.

Раздел 2

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

УДК 81'42:821.161.1

Ю.Л. Дмитриева
канд. филол. наук
Горловский институт
иностранных языков
г. Горловка, ДНР, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА

J.L. Dmutrieva
Cand.Sci. (Philology)
Gorlovka Institute for Foreign
Languages
Gorlovka, DPR, Russia

VERBALIZATION OF SACRED SPACE IN THE WORKS BY S. YESENIN

Аннотация. В статье пространство рассматривается как моделируемый феномен, воспроизводимый в сознании человека по заданным параметрам. Целью данной работы является описание средств экспликации сакрального пространства в произведениях «Русь», «Ус», «Товарищ», «Отчарь» носителя русской лингвокультуры С. Есенина. Рассматриваемое пространство описано поэтом как аналогичное земному. В соответствии с фольклорной традицией оно расположено у горы, где растёт мировое древо, под сенью которого стоит терем и расположены пирушественные столы. Также описаны средства связи между земным и сакральным пространствами.

Ключевые слова: пространство, земное пространство, сакральное пространство.

Abstract. In the article space is considered as a simulated phenomenon. The spatial model of the world is interpreted by the author as a set of ideas about space (both earthly and sacred). The purpose of this work is to describe the means of explication of the sacred space in the works «Rus'», «Us», «Tovarishch», «Otchar'» of the bearer of Russian linguoculture S. Yesenin. The space in question is described by the poet as analogous to the earthly one. In accordance with folklore tradition, it is located near the mountain where the world tree grows, under the shadow of which there is a tower and banquet tables are located. The means of communication between the earthly and sacred spaces are also described.

Keywords: space, terrestrial space, sacred space.

Актуальным в современной лингвистике остаётся изучение языка художественных произведений определённого автора. Исследователями не только пишутся научные труды, но и создаются словари, энциклопедии, электронные издания. В рамках современного есениноведения, становление научного фундамента которого пришлось на 50–80-е гг. XX в., в работах Е.В. Михайловой, А.И. Лазовской, В.Б. Тюриня, Е.Н. Суворкиной, С.А. Кривошапка и др. исследуется система концептов в текстах С. Есенина (в их числе и концепт 'Пространство'). Е.С. Хило, М.Ю. Меньшикова, И. Макарем, Т.И. Колесник, М. Сордини и

т.д. описывают особенности перевода стихотворений и поэм «последнего поэта деревни». Кроме того, рассматриваются интертекстуальные и интермедialные связи творчества С. Есенина с текстами авторов из Китая, Великобритании, Германии, США, с произведениями русских литераторов различных периодов (см. работы О.Е. Вороновой, С.Н. Пяткина, И.Н. Коржовой, Д.О. Котомцева, А.А. Корниловой, А.А. Сорокина и др.). Г.И. Шипулиной подготовлена серия идеографических «Словарей языка Сергея Есенина», в которых зафиксированы вербальные знаки, используемые поэтом в произведениях, к каждой семеме даны примеры из соответствующих художественных текстов. В статьях А.В. Самодуровой описана специфика функционирования образа города в идиостиле С. Есенина. В работах современных филологов детально проанализированы образы дома и/или избы, поля, дерева (к образу последнего обращался и автор данной статьи), дано описание особенностей репрезентации в произведениях С. Есенина неба и небесного града.

Лингвистами и литературоведами запущен проект создания «Есенинской энциклопедии», статьи которой появляются на страницах научно-методического журнала «Современное есениноведение». В марте 2021 г. к 125-летию со дня рождения писателя вышел первый выпуск энциклопедии «Памятные места и литературная география», включающий 357 статей о 442 топонимах. Н.И. Шубникова-Гусева отмечает во введении «О Есенинской энциклопедии», что в издании «отражены сведения не только о реальных географических пунктах, но и о свойственных поэтическому миру Есенина топонимах, раскрывающих его сложные и глубокие религиозно-философские искания, в т.ч. вымышленных поэтом, например, таких, как Иония и Страна Негодяев» [4, с. 7]. Соответственно, в данном выпуске зафиксировано представление о дифференциации в пространственной модели мира произведений С. Есенина пространства на земное (проекцию реального, географического) и сакральное (представления о пространстве инобытия, или небесном и адском пространствах).

Автором данной работы были предприняты попытки анализа и описания вербальных знаков, выражающих специфику восприятия лирическим субъектом пространства в стихотворениях С. Есенина. Однако нет системного описания средств вербализации в произведениях поэта сакрального пространства. Это обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – описание вербальных средств экспликации сакрального пространства в произведениях С. Есенина. Материалом исследования являются тексты стихотворений (маленьких поэм) «Русь», «Ус», «Товарищ», «Отчарь» и «Октоих».

В современной лингвистике нет единой дефиниционной модели пространства. Мы под пространством понимаем моделируемый феномен, воспроизводящийся в сознании человека по заданным параметрам, которые отчасти описаны в работах В.Н. Топорова. В их числе бинарные признаки характеристики пространства («верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство») и признаки культурно-социального начала (членение пространства в соответствии с категорией «свой – чужой»). В центре пространства, которое, по мнению исследователя, не существует отдельно от времени, образуя мир [Топоров 1983], находится человек. Он обживает пространство, но не побеждает и/или подчиняет его своим нуждам, а усваивает, принимает в себя, вторично рождается с ним [7, с. 242].

В художественных текстах такое пространство учёный считает целесообразным квалифицировать как мифопоэтическое. Оно противопоставляется В.Н. Топоровым как геометрическому, так и абстрактному научному пространству, поскольку является совокупностью представлений автора о протяжённости не только воспринимаемой органами чувств, но и недоступной такому восприятию. Пространство приобретает значение через высвобождение, открытие сакральных вещей, «а любая вещь сакральна, если она не потеряла связь с целым космоса, причастна ему, если известны процедуры, подтверждающие связь этой вещи с первовещью как элементом Космоса» [7, с. 238].

Отметим, что лексема *пространство* многозначна. Основным её значением является следующее: «одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объёмом» [2]. Это определение соотносится с делением пространства на

земное и космическое [6, с. 304–305]. Каждое из выделенных пространств характеризуется своими пространственными зонами, своим центром и периферией, своими объектами и населяющими указанные зоны субъектами. Так, одним из вариантов архаичной модели мира, описываемой в работах В.Н. Топорова, является образ мирового дерева. Оно делилось на три зоны, соотносимые с небесным (верхним) миром, миром человека и нижним миром (или адом в христианской вере). Согласно нашим исследованиям, мировое дерево символизировало как вертикальную ориентацию пространства, репрезентируя взаимосвязь земного и космического, так и горизонтальную, поскольку могло быть представлено как дорога. Кроме того, мировое дерево традиционно помещалось в центр мира, т.е. служило своеобразным центром развертывания земного пространства.

Отметим, что в представлениях славян космическое, или сакральное, пространство соотносилось с небесами, которые были недостигаемы и непостижимы для наших предков. Именно там обитали сначала божества славянского пантеона, а позднее – Бог и святые христианской религии. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечается, что именно на небесах располагался у большинства славян рай. Кроме того, данное пространство рассматривалось именно как сакральное, поскольку было далеко за пределами культурно ассимилированного земного пространства и не существовало единых представлений о его устройстве. Как правило, оно моделировалось либо как аналог земного пространства, либо как его полная противоположность.

В стихотворении (маленькой поэме) С. Есенина «Отчарь» сакральное пространство моделируется в соответствии с представлениями славян о рае как о саде, в котором произрастало мировое дерево. Само мировое дерево, кроной связанное с небесным миром, объективировано в строках *Под облачным деревом / Верхом на луне / Февральской метелью / Ревёшь ты во мне* [3, с. 36]. Предлог *под* указывает на местонахождение (под кроной, т.е. в земном пространстве) лирического субъекта.

Кроме того, в конце произведения моделируется само сакральное пространство, которое мы также соотносим с образом мирового дерева. Ср.: *Закнь его в небо, / Поставь на столпы! / Там лунного хлеба златятся снопы. // Там голод и жажда / В корнях не поют, / Но зреет однаждыный / Свет ангельских юрт* [Там же, с. 39]. В приведённом фрагменте текста лексема *небо* и её синоним *там* называют описываемое пространство, а слова *корни* и *зреет* актуализируют представление о мировом дереве. Причём строка *Там голод и жажда / В корнях не поют* могут трактоваться как отсылка к нижнему миру, который в христианстве соотносится с адом, т.е. местом, в котором души умерших за дела земные ждут муки (номинаруемые автором вербальными знаками *голод, жажда*). Крона мирового дерева в анализируемом фрагменте выражена глаголом *зреет*, т.е. «становиться зрелым (1 зн.); спеть» [БТС]. Однако в строках маленькой поэмы указано, что зреют не плоды дерева, а *свет ангельских юрт*. Прилагательное *ангельский* также квалифицируем как указание на сакральное пространство (небесную зону), а лексема *юрта* объективирует представление о тереме, который располагался под кроной мирового дерева [Герасименко, Дмитриева 2015].

Следовательно, в стихотворении (маленькой поэме) «Отчарь» объективировано представление о мировом древе как репрезентанте мироустройства и описано сакральное (небесное) пространство, соотносимое как с христианскими представлениями о рае (который находится на небесах и населяется ангелами), так и с традиционными для славян представлениями об устройстве пространства инобытия (терем, расположенный под кроной мирового (у С. Есенина *облачного*) древа).

Кроме того, пространство категоризируется человеком на «своё» и «чужое» как в горизонтальной (а), так и в вертикальной (б) плоскостях.

В случае (а) «своим» является культурно ассимилированное человеком пространство, а «чужим» выступает, как правило, природа. Например, в произведении «Русь» С. Есенин описывает пространство в горизонтальной плоскости: культурно ассимилированное социумом деревни как обобщённого образа деревенской Руси противопоставляется природе и её обитателям (волкам, воронам и др.). В тексте маленькой поэмы репрезентирована

традиционная для русской лингвокультуры горизонтально ориентированная пространственная модель мира «человек – дом – двор – село – поле – лес» [6, с. 581]. Лирический субъект описывает деревню, которая органично вписана в окружающие просторы (леса и поля), однако чуждость природы обитателям населённого пункта эксплицирована в тексте вербальными знаками *волки грозные* (инверсия актуализирует внимание читателя именно на оценочной характеристике диких животных), *словно нечисть лесная пеньки, сила нечистая, колдуны* и т.д. Отметим, что начинается произведение описанием противопоставления двух зон: «своего» (деревня и её обитатели) и «чужого» (природа и населяющие её животные, представители нечистой силы). Однако далее лирический субъект акцентирует внимание на культурно ассимилированном пространстве, которое ему хорошо известно и любимое. Ср.: *Но люблю тебя, родина кроткая!* [3, с. 18].

В случае (б) «своим» является «этот» свет, «чужим» – «тот». В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» указано, что в любом варианте описания мирового пространства, представленном в культуре славян, выделяется земное пространство, т.е. место жительства, местонахождения людей, и сакральное пространство (называемое также пространство инобытия или «тот» свет). Последнее считается местом обитания душ умерших, как обычных людей, так и святых, а также мифологических существ. Авторы словарной статьи отмечают, что под влиянием христианства «тот» свет начинает члениться на рай и ад. В первом обитали души праведников и святых, а также высшие сакральные силы. Ад предназначался для пребывания грешников и демонов [6, с. 305]. Именно «тот» свет учёные классифицируют как пространство инобытия, которое, согласно исследованию Е.С. Яковлевой, обладает следующими характеристиками: во-первых, объект описания является ментальной сущностью; во-вторых, данный объект находится либо в области чувственного контакта с говорящим, либо далеко за её пределами; в-третьих, говорящий оценивает не расстояние между собой и объектом, а степень достижимости контакта.

Так, в анализируемых произведениях С. Есенина «тот» свет объективирован как названиями существ, обитающих там, так и непосредственными указаниями на рай или ад. Однако сакральное пространство не изолировано от земного. К его представителям можно обратиться посредством вербальной формулировки и получить ответ либо остаться без него. Например, в стихотворении (маленькой поэме) «Ус» к обитателям сакрального (небесного) пространства лирические субъекты обращаются с помощью вербальной формулировки (*молиться Богу*) перед предметами культа (*божница, икона*), однако обратная связь отсутствует. Противоположная ситуация описана в произведении «Товарищ»: высшие силы, обитающие на «том» свете, откликаются на призыв лирического субъекта и проникают в земное пространство. Ср.: *«Исус, Исус, ты слышишь? / Ты видишь? Я один. / Тебя зовёт и кличет / Товарищ твой Мартин! / Отец лежит убитый, / Но он не пал, как трус. / Я слышу, он зовёт нас, / О верный мой Исус...» // И, ласково приемля / Речей невинных звук, / Сошёл Исус на землю / С неколебимых рук* [3, с. 32–33].

Связь земного и сакрального пространств возможна с помощью голубя. В русской лингвокультуре данная птица рассматривается как «чистая, святая. Божья птица (подобно ласточке, жаворонку, соловью, аисту и др.)» [5, с. 515]. Она противопоставляется хищным (или «чёрным») птицам и является символом добра и кротости. Такое представление, как указано в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», восходит к христианской традиции. Однако во многих культурах голубь символизировал миролюбие и любовь, содержался при храмах богов и считался их слугой [1, с. 57–58]. Так, в Библии голубь является вестником Бога о конце всемирного потопа. Кроме того, данная птица считается символом (воплощением) Святого Духа. «“Семь даров Святого Духа” (мудрость, разум, добрый совет, сила, знание, благочестие и страх Божий) воплощаются посредством голубей» [Там же, с. 58]. В произведении «Товарищ» именно на эту птицу смотрит с иконы младенец Исус. Ср.: *А Христос сидел на руках у Матери / И смотрел с иконы на голубей под крышею* [3, с. 30]. Отметим, что крыша, согласно исследованиям Т.В. Цивьян, также выполняла важную функцию в представлениях южных славян. Она квалифицируется как верхняя граница «этого»

и «того» света. Данный элемент здания одновременно «принадлежит внутреннему и внешнему миру» [8, с. 68], в силу чего крыша является местом соприкосновения земного и сакрального пространств.

В последнее из земного пространства может переходить и человек. Это связано с представлениями славян о том, что на «том» свете обитают души умерших. В стихотворении (маленькой поэме) «Ус» описан именно такой переход. Отметим, что сакральное пространство моделируется автором произведения в соответствии с фольклорными традициями. Лирический субъект находится *на крутой горе* [3, с. 23]. Согласно одним из представлений славян, мифический райский ирий-сад, в котором обитали души умерших, располагался именно на горе, выполняющей функцию мировой оси (аналогичную функцию выполняет мировое дерево). Там, под мировым деревом, рядом с теремом для усопших воинов, был приготовлен пир. Аналогичная ситуация описана и в тексте С. Есенина. Ср.: *Лежит он на снегу под елью / С весела-разгула, с похмелья. // Перед ним всё знать да бояры, / В руках золотые чары* [Там же]. Отметим, что в русской лингвокультуре зафиксированы представления о ели как об одном из вариантов мирового дерева. Кроме того, данное дерево высаживали на могилах умерших родственников-мужчин. В другом произведении С. Есенин при описании сакрального пространства также обращается к мотиву пиришества под мировым деревом. Ср.: *Там дряхлое время, / Бродя по лугам, / Всё русское племя / Сзывает к столам. // И, славя отвагу / И гордый твой дух, / Сычѐною брагой / Обносит их круг* [Там же, с. 39–40].

Итак, в лексическом значении слова *пространство* зафиксировано представление о делении пространства на земное и космическое. Первое хорошо знакомо человеку, освоено и обжито им. Второе выступает трудно постижимым, его населяют души умерших, представители высших сил. Также пространство категоризируется на «свое» и «чужое». Кроме того, оно воспринимается человеком как в горизонтальной (традиционной для русской лингвокультуры), так и в вертикальной плоскостях. Сакральное пространство в русской лингвокультуре трактуется как «тот» свет. В художественных текстах С. Есенина актуализированы представления о небесном (слова и сочетания *ангел, бог, господь, Иисус, Христос* и др.) и нижнем мирах. Причем зоны небесного, нижнего и земного миров не изолированы, они связаны и соотносимы друг с другом. Связь осуществляется либо посредством вербальной формулы (*молитва, вызывать*), либо с помощью существа, принадлежащего к обоим мирам (голубя), либо непосредственно (проникновение в земной мир Иисуса или переход в сакральное пространство лирического субъекта). Кроме того, в стихотворениях (маленьких поэмах) С. Есенина «тот» свет моделируется как мировое дерево, корни которого соотносятся с адом, в котором человека ждут *голод и жажда*, а крона – с небесным миром. Мотив пиришества под кроной мирового дерева (объективируется лексемой *ель*) также репрезентирован в произведениях поэта. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейшего исследования.

Литература

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов; Пер с нем. / Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинг, 2004. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 10.10.2022)
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 2: Стихотворения (маленькие поэмы); Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. М.: Наука-Голос, 1997. 464 с.
4. Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева; ред. М.В. Скороходов, С.И. Субботин. Константиново: ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина», 2020. 412 с.

5. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т.А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. М.: Междунар. отношения, 1995. 577 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т.А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. М.: «Международные отношения», 2009. 656 с.
7. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [отв. ред. Т. В. Цивьян]. М., 1983. С. 227–284.
8. Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семантика культуры: труды по знаковым системам / Редкол.: Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман; Ред. тома А. Мальц. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. С. 65–85.
9. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

УДК 811.161.1' 81–112' 23/28

Ю.В.Коренева

канд.филол.наук

Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ: СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА -ЕНИЕ**

Y.V. Koreneva

Cand.Sci. (Philology)

Moscow state regional university
Moscow, Russia

**RELIGIOUS VOCABULARY IN THE DICTIONARY OF I. I. SREZNEVSKY
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL LEXICOLOGY:
NOUNS WITH AN ENDING -ЕНИЕ**

Аннотация. Существительные на *-ение* (*терпение, творение, умиление* и др.) в словаре И. И. Срезневского демонстрируют – в каждом случае по-разному – наличие/отсутствие религиозной составляющей в их семантике, при этом с диахронических позиций такие существительные имеют отрицательное происхождение в отличие от их современных морфемно-словообразовательных отношений. Связь семантики и структуры слова в контексте происхождения этой структуры позволяет говорить о языковой вариативности таких слов, с одной стороны, и о дискурсивной обусловленности их функционирования, с другой.

Ключевые слова: семантика, религиозная лексика, морфемная структура, лингвокультура, категоризация

Abstract. Nouns with an ending *-enie* (*терпение, творение, умиление*, etc.) in the dictionary of I. I. Sreznevsky demonstrate – in each specific case in different ways – the presence / absence of a religious component in their semantics, while from a diachronic position such nouns have participial origin in contrast to their modern morphemic-word-formation relations. The connection between the semantics and structure of a word in the context of the origin of this structure allows us to speak about the linguistic variability of such words, on the one hand, and the discursive conditionality of their functioning, on the other.

Keywords: semantics, religious vocabulary, morphemic structure, linguistic culture, categorization

Изучение такой лексической страты русского языка, как религиозная лексика, отвечает актуальным вопросам отечественной лингвистики как с синхронических позиций, так и диахронических. Подход к изучению такой лексики может быть разным.

Во-первых, подход может быть собственно идеографическим. Исторические словари русского языка, ориентирующиеся на исходный словарь И.И. Срезневского, располагают материал в алфавитном порядке, привычном для традиционной лексикографии. Отбор лексики в таких словарях по идеографическому принципу может быть осуществлен только через прием сплошной выборки. Наблюдения за функционированием религиозной лексики разного типа в памятниках письменности и отражение ее семантики в исторических словарях русского языка составляет основу лингвокультурологического изучения русского религиозного языка. Например, изучение лексического состава житийных текстов позволяет видеть, что религиозная семантика чаще всего не заполняет весь семантический объем того или иного слова, такая семантика реализует себя именно как лингвокультурная составляющая в структуре лексического значения того или иного слова. В работе [2] реализован жанрово-дискурсивный подход к изучению семного состава того или иного слова в житийном тексте, что обеспечивает понимание наличия/отсутствия религиозной семантики в том или ином слове. Так, лингвокультурный концепт *Подвиг* в структуре жития преподобного старца реализует именно религиозный смысл '*усилия в деле спасении души*', который не обнаруживается при анализе перечня значений в словарях и исторических, и тем более современных. Изучение религиозной лексики также может осуществляться на тематико-идеографическом принципе, когда во всей совокупности выбираются какие-то лексико-семантические группы и изучаются как цельный класс, в пределах которого описываются их семантические отношения.

Во-вторых, осмысление такой лексики может быть основано на анализе словарной фиксации значений с привлечением компонентного анализа и обязательной отсылкой ко времени фиксации по памятникам письменности: к примеру, лексема *верующий* как отдельная номинация терминологического характера – явление позднее в русском лексиконе, исторические словари дают эту лексему только в рамках статьи базового глагола *веровать* (подробнее об этой лексеме в: [3]).

Оба подхода могут быть соединены в одном анализе. Вопрос лишь в начальной точке, с которой начинается изучение языкового материала. Также в рамках второго подхода возможно изучение лексических объединений одной морфемно-словообразовательной структуры. В данной статье избран именно такой угол зрения.

Морфемно-словообразовательная структура слова на своем уровне категоризирует действительность. При этом в каждом языке существуют свои закономерности на такую структурную категоризацию. В русском, например, абстрактные существительные на *-ость* образуются только от адъективов и ни от чего другого (*готовность, самость, золотистость* и проч.). Интересующие нас существительные на *-ение* категоризируют действительность следующим образом: они, как известно, имеют процессуальное значение и образуются, с современных позиций, от глаголов в их инфинитивной форме. Следовательно, такие существительные, раз они отглагольного происхождения, в своей морфемно-словообразовательной структуре сохраняют категоризационный признак процессуальности, тем самым такое существительное и исходный глагол семантически выражают одно и то же, но структурно представляют это каждый по-своему: ср. *читать/чтение, просянть/просяние* и под. Конечно же, указанная здесь закономерность – лишь закономерность, не закон. Есть свои нюансы и в семантике, и в морфемной структуре. Исторические данные это подтверждают.

К этим историческим данным относится прежде всего происхождение самого суффикса во всех его вариантах и словообразовательной последовательности. О происхождении суффикса написано А.М. Камчатновым на сайте «Древослов»: «Суффикс *-ниј(е) / -нѣ(е)* произошел в результате переразложения и опрошения суффикса страдательного причастия **(e)n* и суффикса **bj: n+bj > -ниј- / -нѣj-: назва-н- > назва-н-иј-е > назва-ниј-е, за-вој-ева-н- >*

за-вој-ева-н-иј-е > за-вој-ева-ниј-е, вар-ен > вар-ен-иј-е > вар-ениј-е / вар-енье. После возникновения суффикса *-ниј(е) / -нь(е)* стало возможным образование имен существительных со значением отвлеченного действия или состояния уже не от основ причастий, а от инфинитивных основ: *уныние, блуждание, молчание, восклицание, барактанье*» [1].

Таким образом, в ретроспективе суффикс составной: из причастного элемента и элемента *-иј-*, который исторически восходит к соединению именного суффикса с *-ј-*. Из этого выходит, что существительные на *-ение, -ание, -ние* (здесь для удобства говорим только о финали *-ение*) должны содержать в себе указание на словообразовательное значение страдательного причастия и одновременно на предметность. Участие – на типологическом уровне – страдательного причастия в образовании таких существительных указывает нам на то, что такие существительные не должны содержать в своей семантике векторное указание на актанта, скорее, в них есть указание на пациенса: *восхищение, терпение, хождение* и проч. Показательно, что при переосмыслении суффикса, переразложении в нем морфемных границ, сопровождающей все это декорреляции функциональной нагрузки получившегося суффикса и переосмыслении словообразовательных связей производящего и производного слов на современном этапе развития русского языка в семантике таких слов все же сохраняется причастный категоризационный признак.

Изучение религиозной лексики в словаре И.И. Срезневского с опорой на структуру слова, с одной стороны, имеет целью выяснить, какие именно лексемы данной структуры относятся к религиозной лексике, а какие нет; с другой стороны, позволит прояснить вопросы изменения семантической структуры слова в рамках сужения/расширения значения, метафоризации, смены оценки. Конечно, это заявка на серьезное и объемное исследование. Поэтому в рамках данного материала пока публикуются предварительные соображения.

Материалы словаря указывают на продуктивность этой структурной модели: текстовые примеры, которые И.И. Срезневский приводит на те или иные слова, датируются самым ранним периодом развития русского языка (есть примеры из переводных и оригинальных текстов XI–XII вв.). В выборку пока попали слова на букву **Т** – 19 единиц и букву **У** – 66 единиц (это последний том словаря). Слова даются в современной графике.

Буква **Т**: *творение, течение, тимение, томление, топение(?), точение, травление, трошение, трыжнение(?), треволнение, требование, трезвение, тренование, тресновение, трясение, трясовение, тужение, тление, терпение.*

Буква **У**: *убиение, уверение, увязение, угажение и угожение, угобжение, угризновение, угрызение, удавление и удаление, ударение, удобрение, уединение, ужасение, узаконение, укорение, украшение, укрепление, укущение, уловление, улучшение, умаление, умиление, умодвижение, умоление, умудрение, умование, умножение, умышение, умнение, умерщвление и умерщвление, умение, уничтожение и уничтожение, упитение, уподобление, уполучение, управление, упражнение, уражение, уряжение, уселение, оставление, устрабление, устройство, устремление, устретение и усретение, уступление, усужение, успление и успление, усыпление, усекновение, усечение, утворение, утверждение и утвержение, утрезвление, утерпение, ухыщрение, учащение(?), учение, учреждение.*

Беглый взгляд на данные слова приводит к пониманию, что:

- 1) некоторые слова вышли из употребления (*тимение, трясовение, ужасение, упитение* и проч.);
- 2) некоторые слова имеют в словаре варианты, один из которых остался в современном языке (*уничжение* и *уничжиение*);
- 3) некоторые слова помечены знаком (?) – в словаре семантизация таких слов не дана, приведен только пример употребления из какого-то памятника письменности;
- 4) ни одно из слов прямого религиозного значения не имеет, т.е. ни одно из них только религиозным признать нельзя (присуща ли такая закономерность только этим двум литерам или же касается всей совокупности слов на *-ение* в словаре И.И. Срезневского – говорить рано);

5) без иллюстративных примеров, без перечня значений все перечисленные слова современным сознанием воспринимаются как отвлеченные с процессуальным значением.

По нашим наблюдениям, среди указанных слов немало единиц конкретной номинации, т.е. собственно предметной лексики: *тимение* (= грязь, тина), *угризновение* (= укус), *угрызение* (= ужаление, укус), *упитение* (= обильное питание). Это свидетельствует, как минимум, о двух моментах в семантической структуре таких слов: во-первых, что структура на *-ение* не всегда указывала на отвлеченность семантики, следовательно, появление такой словообразовательной семантики – вопрос трансформационный, во-вторых, соотношение конкретно-предметной и абстрактной составляющей в денотате лексемы указывает на выбор языком более удобного варианта для категоризации тех смыслов, которые в этой структуре заключены. Есть и другое наблюдение за семантикой тех или иных слов на *-ение*, но это наблюдение не коррелируется со структурой слова: многие слова содержат в своем семантическом объеме, как показывает И.И. Срезневский, и конкретно-рациональные семы, и абстрактно-эмоциональные, т.е. значение таких слов синкретично, например: *умнение* = *уменьшение*, *унижение*. Каковы взаимоотношения сем в структуре синкретичной семемы – вопрос почти нерешаемый на базе только одного словаря, это исследовательская перспектива (об этом подробно у М. В. Пименовой в: [4]).

Анализ лексикографической семантики слов морфемной структуры на *-ение* в контексте исследования религиозной лексической страты показывает, что религиозным может быть элемент лексического значения слова – сама семема и/или семы в ее составе. При этом при сравнении с употреблением в современном русском языке обнаруживаются закономерные процессы изменения семантики слова.

Например,

1) *Умление* в словаре имеет значения '*сетование, горесть*', '*смирение*', '*успокоение*', '*благочестивое настроение*', '*ласковость*' [5, стлб. 1205]. Как видно, в современном употреблении остается только последняя семема. При этом словарь никак не отмечает ономастическую функцию данной лексемы при именовании иконографического типа (икона Божией Матери «Умиление»). Налицо сужение семантики слова с дальнейшей терминологизацией как агонима. Сами семемы религиозную функцию не несут.

2) *Творение* в словаре имеет значения '*дело, действие*', '*создание, творение*', '*мир, вселенная*', '*произведение, сочинение*', '*вымысел*' [5, стлб. 933]. Собственно религиозной семантики в перечне значений, на первый взгляд, не видно, но примеры, которые дает автор словаря, подтверждают религиозный статус этой лексемы.

Подводя итог наибольшим и, признаться, довольно беглым и первичным наблюдениям за словами на *-ение*, можем сказать,

что совокупность данных слов в языке со структурных позиций отражает продуктивный способ морфемно-словообразовательной категоризации мира,

что их обобщенная абстрактная семантика по своему происхождению вторична и базируется на процессах семантической декорреляции суффикса, переразложения в нем морфемных границ и опрошения,

что принадлежность того или иного слова данной структуры к религиозной страте русского языка определяется не всей полнотой семантического объема каждого слова, а семантическими компонентами в этом объеме, и это должно верифицироваться анализом на обширном текстовом материале.

Употребление слов на *-ение* в религиозных текстах отмечено высокой частотностью и значимостью в лингвоконцептуальной текстовой структуре, поэтому изучение слов в данной структурно-семантической области языка в таких текстах весьма перспективно.

Литература

1. Древослов. [Сайт]. <http://www.drevoslov.ru/wordcreation/morphem/4940-suffixes-nije-nje-enije-enje> (дата посещения 09.09.2022)
2. Коренева Ю.В. Лингвоконцепты жития преподобного старца в русском языке.

Монография. М., 2017. 370 с.

3. Коренева, Ю.В. Лексема *верующий* в русском языке и религиозном дискурсе // Поливановские чтения. 2021. № 15. С. 58–64.

4. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

5. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х тт. М., 1989. (Репринтное издание 1893–1912). Том 3. Часть 2. Т–Я. М., 1989.

УДК 81.373

Э.У. Омакаева

канд. филол. наук

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
г. Элиста, Россия,

Ширнэн Цолмон,

канд. филол. наук

Монгольский государственный университет образования
г. Улан-Батор, Монголия,

М. А. Таганова

канд. филол. наук

Национальный институт языка, литературы и рукописей
Академии наук Туркменистана
г. Туркменбаши, Туркменистан

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И
ПАРЕМИОЛОГИИ НА ФОНЕ МОНГОЛЬСКОЙ И ТУРКМЕНСКОЙ: НА ПРИМЕРЕ
АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО ПОСЛОВИЧНОГО ТЕКСТА**

E.U. Omakaeva

Cand. Sci (Philology)

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
Elista, Russia,

Shirnan Tsolmon

Cand. Sci (Philology)

Mongolian State University of Education
Ulaanbaatar, Mongolia,

M. A. Taganova

Cand. Sci (Philology)

National Institute of Language, Literature and Manuscripts
Academy of Sciences of Turkmenistan,
Turkmenbashi, Turkmenistan

**LINGUOCULTURAL CODES OF RUSSIAN PHRASEOLOGY AND
PAREMIOLOGY AGAINST THE BACKGROUND OF MONGOLIAN AND TURKMEN:
ON THE EXAMPLE OF AN ANIMALISTIC PROVERBIAL TEXT**

Аннотация. Статья посвящена вопросам актуализации анималистического кода в русских пословичных паремиях и фразеологизмах с выявлением их системных связей и аксиологического потенциала на фоне монгольского и туркменского языков. Лексическая экспликация анималистического образа в пословицах и фразеологизмах представляет особый интерес, поскольку взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко проявляется в зоопаремииологии и зоофразеологии.

Ключевые слова: зоопаремиология, зоофразеология, лингвокультурный код, русско-монгольско-туркменские соответствия, анималистическая картина мира, образы лисы, волка и зайца.

Abstract. The article is devoted to the issues of actualization of the animalistic code in Russian proverbs and phraseologisms with the identification of their systemic connections and axiological boundaries against the background of Mongolian and Turkmen. The lexical explication of the animalistic code in proverbs and phraseological units is of particular interest, since the relationship between language and culture is most clearly manifested in zooparemiology and zoophraseology.

Keywords: zoo-paremiology, linguistic and cultural code, Russian-German-Chinese correspondences, wild animals, animalistic worldview, proverbial images of fox, wolf and hare.

Работа выполнена при поддержке внутриузовского гранта КалМГУ (проект 2022 г.)

Опыт преподавания РКИ в монгольской и туркменской аудитории говорит о том, что лингвокультурные коды играют важную роль в освоении фразеологического (паремиологического) пространства русского языка иностранными слушателями и стажерами.

В современной русистике активно разрабатываются вопросы взаимодействия языка и культуры. Особый интерес представляет круг проблем, связанных с языковой картиной мира, различными ее фрагментами. Одним из перспективных направлений исследований в этой области, но еще не нашедшим полного отражения в теории и практике преподавания РКИ, является изучение лингвокультурных кодов (М.Л. Ковшова [8], М.В. Пименова [13] и др.).

Настоящая работа посвящена изучению и описанию на примере пословичных текстов одного из таких кодов — анималистического, а также проблеме сцепления лингвокультурных кодов в зоопословице. Выбор зооморфного кода не случаен, лексический кластер «Названия животных» активно используется в разных языках для метафорической передачи представлений о человеке, отражая своеобразие пословичной картины мира. Паремеиологическая активность базовых лексем кластера «Животные» обусловлена тесной связью людей и животных, сильной зависимостью жизни и быта древнего человека от последних [23; 24].

Номинации представителей фауны уже не раз привлекали внимание исследователей фразеологии всех трех языков. Анализ проводился как на материале одного языка, так и разных языков в сопоставительном ракурсе. Образами животных на материале зоопаремий как отдельных языков, в том числе монгольского, туркменского и русского, так и в сопоставительном аспекте с другими языками, посвящен ряд исследований [3; 5; 6; 7; 9; 10; 12, 18 и др.]. Изучению фразеологии в лингвокультурологическом аспекте в монгольском и туркменском языкознании посвящены работы Ш. Цолмон [19], Б. Рэнчина [14; 15], М. Соегова [17] и др. Сопоставительное исследование русских, монгольских и туркменских зоопословиц в указанном выше ракурсе проводится нами впервые.

Рассматривая зоопаремию как мини-текст, отражающий определенный фрагмент пословичной картины мира, следует обратить особое внимание на роль лексики в пословичном текстообразовании, целесообразность и плодотворность изучения пословичного лексикона по его роли в репрезентации лингвокультурных кодов. Мы используем понятие «лингвокультурный код» как инструмент исследования языковой картины мира. Лексикон пословиц достаточно разнообразен. Ядерный лексикон (ключевые слова) отражает важнейшие доминанты пословичной модели мира.

Мы выделяем в качестве отдельных мегакодов натурфактный и артефактный, имеющие большую информативную ценность.

Каждая культура имеет свой собственный анималистический язык. Одни и те же животные играют разную роль в жизни и культуре разных народов и оцениваются ими по-разному, что обусловлено своеобразием фауны и господствующим типом хозяйствования. В зависимости от разных климатических условий проживания народов фауна развивается: так, в русском фольклоре больше фигурируют лесные животные (волк, лиса, заяц, медведь и др.).

Существует устоявшаяся трактовка образов животных. Она сформирована в значительной степени пословицами, которые по-разному моделируются в разноразмерных языках. Недостаточное владение фоновыми знаниями, в частности культурно-обусловленными ассоциациями, определяющими особенности картины мира носителей языков, сказывается на недостаточной степени адекватного понимания анималистических мини-текстов.

Одним из способов преодоления этой трудности является целенаправленная работа по выявлению ключевых зоообразов в составе паремий, определению национально-культурной специфики их описания. Зоопословицы в разных лингвокультурах могут либо совпадать (полностью или частично), либо расходиться. В связи с этим большой интерес вызывает выявление национальной специфики русского анималистического фрагмента пословичной картины мира в сравнении с аналогичным сегментом в других лингвокультурах.

В контексте диалога культур особую актуальность приобретает вопрос о межкультурных схождениях и отличиях: каким образом эти сходства и различия отражены в зоопословицах? Какие животные чаще встречаются у русских, а какие – у других народов? Какие животные выступают как положительные образы, а какие – как отрицательные, и кто является лидером и аутсайдером?

Цель исследования заключается в анализе лексической экспликации зооморфного кода в анималистических паремиях русских, монголов и туркмен сквозь призму теоретического осмысления проблемы взаимосвязи языка и культуры.

Объектом данного исследования является зоопословица как мини-текст. Выражение «Пословица стоит тысячи слов» [22] показывает, насколько она важна для человека. Китайская пословица гласит: «Самая чистая вода – это родниковая вода, самая краткая речь – это пословица».

В ходе исследования применялись методы доминантного и сопоставительного анализа. Для выявления национально-культурной специфики лингвокультурного своеобразия пословиц реализуется идея семантического кластерного описания пословичного мини-текста.

Представляется важным выявить роль лексики в формировании системы зоообразов в разных языках. Для лексического обозначения животного лингвистами наиболее часто используется термин «зооним». Но этот термин неоднозначен, обозначая и собственное имя животного, и представителя фауны. Поэтому мы будем использовать в работе термин «зоолексема», который в широком смысле является зонтичным, включая любые наименования животных, их дериваты (субстантивы, атрибутивы, глаголы), а также все другие слова, так или иначе связанные с миром животных (номинации частей тела животных, локуса и др.). Наряду с этим широким термином употребляются более узкие термины: зооморфизм, зоосемизм, анимализм, фаунизм. Своеобразие восприятия русскими, монголами и туркменами животных нашло свое отражение в выборе зоономинаций – названий представителей фауны, чьи качества и повадки в пословицах ассоциативно сопоставляются с человеком. Это послужило причиной формирования вторичных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) зоолексем – зооморфизмов.

Материалом исследования послужили русские фразеологизмы и паремии [4; 5; 16; 20]; туркменские пословицы [[http:// sayings. ru/ world/ turkmen/ turkmen.html](http://sayings.ru/world/turkmen/turkmen.html)] и монгольские пословицы [1; 2; 11; 15].

Определение лингвистического статуса пословицы являет собой самостоятельную научную проблему. В качестве рабочего определения нами принято рассмотрение пословицы как фольклорного мини-текста. Под пословицами понимаются высказывания дидактического (назидательного) характера в ритмически организованной форме, способные к самостоятельному (внеконтекстному) функционированию (мини-тексты).

В сопоставляемых языках достаточно много пословиц с номинациями домашних и диких животных. Рассмотрим наиболее интересные русские зоолексемы в составе фаунистических пословиц на фоне их лексических соответствий в других языках. Это базовые анимализмы *волк, лиса и заяц* с ярко выраженной национально-культурной спецификой, лингвокультурный

потенциал которых все еще недостаточно изучен. Выбор не случаен: у лисы и волка вообще много общего, эти хищные звери являются представителями одного и того же семейства псовых. Пословицы с названиями этих животных в заявленном аспекте на материале указанных языков не подвергались системному изучению. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью создания русско-монгольско-туркменского словаря зоолексики и зоопословиц.

Образ зайца (*туулай/towşan*). Заяц по размеру маленький зверь, и это нашло отражение в монгольской пословице: *Тэмээний ачаанд туулай хунддэхгүй* (Для верблюда заяц не ноша). Заяц считается символом трусости во всех трех лингвокультурах: русск. *Пуганный заяц и пенка боится. Лучше умереть орлом, чем жить зайцем, Вор, что заяц: и тени своей боится*; монг. *туулайн зүрх гаргах* (испугаться); туркм. *towşan tüý adam* (труслив как заяц).

Туркменская пословица «Одним камнем двух птиц убить можно, Одной палкой – двух зайцев» означает двойную выгоду при совершении обычного действия. Но общеизвестно, что если возьмешься сразу за несколько дел, результата не будет, поэтому погнавшийся за двумя зайцами остается ни с чем: русск. *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь*. Приведем монгольский эквивалент: *Хоёр туулай хөөсөн анчин хоосон хоцорно* (Охотник, погнавшийся за двумя зайцами, остается без добычи), а также туркменский: *elde garpyz tutjak bolmak* (гоняться за двумя зайцами). В туркменском языке эту же идею выражает и пословица с иной образностью: ср. туркм. *Bir elde iki garpyz tutdurmaz* ‘два арбуза одной рукой не удержать’. Здесь, как видим, представлен другой ЛК (фитокод).

Заяц отличается быстротой бега, на этом его качестве базируется русская пословица: *Черепаше с зайцем наперегонки не гоняться*. Монголы и туркмены считают, что *Зайца на арбе (телеге) не поймаешь*. Но если жить по совести, то и на телеге можно догнать зайца: монг. *Үнэнээр явбал, үхэр тэргээр туулай гүйцнэ*.

Таким образом, эквивалентным признаком зайца, релевантным для носителей всех трех языков, является быстрота его бега.

Но некоторые туркменские «заячьи» пословицы не имеют эквивалентов в русском языке: *Зайцу родной холм дороже всего*. Но есть аналоги: ср. русск. *Где выросла сосна, там она и красна, Всякому мила своя сторона*. Любовь к Родине как базовая ценность превыше всего. Но в русской паремииология используется в данном случае не зоокод (*заяц*), как в туркменской, а фитокод (*сосна*).

Отдельные монгольские «заячьи» пословицы также не имеют эквивалентов в русском языке: *Бушуу туулай борвиндоо баастай* (У спешащего зайца на пятках помет), но также есть русский аналог: *Поспешишь – людей насмешишь*. Обе пословицы предостерегают от необдуманных, поспешных действий, но зоокод присутствует только в монгольской пословице.

В русских пословицах прыткий заяц противопоставляется хитрой лисе: *Лиса живет хитростью, а заяц прыткостью*. А в монгольских и туркменских паремиях заяц взаимодействует со львом: туркм. *Bağlı aslana bile tavşanlar saldırır* (На связанного льва даже зайцы нападают), монг. *Аргат туулай Арслан барина* (Сообразительный заяц Льва превзойдет). «Монгольский» заяц умен и предусмотрителен. В то же время монгольские пословицы гласят, что зайцу не стоит выдавать себя за льва: *Туулай арслан шиг явбал түргэн үхнэ. Арслангийн замыг туулай хэрэх*.

Образ волка/чоно/гурт (*gurt*). Волк считается жадным, ненасытным, опасным хищником. Зоолексема волк зафиксирована во многих пословицах, а также фразеологизмах: русск. *волчий аппетит* (зверский аппетит), *смотреть волком* (злым взглядом); *волчьи законы* (грубое попираание общепринятых норм поведения в социуме); монг. *чонын амнаас гараад барын аманд орох* (Выскочив из пасти волка, попасть в пасть тигра). В последнем случае речь идет о человеке, попытавшемся избежать неприятностей, но попавшем в еще более опасную ситуацию: ср. русск. *от волка бежал (ушел), на медведя попал*. В обоих случаях фигурирует общий образ волка, но образ второго зверя отличается: в русском примере говорится о медведе, а в монгольском – о тигре.

Пословицы хорошо эксплицируют образ вечно голодного волка: туркм. *Волчы уши в сторону добычи*; русск. *Волк рыщет, хлеба ищет*. монг. *Хоолтой чоно хонгилд, хоосон чоно хоморгонд* (Волк пропитанием – в пещере (логове), волк без добычи – на охоте).

Образ волка ассоциируется с активностью и энергичной деятельностью, неприятием пассивного образа жизни: Ср. русск. *Волка ноги кормят*; туркм. *Судьба волка – в ногах; Постарел волк – добыча от него убегает. Оба огрусыз болмаз, даг – берюсиз* [*Oba ogrusuz bolmaz, dag – bürüsiz*] (Села не бывают без вора, а горы – без волка).

С выражением *легок на помине* связана по смыслу русская пословица *Помянули волка, а волк тут!* (*Серого помянули, а серый здесь; Про серого речь, а серый навстречь*). Ср. туркм. *Böriüni ýoklasaň gulagy görner* (букв. Вспомнишь волка – уши покажутся).

У русских работа, как правило, сравнивается с волком: *Работа не волк, в лес не убежит*.

Волк символизирует подлого, лицемерного человека, которому не стоит доверять: русск. *Как волка ни корми, он все в лес смотрит*.

Монгольская пословица гласит: *Эр хун зоригтой бол чоно айдаг* (Когда мужчина смелый, волк боится).

Повадки волка неискоренимы: русск. *Волк каждый год линяет, а нрава не меняет* = *Волк каждый год линяет, но обычая не меняет. Волк и каждый год линяет, а все сер бывает*; туркм. *Гурт чагасы экди болмаз* [*Gurt çagasy ekdi bolmaz*] ‘Волчонка одомашнить невозможно’. Но своих волки не трогают: русск. *Волк волка не съест. Волк волком не травится. Волк волку хвоста не отдавит*.

Волк в пословицах может стать и козлом отпущения: русск. *На волка помолвка, а заяц кобылу съел*. Ср. туркм. *Лиса напакостит – волка винят*.

Один из своих паремиологических сборников известный американский паремиолог Вольфганг Мидер назвал «Вой, как волк: пословицы о животных» [21]. Человеку нередко приходится подстраиваться под окружающих его людей, приспосабливаться к новым обстоятельствам: русск. *С волками жить – по-волчьи выть*.

В пословицах волк противопоставляется разным животным. Русская пословица *Волк коню не товарищ*, противопоставляющая волка коню, подчеркивает, что разные по своему характеру, статусу или положению люди не ровня друг другу. Ср. туркм. *Собачы проклятия к волку не пристанут*.

В туркменских пословицах врагом волка выступает собака: *Ит хем арруклыгын гурда билдирmez* [*It hem arruklygyn gurda bildirmez*] (Собака не скажет волку о своей худобе). А в монгольской паремиологии место волка пытается занять кролик: монг. *Чонын эзгүйд чандага ноён* (В отсутствие волка кролик нойон).

Таким образом, образ волка достаточно амбивалентен: с одной стороны, он символ опытности, с другой, волк агрессивен, груб, безжалостен, лицемерен. О противоречивости образа волка пишет американский фольклорист Дональд Уорд [25].

Образ лисы/унэ/ tilki. Перейдем к рассмотрению пословиц с компонентом *лиса/унэ/tilki*. Образ лисы во всех трех лингвокультурах вызывает ассоциацию прежде всего с хитрым человеком: русск. *хитрая лиса*, монг. *унээн зальтай* (букв. ‘с лисьей хитростью’). В русских пословицах для выражения этой идеи используется образ старой лисы: русск. *Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след заматает. Старая лиса дважды поймать себя не даст*. Но и на старуху бывает проруха: русск. *Лукава лисица, да в капкан попадает. И лиса хитра, да шкуру ее продают*. Туркменская пословица гласит: «У лисы имеется тысяча и одна хитрость, но самая лучшая не показывается на глаза». Эта паремия была опубликована в русском переводе в 1929 году в журнале «Красная Нива» в разделе «Туркменские народные поговорки». В то время литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «Красная Нива» выходил как приложение к газете «Известия».

Сообразительность, как и хитрость, – ключевая характеристика данного животного в туркменских паремиях: «Не хитрость, не лезть спасают лису, а привычка не попадаться на глаза». Её хитрость передана в пословице: «Когда ищешь лису впереди, то она позади».

В зоопаремиях, как мы уже убедились выше, часто фигурируют два контрастных зоообраза. В русских пословицах конкуренцию лисе составляет волк, но и он ей проигрывает: *Лиса сытее волка живет. Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела. Лисица семерых волков проведёт. Имей лиса побольше брюхо, волк бы с голоду подох.* Туркменская пословица дает совет и предостерегает: *Не ходи к лисе, пусть она и богата; иди к волку, пусть он и беден.*

В монгольских паремиях образ лисы часто встречается в паре со львом в противопоставлении: *Арслан үнэгний чуулганд үзэсгэлэнгүй* (Льву некомфортно в сборище лис). *Үнэг цадвал улина, Арслан цадвал унтана* (Когда лиса сыта, она воеет, Когда лев сыт, он спит). Хитрость лисы противопоставлена авторитету, силе льва: *Сила льва не подходит лисице, хитрость лисы не подходит льву.*

В туркменских пословицах лиса выступает антиподом собаки: *Проворного пса не любит лиса.* А в русских пословицах ловкость лисы противопоставлена проворности зайца: *Лиса живет хитростью, а заяц – прыткостью.*

Лису, как и волка, отличает алчность: русск. *Спит лиса, а во сне кур щиплет. Лиса и во сне кур считает. У лисы всегда рыло в пуху.*

Эгоцентричность лисы демонстрирует туркменская пословица: *Каждая лиса хвалит свой хвост.* В русском аналоге фигурирует уже не лиса, а птица: ср. *Каждый кулик свое болото хвалит.*

Интересно сравнение незамужней девушки с живой лисой в монгольской пословице: *Аваагүй байхад, авгай сайхан, Алаагүй байхад, үнэг сайхан* (Пока не вышла замуж, девушка красива, Пока жива, лисица красива).

Изучение зоопаремиологического фонда трех разных языков позволило выделить универсальные и специфичные пословицы. Нами получены результаты сопоставительного анализа семантики трех базовых зоономинаций, зафиксированных в паремиологической системе трех языков. Так, например, выявлены русские пословицы, имеющие полные эквиваленты в двух других сопоставляемых языках, и паремии, не имеющие монгольских и туркменских соответствий, а также обнаружены пословицы, сходные по семантике, но передающие этот смысл через образы разных животных.

На примере анализа трех ключевых базовых зоолексем, используемых для представления пословичного образа животного, показано, что в рассматриваемых языках зоопословицы обнаруживают как сходства, так и различия. Соответственно этому выделены три группы пословичных мини-текстов: эквиваленты, аналоги и безэквивалентные единицы, которые рассмотрены на предмет их национально-культурной специфики. Особое внимание уделено символике образа животного, какие ассоциации он вызывает, а, следовательно, какие качества человека ценятся в анализируемых лингвокультурах больше всего.

Образы животных, представленные в русских паремиях, имеют много общего с монгольскими и туркменскими. В то же время рассмотренные нами зоопословицы отражают не только общие, универсальные представления о фауне, свойственные разным культурам (в нашем случае – монгольской, туркменской и русской), но и идиотнические явления, специфические черты, отражающие особенности национального мировосприятия. Этноспецифичность зоопаремиологии проявляется в использовании разных зоообразов при сходстве содержания пословицы.

На основе анализа функционирования номинаций животных в пословицах установлены переносные значения фаунизмов, отражающие позитивные/негативные качества человека, а также сопоставлены положительные/отрицательные качества человека, одобряемые/осуждаемые в трех лингвокультурах.

Паремиологическая активность зоолексем в том или ином языке отражает степень значимости того или иного животного для данного народа. Проведенный сопоставительный анализ трех анималистических лексем на базе пословичных текстов трех разноструктурных языков показал, что наряду с полными эквивалентами имеются расхождения в образности и семантическом значении зоопословиц, что необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Можно сделать вывод о том, что образы в сопоставляемых языках хотя и

бывают очень похожи, но национальная специфика имеет место быть. Поэтому, только владея лингвокультурными кодами каждого из языков (в нашем случае – зоокодом), можно максимально адекватно понять значение поговорки. Обнаружены сцепления ЛК, например, зооморфно-артефактный: русск. *волк в овчарне* – монг. *уургын морь шиг* (досл. как конь для аркана).

Литература

1. Аким Г. Монгол өвөрмөц хэлцийн товч тайлбар толь. Улан-Батор, 1999. 210 с.
2. Аким Г. Монгол-Орос, Орос-Монгол өвөрмөц хэлцийн толь. Улан-Батор, 1985. 230 с.
3. Багана Ж. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом "Лиса" как репрезентанты уникальности языковой картины мира (на материале русского, английского и китайского языков) / Ж. Багана, Е.С. Яковлева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 3(24). С. 6-11.
4. Большой словарь русских поговорок / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
5. Бредис М.А. Национальное и интернациональное в поговорках: поговорка *Работа не волк, в лес не убежит* и ее аналоги в разных языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 143-160.
6. Гундэгмаа Б. Образ чоно (волка) в наивном языковом сознании носителей монгольского языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 62-78.
7. Гымпилова С.Д. Пословицы и поговорки монгольских народов: специфика жанра // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 215–221.
8. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: URSS, 2016. 456 с.
9. Кузнецова И.В. Анималистическая фразеология в русском украинском и туркменском языках / И.В. Кузнецова, Н.Р. Юлдашова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3(103). С. 104-111.
10. Кульганек И.В. Монгольские поговорки и пословицы. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2017. 184 с.
11. Лувсанжав Ч. Орос-Монгол өвөрмөц хэллэгийн толь. Улан-Батор, 1970. 510 с.
12. Омакаева Э.У. Зооморфный код культуры в зеркале калмыцких и монгольских пословиц: зоолексема мөрн 'конь' / Э.У. Омакаева, В.С. Очирова, Ж.Д. Чеджисва [и др.] // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма: сборник научных трудов. Грозный: СибИздатСервис, 2019. С. 690-694.
13. Пименова М.В. Коды лингвокультуры: метаязык описания // Термінологічний вісник. 2017. Вип. 4. С. 274–281.
14. Рэнчин Батсүрэн. Культурные коды в зооморфных фразеологических единицах в английском, русском и монгольском языках // Языковые и культурные контакты: Сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 65–71.
15. Рэнчин Батсүрэн. Concise English-Russian-Mongolian Phraseological dictionary. Улан-Батор, 2004. 123 с.
16. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц [под ред. В.М. Мокиенко]. М.: Астрель: АСТ, 2008. 381 с.
17. Соегов М. Словесный образ волка (гурт/бери/меджек) в древнем и современном туркменском фольклоре // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 2(18). С. 70-74.
18. Сунь Ч. Национально-культурное своеобразие русских фразеологизмов (на материале ФЕ с семантическим компонентом "хитрость") // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 234-238.
19. Цолмон Ширнэн. Сопоставительное исследование фразеологизмов монгольского и русского языков: Лингвокультурологический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.22 / Калмыц. гос. ун-т. Элиста, 2006. 17 с.
20. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник. М., 1997. 845 с.
21. Mieder W. Howl Like a Wolf: Animal Proverbs. Shelburne/Vermont: The New England Press, 1993. 95 p.
22. Mieder W. A proverb is worth a thousand words: Folk wisdom in the modern mass media. Proverbium. Vol. 22. 2005. Pp. 167–234.

23. Rooth A.B. Domestic Animals and Wild Animals as Symbols and Referents in Proverbs. *Proverbium*, 1968. No. 11. Pp. 286–288.
24. Schuster E. Proverbs: A Path to Understanding Different Cultures // *Journal of Extension*. 1998. 36.1. Pp. 18–23.
25. Ward D. The wolf: proverbial ambivalence // *Proverbium*. 1987. 4. Pp. 211–224.

УДК 811.161.1

Я.А. Пенькова

канд. филол. наук
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ НАЧИНАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ГЛАГОЛЫ *ВОЗНИКНУТЬ* И *ПОЯВИТЬСЯ*

Y.A. Penkova

PhD

Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

TO THE FORMATION OF THE SYSTEM OF INCHOATIVE VERBS IN THE HISTORY OF RUSSIAN: VERBS *VOZNIKNUT'* AND *POJAVIT'SJA*

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов формирования системы начинательных глаголов в истории русского языка. На материале исторических словарей, картотеки Словаря русского языка XI–XVII веков, исторических корпусов русского языка исследуются типы конструкций, в которых употреблялись начинательные глаголы *появиться* и *возникнуть*, а также их сочетаемость с различными таксономическими классами имён существительных. Прослеживаются различия между глаголами и изменения от среднерусской системы к современной.

Ключевые слова: начинательные глаголы, историческая лексикология, семантика, грамматика конструкций, история русского языка

Abstract. The paper is dedicated to the development of the system of inchoative verbs in the history of Russian. Using the data from historical dictionaries, the card-index of the Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th centuries, and historical corpora, the types of constructions and compatibility of inchoative verbs *pojavitisja* and *vozniknuti* with various taxonomic classes of nouns are studied. Differences between the verbs as well as the changes from the Middle Russian system to the modern one are traced.

Keywords: inchoative verbs, historical lexicology, semantics, construction grammar, history of Russian

Настоящая работа посвящена исследованию одного из аспектов, связанных с развитием системы начинательных глаголов в истории русского языка. К начинательным мы относим глаголы, у которых семантический компонент начала, возникновения объекта или ситуации относится к тематическим, а не строевым [15, с. 180]. К таким глаголам в современном русском языке можно отнести *начаться*, *возникнуть*, *стать*, *наступить*, *настать* и некоторые другие. Семантические различия между этими глаголами в современном русском языке не раз становились предметом описания [там же, с. 179–196; 10], однако в исторической перспективе таких исследований почти не предпринималось. Наблюдения над сочетаемостью начинательных глаголов с именами существительными, выполняющими роль основного участника ситуации, на материале среднерусской письменности представлены в работе [17].

В настоящем очерке мы бы хотели сосредоточиться на конкуренции двух начинательных глаголов: *возникнуть* и *появиться*. В современном русском языке эти глаголы семантически весьма близки друг другу, в ряде контекстов они полностью взаимозаменяемы, ср. пример (1), в котором *появиться* может быть заменен на *возникнуть*, и пример (2), в котором, напротив, *возникнуть* может быть заменен на *появиться*:

(1) **Появились трудности. Появились новые заботы.** [21, т. 3, с. 350].

(2) *В душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении* (Гончаров) [там же, т. 1, с. 202].

Однако эти глаголы являются взаимозаменяемыми не во всех контекстах. Так, в примере (3) вместо *появиться* не может быть употреблен *возникнуть*, а в (4), напротив, *возникнуть* не взаимозаменяем с *появиться*, ср.:

(3) *На другой же день появилась в газете — статья с таким заглавием: «О необыкновенных талантах Чарткова»* (Гоголь) [там же, т. 3, с. 350].

(4) *В конце концов, возникнет ситуация, когда уже никакие инвестиции не смогут оживить градообразующие предприятия и, следовательно, сами малые города* [14].

Рассматривая семантические различия данных глаголов в современном русском языке, Е.В. Падучева анализирует их сочетаемость с именами существительными, показывая, что *появиться* — это глагол с т.н. врожденным наблюдателем, он относится к тематическому классу восприятий и отличается от *возникнуть* тем, что у первого начинательное значение ‘начать быть в поле зрения наблюдателя’ связано с идеей перемещения, тогда как у *возникнуть* или вовсе нет связи с перемещением, или присутствует связь только с перемещением снизу вверх [15, с. 192, с. 213]. Этим свойством и объясняется невозможность употребить глагол *появиться* в примере (4). Невозможность использовать *возникнуть* в примере (3) связана с семантическим компонентом ‘неожиданность’, характеризующим этот глагол, что исключено в контексте появления статьи в газете.

Особенности функционирования глаголов *возникнути* и *появитися* в среднерусской письменности существенно отличаются от таковых в современном русском языке. Для выявления семантических различий между ними в истории русского языка обратимся к анализу типов конструкций, в которых употребляются рассматриваемые нами глаголы, а также к анализу сочетаемости с различными таксономическими классами имен существительных в составе данных конструкций. Это позволит проследить механизмы развития многозначности глаголов в целом и механизмы развития начинательного значения и последующего семантического сближения глаголов, в частности. Материалом исследования послужили данные исторических словарей (Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Словарь русского языка XI–XVII вв., далее — СлРЯ XI–XVII вв., Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., далее — СДРЯ), картотека СлРЯ XI–XVII и данные исторических корпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Цитаты из НКРЯ приводятся с метаданными, которыми они сопровождаются в корпусе.

В первой части работы мы дадим краткий обзор данных исторических словарей, во второй — обзор основных типов конструкций с глаголами *возникнути* и *появитися* на основе данных словарей и корпусов. Обсуждаемые ниже конструкции для удобства восприятия мы будем записывать в виде краткой формулы. В описании используются сокращения V — для обозначения любой формы описываемого нами глагола в составе конструкции, S — для обозначения имени существительного, называющего какого-либо участника ситуации. При имени существительном сокращенно указывается падеж (например, Acc., Nom., Loc. и т.д.). Если представлена предложно-падежная группа, то мы указываем предлог, используемый в конструкции.

Возникнути и появиться: данные исторических словарей

Глагол *возникнути* фиксируется еще в старославянском языке в архетипическом значении изменения положения ‘подняться’, ср. пример из Супрасльской рукописи:

(5) **възникъ и възрѣвъ не видѣ никогоже** [27, с. 291].

В Материалах И.И. Срезневского соответствующая статья иллюстрируется несколькими цитатами из старославянских и церковнославянских источников русского извода, однако цитаты при этом не сопровождаются толкованиями [24, т. 1, с. 366]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. этот глагол представлен уже исключительно как начинательный [21, т. 2, с. 300] — в значении ‘возникнуть’, хотя даже в XVIII в. он сохраняет возможность употребляться как глагол изменения положения, ср. пример из «Россиады» М.М. Хераскова:

(6) <Жрецы> блѣднѣют, рвут власы, и с воплем упадают; **Возникнув** от земли... со трепетом бѣгут. [22, т. 4, с. 21–22].

В Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. глагол *возникнути* вовсе не зафиксирован. Это объясняется тем, что *возникнути* долгое время оставался маркировано книжным церковнославянским. Многозначность, которая была характерна для него уже в древнейший период, получила полноценное описание только в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. [19, т. 2, с. 92–93], где у *возникнути* выделены значения изменения положения ‘подняться’ и ‘выпрямиться’, начинательное ‘возникнуть’, ‘появиться’ и ‘перестать находиться в каком-л. состоянии’, ср.:

(7) Никола чернець **взниче** да видить море. СбТр к. XIV, 180 об. [там же]

(8) Не вѣдѣ откуду **взникшоша** соблазни. СбТ XIV–XV, 139–139 об. [там же]

(9) Не ввозмо бо от злобы **взникнути** скоро. КР 1284, 51а–б [там же]

Глагол *появиться* – приставочное образование от *явиться* – фиксируется в русской письменности гораздо позднее, чем *возникнути*. Ни в «Материалах» И.И. Срезневского, ни в СДРЯ этот глагол не представлен, а, согласно СлРЯ XI–XVII и НКРЯ, отмечается не ранее XVI в. в нескольких значениях: ‘появиться в поле зрения; обнаружиться’, ‘предстать, явиться’ и некоторых других. При этом источники, в которых употребляется глагол *появиться*, не относятся к категории стандартной церковнославянской письменности, ср.:

(10) И стоя у города 11 дни, и **появишася** полки литовския [Устюжский летописный свод (1500–1525, 1530–1598)].

(11) А где на ту вотчину **появятца** у ково какие ни есть крепѣ, и мне, Василью, та отчина очищати ото всяких крепей [Данная Василия Федорова сына Борисова Борисогл. монастырю на жеребий сц. Пополутово... (1577.05.01)] [14].

Возникнути: основные типы конструкций

В своем архетипическом значении глагол *возникнути* употребляется как одновалентный предикат в структурах типа S_{NOM_V}, субъект при этом одушевленный:

(12) Адамъ же **возникну** и рече. [16, т. I, с. 3].

Эта структура может быть усложнена за счет добавления маршрута движения, в результате чего возникает конструкция S_{NOM_V_SINS}:

(13) *Единоу пролубио* купно пакы **возникневъ**. [8, с. 51].

Если маркируется не маршрут, а начальная точка движения, получается еще одна модификация исходной конструкции S_{NOM_V_от_SGEN}:

(14) Не могій **возникнути** *отъ мощей*. [6, с. 25].

В результате метафорического переноса может происходить смена таксономического класса участника ситуации, используемого для обозначения начальной точки движения, если его место занимает имя, называющее состояние субъекта. При этом глагол *возникнути* перестает быть предикатом изменения положения и становится предикатом, обозначающим прекращение некоторого состояния’, ср.:

(15) **Взникните**... *отъ* належащаго вамъ *мрака*. [12, с. 146, XVI в.].

(16) **Взникнемъ** *отъ злобы*. [5, с. 64, XVI в.].

В данной конструкции состояние, которое необходимо прекратить, всегда имеет негативную оценку. Это связано с архетипическими представлениями НИЗ — ПЛОХОЕ, ВЕРХ — ХОРОШЕЕ. Поскольку *возникнути* изначально маркирует именно движение снизу-вверх, соответственно то, что находится внизу, концептуализируется как нечто низкое, крайне негативное, как то, что должно быть преодолено движением вверх к более высокому, возвышенному.

Если фокус смещается с начальной точки движения на конечную, возникает конструкция $S_{\text{NOM}}\_V\_в / на\ S_{\text{ACC}}$:

(17) Дно морское, **возникнувь** на воздухъ, составляет... острова. Ломоносов. Соч. V, 4. 1757 г. [22, т. 4, с. 21–22].

При смене таксономического класса участника, называющего конечную точку движения, на имя существительное, обозначающее состояние субъекта, *возникнути* развивает переносное значение, маркируя начало нового состояния. Здесь также сохраняется связь с ориентиром НИЗ–ВЕРХ, поэтому такое состояние всегда имеет положительную оценку:

(18) Въ богоувѣдѣние... вси **возникоша**. [23, с. 326].

(19) Онъ не возможе... **возникнути** на... *свѣтъ* православия. [1, с. 325].

При всем разнообразии перечисленных конструкций, в них семантический тип предиката *возникнути* не подвергается изменению. Во всех конструкциях он остается предикатом изменения положения в прямом или метафорическом смысле. Каким же образом происходит сдвиг от обозначения изменения положения к обозначению начинательности?

Можно предположить, что мостом между *возникнути* в своем архетипическом значении и в начинательном значении является конструкция с неодушевленным субъектом, поскольку смена субъекта на неодушевленный приводит к утрате свойства контролируемости. Если мы посмотрим на сочетаемость глагола *возникнути*, то увидим, что с неодушевленными именами существительными он употребляется крайне редко. Это преимущественно названия растений. Одушевленные имена существительные с названиями растений объединяет то, что они обозначают такие объекты, которые растут и поднимаются, то есть ориентированы по вертикали, а не по горизонтали.

(20) И **возникнеть** въ немь [винограднике]... **тръние**. (Ис. V, 6) [3, 1499 г.].

(21) **Възниче** на немь **трава**. [16, т. II, с. 115. XVI в.].

Именно здесь и происходит, на наш взгляд, переинтерпретация (т.н. ребрендинг): в приведенных примерах *возникнути* может быть проинтерпретирован и как глагол со значением ‘подняться’ и как начинательный глагол в значении ‘появиться, возникнуть’. Такая переинтерпретация сопровождается сменой аспектуальных характеристик глагола *возникнути*: он становится моментальным, т.е. приобретает акцент на результате и утрачивает аспектуальную парность. Кроме того, у него появляется еще один участник, обозначающий место возникновения объекта или ситуации, т.е. возникает конструкция типа $S_{\text{NOM}}\_V\_в\ S_{\text{LOC}}$, а также конструкция с опущенным участником, маркирующим место, если указание на место возникновения понятно из контекста или не имеет значения:

(22) Въ црѣство же сего Анастасия **възникну** нѣкто мужь въ *Антиохии*... [9, кн. XVI, с. 13].

(23) **Възничоша** нѣцци въ своей ему *лавръ* плѣтнии съмысловь. [7, с. 89–91, XIII в.].

(24) И по родѣ мнозѣ **възниче** Моусии. [8, с. 108, XV в. ~ XII в.].

Далее происходит расширение сочетаемости: *возникнути* как начинательный глагол распространяется не только на одушевленные имена существительные и названия растений, но и на абстрактные имена существительные, ср:

(25) Мудрующихъ сице... проклинаемъ съ... **ересьми възникшими**... въ различна врѣмена [4, с. 2174].

При этом такие событийные имена существительные употребляются метонимически, отсылая к неназываемым деятелям, стоящим за ними (ср. *ереси* – *еретики*, *соблазны* – *соблазнитель* и т.д.).

Появится: основные типы конструкций

Глагол *появится* в среднерусской письменности употребляется в нескольких типах конструкций. Самой распространенной является конструкция типа $S_{\text{NOM}}\_V\_в\ S_{\text{LOC}} / к\ S_{\text{DAT}}$. Она может также сопровождаться указанием на время. Предложно-падежная конструкция при этом указывает на место, ср.:

(26) А которые дети боярские... **появятца** в *Новгороде*, и тех высылати за государем тотчас. [Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг. (1512–1598)] [14].

(27) **Появилася** галка в Новом монастыре [Пискаревский летописец (1600–1650)] [14].

(28) какъ тотъ соловей **появился** въ церкви, и въ кое время [Грамота патриарха Никона архимандриту Филофею об уведомлении о соловье, залетевшем в монастырскую соборную церковь (1666.06.07)] [14].

(29) и бысть назаутрие въ польобѣда **появишася** къ городу съ единыя страны полкъ рати Литовския [Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526–1530)] [14].

Эта конструкция может иметь сокращенный вид с опущенным указанием на место, если оно ясно из контекста:

(30) И стоя у города 11 дни, и **появишася** полки литовския [Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (1500–1525, 1530–1598)] [14].

Вторым распространенным типом конструкций являются структуры типа `SNOM_V_SDAT / к_SDAT_пред_SINS`. В этой конструкции и субъект, и эксперименер – одушевленные имена существительные, а глагол *появится* отличается тем, что обладает в этих конструкциях свойством контролируемости:

(31) А будетъ Пелымской князь Аблегиризмъ ... къ воеводамъ не **появитца**, а почнетъ бѣгать... [Наказ князю Петру Горчакову, посланному в сибирские города с разными запасами и для устройства тамошних дел (1593–1595)] [14].

(32) Стало срамно молотцу **появится** к своему оубу и мѣри. [18, с. 8].

(33) с чем бы **появит[ь]ся** предъ Вл[а]д[ы]ку, а то умрем всяко. [протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1675)] [14].

Очевидно, что развитие начинательного значения у глагола *появится* связано не со вторым, а с первым типом конструкций, в которых *появится* обозначает неконтролируемое субъектом событие – появление объекта в поле зрения наблюдателя.

По-видимому, мостом между употреблением *появится* в перцептивном значении ‘начать существовать в поле зрения наблюдателя’ и в начинательном значении ‘начать существовать’ послужила конструкция с неодушевленным субъектом `SNOM_V_в_SLOC`, в которой взаимоотношения между субъектом и предложно-падежной группой были переосмыслены как отношения части и целого: локатив стал обозначать не место, а участника ситуации, с которым происходит то или иное изменение, а именительный падеж маркирует название нового свойства:

(34) и учинися на болячкѣ яко прыщъ малъ, и **появися** в ней мало гною [Повесть о болезни и смерти Василия III (1533–1550)] [14].

(35) в рыбѣ только духъ **появится** [Домострой (1500–1560)] [14].

(36) винограды, въ котормъ червь **появитца** [26, с. 61, XVII в. ~ 1561 г.].

(37) иметь голод, **появится** и голось [25, с. 109].

Кроме того, если в примерах (26–30) объект воспринимается наблюдателем исключительно с помощью зрения, то в примерах (35–37) глагол *появится* становится возможен и в контексте восприятия другими органами чувств. Во всех этих случаях появление уже не связано с идеей перемещения, но все еще связано с воспринимающим субъектом.

Следующий этап семантической эволюции – приобретение возможности употребляться с событийными именами существительными. В среднерусской письменности *появится* встречается с названиями процессов, которые характеризуются какими-либо внешними проявлениями. Последние в свою очередь могут быть воспринимаемы органами чувств, имеют внешние признаки своего проявления, ср.:

(38) **появилось** повѣтрее въ Великомъ Новѣгородѣ въ Шелонской пятинѣ Июля въ 19 день [Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного (1563–1567)] [14].

(39) А на мельнице, г(о)с(у)д(а)рь, которова [ч]асу **поевитца** какая порча, и мы, г(о)с(у)д(а)рь, тово часу и починивом [Грамотка приказчика К. Хомутова и старосты И. Маркатова из с. Спасское (12.1682)] [14].

Некоторые выводы

Как видно из рассмотренных выше примеров и конструкций, в позднесреднерусский период в письменности в начинательном значении употребляются как *возникнути*, так и *появитися*, однако между ними в этот период сохраняются существенные семантические различия: *возникнути* преимущественно сочетается с одушевленными субъектами, самые ранние примеры употребления с событийными именами существительными метонимически также отсылают к деятелю. При этом сами сущности могут быть сколь угодно абстрактными (ср. *ереси, соблазны*).

Появитися в начинательном значении все еще сохраняет довольно сильный перцептивный компонент, что также ограничивает сочетаемость этого глагола с событийными именами существительными. Среди последних представлены имена различного рода субстанций, которые имеют материальное выражение и могут быть воспринимаемы органами чувств (ср. *духъ* в значении ‘запах’, *гной, голось, повтррие*).

Таким образом, в среднерусской письменности глаголы *возникнути* и *появитися* семантически очень далеки друг от друга и практически не конкурируют между собой. Первый функционирует в церковнославянской письменности с сочетаемостью, ограниченной одушевленными именами существительными, названиями растительных объектов и абстрактными сущностями непроецессуального характера, связанными с деятелем. Второй не встречается в книжных источниках и ограничен менее книжной письменностью и сочетаемостью с именами существительными, называющими такие свойства и процессы, которые имеют какие-либо внешние признаки своего проявления.

Дальнейшее семантическое сближение глаголов связано, во-первых, с утратой *возникнути* своего архетипического значения ‘подняться’, а *появитися* – своего употребления в качестве контролируемого предиката в значении ‘предстать перед кем-либо’; во-вторых, с утратой глаголами стилистической маркированности; наконец, со структурным сходством конструкций типа SNOM_V_в_SLOC. Такой тип конструкции служит, судя по всему, локусом семантического сближения *возникнути* и *появитися*.

Наконец, некоторую роль в расширении сочетаемости *появитися* и *возникнути* с событийными именами существительными сыграло то, что к XVIII в. в литературном языке практически выходит из употребления глагол *початися*, в среднерусский период широко сочетавшийся именно с названиями сущностей, ср.:

(40) Преже... сего, как и **Астарахан<ь> почалас<ь>**, в Астарахани таких болших судов с рыбою и с сол<ь>ю не окладывали [2, № 1148, 1628–1629 гг.].

(41) Князь Семень сказалъ, что у него **мысль почалась** потому, какъ государь недомогалъ [11, 15, XVII в.].

Литература

1. Аввакум. Книга бесед // Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1 (РИБ Т. 39).
2. Акты Астраханской воеводской избы XVII в. ИИ РАН, ф. 178.
3. Библия полная («Геннадьевская»). Рук. ГИМ, Син. 915, 1002 лл. 1499 г.
4. Великие Миней-Четни, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. М.; СПб., 1868–1917. Декабрь. Тетр. 1. Дек. 24. М., 1910, стлб. 1861–2192.
5. Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века // ЛЗАК за 1908 г. СПб., 1909. Вып. 21. С. 35–117.
6. Житие Ионы митрополита московского. Рук. РГБ, ф. 310, № 322, 45 лл. вт. пол. XVI в.
7. Житие святого Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. / По рукописи ОЛДП издал И. Помяловский. СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, № 96).

8. Житие святого Стефана епископа Пермского написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археограф. Комис. СПб., 1897.
9. Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 16. // Сборник ОРЯС. Т. 91. № 2. Пг., 1914. С. 13–16.
10. Кустова Г. И., 2002. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением ‘начаться’/ ‘кончиться’). // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. / Н.Д. Арутюнова (ред.). М.: Индрик, 2002. С. 69–82.
11. Летописец Русский (Московская летопись) / Пригот. к изд. А.Н. Лебедев // Чтения ОИДР, 1895. Кн. 3.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 9. СПб., 1862.
13. Никольский Н.К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
14. НКРЯ — Национальный корпус русского языка <<http://www.ruscorpora.ru>> [Электронный ресурс] (дата обращения 1.09.2022)
15. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
16. Памятники отреченной русской литературы. / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. I–II. СПб., 1863.
17. Симиони П.К. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII в. // Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. VII, 1. СПб., 1907. (Сб. ОРЯС. Т. 83. № 1).
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык. 1988–.
19. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.
21. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–.
22. Списание богородского ключаря Ивана от божественного писания обличительно на королевича немчина Матвея / Голубцов А. Памятники прений о вере // Чтения ОИДР, Кн. 2. 1892. С. 315–349.
23. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В. 3 т. М.: Знак, 2003.
24. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати П. Симиони. СПб., 1899. (Сборник ОРЯС. Т. 66).
25. Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока, 1558–1561 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. VI. Вып. 3. СПб., 1887.
26. Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ В СЛОВАРЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

M.Vas. Pimenova
Doctor of Philology
Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoleto
Vladimir, Russia

STABLE VERB PHRASES IN THE I.I. SREZNEVSKY'S DICTIONARY

Аннотация. Статья посвящена «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского как источнику исторической фразеологии. Приводятся примеры фиксации в словаре устойчивых глагольных оборотов, рассматриваются особенности их семантики, структуры и функционирования. Говорится о создании специального словаря древнерусских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеология, «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, устойчивые глагольные обороты.

Abstract. The article is devoted to the “Materials for the dictionary of the Old Russian language” of I.I. Sreznevsky as a source of historical phraseology. Examples of fixation of stable verb phrases in the dictionary are given, the features of their semantics, structure and functioning are considered. It is said about the creation of a special dictionary of Old Russian phraseological units.

Keywords: phraseology, “Materials for the dictionary of the Old Russian language” of I.I. Sreznevsky, stable verb phrases.

Исследователи неоднократно отмечали, что академик Измаил Иванович Срезневский «... сформировал исторический словарь как *научный жанр*» [16, с.50], а его «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (далее – Словарь) «по сей день остаются единственным полным завершённым удовлетворительно обработанным» [16, с. 172] историческим словарём древнерусского языка. Более века «...Словарь И.И. Срезневского находится в научном обороте и является незаменимым руководством при чтении древнерусских памятников и надёжным источником при изучении древнерусской лексики» [1, с. 3]. М.И. Чернышёва указывает, что «Материалы» И.И. Срезневского являются источником «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.): «Специалистам хорошо известно, что СлРЯ XI–XVII вв.» является продолжателем и преемником «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (далее – “Материалы” [Срезневский 1893–1912]: во-первых, все источники “Материалов” включены в СлРЯ XI–XVII вв., во-вторых соответственно – лексика “Материалов” входит в состав Словаря, в-третьих, долгое время “Материалы” служили “поставщиком” (для первых выпусков – чуть ли не единственным) ранних фиксаций, т.е. сами “Материалы” были и остаются до сих пор крупным и важнейшим источником СлРЯ XI–XVII вв.» [16, с. 93–94]. Д.Г. Демидов полагает, что «“Материалы” И.И. Срезневского обладают большими возможностями основного источника исторического идеографического словаря русского языка» [16, с. 160]. О.В. Никитин отмечает: «Почему не устаревает этот словарь? Дело не только в том, что И.И. Срезневский занимался тщательным отбором, комментированием и фиксацией текстов. Это словарь не лексем, а понятий и, если угодно, концептов. По своей сути он представляет собой *культурологический словарь*

[Колесов 2003: 217], в котором описано немало разных фактов и в целом дано представление о картине мира древних людей, запечатлённой в слове» [16, с. 50].

Мы хотим акцентировать внимание на возможности использования Словаря И.И. Срезневского в качестве источника исторической фразеологии, поскольку этот фундаментальный труд «...содержит весь лексический состав привлекаемых источников (около 2 700 памятников), среди которых фиксируются не только отдельные лексемы, но и устойчивые лексико-семантические единицы, состоящие их двух и более компонентов» [16, с. 300]. Десять лет назад в статье, посвященной 200-летию со дня рождения Измаила Ивановича Срезневского, мы уже представляли различные подходы к изучению фразеологии в диахронии, говорили об отличиях реализующих архаичное *синкретичное значение* древних устойчивых сочетаний слов (*синкретем*, как мы предлагаем их называть) от современных фразеологизмов [16, с. 300–304] (см. также [14, с. 50–66; 15, с. 40–42]).

Продолжим рассмотрение фиксации в Словаре И.И. Срезневского синкретем различных типов (которые «...приводятся после толкования значения заголовочного слова в качестве иллюстраций к нему» [5, с. 440]) с точки зрения особенностей их семантики, структуры и функционирования на материале одного из наиболее частотных типов – устойчивых оборотов, в которых стержневым компонентом является **глагол**. Данные единицы изучались лингвистами в синхронном и диахроническом аспектах с использованием различных терминов: *описательные формы глагола* (Ф.И. Буслаев) [3, с. 509–511], *глагольные фразеологические единицы* (А.Г. Ломов, Л.Я. Костючук) [9; 12], *сочетания «глагол + абстрактное существительное»* (М.М. Копыленко) [8], *устойчивые глагольно-именные словосочетания* (В.М. Дерибас, Л.Ф. Килина и О.С. Русанова) [4; 6], *описательные глагольно-именные обороты* (П.А. Лекант, Е.Н. Лагузова, Е.С. Константинов) [7; 10; 11], *коллокации* (Е.Г. Борисова) [2] и др. Мы используем для обозначения данного вида синкретем термин **устойчивый глагольный оборот**.

Приведем примеры фиксации в Словаре И.И. Срезневского устойчивых глагольных оборотов в древнерусских текстах различной жанрово-генетической принадлежности.

Народно-литературные тексты: *ворота отворити – сдатьсь, примириться:* *Кнѣз ворта отвори. Новг. I л. 6820 г.* [17, Т. I, стлб. 303]; *въдати на рѹцѣ – поручить – Оумеришу Рюрикови предасть кнѣ(же)нье свое ѓзгови...въдавъ ему снѣ свои на рѹцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми. Пов. вр. л. 6387 г.* [17, Т. I, стлб. 331]; *възати смѣрть:* – *И сплѣзъ с конѣ постыѣ@са река. в сего ли лѣба смѣрть мнѣ възати. Пов. вр. л. 6420 г. (по Ип. сп.):* *възати день – провести, встрѣтити день:* – *Взялъ есми Великъ день. Аѡан. Никит. Возьмѣ Петровъ день на Москвѣ. Соф. вр. 6959 г.* [17, Т. I, стлб. 373]; *възати рать – начать войну:* – *Володимеръ же нача размышляти река. Аще саду на столѣ аѡ а свогѣ. то имаѣ рать съ С_тополкоѣ възати. Пов. вр. л. 6601 г.;* *възати распра – завести ссору:* *Взаста межѣ собою распра. и которы. т. жс. [17, Т. I, стлб. 373–374];* *възати радѣ – заключить договор:* – *(Мстиславъ) възма радѣ съ братею. Ип. л. 6677 г.* [17, Т. I, стлб. 374]; *възложити вѣнѣць – поставит царемъ:* – *"ша члѣва имнѣмъ Николоу. воина. и на тоѣ възложиша вѣнѣць бес патриарха. Новг. I л. 6712 г.* [17, Т. I, стлб. 488]; *дѣшею оставити" – сохранить, спасти только жизнь:* – *Бояре Новоторжскѣи прибѣгоша въ Новѣгородъ толко душею кто успѣтъ; а домы ихъ разграбѣша. Новг. I л. 6848 г. (по Ак. сп.) [17, Т. I, стлб. 750];* *въсѣсти на конѣ – идти въ путь, въ походъ:* – *И посылахуть в Новѣгородъ изъ Тръжжуку, что быша Новогородци всѣли на коня в Торжескъ. Новг. I л. 6738 г.* [17, Т. I, стлб. 1272]; *миръ възати – примириться, заключить миръ:* – *И сробѣша новгородци городъ новѣ. а с Литвою миръ възѣша». Новг. I л. 6706 г.* [17, Т. II, стлб. 150]; *положити радѣ = радѣ – заключить договоръ:* – *Посла ѓзгѣ мужѣ свои построити мира и положити радѣ межѣ Гръки и Русью. Пов. вр. л. 6420 (по Ип. сп.) [17, Т. III, стлб. 236];* *испусти слезы – заплакать:* – *Слышав же владыка Семѣонъ особую рать промежѣ своими дѣтми и испусти слезы изъ очю. Новг. I л. 6926 г.* [17, Т. III, стлб. 438]; *въ трѹдѣ вѣнѣтити – воспользоваться трудомъ:* – *Они трѹдишасѣ, събирающе, а си въ трѹдѣ ихъ вѣнѣдоша. Новг. I л. 6738 г.* [17, Т. III, стлб. 1008]; *цѣловать крестъ, икону въ*

подтверждение клятвы, присягать: – *±легъ же обѣцася се створити и на семь цѣловаша крѣтъ. Пов. вр. л. 6604 г. [17, Т. III, стлб. 1452].*

Книжно-славянские тексты: *водити жену* – *имѣть жену, жениться:* – *Да всякъ чл_вкъ иже водити хоцетъ женѣ, да ю водитъ по законѣ (βουλόμενος ἔχειν γυναῖκα, ἐχῆ αὐτήν). Жит. Андр. Юр. XXXI. 149 [17, Т. I, стлб. 278]; – **Вънося гласъ** (др. пер. крича). Никон. Панд. 30 [17, Т. I, стлб. 366]; **вѣрѣти** – *credere, πιστεύειν, вѣрить, доверять:* – *Аще цр_ь Изл_евъ кестъ, да съидитъ нынѣ съ крѣста, и вѣроу имемъ ѡмоу. М. XVII.42. Остр. ев. [17, Т. I, стлб. 490]; **въсѣсти на конь** – *идти въ путь, въ походъ:* – *Раду_са отнѣ см_рти, всѣде на коня, и скоро доиде Кыкѣва града. Нест. Бор. Гл. [17, Т. I, стлб. 1272]; **любы дѣ_ти, творити** – *любовѣйствовать:* – *Иже пущеную поиметь, любы дѣ_етъ. Мѡ. XIX. 9. 1355 г. (Мат. 34). Любы сѣтвориша въ начинанихъ своихъ (ἐπόρευσαν). Псалт. Гол. XII в. пс. CV. 39 (В.) [17, Т. II, стлб. 88]; **молитвѣ творити, молитвѣ дѣ_ти:** – *Изиде Ис_ь въ поусто мѣсто и тоу молитѣж дѣ_ше (προσῆυχτο). Мр. I. 35. Остр.ев. Самъ, възлѣ въ шатерь, начатъ молитвою творити. Иак. Бор. Гл. 71. За насъ молитвы твор_тъ. Ио. екз. Бог. 298 [17, Т. II, стлб. 165–166]; **въ трѣдѣ вѣннати** – *воспользоваться трудомъ:* – *Въ вы троудъ ихъ вѣнидосте (εἰς τὸν κόπον αὐτῶν). Ио. IV.38. Остр. ев. [17, Т. III, стлб. 1008].******

Деловые тексты: *бити челом:* – *Имуть бити челомъ тобѣ князю великому на нашихъ боярь. Дг. гр. 1340 г. Се билъ челомъ князю Михаилу Андреевичю изумень Пастья Живоначалныя Троици Сергѣева монастыря. Прав. гр. 1479–81 г. [17, Т. I, стлб. 90]; **идти къ Богови** – *умереть:* – *Аже Смолнянинъ ...не расплативъся поидѣтъ къ Бв_и. а кто его задницы възьметъ, тѣмъ и гостинны тв_арь дастъ. Смол. гр. п. 1230 г. [17, Т. I, стлб. 138]; **водити въ ростѣхъ** – *отдавать на проценты:* – *Тѣ бы денги мнѣ велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ, да тѣ бы росты имъ велѣти мнѣ имъ давати. Жал. гр. в. к. Вас. Ив. 1512 г. [17, Т. I, стлб. 277–278]; **водити жену** – *имѣть жену, жениться:* – *Аще кто двѣ жьны держитъ, еп_гоу м_ гривень. А которая подлегла та поняти в домъ цр_квны. А первую держитъ по закону. А иметь лихо водитію казню казнити его. Церк. Уст. в.к. Яросл. 1051–1054 г. [17, Т. I, стлб. 278]; **възати любовь** – *заключить миръ:* – *А будетъ намъ, брате, взати любовь съ Витовтомъ или съ Литвою, и нам, брате, безъ тебе любви не взѣтъ, ни безъ твоихъ дѣ_теи. Дог. гр. в. к. Вас. Дм. д. 1399 г. [17, Т. I, стлб. 374]; **въсѣворити съдѣ** – *просить суда:* – *А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тфѣрьскую волость, а тѣхъ, княжє, выдавати; которыи ли въсѣворитъ судѣ собѣ, судити его въ Новгородѣ. Дог. гр. Новг. сѣ. в. к. Мих. Яр. о. 1307 г. [17, Т. I, стлб. 422]; **дѣ_и_и_ поминати** – *молиться за умершаго:* – *А молитъ Бога, а душу мою поминаетъ. Дух. Сим. 1353 г. [17, Т. I, стлб. 751]; **въсѣсти на конь** – *идти въ путь, въ походъ:* – *А гдѣ ми будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы со мноу. Дог. гр. 1340 г. [17, Т. I, стлб. 1272]; **цѣловать крестъ**, *икону въ подтверждение клятвы, присягать:* – *На семь, кн_же, цѣлоуи х_бъ къ всѣму Новоугородоу, на цѣмъ то цѣловали дѣ_ди и ѡ_ци Твои "р_ославъ. Дог. гр. Новг. сѣ. в.к. Яр. Яр. 1264–1265 г. [17, Т. III, стлб. 1452].*********

Словарь И.И. Срезневского не демонстрирует закреплённости устойчивых глагольных оборотов за тем или иным типом древнерусского текста (народно-литературным, книжно-славянским, деловым): единица может фиксироваться в текстах разной жанрово-генетической принадлежности.

Устойчивые глагольные обороты образованы по нескольким **структурным моделям**. Ядерной является модель «глагол + существительное в винительном падеже». Образованные по этой модели единицы выражают следующее **значение:** ‘произвести/производить действие по значению существительного/прямого дополнения’ (действие, направленное на объект, являющийся одновременно и его результатом). Например: *взати рать, въззати любовь, възложити вѣнецъ, вознести гласъ, дати суд, избыти болезнь, источити слезы, отворити ворота, положити радѣ, приносити молитву, сѣтворити миръ, творити вѣрѣ, творити труды, цѣловати крѣсть, "ти вѣру* и др. Среди непродуктивных структурных моделей устойчивых глагольных оборотов следующие: а) «глагол + предлог + существительное в винительном падеже»: *вдати на рѣ_цѣ, въсѣсти на конь*; б) «глагол + существительное в

творительном падеже»: *бити челом, дѹшею остатис*"; в) «глагол + (предлог) + существительное в дательном падеже»: *идти къ Богови* и др.

Особенностью **семантики** большинства устойчивых глагольных оборотов является то, что они связаны с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное). Наличие «раздвоения» становится особенно наглядным при сопоставлении устойчивого глагольного оборота с одной лексической единицей, которой его можно заменить: *бити челом* – просить (жаловаться), *вознести гласъ* – заговорить (закричать), *възложити вѣнецъ* – венчать, *ворота отворити* – сдать, *въдати на рѹцѣ* – поручить, *възати любовь* – мириться, *възати съмръть* – умереть, *възати рать* – воевать, *възати распра* – поссориться, *възати/положити радѣ* – договориться, *дѹшею остатис* – выжить, *водити жєну* – жениться, *вѣрѹ ѣати* – верить, *идти къ Богови* – умереть, *спустити/источити слезы* – заплакать, *любы дѣ"ти/творити* – прелободействовать, *миръ взати/сътворити* – примириться, *молитвѹ творити/дѣ"ти/приносити* – молиться, *вътворити сѹдѣ* – судиться и т.п.

Исследователи указывают, что бытование устойчивых глагольных оборотов в древнерусском тексте было поддержано существованием **ритуальных действий**. Например, возложение венца при вступлении на престол (*венчать на царство*), целование креста при принятии присяги на верность (*цѣловати крѣсть*), ритуал начала военного похода (*вѣстити на конѣ*), клятва землѣй (*положити ряд*) и др. О.П. Лопутько пишет: «В договорах русских с греками 911 года употреблено выражение *положити ряд* ('заключить договор'), являющееся характерным для древнерусских памятников различных жанров. Однако истоки его, несомненно, находятся в устной традиции обычного права восточных славян, о чем свидетельствует связь данной устойчивой формулы с весьма архаичным ритуалом клятвы землей. Более того, в древнерусских текстах старшего периода различных жанров – не только деловых – появляется вполне четкая система формул, связанных со всем комплексом ритуалов, которые регулировали отношения в данной культурной области» [13, с. 79–80].

В современном русском языке продолжают функционировать устойчивые глагольные обороты, непосредственно восходящие к древнерусским единицам и/или образованные по данной модели, например: *вести борьбу, водить дружбу, впадать/впасть в грех, вступать/вступить в спор, держать в напряжении, иметь надежду, питать благоволение, принимать/принять крещение, одерживать/одержать победу, понести наказание, проходить/пройти службу, творить/сотворить суд, ударяться/удариться в воспоминания, учинять/учинить погром, чинить препятствия* и др. (см. также [10, с. 231–239]).

В заключение необходимо отметить, что использование Словаря И.И. Срезневского как источника исторической фразеологии может послужить основой для создания **специального словаря устойчивых сочетаний слов в диакронии**, что заполнило бы имеющуюся «лакуну» в ряду многочисленных фразеологических словарей.

Литература

1. Бархударов С.Г. К 100-летию со дня рождения И.И. Срезневского // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. и доп. М.: Знак, 2003. С. 3–4.
2. Борисова Е.Г. Слово в тексте: словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология, 1995. 149 с.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
4. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1975. 265 с.
5. История русской лексикографии / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 1998. 610с.

6. Килина Л.Ф., Русанова О.С. Устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом *чинити* в русских грамотах XIII–XVII вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Т. 31. № 3. С. 429–437.

7. Константинов Е.С. Описательный глагольно-именной оборот: семантика, структура, функционирование (на материале «Повести временных лет») // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2021. № 2. С. 22–29.

8. Копыленко М.М. Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1967. 47 с.

9. Костючук Л.Я. Устойчивые словесные комплексы в древнерусском деловом языке (по грамотам XI–XIV вв.): структурно-грамматическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 22 с.

10. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 243 с.

11. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. 312 с.

12. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.

13. Лопутько О.П. История русского литературного языка: древнейший период. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. 189 с.

14. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007. 415 с.

15. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

16. Срезневский И.И. и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сб. статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин. Рязань: Ряз. гос. ун-т им С.А. Есенина, 2012. 392 с.

17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. и доп. М.: Знак, 2003.

УДК 81-23

В.В. Плешакова

канд. филол. наук

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

г. Рязань, Россия

ТРАДИЦИИ РУССКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

V.V. Pleshakova

PhD in Philology

S.A. Esenin State University of Ryazan

Ryazan, Russia

TRADITIONS OF RUSSIAN GOOD WISHING

Аннотация. Статья посвящена русским благопожеланиям в широком контексте их бытования. Рассмотрены основные свойства русских благопожеланий как традиционных высказываний. Проводится сопоставление их с другими формами традиционной русской речи: благословениями, молитвами, приветствиями.

Ключевые слова: традиционные высказывания, благопожелания, приветствия, молитвы, благословения, традиции русской речи.

Abstract. The article is devoted to Russian good wishing in the wide context of its functioning. The author analyses basic characteristics of Russian good wishes as set expressions. Good wishes are contrasted to other traditional Russian speech forms: blessings, prayers, greetings.

Key words: set expressions, good wishes, greetings, prayers, blessings.

Благочестивые обычаи русского народа, традиционные формы его культуры, в том числе культуры языковой, до сих пор остаются малоисследованными, несмотря на то, что эти стороны жизни широко освещены в исторических, фольклорных и лингвистических источниках.

Строй и лад народного бытия в полной мере отразился в национальном русском языке: не только в литературной его форме, но и в крестьянских говорах, городском просторечии и разговорном языке. В национальной словесной культуре большое значение имеют т.н. *традиционные высказывания* [8, с. 50], служащие передаче этнического духовно-нравственного, эстетического и социального опыта от поколения к поколению: это выражение приветствия, благословения, благопожелания, благодарности, наставления, просьбы о прощении и др. Судя по данным письменных памятников и записям диалектной и разговорной речи, без доброго слова настоящая русская речь – немислима. Еще Владимир Мономах писал в своем поучении: «ч(е)л(о)в(е)ка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите» [4, с. 114]. Русские в XIX столетии говорили: «На добром слове кому не спасибо?» [3, с. 444], имея в виду исконный смысл выражения «спасибо» – «спаси Бог».

Доброе слово не внешне только, как этикетное, обрамляло и благообразило бытовую речь, но, соединенное с чувством («от всего сердца», «от души») растворяло теплом, участием, любовью обыденное общение. Вносило в обычную житейскую сутолоку отблеск жизни вечной, не давало забывать Бога. Доброе слово осознавалось как поступок, как доброе дело, что сохраняется отчасти и до сих пор, судя по репликам-откликам: «Даже прощения не попросил! Тоже мне друг!», «Чевой-то не здороваются», «Ну, Шур, спасибо сказали!». В настоящем, подлинном виде словесный поступок проявляется в святости, что находит отражение в агиографии. Так, Христа ради юродивый Иоанн Устюжский (XV в.) одним своим приветственным благопожеланием исцелил от горячки жену князя Федора Красного, княгиню Марию: «Не успел еще посланный (слуга) подойти к гноищу, на котором сидел Иоанн, как вдруг блаженный воскликнул: "Здравствуй, добрый князь Федор с княгинею своею". Слуга по возвращении нашел княгиню уже здоровою» [5, с.181]. Также и современный подвижник благочестия преподобный Лаврентий Черниговский (1868-1950) обладал даром такого слова, которое, уподобляясь Слову Божию, было «живо и действенно» (Евр.4:12) и чудотворно. Во время Великой Отечественной войны «всё село от мала до велика приходило к Батюшке за благословением, особенно воины и раненые. К раненым он сам приходил, молился за них, крестил их раны – исцелял – и ободрял словами и говорил, что враг будет недолго, потому что он злой. Батюшка вставал на молитву с воздетыми к небу руками, со слезами в очах присылал у Господа избавления Земли Русской от иноплеменного нашествия. Многие воины присылали Батюшке письма и благодарили дедушку за добрые пожелания и напутствия, писали, что оставались в живых в самых наитягчайших боях и приписывали избавление от смерти молитвам старца о них. Многие стали истинными верующими» [9, с. 105].

Характерно, что в Словаре И.И. Срезневского иллюстративные примеры на существенные для русского самосознания слова (благовѣрный, благодарение, благодарити, благодать, благодѣлати, благодѣтъ, благословение/благословение, благословити, благосърдый, благоворити, благочестивый, благый и т.д.) приведены *с избытком*, что было оправдано и педагогически, и филологически, так как данные лексемы частотны. Вот отдельные примеры: «Благодѣлати – богатѣти в дѣлѣхъ добрыхъ *Изб. 1073г.*; Луче есть бл(а)гословение неже клятва *Мин. март. 1369г.*; Велико скрвище бл(а)годарение *Гр.Наз. в Сбор. XIII в.*; Къдѣ е б(о)жия благодать вся суть возможна *Гр.Наз. в Сбор. XIV в.*; Блага словеса отъ доброго скрвишта срд(е)чнаго исходить *Панд. Ант. гл. 61*; Д(у)ши среди бл(а)готорить моуж милостивъ *Панд. Ант. XI в. гл. 98.*» [14, стлб. 95-109].

В антропоцентрической парадигме современной лингвистики значимо изучение языка, «присвоенного человеком», языка в действии, т.е. его воплощения в речи. Традиции русской речи складывались на протяжении многих столетий и уходят корнями к истокам народной жизни, к началу славянской письменности. Традиционные высказывания относятся и к языку, и к речи, так как, будучи коммуникативными единицами (высказываниями), строятся, как правило, на основе фразеосхемы (синтаксического фразеологизма), которая в каждой речевой ситуации получает конкретную приуроченность в параметрах «я (мы) – здесь – сейчас». Например: Дай Бог тебе/ему/нам/вам здоровья! Вечная память Никите/Александр/Нине! Традиционные высказывания можно выделить как по опубликованным материалам (летописей, записей и приписок к древним рукописям, оригинальных и переводных памятников, словарей, мемуарной и художественной литературы и т.п.), так и из речевого потока, из устного дискурса. Данные древнерусского и старорусского языка, соотнесенные с данными современной диалектной и разговорной речи, фольклорных источников, позволяют составить представление о традиции благопожеланий в истории русского языка.

Благопожелания – это класс традиционных высказываний, имеющих коммуникативное намерение пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес. Например: **Да будет имь трудъ благополучьнъ** *Прол. XIV в.* [14, стлб 111]; «Я тебя люблю, и дай Бог! чтобы сия любовь была утешением моей жизни, чтоб сие чувство возобновляло живость сердца моего» (*Михайло Муравьев сестре Федосье Никитишне, письмо от 24 дек 1777г.*); «Прощай, Христос вас храни. Целую тебя крепко – будьте здоровы» (*А.С. Пушкин, письмо Н.Н. (не позд. 25 сент) 1834 г. из Болдина*); «Измаил Иванович сделал многое для русской науки. Мы обязаны принести глубокую благодарность неутомимому труженику и почтить добрым словом его деятельность. **Вечная память Измаилу Ивановичу Срезневскому!**» (*А.И. Соболевский*) [Цит. по: 6, с. 47]; «**Храни тебя Господь!**» (*Н.И. Толстой, письмо Т.А. Осоргиной-Бакуниной декабря 1989 г.*).

Благопожелания и по форме, и по содержанию близки таким традиционным высказываниям, как молитва, благословение, приветствие. По определению святителя Филарета Московского, «молитва есть возношение ума и сердца к Богу» [10, с. 80]. Святитель Феофан Затворник говорил, что «молитвы – вопль к Богу из сердца» [2, с. 331]. В древнерусском языке благопожелания и молитвы различаются только падежной формой существительного: звательного падежа – в случае молитвы как обращения к Богу и Его святым - и именительного падежа – в случае молитвенного благопожелания. Например: **Дажь же Г(осподи) и о нашихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣдѣннихъ. пріягѣ быти жертвѣ нашихъ. и бл(а)гоприятнѣ прѣдъ тобою** *Служ. Варл. XII в.* [14, стлб. 102] (*молитва*); **дажь ти Г(о)с(под)ъ вѣнѣчь с праведными. в пищи раистии. веселье ликствование съ Авраамъ. и с прочими патрѣархы** *Ипат. лет. 1015 г. (благопожелание)*. С древности благопожелания и молитвенные прошения сопутствуют друг другу в письменном тексте, в устном дискурсе, усиливая благожелательное волеизъявление говорящего. Например: «Поздравляю с праздником и вместе с морозцем... В первый раз и снежок порошит. Вы всё гуляете. **Дай Бог на здоровье!** Екат. Дмит. благослови, Господи, уединничать. **Даруй, Господи, мыслей собрание и благоговение пред Господом, Который всюду есть и всё видит**» (*святитель Феофан, Затворник Вышенский, письмо от 6 дек. 1872 г.*).

Благословение – это преподавание освящения, символ благодати Божией – благого дара от Бога: Бл(а)гословение бо с(вя)тныя подание есть. *Ефр. Корм. 187* [14, стлб. 103]. Согласно церковному установлению, старшие благословляют младших, родители – детей, священники – мирян. Как говорит апостол Павел, «меньшее от большего благословляется» (Евр. 7:7). Слова благословения внешне могут совпадать с благопожеланиями. Здесь важен статус лица, произносящего доброе слово. Вот пример родительского благословения-благопожелания и его благодатных плодов – крепкой дружбы «без хитрости»: «Я дома рассказал, что был в гостях у Миши Ласкина. Мне говорят: - **В добрый час!** Ты зови его к себе. Слышно, что его отец ушел в дальнее плавание. Так я подружился с Мишей» (*Б. Шергин, «Миша Ласкин»*). Благопожелание из уст священника чаще всего является благословением. Например: **Б(о)гь...**

вашь бл(а)гослови и сънабди от пронырываго. *Нест. Жит. Феод. 28* [14, стлб. 105]; «Господь да дарует Вам утешение, и укрепление, и мир» (*святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, письмо от 3 января 1848 г. Е.П. Головиной*); «Да поможет нам всем Господь Бог по молитвам Царицы Небесной преуспевать в любви и добре» (*архим. Даниил (Воронин), проповедь, публикация 2021 г.*). Приветствием и благопожеланиями-благопожеланиями начинает свое письмо от 4 августа 1704 года святитель Димитрий Ростовский: «Честному отцу Феологу – ниско челом! Здрав буди, возлюбленнѣ, на многа лѣта и спасен буди в вѣки. А множае жаль положшаго душу свою добраго человека, тезоименнаго мнѣ. Бог да упокоит его с святыми! Поминати его при святой литургии начахом» [16, с. 71]. Только благопожеланием является высказывание с глаголом *желать/пожелать* в его перформативном употреблении, а также его синонимические замены: *принять пожелание, слать/послать пожелания, хотеть пожелать, позволить пожелать и т.п.* Например: «Красавицам вашим всяких веселый желаю. <...> Настенькам желаю здоровья, а больше веселья и приятных надежд – что всего нужнее для молодежи» (*святитель Феофан, Затворник Вышенский, письмо от 6 дек. 1872 г.*).

Приветствие – это «обращение к кому-нибудь при встрече с выражением дружелюбия, доброжелательства» [15, с. 71]. Приветствия, по определению, содержательно беднее благопожеланий. Для приветствия словесное выражение доброго расположения, наименование желаемого блага не обязательно. Приветствие может быть совершено жестом: рукопожатием, молчаливым поклоном, знаком рукой и т.п. Содержательное приветствие возникает вторично, когда в ситуации приветствия при встрече-прощании, начала-конца письма употребляется либо формула исповедания (*Христос воскрес!* – *Воистину воскрес!*), либо высказывание-благопожелание («– Здравствуй, Петрович! – *Здравствовать желаю, сударь*, – сказал Петрович...»), Н.В. Гоголь, «Шинель»), либо ободрение (- *Торжуй веселее!*), либо утешение (- *Не тужи, Господь управит!*), либо наставление («*Не подводи нас – так вперед и иди...*»), из письма В. Распутина В. Белову), либо наказ (- *Держись за землю!*).

Исторически деградируя, благопожелания становятся приветствиями. Например, первоначально в русском быту здоровствование (здоровканье, *диал.*) было очень церемонным, в полном согласии с библейской традицией. Это подробные расспросы о здоровье: как раньше говорили, «о чужом здоровье расспрашивали, о своем здоровье докладывали». Например, «Великий государь... Федорь Иванович... велѣлъ тебѣ, брату своему, шахову в<еличеству> свое здоровье сказати, а о твоємъ здоровье спросити. *Посольство Васильчикова, 4. 1594 г.* [11, с. 365]. Также царь Алексей Михайлович в письме (от 23 января 1655 г.) к своему любимцу А.С. Матвееву по обычаю приветствует его пространно: «От царя и великого князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему Артемону Сергеевичу Матвееву: поздорову ли ты, верный наш раб! А мы, великий государь, в славном граде Вязме дал Бог здорово со всеми людьми Божиими и нашими; также и в царствующем граде Москве дал Бог подлинно утихло и здорово, лишь мы пребываем по-прежнему в тяжестях великих душевных, но не отчаиваемся своего спасения. К сему же что речет великое солнце, пресветлый Иоанн Златоуст: не люто есть спотыкаться, люто, споткнувся, не подняться. Добиваюся zelo того, чтоб быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою там, а не здесь...» [13, с. 616]. В письменной речи эта традиция сохраняется и в XVIII веке в частной переписке: «Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович! Все ли в добром здоровье; я, слава Богу, здоров. **Желаю от всего моего сердца, чтобы вы свое время сколько-нибудь веселее препроводить изволили**» (*письмо от 24 августа 1777 г. М. Муравьева отцу своему Н.А. Муравьеву*). «Обмен мнениями» при встрече на тему «Как жив-здоров?» и до сих пор вызывает у русских живой интерес.

Вопрос о здоровье сохраняется в современной диалектной речи в форме «здравствуешь». Например, «Здравствуешь, соседка! Как живешь, мой свет?...» *И.С. Никитин («Жена ямщика», 1854)*; «– Ну, здравствуешь, Егор Матвеевич! С прибывиен в родные края» *Ф. Абрамов («Братья и сестры»)*; «– Бабушка! Здравствуйши! — и руч'ку мне давай!» [12, с.198]. Ф.И. Буслаев предполагал, что данное приветствие, как и «здорово живешь»,

произошло от вопроса (о здоровье): «Что же касается до выражения: «здорово живешь!» – то это собственно вопрос, на который действительно и отвечают ответом: «Слава Богу»; потом вопрос перешел уже в приветствие. Вероятно, и народное: здравствуешь, собственно и первоначально – тоже вопрос» [1, с. 143-144].

Благопожелания с глаголом «здравствуй» в форме повелительного наклонения с зависимыми словами часто употребляются в переписке русских людей XVII века. Например: «Гсдрю моему брату Ондрѣю Илѣчу братишко твои Митка Колцов челомъ бьет **здравствуй гсдрь многие впрѣд идущие лѣта со всѣмъ своимъ благодатнымъ и праведнымъ и милостивымъ домомъ** прикажи гсдрь писат ко мнѣ братецъ о своемъ многолѣтномъ здоровье чтоб мнѣ слыша о твоемъ гсдря своего здоровье всегда о гсдѣ бзе радоватся» [7, с. 65]. Когда глагол «здравствуй/здравствуйте» стал употребляться в ситуации начала речевого общения без актантов, тогда осуществился переход высказывания «здравствуй/здравствуйте» из благопожеланий в приветствия. Например: «Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. "**Здравствуй, Максимыч,** - сказал я ему. – Давно ли из Белогорска?»» (А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»). Сравни и переходные случаи: «**Матушка Татьяна Петровна, здравствуй**», *письмо Михайлы Муравьева от 28 сентября 1777 г.* Здесь глагол «здравствуй» с обращением ко 2-му лицу стоит в конце письма и, несмотря на отсутствие зависимых слов, является благопожеланием со значением «будь здорова». В сочетании с подлежащим для формы «здравствуй» также сохраняется благопожелательный смысл, например: «**Здравствуй ты, здравствуй я, здравствуй, милая моя!**» [3, с. 676].

Семантика благопожеланий предполагает обязательное именование желаемых благ, высказываемых адресату. В силу этого благопожелания относятся к ценностным (аксиологическим) высказываниям. «Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся» (Мф. 5:6). Во все эпохи русской истории, особенно в древнерусский и старорусский периоды, дух народа стремился к христианским ценностям. Искание абсолютного добра, смысла жизни, Царствия Божия, стремление к преобразению себя и мира, столь присущее русскому духу, вполне выражаются в русской традиции благопожеланий. В благопожеланиях желали тех же благ - небесных и земных, которых испрашивали в молитвах и при благословении: Божьего благословения, помощи, милости Божией, спасения души, отпущения грехов, вечной жизни, радости, мира, здоровья, многолетия. Например: Господи помози рабу Своему Феодору кончавшему книги сия **дан ему Бог оставления грехов и раба Божия Константина писавшему книги сия амин (ГИМ, Син. 478. Кирилл Иерусалимский. Огласительные поучения, кон. XI - нач. XII вв. Л. 270 об., приписка писца); Радуйтеся... уже престельшиися о Христе и еще о Господѣ здравствующе. Ж. Авр. Смол., 23 XVI в. ∞ XIII в.** [11, с. 366-367]; «Милостивая наша благотворительница Татьяна Егоровна. **Мира, здравия и душеспасительного пребывания...**» (В. Андреев, *Выго-Лексинское общежительство, письмо от 4 декабря 1826 г.*). Такая традиция сохраняется в речи верующих: «**Желаем мира, здравия и душевного спасения**» (*письмо XIX века В. Буркина, Усть-Цильма, д. Высокая Гора*); «**Всем желаю милости от Господа, здравия телесного, а паче всего спасения душевного**» (*святитель Афанасий (Сахаров), исповедник, письмо из ссылки 24 октября 1953 г.*). Христианские благопожелания более, чем современные светские, отражают убеждения, жизненный выбор человека – автора благопожелания. Например: **В вѣрѣ, в ней же родихся и воспитанъ и возрастоу(ь) и ижжих и состарѣхся..., в той да умру. Жит. Стеф. Перм.** [14, III, стлб 827]; **Да утѣшить его и укрѣпить страдати за имя Божие (Пал. 140б, 10в).** В традиционных благопожеланиях обычно указывается Источник благ: Господь, Бог, Христос. Например: **Да просвѣтит ны Б(ог)ъ и вразоумит ны (Корм. Новг. 1280, 540 б); «Собрав речи, счинный право, в Бозе живи каждый здраво» (Истом. Град. ц.; 17, XVII-XVII вв.); «Благослови Господь вас жить да поживать» (святитель Феофан Затворник).**

В традиционных благопожеланиях указываются и конкретные, ситуативные блага «на потребу»: в зависимости от того, что кому необходимо в данный момент (доброго пути, спокойной ночи, хорошего улова и т.п.). Например: «**Здорово парился!**» *идущему из бани* [3,

с. 675]; «Ну, коли всё уже кончено, стало быть, толковать нечего; дай Бог вам лад да совет!» (И.С. Тургенев, «Два приятеля»); «Бог помощь! / Бог на помощь! / Бог в помощь! / Бог помочь!» общее пожелание работающему; «Масло комом! / Ком масла!» пожелание хозяйке, сбивающей масло; «Клёв на уду!» пожелание рыболову; «Ангел за трапезу!» пожелание обедающему; «Ангел встречу, Христос по пути!» пожелание путнику. Помимо благопожеланий общепринятых, употребляются пожелания творческие, глубоко личные, проникновенные. Например: «Затем желаю вам здоровья, спокойствия и удовольствия, а при всем том частого собеседования муз» (Г.Р. Державин, письмо от 13 марта 1806 г. К.В. Злобину); «Настойчивость нигде не числится среди добродетелей, а скорее составляет недостаток, даже и в людях великих. По басне Крылова и орлу, устроющему гнездо на высочайшем дереве, следовало бы послушать крота, когда последний уверял его, что дерево это имеет гнилые корни. Орел, отвергнув благой совет существа, по обыкновенному мнению, слепотствующего, подвергнул бедствию птенцов своих, когда возстал буря, и исторгла это дерево. Дай Бог, чтобы древо благочестия вашего устояло, и с помощью Господней выдержало бурю нашедшего искушения, чего от всей души и от всего моего сердца искренно желаю Боголюбию вашему. Господи, помилуй нас, заступи и сохрани Твоею благодатию!» (преподобный Амвросий Оптинский, письмо о дуэли от 19 октября 1864 г.); «Будь здоров, расти большой, не попади на мое место...» (Н. Пестов, письмо брату, 1942 г.); «Желаем, милостию Божией, духовного и телесного здравия, успехов в земных начинаниях, мудрости житейской и долголетия! Пусть Ваши труды во славу Святой Церкви принесут благодатные плоды и по молитвам Вашей святой покровительницы Господь воздаст Вам в жизни временной и в вечности» (современное поздравление с днем Ангела).

В современных постмодернистских благопожеланиях стремление к радикальному обновлению формы приводит к разрушению самих основ русских благопожеланий, т.е. их пропозициональных условий как добрых высказываний. Неслучайно такие инновации, как «Болейте на здоровье!», «Банк вам в помощь!» и подобные, не приживаются, т.к. они посягают на самую суть благопожеланий. Следует иметь в виду, что шутка всегда была в традиции русских благопожеланий, но она оставалась очевидной, веселой, понятной, не переворачивала всё вверх дном. Например: «Ехали бояре, "Бог помощь, - сказали, - Бог помощь, - сказали, - Рогоженьку ткати". - "Брешет ваша рожа. Это не рогожа, Это не рогожа - Тонкая холстина"...» (народная песня «Дуня-тонкопярха»); «По новой по роже Поехал зять к теще. Теща его встрела: "Здорово, мой зяттик! Здорово, касатик!" - "Сударыня теща! Не дуже здоров я: Жена дома била"...» (народная песня «По новой по роже»); «Кому скоромно, а нам на здоровье!» Отвечает кот мышам [3, с. 675]; «Татьяне Петровне мой поклон. Желаю ей здоровья, веселья и... сна» (М. Муравьев, письмо от 21 августа 1777 г.); «С Масленицей! Протопопиче веселого катания...нет... успешного блинопечения желаю» (святитель Феофан Затворник, письмо от 27 января [без года]). Сами устойчивые благопожелательные формы часто порождают остроумные тексты, например: «Здорова, кума! - Да на рынок была! - Никак, глуха? - Купила петуха (потроха)! - Прощай, кума! - Пять алтын дала!» [3, с. 217].

В народном сознании благопожелания – это дар. Им отдаривают, благодарят за угощение, поддержку, подарок, помощь. Например: «Спаси Бог за квас егда напоил мя жаждуща» [Ав. Чел., 770 1669 г.]; «Мои добрые заботники, движимые христианской, а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявление своей заботы и попечения обо мне, с каждым годом умножают свою милостыню <...> Да не оставит Господь Своєю милостию моих благодетелей. Верю: изречет Он им в оный день: Придите благословеннии... в темнице был Я, и вы посетили Меня... своею любовью, своими заботами и попечением» (святитель Афанасий Сахаров, исповедник, «Этапы и даты моей жизни»). За сами благопожелания также благодарят. Например: «А то еще помню: сестры шелк мотают, а мать на погребке масло сбивает. Братья меня учат: - Гая! Поди скажи матери: «Ком масла». Я сейчас же встану и иду, переваливаясь, к матери. Порог высокий, я с трудом перешагну через него и

говору: – Мама! – Что, голубчик? – **Мама! Ком масла! – Спасибо, родной сынок, спасибо!** – говорит она и гладит меня по голове» (*митрополит Вениамин (Федченко), «Божьи люди»: «Отец схизмумен Герман»*); **«Спасибо за соль, хлеб, за беседу!»** (*Чучковский р-н Рязанской области, современная запись*).

Благопожелания всегда раздают щедрой рукой, не скупясь, во исполнение евангельской заповеди: «**Давайте, и дасть вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплот вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такую же отмерится и вам**» (Лк. 6:38). Великодушные, широта души, доброта в благопожеланиях выражаются тем, что, как прежде, так и теперь, желают от души, от всего сердца, искренне, желают многого и всего самого лучшего, идеального, часто даже труднодостижимого: *всех благ, небесных и земных, вечных и временных; всего самого светлого; всего наилучшего; всего утешительного; всевозможного счастья; тысячи благополучий; доброго, полного, ненарушимого здоровья; полноты, радости жизни; большой любви; верных друзей; солнца в жизни; вечной молодости; неиссякаемой энергии; сбывшейся мечты; полной поправки; скорейшего выздоровления; никогда не болеть, удачи во всем; добрых и радостных дней на долгие годы; ни о чем не тужить; одних «пятёрков»...* Характерно употребление прилагательных в превосходной степени; слов с соответствующей семантикой всеобъемлющего и исключительного: *все, весь, всегда, навсегда, никогда, всякий, всяческий, самый, только и т.п.* Например: **«Всё, всё, что называется счастьем, что человеку любезно, я желаю вам»** (*М. Муравьев, письмо от 1 января 1778 г.*); **«Будьте всегда здоровы и веселы <...> и побеждайте немощи старости бодростию духа, всегда молодящегося»** (*святитель Феофан Затворник, письмо от 6 января 1884 г.*); **«Всех Вам благ от Господа желаю»** (*святитель Феофан Затворник*); **«Дорогой Никита Ильич, Христос Воскресе! От всего сердца шлем вам и Вашей милой семье наши поздравления к Светлому Празднику! Дай Господь встретить в радости и душевном мире»** (*В.А. Мошин, письмо Н.И. Толстому от 27 апреля 1964 г.*). В традиции русских христианских благопожеланий – пожелания благополучия врагу, недругу, обидчику и т.д. Например: **«Хоть и не любил он, Царство ему Небесное, нас, никониан, но я-то любил его и никогда не пререкал с ним о вере»** (*В.А. Никифоров-Волгин, «Тревога»*).

Сохранность и преемственность русских благопожеланий обеспечивается частичной фразеологической связанностью их состава и повторяемостью ситуаций общения, которые в памяти поколений являются культурно значимыми, этикетными. Благопожелания предстают как исторически устойчивый класс высказываний, относительно мало подверженный изменениям. Основные направления их суть следующие:

- с течением времени развиваются некоторые новые модели благопожелательных высказываний, в частности, конструкции с перформативным глаголом *желать* и многочисленными его перифразами;

- под влиянием общих фонетических и морфологических процессов выравнивается фонетика и морфология благопожеланий: устраняются результаты 2-й палатализации (*помози* вместо *помози* в повелит. накл.), старая звательная форма заменяется именительной («князь» вместо «княже» в обращении) и т.д.;

- в связи с усложнением системы ценностей в русском обществе вводятся в речевой обиход новые слова для именованья желаемого блага: «счастье», «удача», «успех» и т.д.;

- процессы фразеологизации приводят к возникновению коммуникативно сложных, двойственных выражений — с коммуникативным заданием, не соответствующим внутренней форме высказывания («Скатертью дорога!»; «Ни пуха ни пера!»; «Бог с тобой» и под.);

- фразовое опрощение вызывает к жизни выражения, которые лишены благопожелательного смысла, присущего им ранее, и употребляются в значении благодарения или приветствия («Спасибо!», «Здравствуй!», «Исполать!» (устар.) и под.).

Однако все указанные направления в изменении класса благопожеланий не затрагивают основ и к существенным, коренным сдвигам не приводят: новые модели присоединяются к старым, не вытесняя их; новые лексемы только на время и не повсеместно заслоняют прежние; фразеологизации и опрощению подвергаются отдельные выражения, случаи эти единичны. На

протяжении многих веков в целом сохраняется одна и та же общая картина благопожеланий, с небольшими изменениями в деталях и с попеременным выдвиганием на первый план той или другой ее части. Несмотря на некоторые модернистские инновации, традиция русских благопожеланий устояла. Есть основания считать, что и дальше она все преобедит: ведь «не в форме сила, а в духе молитвенном» (*святитель Феофан, Затворник Вышенский*).

Литература

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Этимология. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. 276 с.
2. Георгий (Тертышников), архим. Симфония по творениям святителя Феофана, затворника Вышенского. М.: Дарь, 2006. 664 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: ГИС, 1955. Т. I. 700 с. Т. II. 779 с. Т. III. 555 с. Т. IV. 683 с.
4. Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка. М.: Просвещение, 1990. 496 с.
5. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые в Восточной и Русской Церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия / репринт. издан. 1902. М., 1992. 284 с. + IV.
6. Колгушкина Н.В. «Мой юбилей был для меня неожиданным торжеством...» // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26-28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин. – Рязань, 2012. С. 43-48.
7. Памятники русского народного разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И. Безобразова) / изд. подг. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. М.: Наука, 1965. 162 с.
8. Плешакова В.В. Русские традиционные благопожелания (К вопросу о традиционных высказываниях) // Филологические науки, 2006. № 4. С. 50-60.
9. Преподобный Лаврентий Черниговский: житие, поучения, пророчества и акафист. Почаев: Типография Почаевской Лавры, 2001. 184 с.
10. Пространный христианский катихизисъ Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. Святитель Филарет (Дроздов) Митрополит Московский и Коломенский. М.: Святитель Киприанъ, 1998. 128 с.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 392 с.
12. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязан. района Рязан. обл.) / Под ред. И.А. Оссоветацкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Соч. в 18 кн., Кн V, Тт 9-10. М.: Мысль, 1990. 748 с.
14. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. В 3-х т. / Предисл. Г.А. Богатовой. Т. I, Ч. 1. М.: Книга, 1989. 806 стлб.
15. Толковый словарь русского языка / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков: в 4-х томах. Т. III. М.: ГИС, 1939. 1424 стлб.
16. Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты / Науч. Ред. С.И. Николаев. М.: Индрик, 2005. 384 с.

Е.А. Ревуцкая
канд. филол. наук
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА» КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

A.A. Revutskaya
Cand. Sci. (Philology)
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE BELARUSIAN LITERARY LANGAUGE” AS A POETIC METAPHOR IDENTIFICATION TOOL

Аннотация. В статье описана универсальная процедура идентификации метафоры по методу МИР в белорусском поэтическом тексте с опорой на “Толковый словарь белорусского литературного языка” (Минск, 2016). На материале стихотворения белорусской поэтессы Евгении Янишиц (1948–1988) “Масква – Парыж – Маякоўскі” показано, что словарь служит надежным подспорьем для выявления в поэтическом тексте не только языковой образности, но и концептуальной метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, универсальная процедура идентификации метафоры, языковая образность, “Толковый словарь белорусского литературного языка”.

Abstract. This article describes the Metaphor Identification Procedure (MIP) method applied to contemporary Belarus poetry and based on the “Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language” (Minsk, 2016). Studying the case of the poem “Maskva – Paryzh – Mayakouski” by Yaugenia Yanishchyts (1948–1988), the article demonstrates the dictionary’s reliability in identifying not only linguistic figurativeness, but the conceptual metaphor in poetry.

Keywords: conceptual metaphor, Metaphor Identification Procedure, linguistic figurativeness, the “Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language”.

Изучение поэтического текста с позиций когнитивной теории метафоры (Р. Гиббс, Е. Семино, К. Аренс, З. Ковечеш) предопределило новый взгляд на поэтическую образность – не выразительность языка, но проявление художественного мышления.

Вместе с тем, описанию концептуальной метафоры, осмысляющей некоторую сущность в терминах иной, генерической сущности (например, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЬ), необходимо предшествует выявление метафорических значений на собственно языковом уровне. Отсутствие единых критериев обнаружения образных словоупотреблений в тексте побудило международную группу лингвистов Pragglejazz создать универсальную процедуру идентификации языковой метафоры (Metaphor Identification Procedure, далее – МИР) [3], впоследствии усовершенствованную в лингвистической лаборатории Амстердамского университета [4].

В отношении каждого слова анализируемого текста алгоритм МИР предписывает:

- 1) Определить контекстуальное значение слова.
- 2) Определить основное значение слова.
- 3) Установить, насколько основное значение слова отлично от контекстуального значения. Так, основное значение слова может:

- а) быть более конкретным (т.е. обозначать сущность, которую не столь сложно представить себе, увидеть, услышать, ощутить);
- б) иметь отношение к физическому опыту;
- в) быть более точным (т.е. менее неопределенным);

г) быть исторически более давним.

При этом основное значение слова вовсе не обязательно окажется наиболее употребительным его значением.

Если основное значение слова отлично от его контекстуального значения, следует установить, обеспечивается ли понимание контекстуального значения сравнением с основным значением слова.

4) Положительный ответ на последний вопрос позволяет признать словоупотребление метафорическим [3, р. 3].

Совершенно очевидно, что пункт 3 приведенного выше алгоритма МІР выполняется с опорой на толковые словари, которые, в свою очередь, должны избираться в соответствии с задачами, стоящими перед исследователем. Необходимость идентификации языковой (и далее – концептуальной) метафоры в поэтическом тексте обуславливает обращение к содержащему более 65 000 слов последнему изданию «Толкового словаря белорусского литературного языка» («Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы», далее – ТСБЛІМ) под редакцией И.Л. Копылова. Словарь, составленный лексикографами Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы при Институте языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, вышел в минском издательстве «Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі» в 2016 году.

Приведем в качестве примера пословный анализ первой строфы стихотворения белорусской поэтессы Евгении Янишиц (1948–1988) «Масква – Парыж – Маякоўскі» («Москва – Париж – Маяковский») – поэтического рассуждения о творческой и жизненной дороге Владимира Маяковского – одного из знаковых русских поэтов современного белорусской поэзии столетия: *Між пакутай і доляй паміж, / Калі слова са словам гукнеца, / Вам прыдаўся загадкай Парыж / На адлегласці сэрца і сэрца* [2].

Між

1) *Контекстуальное значение.* В данном контексте предлог *між* ‘меж’ маркирует физическое расстояние между абстрактными понятиями – страданием и судьбой.

2) *Основное значение.* Основным значением предлога *між* ‘меж’ является первое значение, приводимое в ТСБЛІМ: *Выражае прасторавыя адносіны, ужываны для ўказання на прадметы, пасярод якіх або ў прамежку паміж якімі што-небудзь знаходзіцца, адбываецца. Дарога в’ецца між палямі* [1, с. 431]. ‘Выражает пространственные отношения, используется для указания на предметы, посреди которых или в промежутке между которыми что-либо находится, происходит. *Дорога вьется меж полей*’ (здесь и далее перевод наш – Е.Р.).

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Указывая на дистанцию между абстракциями, а не конкретными предметами, контекстуальное значение отличается от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Пакутай

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы имя существительное *пакута* ‘страдание’ выражает любовные переживания.

2) *Основное значение.* Основным значением абстрактного существительного *пакута* ‘страдание’ является единственное значение, приводимое в ТСБЛІМ: *Вялікая фізічная або душэўная мука. Вочы, поўныя пакуты. Душэўныя пакуты* [1, с. 534]. ‘Сильное физическое или душевное страдание. *Глаза, полные страдания. Душевные страдания*’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение очень близко основному значению.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

і

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы союз *і* ‘и’ объединяет однородные дополнения.

2) *Основное значение.* Основным значением союза *і* ‘и’ следует считать отношения сочинения – первое значение, приводимое в ТСБЛІМ: *Злучае аднародныя члены сказа, а*

таксама часткі складаназлучанага сказа. *Mir i družba* [1, с. 314]. ‘Соединяет однородные члены предложения, а также части сложносочиненного предложения. *Mir i družba*’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение совпадает с основным значением.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

Доляй

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы имя существительное *доля* ‘судьба’ выражает предопределенность, судьбоносный характер встречи.

2) *Основное значение.* Основным значением абстрактного существительного *доля* ‘судьба’ следует считать следующее: Лёс. *Такая мая доля. Шчаслівая доля* [1, с. 227]. ‘Судьба. Такова моя судьба. Счастливая судьба’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение очень близко основному значению.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

Паміж

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы предлог *паміж* ‘между’ обозначает физическое расстояние между абстрактными сущностями.

2) *Основное значение.* Основным значением предлога *паміж* ‘между’ является первое значение, приводимое в ТСБЛМ: Ужываецца для ўказання становішча прадмета або праяўлення дзеяння ў пераможку, пасярэдзіне чаго-небудзь. *Паміж акном і сталом. Паміж хмар. Паміж двух агнёў (перан.). Паміж дзесяцю і дванаццацю гадзінамі* [1, с. 540]. ‘Используется для указания положения предмета либо проявления действия в промежутке, посередине чего-либо. *Между окном и столом. Между тучами. Между двух огней (перен.). Между десятью и двенадцатью часами*’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Указывая на дистанцию между отвлеченными понятиями, а не предметами, контекстуальное значение отличается от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним. В ТСБЛМ приведен пример близкого переносного значения (*между двух огней*).

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Калі

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы подчинительный союз *калі* ‘когда’ маркирует совпадение во времени действий, выраженных глаголами главного (*прыдацца* ‘показаться’) и придаточного (*зукнуцца* ‘звучать вместе’) предложений.

2) *Основное значение.* Основным значением союза *калі* ‘когда’ следует считать временные отношения: Ужываны ў пачатку даданага сказа і выражае: а) частковае або поўнае супадзенне ў часе дзеяння галоўнага і даданага сказаў; у той час як. *Калі ўзышло сонца, мы ўжо былі дома*; б) паслядоўнасць дзеяння; пасля таго як. *Я надта перапужалася, калі пачула такое* [1, с. 332]. ‘Употребляется в начале подчиненной части предложения и выражает: а) частичное либо полное совпадение во времени действий главного и подчиненного предложений; в то время как. *Когда взошло солнце, мы уже были дома*; б) последовательность действия; после того как. *Я очень испугалась, когда услышала такое*’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение совпадает с основным значением.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

Слова

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы имя существительное *слова* ‘слово’ обозначает поэтическое слово, художественное творчество поэта.

2) *Основное значение.* Основным значением имени существительного *слова* ‘слово’ является первое значение, приводимое в ТСБЛМ: Асноўная сэнсавая адзінка мовы, якая свабодна ўзнаўляецца ў мове і служыць для пабудовы выказвання. *Іншамоўныя словы. Падзяльць слова на склады* [1, с. 762]. ‘Основная смысловая единица языка, свободно

воспроизводимая в речи и служащая для построения высказывания. *Иноязычные слова. Разделить слово на слоги*'.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение отлично от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Са

1) *Контекстуальное значение.* В данном контексте предлог з (*ca*) 'с (*co*)' указывает на единение двух отвлеченных понятий.

2) *Основное значение.* Одним из основных значений многозначного предлога з (*ca*) 'с (*co*)' является следующее: Указує на злучення, змацавання аднаго і другога, а таксама на сумежнасць, блізкасць. Межавацца з Літвой. Звязаць адзін пакунак з другім. Злучыць падстанцыю з гарадской тэлефоннай сеткай [1, с. 254]. 'Указывает на соединение, скрепление одного и второго, а также на смежность, близость. *Граничыць с Літвой. Связаць одну упаковку с другой. Соединить подстанцию с городской телефонной сетью*'.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Обозначая близость, схождение между двумя отвлеченными сущностями – поэтическими манерами, мирами, сложившимися в разных городах и несхожих культурных ситуациях, контекстуальное значение отличается от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Словам (разбор совпадет с приводимым выше).

Гукнецца

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы глагол *гукнецца* 'кликнуть друг друга' маркирует процесс диалога между двумя творческими мирами.

2) *Основное значение.* Основным значением глагола *гукаць* 'звать' следует считать следующее: Клікаць, зваць, падзваць. *Мама! Ідзі, – гукае дачка* [1, с. 202]. 'Окликать, звать, подзывать. *Мама! Иди, – зовет дочь*'

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Обозначая разговор, переключку не между людьми, но между двумя художественными мирами, сложившимися в разных обстоятельствах, контекстуальное значение отличается от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Вам

1) *Контекстуальное значение.* Графика личного местоимения *Вы* 'Вы' маркирует поэтическое обращение Янищиц к Маяковскому.

2) *Основное значение.* Личное местоимение *Вы* 'Вы' используется при обращении: Ужываецца пры звароце да некалькіх асоб, а таксама як форма ветлівага звароту да адной асобы [1, с. 152]. 'Используется при обращении к нескольким лицам, а также в качестве формы вежливой обращения к одному человеку'.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение совпадает с основным значением.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

Загадкай

1) *Контекстуальное значение.* Имя существительное *загадка* 'загадка' обозначает невозможность постичь что-либо, в контексте данной строфы – мир чужого города.

2) *Основное значение.* В ТСБЛМ приводятся как основное, так и переносное значения существительного *загадка* 'загадка': Відарыс або вобраз, які трэба разгадаць, растлумачыць. *Загадаць каму-небудзь загадку. Загадкі прыроды (перан.). Гэта застанецца загадкай для нас (перан.: недаступным для разумення, вырашэння)* [1, с. 260]. 'Явление или образ, который нужно разгадать, объяснить. *Загадать кому-либо загадку. Загадки природы (перен.). Это останется загадкой для нас (перен.: недоступным для понимания, решения)*'.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение не совпадает с основным значением, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Прыдаўся

5) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы глагол *прыдацца* ‘показаться’ выражает чувственное восприятие со значением неполной уверенности в достоверности воспринимаемой ситуации.

6) *Основное значение.* Основным значением глагола *прыдацца* ‘показаться’ следует считать следующее: *Здацца, уявіцца. Мне спачатку прыдалося, што ён намнога старэйшы* [1, с. 639]. ‘Показаться, почудиться. Мне вначале показалось, что он намного старше’.

7) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение близко основному значению.

8) *Неметафорическое словоупотребление.*

Парыж

1) *Контекстуальное значение.* Топоним *Парыж* ‘Париж’ указывает на столицу Франции.

2) *Основное значение.* Топоним *Парыж* ‘Париж’ как имя собственное характеризуется единственностью референциального значения.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение совпадает с основным значением.

4) *Неметафорическое словоупотребление.*

[На] адлегласці

1) *Контекстуальное значение.* В данном контексте существительное с предлогом *на адлегласці* ‘на расстоянии’ маркирует физическую дистанцию, разделяющую миры двух влюбленных, но также пространства двух культур, каждая из которых значима для лирического героя.

2) *Основное значение.* Основным значением существительного *адлегласць* ‘расстояние’ является первое значение, приводимое в ТСБЛМ: *Прастора, якая раздзяляе два пункты, прамежак паміж чым-небудзь. Велізарная адлегласць раздзяляе нас* [1, с. 48]. ‘Пространство, которое разделяет два пункта, промежуток между чем-либо. Огромное расстояние разделяет нас’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Указывая на расстояние, пролегающее не между объектами, но между эмоциональными и культурными мирами, контекстуальное значение отличается от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

Сэрца

1) *Контекстуальное значение.* В контексте строфы имя существительное *сэрца* ‘сердце’, символизируя любовное чувство, но также метонимически указывает на влюбленного человека.

2) *Основное значение.* Основным значением имени существительного *сэрца* ‘сердце’ является первое значение, приводимое в ТСБЛМ: 1. Центральны орган крывяноснай сістэмы, які мае выгляд мускульнага мяшка (у чалавека – у левым баку грудной поласці). *Сэрца б’ецца. Хворае сэрца.* ‘1. Центральны орган крывеносной системы, имеющий вид мышечного мешка (у человека – в левой части грудной полости). *Сердце бьется. Больное сердце.*’. Переносное значение приводится в ТСБЛМ во вторую очередь: 2. *перан.* Символ души, переживания, пачуццяў, настройў. *У яго добрае сэрца. Жыць так, як паказвае сэрца* [1, с. 808]. ‘2. *перен.* Символ души, переживаний, чувств, настроений. *У него доброе сердце. Жить так, как подсказывает сердце.*’.

3) *Контекстуальное значение versus основное значение.* Контекстуальное значение отлично от основного значения, но становится понятным благодаря сравнению с последним.

4) *Метафорическое словоупотребление.*

і (разбор совпадает с приводимым выше).

Сэрца (разбор совпадает с приводимым выше).

Практически равное число метафорических (10) и неметафорических (9) словоупотреблений, выявленных в первой строфе, свидетельствует о силе образного мышления Янищиц, описывающей поэтическую связь между Москвой и Парижем – столицами, означившими судьбу Маяковского: *Быць на сувязі двум гарадам, / Правадамі – працягнуцца вершы. / А ці ўкленчыць глухі Нотр-Дам / Перад самай капрызнай і лепшай?* [2]. Эта связь раскрывается на уровне чувственного, но также духовного, творческого опыта: *Над Масквой ці над Сенай сівой, / Распрастаўшы арлінае крылле, / Рану страснай пяшчоты сваёй / Назавеце ў паэме Марыяй* [2]. Париж мыслится городом недолгих любовных приключений, Москва – домом, местом настоящего чувства: *На паэзію, нібы на крыж, / лягуць ічыльна журба і удача. / Рану ласкі – зацісне Парыж. / Рану сэрца – Айчына аплача* [2]. Образ Маяковского видится сквозь призму его художественного метода, объединяющего поэтическое и реалистичное начала: *Дакрануся да слова – і ток / Пройдзе целам, і гукі ўзарвуцца. / Ненагасна! – лагоды радок / І чырвоны радок праўдалюбца* [2]. Поэзия располагается между интимным и общечеловеческим пространствами: *Паміж сэрцам і светам паміж / Струны голасу – не адгалоскі, /... Добры вечар, Масква і Парыж. / Добры дзень, Ма-я-коў-скі!* [2].

Таким образом, идентификация образных словоупотреблений выступает необходимой основой для определения областей, образующих концептуальную метафору ТВОРЧЕСТВО – ЭТО ПУТЬ. Область-источник представлена значительным объемом лексики (*быць на сувязі* ‘быть на связи’; *правадамі працягнуцца* ‘проводами протянутся’; *над Масквой* ‘над Москвой’; *над Сенай сівой* ‘над Сеной сивой’; *на крыж* ‘на крест’), ненамного уступающим числу лексем области-мишени (*слова* ‘слово’; *вершы* ‘стихи’; *паэма* ‘поэма’; *паэзія* ‘поэзия’; *гукі* ‘звуки’; *радок* ‘строка’; *струны* ‘струны’; *голос* ‘голос’). Метафорические значения, образующие концептуальную область-источник, могут быть достоверно установлены при обращении к ТСБЛМ.

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І.Л. Капылюў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. 968 с.
2. Янішчыц Я. Каліна зімы: кніга лірыкі / Я. Янішчыц. Мн.: Маст. літ., 1987. 205 с. URL: https://knihi.com/Jauhienija_Janiscyc/Kalina_zimy_Viersy.html#chapter57 (дата звяртання: 10.01.2022).
3. Praggeljaz group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22. N. 1. P. 1–39.
4. Steen J.G. et al. A Method for Linguistic Metaphor Identification. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 238 p.

СУРИК И ДРУГИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КРАСОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ И ПАЛЕОГРАФИИO.V. Ryakhovskaya
Moscow State Regional University
g. Moscow, RussiaSURIK AND OTHER PAINT NAMES IN HISTORICAL LEXICOGRAPHY
AND PALEOGRAPHY

Аннотация. В статье рассматриваются такие наименования красок, находившихся в употреблении у русских книжников, как сурик, индиго, синильник, крутик. Дается уточнение времени фиксации данных лексем в различных историко-этимологических словарях. Анализируется изменение семантики лексем, развитие новых, переносных значений.

Ключевые слова: лексема, индиго, крутик, синильник, сурик, этимология, историческая лексикография.

Abstract. The article deals with such names of paints used by Russian scribes as surik, indigo, sinilnik, krutik. The clarification of the time of fixing these lexemes in various historical and etymological dictionaries is given. The change in the semantics of lexemes, the development of new, figurative meanings are analyzed.

Keywords: lexeme, indigo, krutik, sinilnik, krutik, etymology, historical lexicography.

Описанию различных красок, использовавшихся русскими книжниками, посвящено много работ искусствоведческого характера. В нашей работе мы остановимся на рассмотрении вопроса употребления различных номинаций красок в исторических словарях.

Одной из основных цветных красок, используемых в иконописи и создании рукописей, был *сурик*. Эта краска существовала в двух разновидностях: на свинцовой и железной основе. Свинцовый сурик имел оранжевый оттенок и мог заменять собой киноварь [9]. Железный сурик отличался оттенком (темный, вишнево-красный) и представлял собой окись железа.

В словаре XI-XVII веков, отмечено, что *сурик* – это красная краска на минеральной основе, приводится греческое соответствие *суриков* [15, с.49]. Кроме того, отмечается существование *синего сурика* (это краска синего цвета, производимая на растительной основе – из растения крутик или синильник) и *кашинского сурика*. Этимологический словарь М.Фасмера определяет *сурик* просто как красный краситель, не уточняя характер происхождения этого красителя [16]. В словарях И.И.Срезневского и П.Я.Черных данная лексема не зафиксирована. В Словаре Академии Российской лексема *сурик* дано следующее толкование: «свинцовая известь, получившая яркий красный цвет посредством известной степени огня» [8, стб.968].

Кашинский сурик или кашинские белила – это название краски по месту производства, употребление отмечено с XVII в. [12]. Специальные словари отмечают, что кашинский сурик – это именно сурик на свинцовой основе [9].

Церковнославянский словарь определяет *сурик* как алую краску [6, с. 691].

В Сравнительном этимологическом словаре лексема *сурик* трактуется как нечто «из Сирии» [2, с. 354], что соответствует греческому слову *суриков*. *Суриков* – прилагательное в форме среднего рода, производное от существительного *Сурия*. Полный церковнославянский словарь фиксирует наличие лексем *Сурия* – Сирия [6, с. 691].

При рассмотрении вопроса об употреблении лексем *сурик* интересным представляется и обращение к диалектным данным. В Словаре русских народных говоров находим ряд

омонимов: «Сурик 1 – сурок, сузун.; сурик 2 – сургучная печать; сурик 3 – прозвище рыжего человека; сурик 4 – шелковая или шелково-льняная ткань; сурик 5 – растение *Cnidium venosum*, сем. зонтичных, жигунец сомнительный» [10, с.277]. Кроме того, словарь фиксирует и производное прилагательное *суриковый* или *суришный* – красновато-оранжевый, цвета сурика [10, с.277]. Значения «сургучная печать» и «прозвище человека» вполне могут быть мотивированы цветом. Употребление лексемы *сурик* применительно к растению встречаем и у В.И.Даля. Ботанический словарь 1878 г. в статье, посвященной *Cnidium venosum*, также упоминает наименование *сурик* для этого растения, но с указанием на то, что это название характерно для Тамбовской губернии [1], что подтверждают данные диалектного словаря.

Относительно наименования краски синего цвета, которая могла также называться синим суриком, словари дают следующие сведения. *Крутик* - это синяя органическая краска, упоминания которой встречаются в словарях с XVII в.[9]. Словарь XI-XVII в. отмечает, что крутик - это «название краски синего цвета, получаемой из листьев растения крутик (синильник)» [13]. Здесь мы наблюдаем метонимический перенос с названия растения на название получаемой из него краски. В Словаре Академии Российской в статье, посвященной лексеме *крутик*, обозначена только форма краски без указания цвета («грубая брусковая краска») [7, с. 512]. С XVIII в. вместо лексемы *крутик* стали использовать лексему *индиго* [9]. В словаре XI-XVII в. фиксируется лексема *индиго* и ее вариант *индияга* для обозначения краски синего цвета [11, с.236]. Кроме того, есть и вариант лексемы *индыкь* – то же, что индиго, и приводится такой пример: а синяя краска называют индыкь, а по руски крутикь (1698 г.) [11, с. 236]. В Словаре Академии Российской представлен вариант *индигь* – «синяя краска, приготовляемая посредством гноения листьев Американского кустарника называемого *Indigofera argentea*, и настаивания оных съ водою» [7, стб.305]. В форме *индик* лексема представлена и в Словаре русских народных говоров со значением «краска индго».

Национальный корпус русского языка дает следующие данные: первая фиксация лексемы *крутик* в значении краски – 1766г. Д.И.Фонвизин «Торгующее дворянство». Лексема *индиго* фиксируется с 1782 г.: М.И. Веревкин. История о странствиях вообще по всеъм краямъ земнаго круга. Ч. 1. (Словарь XI-XVII в. отмечает употребление данной лексемы уже в 1723 г.) Лексема *крутик* в рассматриваемом значении в корпусе представлена всего двумя вхождениями, а лексема *индиго* фиксируется достаточно стабильно и равномерно, начиная с 1782г. Отмечается увеличение частотности в двухтысячные годы – это связано с изменением семантики лексемы.

Этимология слова *индиго* также восходит к латинским и греческим корням. В словаре М.Фасмера указано, что слово попало в русский язык либо через немецкий, либо через испанский из латинского *indicum* или греческого *ἰνδικόν* [16]. В латинско-русском словаре указана лексема *indicum* со значением ‘индиго’ и отмечено, что в сочетании со словом *nigrum* (*indicumnigrum* – черный индиго) оно обозначает тушь, что также свидетельствует о наличии переносного значения [4, с.392]. Прилагательные *indicus* (лат.) и *Ἰνδικός* (греч.) фиксируются словарями в значении прилагательного ‘индийский’. Это значение как раз и указывает на территорию происхождения растения, из которого получали индиго.

Еще одной лексемой, которая также могла использоваться для обозначения краски синего цвета, была лексема *синильник*. Словарь XI–XVII вв. приводит следующие сведения. Существовала лексема *синило*. Синило 1 – название растения крутик (*isatistinctoria*). Синило 2 – синяя краска. Есть и производные: *синильник* – красильщик тканей, *синильный* или *синяльный* – относящийся к краскам для тканей [14, с.152]. В Словаре Академии Российской не отмечена лексема *синильник* в значении растения или краски, но есть *синильник* или *синильщик* – тот, кто имеет ремесло синить, красить в синюю краску [8, стб.453]. Здесь мы наблюдаем более узкое значение по сравнению со словарем XI–XVII вв., в котором для красильщика не уточняется цвет, в который он красит.

Лексемы *крутик*, *синильник*, *индиго* используются как варианты для обозначения растения, из которого получают сине-зеленый краситель. Для получения синего цвета существовало два вида красителей: вайда и индиго. В обоих одно действующее вещество –

индиготин, но при этом вайда, употребляемая европейцами, – дикорастущее растение семейства крестоцветных. А индиго, характерный для Азии и Африки и неизвестный в Европе, получается из растения индигоноска [5]. Однако словарные данные подтверждают, что русским книжникам были известны оба вида растения. Уже в словаре XI–XVII в. отмечается прилагательное *индиговый* – индигова трава, растение индиго, из которого готовится краска такого же названия [11]. Словарь Академии Российской указывает на происхождение краски индиго от растения *indigofera*. В словаре В.И. Даля также указано, что индиго – это краска, получаемая из перегнойки растения *Indigofera* [3]. А *isatis tinctoria* (крутик) – это вайда красильная. Использование этих слов как синонимов показывает, что более значимым было обозначение получаемого из них красителя и сам факт получения из растения красителя, а не конкретный вид растения.

Интересным представляется метонимический перенос между различными лексемами, поочередно обозначающими вещество/цвет/собственно краску. *Сурик* – это и непосредственно синяя краска, и красящее вещество в принципе. *Крутик* – и растение, и краска, добываемая из этого растения. В случае с суриком возникшее переносное значение «краска» даже разошлось с веществом, из которого изготавливается краска: минеральное (красный) и органическое (синий).

Литература

1. Ботанический словарь / под ред. Н. Анненкова. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1878.
2. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Тифлис, 1896. – [4], 451, [1], LXII с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Изд. третье, испр. и доп. 1880 – 1882, св. 200 тысяч слов
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2002.
5. Пастуро М. Синий. История цвета. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.
6. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах: пособие для преподавателей русского и церковно-славянского яз. в низших и средних учебных заведениях: всех слов объяснено около 30 000/ сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. Москва: Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.; 26 см.
7. Словарь Академии Российской. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук. Т. 3 (З - Л), 1792.
8. Словарь Академии Российской. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук. Т. 5 (Р - С), 1794.
9. Словарь изографа / В.В. Филатов. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-та, 1997. 287 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2008. 330 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. Москва, «Наука», 1979.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. Москва, «Наука», 1980.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Москва, «Наука», 1981.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. Москва, «Наука», 2000.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. Москва, «Наука», 2011.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. М.: «Прогресс», 1986.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОНОВОГО ТЕРМИНА «СТИХИЯ ЯЗЫКА»
В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

N.V. Khalikova
Doctor of Philology
Moscow Region State University
Mytishchi, Russia

ABOUT THE USE OF THE BACKGROUND TERM "THE ELEMENTAL POWER OF
LANGUAGE" IN SCIENTIFIC PROSE OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Аннотация. Статья посвящена развитию семантической структуры термина «стихия языка», употребление которого под влиянием изменяющихся когнитивных метафор, образов научного предмета привело к развитию своеобразной энантиосемии в пределах одного научного дискурса.

Ключевые слова: стихия языка, фоновый термин, когнитивная метафора, образность, научный текст.

Abstract. The article is devoted to the development of the semantic structure of the term "language element". Its use was influenced by a change in cognitive metaphors in linguistics. Imagery becomes the reason for the development of a kind of enantiosemya within the framework of one scientific discourse.

Keywords: the elemental power of language, non-basic (background) term, cognitive metaphor, imagery, scientific text.

Лингвистический текст середины XIX – начала XX века ощущается как первоисточник возникновения новых дисциплин или категорий, спонтанных или неожиданных открытий. Это были одни из первых ответов на вопросы о том, что такое язык, фразеология, грамматика и стилистика. Так, например, по Б.М. Энгельгардту, современный ему поэтический язык «взору исследователя представляется самостоятельной *стихией*, где над всем совершающимся царят особые, исключительно этой стихии присущие законы и нормы» [28, с. 7].

Научные концепты Язык / Стиль в текстах высокой книжной научной культуры реализуются в разных по восприятию группах терминов. В ядро языковедческой терминосистемы входят осознаваемые пишущим и читающим научные понятия (*фразеологическая единица, синоним, глагол*), в ближнюю периферию фоновые термины – результат речевой привычки, традиции (*речевой строй, лексический пласт, языковая стихия*). Эти границы условны. Фоновые, не имеющие точного определения в лингвистических словарях и учебниках термины тяготеют к фразеологизации. На примере «стихии языка» покажем сложные пути образного переосмысления термина в лингвистическом дискурсе.

Роль образа научного предмета очень важна для формирования общих для целого поколения представлений стилистических доминант. Так, рассматриваемая нами здесь «стихия языка (речи)» включает для лингвиста такие ряды понятий, как церковнославянская, народно-поэтическая, гоголевская, лермонтовская, романтическая, иноязычная, яркая, диалектная, крестьянская, национально-бытовая *стихия* и т.д., и в терминосистеме чаще всего коррелирует с метафорой потока, течения, сплава: *При этом широкой волной проникают в него [литературный язык] элементы живого русского языка. Церковнославянская стихия <...> заметно оттесняется <...>. В литературный язык вливается поток заимствований из европейских языков* [17, с. 65]. Особым образом взаимодействуют с фоновыми и основными

терминами метафорические единицы: *поток, излом, острый эпитет, фразеологические осколки, почва* (например, в работах В.В. Виноградова 20-50-х годов, соблюдавшего стилистические традиции своих предшественников), *обломок сочетаний* [19, с. 465] и др. В связи с этим интересным, на наш взгляд, исследовательским вопросом является денотативное и сигнификативное содержание фоновых – «незаметных» для намеренного восприятия – терминов, вступающих в языковую игру и создающих привлекательный речевой облик ученого. Вот как бывший студент П.Н. Полевой вспоминал научную речь своего лектора И.И. Срезневского в Петербургском университете: «Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное, яркое, богатое любопытными и новыми (для нас, первокурсников) фактами, – и как это было чудесно изложено, как сгруппировано, как прямо вело к определенным и ясным выводам!» [20, с. 128]. Таким образом, помимо информативной культуры, высокий научный стиль всегда будет требовать слияния сообщения о научных фактах с концептуализацией автором окружающего мира. Одним из проявлений интеллектуальной культуры ученого как раз и является использование фоновой образности в самых различных ее проявлениях. Сама по себе филологическая рефлексия, историческая и современная, является интереснейшим предметом лингвоперсоналогии.

Однако в современной научной речи нефилолога «стихия языка» лишается внутренней формы термина. На первый план выходит общепотребительное, так называемое «светское» значение слова, не связанное с образом гуманитарного или естественного знания. Это чистая экспликация метафоры, например: *Великий физиолог И.П. Павлов говорил: факты – воздух ученого. Для поэта таким воздухом является стихия языка, его дух, душа, чувства, но данные ему не в виде вещи, факта, а порой – музыкально, порой сновидно, как раскаленная магла, как вихревое движение Р. Декарта <...>* [11, с. 100].

Единицы языка науки можно описать в разных аспектах: по определению С.Е. Никитиной, одновременно «и как предмет философии науки, и как предмет лингвистики» [16, с. 35]. Фоновый термин, наподобие «лексический(ая) срез, пласт, слав, стихия», для традиционного лингвистического дискурса является потенциальным развёрнутым образом представления многоаспектного научного объекта. А.П. Чудаков об образе языка у В.В. Виноградова говорит, что в его основе лежала «философия языка и речевой деятельности как самостоятельной, огромной и пребывающей в постоянном движении сферы духа. Он не писал специальных работ на такие темы. <...> Но в любой работе, посвященной вполне конкретной проблеме лексики, синтаксиса или стиля писателя, общая виноградовская философия языка присутствует в качестве второго плана [25, с. 32]. Интересно, что в 60-80-е годы XX века в работах ученых все чаще звучат итоговые ноты – научный концепт Язык был уже оформлен в сумме дефиниций, в том числе и в образных и концептуальных значениях, где актуализировались семы борьбы, силы, энергии и движения, величины. Например: *Б.М. Истрин, М.Н. Сперанский, Е.Ф. Карский, Б.А. Ларин и др. стремились к более широкой постановке вопроса о сильной и разносторонней стихии живой восточнославянской народной речи* [7, с. 7]. Интересно отметить, что идея «стихийности и силы» в лингвистическом дискурсе всегда была противопоставлена идее «строеного порядка» (образы строительства здания, дерева).

Образ стихийности языка и речи формировался вначале через метафоры одушевленности, организма, духа, души. Эта тенденция сохраняется в первой половине XX века, в работах учёных старой школы. Субъект познания – одарённый интуицией учёный – постигающий тайны духа, организма и материи: *Ведь известно, что слова вечные странники, переходящие из одного предложения в другое* [2, с. 426]. *Язык он [Виноградов] ощущал <...> как некую стихию, родственную потоку, океану, бурлящему расплаву металла* [26, с. 9].

Фоновый термин – это идеальный образ для создания первичных научных представлений о каком-либо абстрактном понятии. Так, в работе «Язык Пушкина» В.В. Виноградов дает следующее определение всякой стихии языка – «...исторически меняющаяся система языковых и стилистических явлений» [6, с. 77], то есть то же, что сейчас мы понимаем как дискурс, речь, стилистическую сферу. Именно в этом значении существуют

традиционные составные терминологические номинации: *приказно-буржуазная, протонародная, церковнославянская, разговорно-бытовая, национально-историческая устная, живая, национально-историческая, глубоко интеллектуальная С. лермонтовского языка, наднациональная, лирическая* и пр. стихии языка. Не можем не показать, как в соответствии с научным представлением использовал термин А.Ф. Лосев: «Исходные элементы в цепи последовательных **переходов и изменений** веществ, оформляющие все в мире, **совершенные и прекрасные**, как сам мир; нечто **единичное**, рассматриваемое только **в связи с целым**, которое оно **организует, подчиняясь** строгому общему порядку» [13, с. 60] (жирным шрифтом нами выделены актуализируемые в философском и филологическом дискурсе части значения понятия).

Следует отметить амбивалентность современного представления о денотате термина, исторически сложившуюся из сопоставления значений этимологического, воспринятого через церковнославянский язык, и позднего «светского» значения, воспринятого из западноевропейских текстов о стихиях природы (подробнее о семантической структуре и истории лексикографической фиксации общеупотребительного слова и его художественной прагматике см.: [22]).

Первичное греческое понятие, воспринятое наукой, означало: 1) «элемент, материальное начало», 2) мн. ч. «ряд элементов». Мыслилась греками прежде всего как упорядоченная система элементов. Термин *стихия языка* уникален тем, что на протяжении столетия развивает противоположные значения (они описаны А.Ф. Лосевым): строгая иерархия, гармония, статическое – и хаос, динамическое, природная дезорганизация). В результате мы можем говорить об устойчивой дискурсивной амбивалентности в системе стилей русского языка: в научной речи *стихия* – 'часть, основной элемент, выдвигаемый признак, порядок, место (круг, область), упорядоченное, логически осознаваемое': *Нельзя ли все стихии языка разложить по степеням коренным и производным? ... сии три стихии связно находятся в душе человека <...>* [18, с. 216]. В обыденном же словоупотреблении – 'неупорядоченное, энергичное, неструктурируемое, яркое, заметное явление, логически неосознаваемое, увлекающая сила природы'.

Из двух конкурирующих терминов-дублетов *стихия* – *элемент* в научной литературе в начале XX века закрепляется «элемент» из-за смены основной когнитивной парадигмы для научного концепта Язык. Не «язык – живое» (растение, организм), не «язык – дух», а динамические метафоры «язык – механизм», «язык – борьба, сила», «язык – искусство (картина, сцена)»: *Правда, наш язык до сих пор ощущается многими как некая слепая стихия, с которой невозможно бороться* [29, с. 69]. «Стихия языка» используется преимущественно в работах, посвященных стилистике и постепенно обволакивается метафорическими коннотациями. (В книге Виноградова «Стиль Пушкина» 28 раз, «Язык Пушкина» – более ста раз!) В этот период под влиянием развитого критического и философского текста Серебряного века, затем революционного социального и политического текста в научном дискурсе складывается особая стилистика. «Стихийность» во всем – часто отмечаемая черта русского народа, его универсальный культурный код.

Этап первичной метафоризации происходил так: 1) стихия как основной элемент: от стихии *огня, земли* – до *церковнославянской стихии языка* (лингв.); 2) стихия как сила: от «стихия *разгулялась*» – до «разгулявшаяся поэтическая стихия»; 3) стихия как пространство: от *попасть в свою стихию*, до «церковнославянская стихия – сокровищница красок» [8, с. 137] и т. п.

Проникая в область филологии через посредство ЦСЯ и постепенно получая метафорическую окраску под влиянием обыденной речи, фоновый термин *стихия языка* оформляется с невероятно сложной коннотативной, ассоциативной структурой. Вот её современные оппозиции:

Простейшее (единичное, составляющая часть) – **совокупное**: *Кто, прочитав их, вооружится истинною философией, тот пройдет самым гуманным образом всякое непроходимое средостение и проглотит все **дробные стихии языка*** [4, URL]. *Языковая*

стихия – *масса* текстов, явлений, фактов. Живя вне стихии языка родного, меняющегося, развивающегося, писать нельзя, утверждала она [10, URL].

Материальное – духовное: ...истинный стих от века предопределен и **зачат** в стихии языка [12, URL]. Через дыхание, ритм, тон язык не символически и иносказательно, а непосредственно втянут начиная уже со своей **звуковой стихии** в природу человечества, сросся и ушел корнями в человеческий мир и через него в целый мир. Языкознание в принципе неспособно анализировать эту **звуковую стихию** языка, пока считает, что звук входит в систему не весь, а только своей «смыслоразличительной функцией», своим относительным положением в фонетической системе [3, URL].

Первичное в природе – **тварное** (вторичное): Пушкин и Гоголь, соединив две стихии языка: академический (бывший до них холодным, салонным) и народный, создали современный русский язык... [27, URL].

Спонтанное - организованное: Языковая стихия прежде всего система, а не спонтанная живая речь. Языковая стихия – привычка, устойчивое, а не новые факты языка: В самом понятии народно-поэтической стихии объединяются и народно-поэтические формулы, и старинные выражения, и простонародная фразеология [6]. Но в эпоху завоевания космоса, в эпоху искусственных рек и морей неужели у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка? [29, с. 70].

Не поддающийся влиянию – подчиненный порядку: название статьи В. М. Мокиенко о Б.А. Ларине – «свободная стихия разговорной речи» [15].

Ужасающий – прекрасный, совершенный: Ранний Карамзин перенаправлял бурный и страшный поток исторического времени <...> в условное пространство языка, – как бы в надежде, что подвижная языковая стихия станет лингвистическим инобытием революции [3, URL].

Любое нечто (человек, природа, духовное или язык) – в средневековом понимании «малый мир, организованный стихиями». В собственно научном значении стихия языка – это форма, элемент языка, его категория, признак (так использовали термин А.А. Потебня, Н.П. Некрасов, Д.Н. Овсянко-Куликовский). Однако это употребление вытесняется под влиянием социального компонента значения, и *стихия языка* становится фоновым, но частотным термином в работах В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, Р.А. Будагова, Г. Гачева и многих других филологов XX века.

Чаще всего *стихия языка* репрезентирует научный концепт *Стиль* и включает следующие основные образные значения:

I. Стиль – пространство (почва); водное пространство, поток. 1) ...Языковеды, если они не хотят вечно оставаться в роли пассивных констататоров языковой стихии, должны <...> создавать надежный лингвистический компас <...> [5, с. 18]. 2) Простонародная стихия **вливается** в творчество Пушкина **более широким потоком** и **несет с собой систему образов и мифов** [8, с. 178]. Водная образность связана обычно именно с мировоззренческим дискурсом, семантическими изменениями речевых единиц, языковых пластов, речевых структур в целом.

II. Стиль – субъект процесса, движения, духовная сила, интенция. В этом качестве стили «вступают в борьбу, одерживают победы, стремятся» к чему-либо, «проигрывают». Например: *Все время чувствуешь русскую языковую стихию, которая то и дело прорывается* [29, с. 31]. *И обуздать вот эту вот какую-то стихию языка тоже оказалось интересно, как какого-то необъезженного мустанга.* [14, URL].

III. Стиль – рисунок, эскиз, набросок, контур, краска. 1) *Гуще смешаны разные стихии речи* [6, с. 45].

IV. Стиль – материал, вещество. *Новый сплав этих стихий* [9, с.141]. *Становилась иной стилистическая характеристика слова. Ломались нормы его употребления. Стили смешивались* [6, с. 317].

Образные коннотации проявляются в глагольной сочетаемости: стихия *вытесняется, слагаются друг с другом, отделяется, обнажается, преодолевает, готова выпасть из*

языковой системы, *проникает, врывается* и др. Большая часть глаголов отражает семантику разнообразного движения – интенсивного, спокойного, стремительного и т.д.: *Церковнославянская стихия движется по трем основным руслам...* [6, с. 317].

Проведенный анализ позволил определить структуру современного речеведческого понятия-полисеманта *языковая стихия*:

1. Коммуникативная форма, социальное проявление языковой личности («низкая языковая стихия», высокая архаическая стихия. *Грубая стихия провинциальной фамильярно-бытовой дворянской речи* [9, с. 279].

2. Тип речевого воздействия, направленная речь: идеологически-, прагматически-, эстетически, телесно ориентированная и т.п. [23, с. 103]. То же, что «дух языка» (полож.) *Языковая стихия официально-парадной советской словесности». Церковнославянская стихия – составная часть европейского мышления.*

3. То же, что стиль, нормативная манера речи (публицистическая стихия; *Стихия живой устной речи.*

4. То же, что дискурс, стилистический план отражения действительности. Речь, принадлежащая типу культуры. *Приказно-буржуазная стихия русского языка послепетровской эпохи. Стихия мецанского просторечья. Языковая стихия Высоцкого – наличие архетипов народно-карнавальная смеховой культуры в бахтинском понимании.*

5. (устар.) Составляющая литературного книжного языка, система его лексических и грамматических форм. *Таким образом, свое рассуждение подразделяю на следующие отделы: язык народный, архаизмы, варваризмы, провинциализмы.*

6. (устар.) Форманты, способы выражения языковой категории. *Гласная и согласная – это простейшие стихии, на которые мы разлагаем материал слова* [21, с. 102]. *Буква есть самая дробная стихия человеческого слова* [4, URL].

В современной нам филологии макрообраз стихии – сам язык, стиль (ЛЯ, ОЯ, диалекты и др.) как устойчивой огромной системы (океана, гигантских сил). Микрообраз стихии языка – идиостиль, «образ, окруженный как бы облаком настоячивых, но неуловимых ассоциаций» [9, с. 116].

Это традиционные символические значения с глубокой положительной коннотацией, с заложенной в эти образы идеями созидания, победы в трудной борьбе, энергии, которую дает природа, расширением пространства, света, то есть теми мотивами, которые есть в каждом тексте русской словесности. Фоновый термин *стихия языка (слова)* стал неотъемлемым признаком, например, языковой личности В.В. Виноградова, Р.А. Будагова, А.Ф. Лосева, способ конденсации и передачи большого объема прагматической информации для читателя, особого «видения» автором системных особенностей в речевых структурах, частью напряжённой духовной работы исследователя.

Литература

1. Архангельский А. Александр I // Знамя. 2001. № 9. <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/9/aleksandr-arhangelskij-aleksandr-i.html> Дата обращения: 15.09.2022.

2. Белич А.И. Природа языка и его изучение // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 425-429.

3. Бибихин В.И. Язык философии. М.: Наука, 1994. http://bibikhin.ru/vazik_filosofii Дата обращения: 10.09.2022.

4. Буслав Ф.И. Мои воспоминания / [сочинение] академика Ф. И. Буслаева. М.: издание В.Г. Фон-Бооля, 1897. 387 с. <https://www.prlib.ru/item/850897>

5. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопр. Языкознания. 1964. № 3. С. 3-19.

6. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. -Л., «Academia», 1935. 457 с.

7. Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3-22.
8. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980 // Избранные труды. Т. 5. 362 с.
9. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 387 с.
10. Гернштейн Э.Г. Реплики Ахматовой. ВикиЧтение, 1990. <https://biography.wikireading.ru/82904> Дата обращения: 20.09.2022.
11. Зинченко В.П. Тайнство творческого озарения // Вопросы психологии. 2004. № 5. С. 96–120.
12. Иванов В.И. Наш язык // Собрание сочинений в 4 томах. Том 4. Брюссель, Foyer oriental chrétien, 1987. С 673-681.
13. Лосев А.Ф. О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структуральной // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 50-64.
14. Метельков А.С., Лукомников Г.Г. Явно я в Новосибирске // «Волга». 2014. № 5. <https://magazines.gorky.media/volga/2014/5/yavno-ya-v-novosibirske.html>
15. Мокиенко В.М. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // Quaestio rossica. 2019. Т. 7. № 3. С. 903-916.
16. Никитина Е.С. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. М.: Либроком, 2014. 146 с.
17. Обнорский С.П. Культура русского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. IV, вып. 2. М.-Л., 1945, стр. 58-68.
18. Одоевский В.Ф. Психологические заметки. В кн.: Одоевский В.Ф. Русские ночи". Л., "Наука", 1975. 320 с.
19. Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Л., 1928. Т. I. Кн. 2. С. 458-476.
20. Полевой П.Н. Три типа русских ученых (Буник, Срезневский, Григорович) // Исторический Вестник. 1899. № 4. С. 127-136.
21. Потевня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. http://az.lib.ru/p/potebnja_a_a/text_1862_mysl_i_vazyk.shtml Дата обращения 10.09. 2022.
22. Скляр М.С. Концепт слова стихия в русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М, 2005. 22 с.
23. Туранина И.А. Туранина Н.А. Стихия слова, понимание и речевое воздействие // Наука. искусство. Культура. Выпуск 3. Белгород, 2014. С. 103-107.
24. Халикова Н.В. Метафора борьбы / силы как способ представления образа грамматики в работах В.В. Виноградова // Лекантовские чтения – 2021. Материалы Международной научной конференции. М.: МГОУ, 2021. С. 345-350.
25. Чудаков А.П. О характере научной медитации и стиля В.В. Виноградова // Русская речь. 1986. № 6. С. 31-36.
26. Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // К 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1995. С.9-15.
27. Щербинина О. Уходящее // Родина. 1995. № 9. С. 15-16.
28. Энгельгардт Б.М. Александр Николаевич Веселовский. Петроград: Колос, 1924. 214 с.
29. Чуковский К.И. Живой как жизнь 1962. <http://sosensky.info/pdf/zhivoi-kak-zhizn.pdf>

А.М. Хизанцян
канд. филол. наук
Ереванский государственный университет,
Военный авиационный университет МО РА
им. маршала А. Ханферянца
г. Ереван, Армения

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ТЕРМИНА: ВОИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(на «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского)

A.M. Khizantsyan
Cand.Sci. (Philology)
Yerevan State University,
Military aviation university named
after marshal Armenak Khanperiyants
(Ministry of Defence of the Republic of Armenia)
Yerevan, Armenia

MILITARY TERM HISTORY: WARRIORS IN ANCIENT RUS
(on «Materials for the Dictionary of the Old Russian Language» by I.I.Sreznevsky)

Аннотация. Данная статья представляет собой первую работу в цикле научных трудов, посвященных изучению военной терминологии современного русского языка. В рамках данного исследования нами были проанализированы термины (21 единица), *обозначавшие* в Древней Руси воинов по их профессиональному признаку. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что из рассмотренных нами терминов в современном русском языке функционирует лишь один, остальные перестали функционировать в качестве терминов – вышли из употребления полностью либо перешли в разряд историзмов.

Ключевые слова: военный термин, древнерусский язык, историзм, воины в Древней Руси.

Abstract. This article is the first work in a series of scientific papers devoted to the study of military terminology in the modern Russian language. Within the framework of this study, we analyzed the terms (21 units) that denoted warriors in Kievan Rus' according to their professional characteristics. As a result of the study, we came to the conclusion that only one of the terms we examined in the modern Russian language functions, the rest ceased to function as terms – they fell out of use completely or passed into the category of historicisms.

Keywords: military term, Old Russian language, historicism, warriors in Kievan Rus'.

Военный термин представляет собой устойчивую единицу номинации, закрепленную за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе военной профессии.

История военного языка уходит в глубокую древность: одно из первых задокументированных упоминаний о военных событиях относится к 2700 г. до н.э., когда Шумер и Элам (современные Ирак и Иран) находились в конфронтации. Что же касается истории военного дела, то вооружённые силы Киевской Руси начали формироваться с конца IX в. С тех пор военная сфера и, в частности, военный язык (военная терминология и структура языка) претерпели огромные изменения в результате реформ и реорганизации армии, разработки новых видов вооружения, появления новых методов и способов ведения военных действий.

Учитывая тот факт, что в современном мире все интенсивнее проходит процесс милитаризации глобализации, а именно политики, экономики и миропорядка в целом, тема истории *военного термина вызывает интерес. Нами была поставлена задача – изучить военную терминологию современного русского языка, дать исторический комментарий военным терминам, выявить исконно русские термины и определить языки-источники и*

языки-посредники заимствованных терминов и в перспективе провести, возможно, первый комплексный анализ военной терминологии современного русского языка с начала формирования вооруженных сил до современной России, систематизировать функционирующие в языке термины военной сферы.

В рамках данной статьи мы остановились на исследовании истории военных терминов, обозначающих рода войск и наименования воинов по их профессиональному признаку.

Цель данной статьи – провести анализ военных терминов, обозначающих воинов по их профессиональному признаку в Древней Руси, дать исторический комментарий, определить, какие из рассмотренных терминов сохранились в современном русском языке, а какие вышли из употребления и по какой причине.

При проведении исследования мы опирались на «Материалы для словаря древнерусского языка» (далее – «Словарь») И.И. Срезневского, который стал основным источником для нашего исследования. Помимо этого, мы использовали труд «История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.)» Ф.П. Сороколетова, материалы «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, «Толкового словаря живаго великорускаго языка» В. Даля, а также материалы Национального корпуса русского языка.

Переходя к объекту нашего исследования, заметим, что, как известно, лексика является наиболее подвижной частью языка. Специальная же лексика – наиболее динамично развивающаяся часть словарного состава языка, которая с расширением международного сотрудничества, ростом объема коммуникации в различных профессиональных областях непрерывно пополняется, обновляется и совершенствуется, формируя терминологическую систему той или иной области.

Ввиду ограниченного объема статьи, а военная терминологическая система охватывает огромное количество терминов, в рамках данного исследования мы остановились лишь на анализе слов и терминов, обозначающих воинов по профессиональному признаку в армии Древней Руси. Первоначально нами проанализировано около 20 единиц, которые можно разделить на три группы:

1) принадлежность воина к определенному роду войск: *пѣиѹць/пѣише*; *шестникъ*; *конные/конные люди*; *конивникъ/конгвници*; *с(ь)нузньць/сьнузникъ*; *фаревникъ*; *сгъчьць*; *бренидьць/бронидець/бренистьць/брънистьць*; *лодыникъ (лодеиникъ, лодииникъ)/лодеищикъ*; *возникъ*; *забральникъ*. Эти термины называли представителей четырех родов войск Древней Руси – пехоты, конницы (конного войска), флота и обоза (тыловых войск);

2) используемое воином оружие: *стргльецъ (стргльци)*; *меч(ь)никъ*; *меченоша*; *копейник (копиеникъ)*;

3) воины, выполняющие отдельные специальные задачи: *кошевникъ/кошовый*; *стяговникъ/знаменищикъ/знаменосецъ*; *берладникъ*; *зажитникъ*; *засад(ь)никъ*; *наворопникъ*.

Рассмотрим указанные выше термины по группам.

Принадлежность воина к определенному роду войск

Согласно летописным памятникам, археологическим раскопкам и историческим исследованиям, в войске Древней Руси значительное место занимали «пешие воины». Для их обозначения использовался термин *пѣиѹць*. В «Словаре» И.И. Срезневского дается следующее толкование данной лексемы – ‘пеший воин, пехотинец, боец пехоты’. Термин этимологически восходит к праславянскому *пѣхъ и близок субстантивированному прилагательному *пѣиши*. В современном русском языке лексема не употребляется, она была заменена термином *пехотинец*.

Для обозначения *пехотинца*, или *пешего воина*, использовался также термин *шестникъ*, заимствованный из церковнославянского, старославянского языка от *шьствие*, которое в свою очередь связано с праславянским *šьdъbь, *xoditi. Ф.П. Сороколетов отмечает, что это слово необходимо отнести к новгородско-псковским диалектизмам, где оно функционировало в следующих значениях: 1) ‘хожалый’ – ‘рассыльный’ (полицейский чин); 2) ‘княжеский слуга’; 3) малоизвестное наименование церковного «служка»; 4) категория сельского тяглового

населения. За пределами письменности этого региона термин не встречался [3, с. 109]. В дальнейшем данная лексема оказалась «нежизнеспособной» и была утрачена русским языком.

Постоянные военные столкновения с половцами и печенегами, которые в бою использовали лошадей, привели к организации конного войска. В «Словаре» И.И. Срезневского для наименования воина, совершавшего поход или ведущего бой на коне, встречается термин *коньник/коневник* ‘всадник, конный воин; кавалерист’.

Для обозначения конного воина использовался и заимствованный термин *фаревник*, образованный от лексемы *фарь*, заимствованной из греческого языка посредством персидского – ‘верховой воин’. Однако рамки употребления этого термина были ограничены.

В «Словаре» И.И. Срезневского зафиксирован и термин *стьцьць* в трех значениях: ‘дровосек; воин; палач’. В Словаре В. Даля дается лишь одно толкование данной единицы – ‘воин с мечем’. Как отмечает Ф.П. Сороколетов, термин редко употреблялся в памятниках самого раннего периода русской письменности, он «больше известен по памятникам переводной литературы или в религиозно-нравоучительных контекстах оригинальной письменности» [3, с. 111].

Интерес представляет и термин *бренидьць/бронидець/бренитьць/брьнитьць* ‘латник, кольчужник’. Этимологически термин восходит к старославянскому *брьня* – *броня* ‘латы, панцирь’. Форма *бренидьць*, как замечает Ф.П. Сороколетов, западнославянского происхождения, однако ни в одном западнославянском памятнике этот термин не встречается. Согласно М. Фасмеру, термин представляет собой заимствование из германских языков, предположительно вошедших в язык не ранее VIII в.

Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что *бренидьць* толкуется как ‘воин, одетый в броню, защищенный панцирем, латами’; ‘кольчужник, латник’. Подобное толкование относится и к термину *бронник* ‘воин, облаченный в броню’.

Воинов, передвигавшихся и сражавшихся на ладьях, называли *лодеиникь/лодеьникь/лодеиникь/лодииникь* ‘гребец в лодке, корабельный воин’. Термин *лодеиникь* (и его варианты) сформировались на восточнославянской почве. По М. Фасмеру, лексема восходит к праславянскому слову *oldī, которое в свою очередь этимологически связано, например, с датским *aalde*, *olde* «корыто», норвежским *olda*, диалектным *olle* «большое корыто». От праславянского слова *ladiā произошли, например, древнерусское *лодьа*, *лодька*, старославянское *альдиш*, *ладиш*, русское *ладья*, *лодка*. В свою очередь от русской лексемы происходят средне-нижненемецкое *loddie*, *loddige* «грузовое судно», шведское *lodja*, датско-норвежское *lodje*, прибалтийско-немецкое *Lodje*.

Как замечает Ф.П. Сороколетов, наличие нескольких вариантов данного термина говорит о том, что процесс терминологизации понятий о войне на судне не был завершен. И несмотря на то, что о передвижении воинов по воде, о битвах воинов на лодках в памятниках упоминается часто, рассматриваемый термин используется сравнительно редко [3, с. 111].

Термин *забральникь* ‘защитник, защитник крепости’, ‘воин у зубцов крепостной стены’ этимологически восходит к древнерусскому *заборѣло* ‘стена укрепления’, в свою очередь заимствованному из церковнославянского *забрѣло* ‘подвижный козырек шлема, защищающий лицо’.

Используемое воином оружие

Термин *копейникь/копииникь* ‘ратник, вооруженный копьем’ этимологически восходит к старославянскому *копие*, которое произошло от греческого *κοπίς* ‘тесак, кинжал’.

Следующие две лексемы использовались для обозначения лиц, выполняющих функцию охранника – *меченоша* ‘оруженосец, княжеский’, ‘дружинник’ и многозначное в древнерусском языке слово *мечьникь* ‘страж; оруженосец; палач; дружинник княжеский в Древней Руси; императорский оруженосец при Византийском дворе’. Этимологически оба слова восходят к праславянскому *mešь. Первоисточник этого слова не установлен: согласно мнению одних ученых, лексема считается заимствованной из готского *mēkeis, согласно мнению других, предполагается связь с латинским *masō* «убить, зарезать», согласно мнению

третьих, допустимо заимствование и славянской лексемы, и готской из неизвестного, общего источника.

Термин *возникъ* ‘водитель’ произошел от старославянского *возь*. В современном русском языке термин не сохранился, был заменен термином *водитель*. Однако интересен тот факт, что в «Словаре» И.И. Срезневского в качестве толкования термина приводится лексема *auriga*, заимствованная из латинского *aurea* ‘horses bridle’. Заимствованная лексема не употреблялась в русском языке в качестве военного термина и используется в современном русском языке только для обозначения созвездия «Возничий».

Термин *с(ъ)нузникъ/сънузньць/сънузница* ‘всадник’, ‘возница’ встречается только в переводных памятниках. Как отмечает Ф.П. Сороколетов, встречаются и другие слова в значении, связанных со значением существительного *сънузникъ*: *сънузний* ‘верховой’, *сънуздьныйи* ‘сидящий на коне»; *сънуздѣство* ‘колесница’, ‘путь’; *сънузньи* ‘конный’, ‘относящийся к колеснице’ и в значении существительного ‘возница»; *сънузньѣствовати* ‘ехать на коне, в колеснице»; *сънузѣство* ‘колесница’, ‘путь’. Согласно М. Фасмеру, слово связано с русским *узда* и образовано при помощи праславянской приставки **съп-*. Термин укрепился в языке определенных жанров литературы, следовательно, как отмечает Ф.П. Сороколетов, не был характерен для практического военного языка Древней Руси и «принадлежал старославянской языковой стихии» [3, с. 101].

Воины, выполняющие специальные задачи

Термины *кошевникъ/кошовый* (субстантивированное существительное) ‘воин, выполняющий обязанности по обслуживанию обоза’. В древнерусском языке *кош* означал ‘стан, обоз’, согласно И.И. Срезневскому, эта лексема употреблялась с 1306 г. М. Фасмер выделяет следующие значения лексемы *кош*: 1) «казачий лагерь, стоянка кочевников», 2) «шалаш; пастушеский стан». Скорее всего лексема была заимствована из тюркских языков: киргизский *кош* ‘войлочная палатка, юрта», башкирский *кош* ‘шалаш», турецкий *кош* ‘стадо».

В памятниках Древней Руси зафиксировано несколько слов – *стяговникъ/знаменицькь/знаменосець*, которые служили для названия воина-знаменосца. Как отмечает Ф.П. Сороколетов, в истории военного дела *знамя* и *стяг* были воинскими символами славы и доблести, им придавалась важное значение. В войске выделяли воинов, в обязанности которых входило охранять, защищать знамя, соблюдать правила его подъема. Эти слова образованы от существительных *стагъ* и *знама*, обозначающих ‘воинское знамя’.

Отдельную тематическую группу образуют термины, используемые для названия воинов по принадлежности к тому или иному отряду войска, выполняющему особую, специальную задачу – *берладникъ, наворонникъ, засад(ъ)никъ, зажитникъ*: *берладникъ* ‘воин из состава вольницы, жившей в Берлади (местность между р. Прутом и Серетом)’, это член разбойничьей шайки, промышлявшей разбоями на море и на сухопутных дорогах, но под этим названием члены этой шайки часто входили в состав войска. После XII в. термин не фиксируется в памятниках, возможно потому, что была потеряна связь русского государства с населением области Берладь; *зажитникъ* ‘военнослужащий, заготовляющий съестные припасы, фураж’. Ф.П. Сороколетов отмечает, что термин вышел из употребления в XIV-начале XV вв. вместе с термином *зажитие* ‘сбор продовольствия, фуража’ вслед за отмиранием самого способа «кормления» армии; *засад(ъ)никъ* ‘воин/человек из состава засады’. Ввиду того, что этот отряд войска формировался только в условиях войны и не был постоянным, термин не укрепился в качестве специального термина. Кроме этого, как замечает Ф.П. Сороколетов, «в древности не произошло еще отчетливого выделения отдельного воина, находящегося в засаде... Засада ... воспринималась как единое целое, обозначения же отдельных представителей этого целого употреблялись преимущественно во множественном числе» [3, с. 119]; *наворонникъ* ‘передовой воин (воин авангарда развезда)’. Термин образован от существительного *наворопъ*, известного с XII в. Этим термином обозначался отряд войска, высылаемого для разведки или за сторожевого охранения. Как замечает Ф.П. Сороколетов, в письменных памятниках не зафиксированы случаи свободного

употребления слова, термин употребляется лишь в сочетаниях *пустити въ наворопъ, вьрдити въ наворопъ*.

С точки зрения **словообразования** заметим, что практически все рассмотренные термины образовывались суффиксальным способом при помощи таких словообразовательных единиц, как *-щик-*, *-никъ*, *-ьць*. Самым продуктивным является суффикс *-никъ*. Следующий способ – сложение: термины образовывались с помощью таких элементов, как *-ноша*, *-носець*, например, *меченоша, Ян меносецъ*.

Обращаясь к проблеме функционирования рассматриваемых терминов в современном русском языке, заметим, что большая их часть не сохранилась в активном словарном запасе языка: термины перешли в разряд историзмов или вовсе вышли из употребления в силу того, что исчез тот или иной вид войска. В подтверждение приведем примеры использования рассмотренных единиц в современном русском языке из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

- Термин *пешиць* встречается в нескольких произведениях – прозе, поэзии и в научных трудах, но только в функции историзма в текстах определенной тематики: *«Если все ближние князья приведут к Хортице свои дружины: киевские, черниговские, смоленские, галицкие, вольняские и прочие помельче, то в степь двинутся пешицев, стрелков и всадников тысяча пятьдесят»* [Василий Ян «Чингиз-хан» (1939)].

- Лексемы *пешие* и *конные* перестали использоваться в качестве субстантивированных прилагательных и функционируют только как полные прилагательные. Использование лексем *пешие* и *конные* в качестве субстантивированного прилагательного в НКРЯ было отмечено несколькими примерами: *«Мы, когда Ерзерум брали, у нас хоть конница была, а эти пешии как обработали»* [П.С. Романов «Тяжелые вещи» (1923)]; *«В свою очередь остановились конные и пешие, лучники и панцирники и все остальные, включая и колону пленных»* [Василь Быков «Главный кригсман» (2002)].

- Интересная картина складывается с термином *шестник*. Выше нами было отмечено, что этим термином называли «пешего воина». Однако в научной литературе и словарях (в частности, И.И. Срезневского и В. Даля), помимо этого, выделяется несколько толкований этой лексемы: ‘пеший воин’, ‘слуга княжеский’, ‘хожалый’; ‘служитель на князем дворе; недельщик; дневальный, рассыльный, хожалый’; ‘пешеход, путник, ходок’; ‘лицо низшей судебной/княжеской администрации’; ‘боярский вооруженный слуга’; ‘крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа’ [1, с. 74].

В современном русском языке термин не используется, зафиксированы случаи использования лишь в качестве историзма, например, *«Они осуществляли свои полномочия с помощью целого штата мелких чиновников – приставов, бирчей, шестников, подвойских, половников, цветников и т.д.»* [История дореволюционного суда // Отечественные записки, 2003].

- Лексема *коневник* перестала функционировать в качестве термина и в современном русском языке используется для обозначения растения, известного как «конский щавель».

- Термины *снuzник*, *возник*, *стрелец*, *мечник*, *меченоша*, *берладник*, *защитник*, *засадник* используются лишь как историзмы: *«Игнат Степанович поднял палец и, встав со своего места, закончил нараспев: – «Жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерман, Миних и снuzники тех, их же и кроме нас, яко скудельнии идолы, сам сокрушит Господь»»* [М.Н. Волконский «Кольцо императрицы» (1896)]; *«В 1340 году шайка новгородских лодейников сожгла Устюжну...»* [Н.И. Костомаров «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада» (1863)]; *«А как пошел по московским улицам вонючим и пыльным, спохватился: «Пошто, неразумный старик, возника узнал в обрат?»»* [А. П. Чапыгин «Гулящие люди» (1937)]; *«В мирное время стрельцы не брезговали ремеслами, торговлей, огородничеством, что сближало их с посадским населением»* [Д.П. Дроздов «Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади» (2017)]; *«Сквозь дым, далеко тянувшийся от замка, он взглянул на лугавину и удивился, как хорошо было видно отсюда всё войско Курфюрста: ряды латников и мечников, кучки солдат*

возле лёгких и тяжёлых катапульт, деревянные щиты на колёсах и длинные самбуки, за которыми пытались укрыться солдаты» [Василь Быков «Главный кривсман» (2002)]; «Впереди шел **меченоша**, держа перед собою в обеих руках обнаженный княжеский меч – символ власти» [А.П. Ладинский «Анна Ярославна – королева Франции» (1960)]; «Именно поэтому в эпохе Киевской Руси щиты сегодня истоки специфически украинских феноменов, к примеру предшественников казачества в образе так называемых бродников или **берладников** (то есть населения нижнего Днепра и Днестра XI-XIII вв.)...» [Алексей Толочко «Химера «Киевской Руси»» 1999]; «Владимирко стоял на другой стороне, готовый к бою, и схватил несколько **зажитников** королевских» [Н.М. Карамзин «История государства Российского», Том 2, (1806-1818)]; «– Не слушайте! – жалко гундосил предводитель **засадников**. – Она хочет нас стравить!» [Михаил Елизаров «Библиотекарь» (2007)].

• Термины *фаревник*, *сечец*, *бренидец*, *ковевник*, *стяговник*, *знаменоша* вышли из употребления, в НКРЯ случаев их использования не обнаружено.

Подводя итог проведенному исследованию, мы пришли к следующему выводу: из рассмотренной нами 21 единицы в современном русском языке функционирует лишь термин *знаменосец*. Остальные перестали функционировать в качестве терминов, вышли из употребления полностью либо перешли в разряд историзмов. В современном русском языке для обозначения воинов по их профессиональному признаку преимущественно используются заимствованные термины, изучению которых будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Литература

1. Гиппиус А.А. Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps, Т. 7, № 3, 2021. С. 67-81.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка – <https://slovardalja.net/>
3. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.) / Отв. ред. Ф.П. Филин, Изд. 2-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 384 с.
4. Срезневский И.И. – <https://bioslovhist.spbu.ru/person/862-sreznevskii-izmail-ivanovich.html>.
5. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – <http://oldrusdict.ru/dict.html#>.
6. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка (читано на акте императорского С.-Петербургского университета, 8 февраля 1849 года). Москва, 1959. 139 с.
7. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера – <https://vasmer.slovaronline.com/>

**СЛАВЯНО-РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ
В ЧЕТЫРЁХЯЗЫЧНОМ ЛЕКСИКОНЕ ГЕРАСИМА ВЛАХА**

Т.К. Khovrina
Cand. Sci. (Philology)
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia

**SLAVIC-RUSSIAN TRANSLATIONS OF FOREIGN-LANGUAGE WORDS
IN THE FOUR-LINGUAL LEXICON BY GERASIM VLAKH**

Аннотация. В статье рассматриваются славяно-русские соответствия иноязычных слов в ярославском экземпляре Тезауруса Герасима Влаха (четырёхязычного ново- и древнегреческо-латино-итальянского лексикона), изданного в Венеции в 1659 г., рукописный перевод которого был осуществлен в конце XVII – начале XVIII в.

Ключевые слова: историческая лексикология и лексикография, переводные словари, семантика, словарная статья.

Abstract. The article considers the Slavic-Russian correspondences of foreign-language words in the Yaroslavl copy of Thesaurus by Gerasim Vlakh (the four-lingual Modern and Old Greek-Latin-Italian lexicon), published in Venice in 1659, the manuscript translation of which was carried out at the end of the XVII – beginning of the XVIII centuries.

Keywords: historical lexicology and lexicography, translation dictionaries, semantics, dictionary entry.

XVIII век в истории русской лексикографии стал периодом стремительного развертывания словарных работ, создания словарей разнообразных типов, видов и назначений. Однако богаче всего в этом столетии была представлена переводная лексикография, имевшая многовековую традицию. В 1704 г. был издан «Лексикон трезязычный» Ф. Поликарпова, вслед за ним появляется ряд переводных словарей, часть из которых сохранилась лишь в рукописном виде. К числу таких неизвестных ранее лексикографических трудов относится один из экземпляров Тезауруса Герасима Влаха, четырёхязычного ново- и древнегреческо-латино-итальянского лексикона, изданного в Венеции в 1659 г. (Γερασίου Βλάχου Θησαυρός... τετραγλωσσος), содержащий рукописный перевод всех словарных статей на книжно-славянский (поздний церковнославянский) язык конца XVII – начала XVIII в. (хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника). Этот словарь принадлежал другому видному переводчику Петровской эпохи, справщику Московского Печатного двора Алексею Кирилловичу Барсову (1673–1736). Ф. Поликарпова и А. Барсова связывали годы обучения в Московской славяно-греко-латинской академии, а затем и работа на Московском Печатном дворе, оба они были носителями высокой книжной образованности конца XVII – начала XVIII в.

Славянские соответствия вписаны в ярославский экземпляр Лексикона Г. Влаха двумя лицами, одним из авторов славянского перевода и его редактором и был А.К. Барсов [4, с. 92–95]. Перевод иноязычных слов в нашем источнике чаще всего сделан путем подбора к ним ряда славянских соответствий, так как русские переводчики стремились дать по возможности исчерпывающее число славяно-русских эквивалентов вокабулам Влаха. Е.Э. Биржакова отмечает, что характерной особенностью иноязычно-русских словарей XVIII в. «была

попытка представить в русской части весь возможный ассортимент русских соответствий и возможных способов передачи смысла слова чужого языка. Благодаря этому в русской части иноязычно-русских словарей демонстрируются целые серии и ряды синонимов и близкозначных слов» [1, с. 176], то есть «наиболее существенным считалась полнота, возможная исчерпанность русских слов» [2, с. 136]. Вместе с тем словари отражают лингвистические воззрения своих авторов и свидетельствуют о языке эпохи [3, с. 70]. Важным источником при создании славянского перевода Лексикона Влаха послужил «Лексикон латинский» Е. Славинецкого, отражающий церковнославянский язык середины XVII века [4]. Непосредственным объектом перевода, несомненно, были, прежде всего, греческие и латинские слова.

В славянской части нашего источника могут быть не только однословные номинации, но и описательные конструкции, связянизмы, разного рода деривационные образования от древних славянских основ могут соседствовать с общеупотребительной лексикой и заимствованиями, а также с элементами живой разговорной речи. Обратимся к материалам Лексикона Влаха и рассмотрим, как создавался перевод иноязычных слов оригинала.

Греч. οὐρά, лат. cauda, имеющие значение ‘хвост’, переведены: *хвостъ, хоботь, ошибъ, плъжение*. В «Лексиконе трезычном» Ф. Поликарпова слова *хвостъ, хоботь, ошибъ* даны в отдельных словарных статьях с этими же греческой и латинской параллелями, причем уточняется: «*ошибъ, хвост великий*», а лексема *хвостъ* сопровождается отсылкой «зри *ошибъ*» (ЛТ, л. 149 об., 150 об., 206 об.), т.е. даётся толкование славянизма. Ср. перевод латинского слова в «Лексиконе латинском» Е. Славинецкого: cauda, *оши(б), хво(ст), она(ш), хоботь* (ЛЛ, с. 115). Как видим, здесь присутствует еще один славянский эквивалент *онашь*. Лексема *хоботь*, как и *онашь*, зафиксирована в памятниках старославянского языка именно как аналог греч. οὐρά (СС, с. 414, 762). С этим греческим словом соотносится наименование *ошибъ* и в памятниках церковнославянской письменности: «Имяху *ошиби* подобии скарпиямъ». Апокалипис, XIII в.; ср. в музыкально-теоретическом трактате «Мусликийская грамматика» XVII в.: «О паве поведуеть, яко взираяи на перие *ошиба* своего красное, начнет надыматися и гордо ходити». 1681 г. (СРЯ XI–XVII вв., 14, с. 107). Славянизм *ошибъ* присутствует в Рукописном лексиконе первой половины XVIII века и снабжен пометой «рус. *хвостъ*» (РЛ, с. 262). Именно слово *ошиб* использовано А.К. Барсовым в книжно-славянском переводе с греческого языка сочинения по античной мифологии «Аполлодора грамматика афинейского библиотеки или о богах», выполненном по поручению Петра I (1725 г.): «<Ехидн> *ошиби* к самому верху притягнени» (СРЯ XVIII в., 18, с. 163). Лексема *ошиб* включена в оба издания Словаря Академии Российской (САР¹ и САР²); ср. толкование: «В *слав.* вообще хвост у всякого животного, иначе *онашь*» (САР², 4, с. 754).

Введенное в рассматриваемый перевод церковнославянское слово *плъжение* присутствует только в Лексиконе Влаха. Это дериват от глагола *плъжити* ‘пресмыкаться’, т.е. данное существительное, обозначающее хвост, относится к пресмыкающимся. Ср. в «Лексиконе трезычном»: *плъжу*, зри пресмыкаюся (ЛТ, 2, л. 8 об.). В САР славянизм *плъжити* дан со следующим определением: «ползати на перех, пресмыкаться» (САР², 4, с. 1143), т.е. ‘передвигаться всем телом (о пресмыкающихся)’. В другом экземпляре Лексикона Влаха с рукописным переводом С. Медведева (конец XVII в.) представлено однокоренное прилагательное *плъжный* ‘пресмыкающийся’ (СРЯ XI–XVII вв., 15, с. 83). Таким образом, в рассматриваемом переводе иноязычных слов преобладает книжно-славянская лексика.

В другой словарной статье греч. φάσιδι ‘косметика (румяна, белила)’, лат. fucus, одно из значений которого ‘притирание (румяна и пр.)’, сопровождаены переводом *мазиво, белилы*. Латинское fucus присутствует еще в одной статье Лексикона Влаха, но в ней дан описательный перевод: *шаръ на лице притворный*, соответствующий толкованию Е. Славинецкого, ср.: fucus, *ша(р) на лице притво(р)ни(й)* (ЛЛ, с. 203), основным элементом которого является церковнославянизм *шаръ* ‘краска’. Как видим, в первом случае даны возможные конкретные соответствия иноязычных слов, лексема *белило* включена и в «Лексикон трезычный». Наименование *белила (белилы)* ‘краска для лица; средство для придания белизны лицу’

представлено в письменных источниках XVI–XVIII вв.: «Из свинцу делают люди *белила* и женские румянцы». Назиратель, XVI в.: «И жень в церковь в *белилах* пушать не велеть». Пам. попа Лавр. Федорова, 1656 г. (СРЯ XI–XVII вв., 1, с. 132). Второе слово *мазиво* является, по видимому, элементом народно-разговорного языка. Оно известно в современных севернорусских, в частности, в вологодских говорах в значении ‘крем для лица, косметическая мазь’, ср.: *Я мазиво купила, лицо намажу* (СВГ, 4, с. 66), а в русских говорах Карелии обозначает то, чем можно намазать, т.е. предмет: *Тут все мазиво, что на хлеб намазывают* (СРГК, 3, с. 185).

Приведём аналогичные славяно-русские переводы иноязычных слов, в которых даны наименования конкретных предметов. Греч. *λουκάκιον* ‘длинная рубашка’, лат. *indusium* ‘верхняя туника’ переведены: *рубашка, срочица, хитонъ*. Здесь наряду с русским эквивалентом присутствуют старославянизм и древний грецизм, также представленные в памятниках старославянского языка. В другой словарной статье содержатся однотипные названия инструментов с характерным для таких образований суффиксом *-л(о)*, это номинации предметов, издающих шум, бряцание, а именно *бряцало, шумило* (лат. *speritaculum* ‘погрешка’). Ср. у Славинецкого: *speritaculum, бряцало, звоно(к)* (ЛЛ, с. 148). Славянизм *бряцало* ‘приспособление для бряцания’, дериват от древнеславянского глагола *бряцати* ‘бренчать, звенеть’, в XVIII веке постепенно выходит из употребления. Ср. запись в путевом журнале за 1722–1724 гг. Ивана Унковского: «<Человек> плясал на площадке, а по его плясанию или такте били в *бряцала* или медные блюда и в бубны» (СРЯ XVIII в., 2, с. 152).

Переводчики нередко прибегали к калькированию иноязычных слов Влада, например: греч. *αδοντόλοχος*, лат. *dentium dolor*, *зубная боль, зубоболение, цынга*. Последнее слово не является эквивалентом толкуемых слов, переводчики, исходя из своих знаний о распространенных в то время зубных заболеваниях, добавили это название в славянскую часть словарной статьи. Не случайно лексема *цынга* включена в САР с подробным описанием энциклопедического характера: «Болезнь, свойственная более или обыкновенная приморским северного моря жителям, мореходцам и обитающим в болотистых и лесистых странах...» (САР², 6, с. 1217). В «Лексиконе трехязычном» присутствуют две словарные статьи: *зубная болезнь* с аналогичным греко-латинским рядом и *зубоболение* с пометой «тоже» (ЛТ, л. 126 об.).

В славянской части Лексикона Влада обнаруживается и редакторская правка, дополнения, внесённые к первоначальному переводу иноязычных слов. Так, греч. *ραβδί*, лат. *baculus*, имеющие значения ‘палка’, ‘трость, жезл’, соответственно переведены: *жезель, посохъ*. Но затем к этим словам были приписаны еще следующие: *палица, паличица, дреколь*. Из данного ряда славянских соответствий слова *дрьколь, жезель, палица* представлены в памятниках старославянской письменности как эквиваленты греческого *ράβδος* (СС, с. 221, 441).

Обратимся к следующей словарной статье, в которой лат. *tragemata* ‘лакомство, десерт’, итал. *confetture* первоначально были переданы описательно: *последняя пища на учреждении*, затем к этому были добавлены слова *закуски, прикуски*. Отглагольное существительное *учреждение* имело в церковнославянском языке значение ‘угощение’ (СЦРЯ, 4, с. 380). Последующие дополнения *закуски, прикуски*, отличающиеся разным префиксальным оформлением, как раз и называют суть такого последнего угощения-десерта, имеется в виду то, чем угощают под конец, какие-то лакомства.

Слово *закуски* употреблялось в русском языке XVIII века в значении ‘сладкие блюда, варёные в сахаре фрукты’ (СРЯ XVIII в., 7, с. 262). Однокоренное прилагательное *прикусный* ‘вкусный’ засвидетельствовано в письменных источниках XVII в., ср. в Житии Аввакума: «Лошку в руки даль и хлеба немношко и штець даль похлебаь, – зъло *прикусны*, хороши». 1673 г. (СРЯ XI–XVII вв., 19, с. 192). В Рукописном лексиконе первой половины XVIII века слово *закуски* объясняется синонимом *заедки* (РЛ, с. 112). Это слово в источниках XVIII в. обычно обозначало ‘сладости, фрукты; десерт’, ср. в Записках графа А.А. Матвеева (нач. XVIII в.): «На том столе вся была посуда серебряная богатой руки, переменялася в четыре перемены

с конфитурами, или *заедками*» (СРЯ XVIII в., 7, с. 217). Таким образом, выстраивается синонимический ряд слов *закуски, прикуски, заедки*, существовавший в русском языке XVIII столетия.

Дополнения к первоначальному переводу могли быть вызваны многозначностью иноязычных слов оригинала, например: греч. *φωλιά*, лат. *nidus, гнездо*. Славянский аналог в данном случае соответствует основному значению этих слов 'гнездо', но поскольку греческое слово имеет еще и значение 'логовище, берлога, нора', в перевод были внесены следующие дополнения: *берлога, вертеп, мерлога, нора*. Таким образом отрабатывались семантические варианты иноязычных слов и перевод расширялся, прежде всего, за счет вводимых в него новых книжно-славянских параллелей; ср. *вертеп* 'пещера', 'место обитания, укрытия': «А иже бяху постоянны в вере, тыи бежавше в горы, и пустыни кряхуся в *вертепах*». Кн. житий Дим. Ростовского, 1705 г. (СРЯ XVIII в., 3, с. 50). Кроме того, здесь обращают на себя внимание два фонетических варианта *берлога* и *мерлога*, первый является общеупотребительным, а второй отражает особенности живой разговорной речи. Вариант *мерлога* 'берлога' широко распространён в русских народных говорах (СРНГ, 18, с. 120). Поиски русских соответствий иноязычным словам, как видим, могли выходить за пределы общеупотребительной лексики.

Рассмотренные материалы нашего источника, таким образом, показывают, как осуществлялся славянский перевод иноязычных слов, лексические средства каких языковых пластов использованы в нём. Приведённые примеры несомненно отражают стремление русских переводчиков наиболее полно представить возможное число славяно-русских соответствий иноязычным словам, именно этим и объясняется наличие в славянской части Лексикона Влаха многочисленных рядов синонимичных и близкозначных слов.

Литература

1. Биржакова Е.Э. К вопросу об источниках Словаря русского языка XVIII века // Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 168–180.
2. Биржакова Е.Э. К вопросу об отражении словообразовательных процессов русского языка в двуязычной лексикографии последней трети XVIII века // Развитие словарного состава русского языка XVIII века (вопросы словообразования). Л.: Наука, 1990. С. 136–153.
3. Кутина Л.Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л.: Наука, 1980. С. 70–89.
4. Ховрина Т.К. Лексикографическая деятельность справщиков Московского печатного двора // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. V, ч. 3: Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания): Сб. 3. СПб.: Наука, 2009. С. 92–103.

Словари

ЛЛ – Славинецкий Е. Лексикон латинский // Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. Київ: Наукова думка, 1973. 541 с.

ЛТ – Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, эллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

РЛ – Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 402 с.

САР² – Словарь Академии Российской², по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л.: Наука, 1982. 367 с.

СРЯ XI–XVIII вв. – Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2019.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

СЦРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847.

УДК 811'373.213

И.Н. Хрусталёв

канд. филол. наук
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
г. Рязань, Россия

ЛОГ, ЛОЖБИНА, ЛОЩИНА, ЛОСК: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА

I.N. Khrustalev

Cand.Sci. (Philology)
Ryazan State University named for S.A. Yesenin,
Ryazan, Russia

LOG, LOZHBINA, LOSHCINA, LOSK: TO THE PROBLEM OF GENETIC KINSHIP

Аннотация. В статье рассматриваются апеллятивы-географические термины лог, лоск, лощина, ложбина, которые мотивируют многие гидронимы Поочья. Предполагается их генетическое родство и производство *лоск* от *лог*, *лощина* от *лоск* и *ложбина* от *лог*.

Ключевые слова. Лексикология, топонимия, этимология, славистика, диалектная лексика, гидронимия, гидроним, апеллятив, цветообозначение.

Abstract. The article discusses the appellatives-geographical terms log, lozhbina, loshchina, losk, which motivate many hydronyms of the Poochje. It is assumed that their genetic relationship and the production of losk from log, loshchina from losk and lozhbina from log.

Keywords. Lexicology, toponymy, etymology, Slavistics, dialect vocabulary, hydronymy, hydronym, appellative.

В данной статье нам бы хотелось провести семантико-этимологический анализ некоторых апеллятивов-географических терминов, мотивирующих русские топонимы.

Вначале рассмотрим лексему *лоск*, которая отмечается И.И. Срезневским в его словаре в значении географического термина: «лоскъ – то же, что логъ, – лощина: А изъ вражка на лоскъ. *Судн. спис. 1498–1505 г.* Лѣсом по гранемъ и по ямамъ къ лоску, да лоскомъ по гранемъ и по ямамъ къ дорозе. *Меж. гр.в. к. Ив. Вас. 1504 г.* Лоскомъ къ другому болотцю по ямам. т. ж. (въ той же грамотѣ въ др. мѣстѣ лескъ). – См. логъ» [4, т. 2, с. 47]. Данный термин служит базой для образования многих поокских гидронимов (*Лоск, Большой Лоск, Лосковой, Средний Лоск, Закурной Лоск, Гнилой Лоск* и др.).

Э.М. Мурзаев, подробно рассматривая термин *лоск*, приводит для него следующие значения: 1. ‘низменность’, ‘лощина’; ‘водосток, особенно на поймах рек’; ‘луговой лог’, ‘овраг’, ‘сухая, относительно узкая и неглубоко врезанная лощина, часто короткая с круто наклонным днищем’ для средней полосы европейской части СССР и 2. ‘морская гладь’, ‘полный штиль на Байкале’ для русского Севера и Сибири (ср. диал.; ‘водная гладь во время безветрия’, ‘гладкое место на воде среди волн’, ‘штиль на реке или на море’, а также ‘гучность, жир (животного)’ [5, вып. 17, с. 150-151]. *Лоск* во втором значении, на наш взгляд, является омонимом слову в первом и одним из значений лексемы, которое известно и литературному

языку (ср. *лоск* – ‘гладь’, ‘блеск’, ‘глянец’, ‘лак на вещи’, ‘политура’; ‘отблеск зеркальной или гладкой поверхности’ [2, т. , с. 272]; *лоск* – ‘блеск, глянец’; ‘безукоризненность внешнего вида, манер’ [1, с. 505] и диалектам. По мнению М. Фасмера и Э.М. Мурзаева, это общеславянское слово, которое представлено во всех славянских языках и актуализирует значение ‘блестеть’, ‘блеск’. Э.М. Мурзаев приводит соотносимые с географическим термином *лоск* апеллятивы в финно-угорских языках (коми. *лос* (*лоск*) – ‘сырая низина’, ‘сырой чокчоватый луг’; мар. *лаккак* – ‘яма’, ‘ложбина’; фин. *laakso* – ‘долина’; эст. *lohk* – ‘впадина’, ‘низина’), но высказывает мнение о возможности заимствования из русского языка и утверждает, что «топонимический ареал говорит об исконно вост.-слав. происхождении термина», которое все же остается неясным [3, с. 213-214]. Ю.П. Чумакова также отмечает, что убедительного истолкования этот термин до сих пор не получил [6, с.128,129]. Нам кажется, что его возможно мотивировать другим известным термином *лог* (‘балка’, ‘долина’, ‘овраг на равнине’, связано с *лежать, ложе* [3, с. 211]). Образование *лоск* возможно представить таким образом: **log-* + *-bšk(ь)* > *logьskь > *ložьskь > *лоск*, после падения редуцированных и упрощения группы согласных, так как первичным, по-видимому, у термина *лоск* было значение ‘водосток или ручей по дну лога, оврага’. Затем семантика *лоск* расширилась и данный термин стал относиться не только к водостоку, но и ко всему логу, оврагу. Э.М. Мурзаев также предлагает сопоставить *лоск* с другим апеллятивом-термином *лощина*, давая ему такое определение: «отрицательная форма нормальной эрозии с ясно выраженными днищами и склонами. Склоны от окружающих равнин отделяются заметными бровками. <...> В ряде районов говорят: лощина, ложбина, лог, не дифференцируя их специфики. В Орловской обл. лощина – «балка»; в Оренбургской обл. – «овраг». На дне лощин могут быть следы небольшого и мелкого русла, но нет постоянного течения воды». Также Э.М. Мурзаев, отмечает, что Н.М. Шанский писал о происхождении *лощина* от *лоск* [3, с. 214], что позволяет, в свою очередь, предположить следующее развитие семантики у *лощина*: ‘лог, овраг с временным водостоком (лоском)’ > ‘овраг, балка’. Очевидно, что со временем в диалектах произошла контаминация апеллятивов *лог, лоск, лощина*, этот ряд может также дополнить лексема *ложбина* (‘низкое место на поле, лугу’; ‘дно пересохшего озера или ручья’; ‘небольшой лог (овраг с пологими склонами)’ [5, вып. 17, с 107-108], которая уже, скорее всего, образована непосредственно от *лог*. В целом, указанные апеллятивы-термины образуют в говорах многочленное деривационное гнездо лексем с различными географическими значениями (*ложок, лажок, логовина, логчина, логово, облог, пролог, разлог, узлог, излог, залог, перелог, полог* [3, с. 211]; *ложевина, ложенина, ложбетинка, ложботинка, ложготина, ложготинка, ложготиночка* [5, вып. 17, с. 107-108]; *лощинка, лощиночка* [5, вып. 17, с. 170].

Таким образом, по нашему мнению, апеллятивы-географические термины *лоск, лог, лощина, ложбина* генетически родственны и образуют следующие деривационные цепочки: *лог* > *лоск* > *лощина*; *лог* > *ложбина*. По мере их употребления семантика всех лексем претерпела контаминацию и у всех них развилось практически идентичное значение – ‘отрицательная форма нормальной эрозии с ясно выраженными днищем и склонами’ [3, с. 211], то есть ‘овраг или балка с временным водостоком’.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.1–4. Т.1. 699 с. Т.2. 779 с. Т.3. 555 с. Т.4. 683с.
3. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.; Мысль; 1984. 653 с.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: Т. 1-3. М.: ГИС; 1958.
5. Словарь русских народных говоров. М.,Л. (СПб.), 1966-2016. Вып. 1-49.
6. Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1992. 170 с.

Раздел 3

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОТ СРЕЗНЕВСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

УДК 811-112"19"

В.И. Аннушкин

доктор филологических наук
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Россия

СОДЕРЖАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В ЭПОХУ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО (1830-1880)

Vladimir Annushkin

Doctor of Philology,
Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

THE CONTENT AND EVOLUTION OF PHILOLOGICAL SCIENCES IN THE ERA OF I. I. SREZNEVSKY (1830-1880)

Аннотация. В докладе рассмотрена эволюция и классификация филологических наук, начиная с доломоновской системы словесных наук и заканчивая преобразованиями, выполненными «молодыми» филологами-«языковедами» Ф.И. Буслаевым и И.И. Срезневским в 40-е годы XIX столетия. И.И. Срезневский с первых шагов в науке был прежде всего филологом-практиком, работавшим с материалом, находившим новые факты языка (как правило, в старинных текстах) и описывавшим их с позиций культуры – в сущности, он один из первых наших лингвокультурологов. Работая прежде всего со словом и над словом, он видел, понимал и предлагал к осмыслению роль и место языка в жизни народа – проблема, слабо понимаемая и невыразительно объясняемая современной наукой и педагогикой.

Ключевые слова: русский язык, филология, словесность, языкознание, риторика.

Abstract. The report examines the evolution and classification of philological sciences, starting with the Dolomonosov system of verbal sciences and ending with the transformations performed by "young" philologists-"linguists" F.I. Buslaev and I.I. Sreznevsky in the 40s of the XIX century. I.I. Sreznevsky from the first steps in science was primarily a philologist-practitioner who worked with the material that found new facts of language (as a rule, in ancient texts) and described them from the standpoint of culture – in fact, he is one of our first linguoculturologists. Working primarily with the word and on the word, he saw, understood and offered to comprehend the role and place of language in the life of the people – a problem poorly understood and expressionlessly explained by modern science and pedagogy.

Keywords: Russian language, philology, literature, linguistics, rhetoric.

История русской филологии не написана. Именно филологии, а не языкознания, в рамках которого рассматриваются прежде всего уровни языка, исследование языковой системы, по преимуществу, грамматические учения, в меньшей мере представлены исследования по лексикологии и лексикографии и почти не представлена реальная картина университетского научного образования, каким оно было в XVIII – первой половине XIX веков. Чтобы понять,

каким было это образование, необходимо внимательно изучать источники, а «историческое источниковедение», по словам академика Д.С. Лихачева, – это основа филологии, «связывающей языковедение и литературоведение» [15, с. 204].

Доломоносковская филология. Сошлось на авторитетный доклад, прозвучавший в стенах Московского университета с высокой трибуны несколько лет тому назад. В докладе всё верно: действительно М. В. Ломоносов учился по «Грамматике» Мелетия Смотрицкого 1619 года и первые плоды языкового образования получил именно из этой книги, но в тривиум гуманитарных наук входили также Риторика и Диалектика: в сборник 1620 года входят первая русская «Риторика» и «Диалектика Иоанна Дамаскина».

Если изучать историческую теорию языковедения, то мы будем иметь одну грамматику как систему языка, но если обратиться к практике речевого общения и ее описанию в теоретических сочинениях, то необходимо обратиться ко всему комплексу словесных наук и прежде всего к риторике. Затем обычно воодушевленно говорится о «Грамматике» Алодунова 1730 года, но ничего не говорится в «Истории русского языковедения» о рукописных риториках петровского времени, которые и были теорией, ориентированной на общественно-речевую практику: это «О риторической силе» Софрония Лихуда 1698 года, «Риторика» Михаила Усачева 1699 года, «Риторическая рука» Стефана Яворского 1705 года в переводе Федора Поликарпова, цикл проповеднических риторик поляка Андрея Белобоцкого, «Книга всекраснаго златословия» Козмы Афоноуверского 1710 года и, наконец, «Риторика» 1712 года старообрядцев-братьев Денисовых, которые писали и учили произносить речи-слова в Выголексинской литературной школе. М.В. Ломоносов все эти сочинения знал, а из «Риторик» Михаила Усачева прямо переописал в синонимических выражениях начальные положения «Краткого руководства к красноречию» [16, с. 23; 17, с. 91].

Система наук М.В. Ломоносова. Если возвращаться к М.В. Ломоносову, то нужно также объективно (а не в соответствии с современными классификациями!) показать его систематику наук, разобрав не только «Российскую грамматику», но внимательно проанализировать систему его филологической терминологии. А она чрезвычайно занимательна для специалиста: грамматика и риторика – «науки»; «красноречие», как об этом сказано в названии книги и определении в первых строках, – «искусство» [16]. Искусство равнозначно практике, речевому творчеству, развитию «природных дарований». Красноречие делится на ораторию и поэзию: в будущем оратория будет отнесена к «частной риторике», а поэзия – к художественной литературе, которая будет включать всё художественное, написанное прозой и стихами. И.Е. Срезневский неслучайно занимал кафедру древних языков и русского красноречия в Демидовском училище высших наук (это конец второго десятилетия XIX века). Напомним, что в Московском университете с 1761 по 1791 годы курс элоквенции читал профессор А.А. Барсов, который известен более всего по его «Грамматике», но преподавал-то он в течение тридцати лет именно курс красноречия и аналогично называлась кафедра, которую он занимал [4, с. 233-235].

М.В. Ломоносов написал только общую теорию речи, и стиль его сочинения повторяет композицию и стиль предшествующих рукописных риторик, поскольку, подобно петровским риторикам, он давал четкое определение каждому термину и приводил примеры. Конкретный же анализ прозы этого времени осуществил 30 лет спустя Амвросий Серебряников в «Кратком руководстве к оратории российской» [1].

Рождение словесности. Весь этот материал, несомненно, знал И.Е. Срезневский, преподаватель Ярославского духовного училища. Ко времени рождения его сына Измаила в 1812 году картина филологического знания стала кардинально меняться. Основным термином «словесных наук и искусств» (так назывались филологические дисциплины) стала *словесность* – термин, созданный стараниями Е.Р. Дашковой и коллектива ученых, писавших «Словарь Академии Российской» с 1783 года (издание шести томов с 1789 по 1793 годы). В конце XVIII века этот термин активно использовал Н.М. Карамзин, предлагая создать журнал «Пантеон иностранной словесности» и вставляя его в разные статьи (см. подробно в: [5]).

В первое десятилетие рождается вал кратких учебников и журналов, связанных со «словесностью», одновременно организуется множество обществ, имеющих это слово в своем названии:

1806

И.С. Рижский. Введение в круг словесности, сочиненное в Харьковском университете и служившее руководством бывших в оном 1805 года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия. Харьков: В Университетской типографии, 1806. [8], 108, IV с.

1807

А.С. Никольский. Основания российской словесности, изданы при Гос. Адмиралтейском департаменте для морских училищ. Ч. 1–2. СПб.: В Морской типографии, 1807; 2-е изд., вновь пересм. и испр., 1809; 3-е изд., 1814; 4-е изд., 1822; 5-е изд., 1823; 6-е изд., (?); 7-е изд., 1830. [10], 178 с.

Ч. 1: Грамматика. [16], 139, [3] с.

Ч. 2: Риторика. [10], 178 с.

1808

И. Борн. Краткое руководство к российской словесности. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1808. XII, 162 с.

1809

Н.Ф. Грамматин. Рассуждение о древней русской словесности. М.: В Университетской типографии, 1809. 32 с.

1810

Н.И. Язвицкий. Рассуждение о словесности вообще, изданное Николаем Язвицким. СПб.: при Имп. Ак. наук, 1810. (2) 47 с.

1811

А.С. Шишков. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. СПб.: В Типографии Ивана Глазунова, 1811. 59 с.

1812

И.М. Левитский. Курс российской словесности для девиц, содержащий в себе Риторику, основания стихотворного искусства, историю российской словесности с биографиею писателей, в одной прославившихся, и славянскую мифологию, сравненную с греческою. СПб.: Печатано в Типографии И. Байкова, 1812. В 2 т. Ч. 1. 8. XIV, 112 с.; Ч. 2. 4, 133 с.;

И.А. Гаретовский. Новый и легкий способ приготовить себя к выдержанию испытания в науках, в высочайшем указе 6-го августа 1809 года означенных, или Полный курс словесности исторических, математических и юридических наук, в простой и, сколько возможно, краткой форме предложенных, с таблицами, атласом, чертежами и картинами. М., 1812.

Ч. 1: [Словесность. – Грамматика: 1. Общая. 2. Российская. 3. Латинская. 4. Французская. – Логика]. В Университетской типографии. [8], 234 с.

Ч. 2: [Риторика и поэзия]. В Типографии А. Войскова и компании. [4], 264 с.

1813

Л.Г. Якоб. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, изданный от Главного правления училищ. СПб.: При императорской Академии наук, 1811–1817. Ч. 1–8. Ч. 6-я, содержащая умозрение словесных наук. 1813. (6) 105 с.

Словесность и литература в новом стиле жизни начала XIX века. Обратим внимание на важнейший фактор связи создания новой терминологии и вообще нового общественно-речевого стиля с политическими изменениями, всегда рождающими в русском образовании жизни существенные поновления. С воцарением молодого императора начались преобразования в общественном сознании, которые не могли не коснуться жизни «наук и художеств» (а «художество» еще в XVII веке было синонимом «науки»: «Грамматика есть художество добре глаголати», а риторика – «добре, красно и прилично...»). К этому ряду слов добавляется на первое место «словесность» и вот уже из Дружеского общества любителей изящного в 1801 году составляется Вольное общество любителей словесности, наук и художеств — литературно-общественная организация, существовавшая в Санкт-Петербурге до 1826 года.

В 1811 году создается Общество любителей русской словесности при Московском университете, сыгравшее выдающуюся роль на протяжении всей истории российского словесного образования вплоть до 1930 года и возрожденное в 1988 году. Теперь у нас существует Общество русской словесности, которое, безусловно, призвано играть значительно большую роль, нежели та, которую оно играет сегодня, собираясь лишь от съезда к съезду.

Не менее интересно было бы исследовать термин *литература*, ибо еще в конце XVIII

века в журналах писалось только о французской или немецкой литературе, и, по-видимому, мы обязаны Н.И. Гречу активным введением этого термина в российское филологическое сознание: в 1814-1816 годах он написал краткие ежегодные брошюры с «обозрением русской литературы» [8], а в 1819-1822 годах – уже фундаментальную «Учебную книгу русской словесности», включающую очерк истории русской литературы [9].

Система филологических наук в 30-е годы. В 20-е годы идет активная разработка и чтение университетских и лицейских курсов русской словесности и риторики. В 30-е годы они будут напечатаны и вместе с популяризацией будут подвергнуты критике революционно-демократической журналистикой. Между тем, систематика наук у профессора Московского университета И.И. Давыдова имеется в курсе «Чтений о словесности», где будут описаны все имеющиеся курсы:

Обобщенно система «словесности» И.И. Давыдова выглядит следующим образом:

1. Словесность существует как **наука** («постижение законов изящного в слове») и как **искусство** («творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного»).

2. Словесность как **наука** имеет свою **философию** («творящий дух в его производимости»), **историю** («явления изящного в творческих созданиях словесных»), **критику** («способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагородствование чувства изящного»).

3. К «науке» относится **объективная** словесность, которая включает 3 больших раздела: а) **теория языка**; б) **теория изящной речи**; в) **теория слога**. К области **объективной** словесности принадлежат **грамматика** и **риторика**, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу.

4. **Субъективная** словесность относится к «творчеству человеческого духа» – ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука!»): **поэзия** и **красноречие**. Разделение последних базируется на дихотомии «словесные произведения мира действительного» и «мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, духовного подражания природе в слове». Родами красноречия являются «история, философия, ораторская речь, родами поэзии – эпос, лирика, драма» [10].

Наука о Слове К.П. Зеленецкого. Кульминация этого периода – творчество ученика И.И. Давыдова, вначале магистра Московского университета, затем профессора Одесского Ришельевского лицея К.П. Зеленецкого, написавшего после четырех учебников риторики и словесности, опубликованных в Одессе в 1849 году и ставших основными учебниками Российской империи в 50-е годы XIX века, книгу «Введение в общую филологию» [11; 12]. Учебники К.П. Зеленецкого 1949 года были отредактированы И.И. Давыдовым, ставшим директором Главного педагогического института в Санкт-Петербурге, причем в первый том «Общей риторики» были анонимно добавлены главы из «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского. Весь комплекс был назван «Теорией словесности», и он претерпел не менее пяти изданий в 50-е годы – см. историю создания в статье [2].

Система наук К.П. Зеленецкого выстраивалась в соответствии с концепцией «новой Науки о Слове». Она отличалась от ломоносовских «словесных наук» переходным характером к новому языкознанию второй половины XIX века.

В этой концепции главный термин – **слово**. «Сколько же форм представляет нам собою **слово человеческое?** ... Необходимые формы слова суть: *речение, предложение, период и речь*, сия последняя – в смысле полного, устного или письменного изложения. Само собою разумеется, что сии формы находятся в органической зависимости между собою и составляют одно здание **науки о слове**. Таким образом, из частей сей последней *лексикология* объемлет собою значение, образование и свойства речений; *грамматика* – значение, состав и изменения предложений; *синтаксис* – периоды, в их значении, составе, разделении и проч.; наконец, *реторика* имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении предложений, в логическом расположении ее частей, словом в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто-реторических условиях и свойствах» [2, с. 11; 5, с. 312-313].

Риторика – часть общей науки о Слове. «Реторика всегда предметом своим имела

расположение и выражение мыслей, именно с целью их письменного изложения. Следовательно, речь, как полное выражение мысли со всех ее сторон, составляла постоянный, исконный предмет нашей науки».

Итак, «речь», согласно К.П. Зеленецкому, является «формой слова» и такими же «формами» являются и период, и предложение, и «речение» как отдельное понятие.

***

Эта система наук была решительно критикована передовыми филологами и революционно настроенными журналистами. Наступала эпоха решительных преобразований: в языкознании такими преобразователями стали Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский, в теории и истории словесности – А.Д. Галахов, предлагавший в «Исторической хрестоматии» изучать современных литературных авторов [7].

На подступах к преобразованиям «языка» И.И. Срезневским и Ф.И. Буслаевым. Середина XIX века – время решительных преобразований в филологическом образовании России. Время «словесных наук» и словесности как «совокупности всех произведений, словесности», когда, по Н.Ф. Кошанскому и К.П. Зеленецкому, в «Частной риторике» преподаются и правила написания разных видов писем, и историческая и художественная проза, и все виды ораторства, и ученые и учебные сочинения, заканчивается. **Начинается период науки языкознания и словесности как литературно-художественного творчества.**

Языкознание овладевает умами учёных. В «Теории словесности» К.П. Зеленецкого имеются первые ссылки на новую науку «лингвистику» и переориентация, случающаяся обычно в русской жизни с воцарением нового императора, приводит к тому, что из состава преподавания после 1855 года выводится риторика, но из нее сохраняется учение о композиции и стиле: термины «описание», «повествование», «рассуждение» – всё это взято из «Общей ретирики» Н.Ф. Кошанского [14]; в учение о стиле включаются из предшествующих учебников ретирики и словесности разделы, касающиеся выразительности речи (метафорики, стилистического синтаксиса).

Ровесники Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский (оба родились в 1812 году) – создатели нового стиля и провозвестники новой эпохи в русской филологической науке. Принципиально изменилось само **отношение к языку**. Внимательный анализ термина «язык» в сочинениях филологов-словесников говорит о том, что язык до этого рассматривался прежде всего как средство создания и реализации устной речи. Например, возможным было словосочетание «ораторский язык», но «литературный язык» – бессмыслица, потому что язык – это «снаряд во рте» как средство создания «изустной» речи, литера же – это речь письменная или литературная...

Н.И. Греч писал в «Чтениях о русском языке»: «Язык, дар слова, или способность выражать звуками голоса движения и действия душевные...» И далее: «Человек говорит, потому что он мыслит» [9, с. 10]. Эту начальную формулу Н.И. Греча повторит Н.Ф. Кошанский в «Общей ретирике» и «языку» ответит «ограниченную» роль: «Языки или *дар слова* (vox articulata) есть дар *свыше*, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных и благоволил, чтобы человек сам образовал сию способность, руководствуясь нуждами, разумом, природой.

Язык значит ныне изустное употребление дара слова или, хотя и письменное, но писанное для удовлетворения *первой* нужды человека сообщать мысли и чувствования другому. Область *языка* ограничивают ныне знанием *грамоты* и, может быть, *грамматики*, и употреблением *безыскусственной прозы* – первым, необходимым образованием человека.

Литература значит ныне произведение языка, утвержденные *письменами* и, может быть, *печатанием* как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие *второй потребности* человека – просвещению ума, наслаждению вкуса» [14, с. 144].

Все эти классики словесности и ретирики превозносят **слово** не просто как стилистически возвышенный феномен реализации речи и языка в значении совокупности текстов культуры. Слово для них «логосично», и хотя явно об этом не пишут, но слово,

понимаемое как «самый совершенный подарок Бога человеку» (Н.В. Гоголь), как главная характеристика человека («творения словесного») – это как бы общее место в гуманитарном образовании первой половины XIX века, отчего и все науки назывались «словесными». Вот как И.И. Давыдов писал об этом в плане первой лекции «Чтений о словесности»: «Необходимость дара **слова** для развития ума и его совершенствования. Врожденное стремление человека к раскрытию идеи изящного в **слове**... **Слово** составляет важнейшее орудие, посредством которого человек содействует счастью ближнего. Успехи мышления зависят от выражения и сообщения мысли в **слове** [Давыдов 1837–43: 344].

Язык – русский язык – родной язык. Реформа Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского в области филологических наук состояла в том, что они решительно начали писать о **языке** – «русском» и «родном». И именно в это время начинает активно вводиться термин «**языкознание**», а в гимназиях преподаваться именно **родной русский язык**, а не просто «грамматика» и «риторика»: «Родной язык есть неистожимая сокровищница всего духовного бытия человеческого». Ф. И. Буслаев ставит две основные задачи методики: «...чтобы определить преподавание языка, надобно, во-первых, определить самый предмет, т.е. **языкознание**, и, во-вторых, показать, каким образом этот предмет должен быть средством к воспитанию и каким образом довести учащегося до основательного знания и сознательного действия» [6, с. 51].

Фундаментальный принцип Ф.И. Буслаева сводится к тому, что «все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя» – разве в этом не видим основные принципы сегодняшнего нашего преподавания филологических дисциплин? Курс родного языка, по Ф.И. Буслаеву, строится следующим образом: усвоение правописания, начальные упражнения в переводах, ознакомление с переложениями древних памятников отечественной литературы, усвоение содержания текстов литературных произведений; написание собственных сочинений учащихся.

С середины 50-х – начала 60-х годов филологическое образование в России было перестроено: вместо тривиума **грамматика – риторика – поэтика**, охватываемого общим термином **словесность**, сложилась новая конфигурация: **языкознание** (как грамматическое учение) – **теория словесности** (по преимуществу художественной литературы) – **история словесности (история литературы)**. В сущности, этот тривиум сохранился доньше с заменой «словесности» на «литературу».

В чём видится величие и значимость фигуры И.И. Срезневского как выдающегося филолога-слависта, державшего руку на пульсе актуальных задач своего времени?

Величие И.И. Срезневского – не в построении заумных схем или создании новой терминологии, к чему нас постоянно подталкивает требование квалификационных органов непременно представить «новизну» сделанного, а в искреннем и постоянном исследовании «источников» (это честная филологическая работа!), изучении реального «употребления языка». Они (И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев) не занимались нормализацией языка и не выстраивали рекомендаций к пользованию речью, но самим описанием письменных памятников старославянского и древнерусского языков способствовали устроению современной им филологии.

Язык, безусловно, рассматривался И.И. Срезневским как средство благоустройства народной жизни и мироустройства в целом. Очень интересно (и это научная задача) – исследовать терминологию его «Мыслей об истории русского языка» [18], которые во многом сродни языку его ровесника Ф.И. Буслаева. Они и произнесены были впервые в 1849 году на торжественном акте Императорского Петербургского университета. Мы, к сожалению, не изучаем научного стиля наших великих предшественников, а между тем, стилевые новации как раз всегда характеризуют выдающихся ученых. И Ф.И. Буслаев, и И.И. Срезневский начинают писать свои научные сочинения распространенно-художественно, явно испытывая влияние художественных литераторов – обратим внимание хотя бы на пространные абзацы обоих, абсолютно нехарактерные для абсолютной научно-учебной литературы.

Мысль И.И. Срезневского развивается так, что вы не чувствуете терминологического

насилия над читателем, которое свойственно современным научным сочинениям. Хотя терминология – главное стилистическое свойство научной речи, но в «Мыслях об истории русского языка» И.И. Срезневского ее можно пересчитать по пальцам. И прежде всего это – сам термин «язык». Он определяется как тема сочинения. Утверждая, что она есть, эта русская наука, автор пишет, что есть у нас как у народа, обладающего сильным духом, своеобразностью, любовью к знаниям, образованностью, – «своя народная наука». Собственно второй выделяемый термин – «народ». И далее как раз два основных значения термина «язык»: «...и мы, русские, вместе с другими славянами искони соединили в одном слове "язык" понятие о говоре народном с понятием о самом народе». Вновь мы вернулись к изначальной идее о том, что язык – дар слова в смысле «говорения» и языком назван в старославянском сам народ.

Здесь интересное наблюдение: в фольклоре нет значения языка как «народа», потому что в донациональном состоянии народа, когда нет ещё письменности, язык есть только средство устного общения и правил «живой» речи – обратим внимание, что впоследствии теоретики-музыкословцы начала XX века будут под «живым словом» понимать только устную речь, противопоставляя ее письменной, «идеографической». Устный язык нужен только для народной риторики, поэтому ни в пословицах, ни в песнях вы не обнаружите «дванадцати языков» и «вскую шаташася языцы...»

Эта преданность «языку», переориентация на «языкознание» – характерная черта принципиального изменения, которое претерпела филологическая наука, начиная с 40-х и продолжая в 60-е годы. Ф.И. Буслаев будет писать «О преподавании отечественного языка» (1844), И.И. Срезневский прочитает доклад «Мысли об истории русского языка» в Петербургском университете в 1849 году, в 1860 году напишет «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» (1860). Очевидно, что сочинение написано по наблюдениям за собственными детьми.

Итак, везде – язык, язык, язык!!! Очень интересно было бы исследовать терминологическое сочетание «живой язык», как и «живое слово». С него начата книга: «Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа, по закону природы, должен пользоваться, воплощая его в себе, воплощая в нём все силы своего духа. Человеку не врождено знание родного языка, и потому оно должно быть им приобретаемо посредством изучения» [18, с. 6].

У наших классиков – минимум терминологической зауми. Вот И.И. Срезневский пишет о необходимости знания родного языка как важнейшего условия образования каждого человека и образованности народной вообще [18, с. 12]. При этом он выделяет знание внутреннее («знание про себя, для удовлетворения внутренних требований ума познающего – знание слов и знание сочетаемости слов») и внешнее («знание для других, для удовлетворения требований и ожиданий их ума»). Последнее предполагает (и это можно назвать терминологией):

1. «Уменье пользоваться словами;
2. Уменье соединять слова в цельные выражения для верной передачи своих мыслей и чувствований другим;
3. Уменье внятно, правильно и красиво выговаривать и слова отдельно и связанные выражения мыслей;
4. Уменье писать...» [18, с. 13].

Этот перечень целиком повторил **риторический канон требований к стилю речи**: лексика (слова) – синтаксис (соединение слов) – произношение (выговаривание слов). Ценность методологии И.И. Срезневского, основанной на любви и преданности русскому языку, в том, что он занимался именно «живым языком», «употреблением языка». Он, кстати, нигде не использует термина «речь», для него главное, как говорил Ю.В. Рождественский, «связать язык». Современная филология (русистика) имеет, как мне кажется, подобные примеры. Академик В.Г. Костомаров в последней книге «Стилистика, любовь моей жизни...» определял стилистику как «науку об употреблении языка», поэтому более всего исследовал

практику языка и осторожно высказывался о том, что он не видит необходимости в различении сосюровских феноменов *язык – речь – речевая деятельность* [13], хотя А.А. Леонтьев был его ближайшим другом. И затем В.Г. Костомаров будет везде писать о языке «родном», «материнском», «благоприобретенным» и т.д. «Язык», «русский язык», «родной язык» – «одна, но пламенная страсть...» – совсем, как у Измаила Ивановича Срезневского.

Литература

1. Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778; 2-е изд. М., 1791.
2. Аннушкин В.И. Классик русской филологии, профессор Одесского Ришельевского лицея Константин Петрович Зеленецкий (1812–1858) и проблемы современного филологического знания // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одеса: Астропринт, 2014. № 21. С. 8–14.
3. Аннушкин В.И. Первая русская риторика XVII века: Текст. Перевод. Исследование. 2-е изд., испр. и доп. М.: Добросвет, 2006. 368 с.: 8 ил.
4. Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2003. 397 с.
5. Аннушкин В.И. Русская словесность: история и современность. М., ФЛИНТА, 2022. 188 с.
6. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., Издательство Юрайт, 2019. 266 с. (Печатается по изданию 1941 г.)
7. Галахов А.Д. Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей / Сост. А. Галахов. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Семена при Имп. медико-хирург. акад., 1843.
8. Греч Н.И. Обзорение русской литературы 1815 и 1816 годов / Написанное, по поручению начальства Императорской Публичной библиотеки, Николаем Гречем. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1817. [2], 34 с.
9. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской словесности. СПб., 1819–1822.
10. Давыдов И.И. Чтения о словесности. Курс 1. Введение. Язык. Речь. Слог. М., 1837. 2, XXX, 259 с.
11. Зеленецкий К.П. Курс русской словесности для учащихся. I. Общая риторика. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. 2, 138 с.; Он же. Курс русской словесности для учащихся. II. Частная риторика. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. 173 с.; Он же. Курс русской словесности для учащихся. III. Пиитика. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. 190 с.; Он же. История русской литературы для учащихся. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. 236 с.
12. Зеленецкий К.П. Введение в общую филологию. Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1853. [4], 148 с.
13. Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни. СПб.: Златоуст, М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. 184 с.
14. Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013. 320 с.
15. Лихачев Д.С. Об искусстве слова и филологии // О филологии. М., Высшая школа, 1989. 208 с.
16. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. М; Л., 1952. Т. УП. С. 89-378, 805-839.
17. Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике. ПСС. М.-Л., 1952. Т. VII. С. 19-79, 790-800.
18. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. Изд. 2-е, стер. М., URSS,

КомКнига, 2006. 133 с.

19. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. Из бесед И.И. Срезневского. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1899. 185 с.

УДК 81'373.612.2

Lukáš Gajarský

канд. филол. наук

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Словацкая республика

Andrea Grominová

канд. филол. наук

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Словацкая республика

Е.Н. Бекасова

доктор филол. наук

Оренбургский государственный педагогический университет

Оренбург, Россия

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАЦКОЙ АУДИТОРИИ

Lukáš Gajarský

Cand.Sci. (Philology)

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Trnava, Slovenská republika

Andrea Grominová

Cand.Sci. (Philology)

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Trnava, Slovenská republika

E.N. Bekasova

Doctor of Philology

Orenburg state pedagogical university

Orenburg, Russia

TO THE ETYMOLOGICAL ASPECT OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO SLOVAK STUDENTS

Аннотация. Русский и словацкий языки, согласно последним типологическим исследованиям лексико-семантических систем славянских языков, имеют существенные связи, которые в их преподавании как иностранных позволяют проследить взаимосвязи между формой слова и его значением. Вследствие этого освоение студентами семантического пространства языка, находящегося в близких генетических и типологических связях с родным, обуславливает обращение к внутренней форме слова, что способствует выявлению, с одной стороны, тождественных в обоих языках лексических единиц, а с другой стороны, – групп лексикона, демонстрирующих ту или иную степень близости и расхождений, вплоть до явлений энантиосемии.

Ключевые слова: словацкий язык, русский язык, праславянский язык, лексико-семантическая система, этимологический анализ, энантиосемия.

Abstract. According to recent typological studies of lexical-semantic systems of Slavic languages, Russian and Slovak languages demonstrate significant similarities. In the process of teaching Russian language to Slovak students these similarities allow them to trace the relationship

between the form of a word and its meaning. Consequently, students' acquisition of the semantic space of the foreign language, which is in close genetic and typological relation with their mother tongue, determines the internal form of the word, which contributes on one hand to correct identification of the meaning, and on the other hand, to incorrect identification as there are words whose similarity may be misleading.

Key words: Slovak language, Russian language, Proto-Slavic language, lexical-semantic system, etymological analysis, enantiosemy.

После необходимой активизации рассмотрения проблем дистанционного обучения, в том числе и в период безальтернативного онлайн-образования, настало время возвращения к тем аспектам преподавания дисциплин, которые были актуальны и до пандемии. Однако активная цифровизация определённым образом отразилась на всех аспектах преподавания, поэтому отход от дискуссий о плюсах и минусах дистанционного обучения перешёл в определённое русло обсуждений содержательной и методической сторон преподавания в сложившихся обстоятельствах. При этом крушение потерпели как сторонники всеобщей и беспредельной цифровизации с призывами отказаться от традиций педагогики Я.А. Коменского, с провозглашением беспредельной самостоятельности учащихся (*когда хочу – где хочу – как хочу*), с требованиями привычного онлайн-развлечения от учебных занятий под вывеской обязательного технического прогресса всего человечества, так и противники, которые не смогли устоять под давлением не только объективной реальности, но и некоторых перспектив открывшегося формата в учебном процессе.

В связи с этим следует согласиться с мнением В.И. Супруна о том, что «абсолютных рецептов преодоления отчуждения, непонимания между аборигенами и иммигрантами цифрового мира не существует, изменяющийся мир постоянно выдвигает новые запросы к преподавателю, стремящемуся сохранить и поддержать интерес студента к предмету [14, с. 16]. Действительно, «воплотившись в реалии всей образовательной системы неожиданный онлайн-эксперимент позволил выявить новые возможности использования учебного материала в необходимых онлайн-формах» [3, с. 77], и при этом необходимо, с одной стороны, сохранить личностную составляющую образования, что за всю историю человечества было его важнейшей частью, а с другой стороны, при использовании *технологических и методических возможностей образовательных платформ* избежать геймификации учебного процесса. В этом плане считаем необходимым вернуться к тому, что было актуально и для традиционного преподавания, в частности к проблемам интенсификация учебного процесса, особенно на уровне так называемых аудиторных (контактных) часов, которые призваны дать не только теоретический вектор изучения той или иной дисциплины, но и указать основные направления практической и самостоятельной работы студентов.

Одной из возможностей раскрыть внутренний потенциал лингвистических дисциплин, направленных на изучение русского языка в словацкой аудитории, является усиление этимологического аспекта в осмыслении и систематизации языковых фактов. Следует согласиться с И.И. Срезневским в плане признания этимологии «осторожной» наукой по сложности доказательств сходства языков при обращении к внутренней форме слова [12, с. 23] и одновременно весьма значимой для изучения языка, поскольку она способствует выявлению, с одной стороны, тождественных в обоих языках лексических единиц, а с другой стороны, – групп лексики, демонстрирующих ту или иную степень близости и расхождений, вплоть до явлений энантиосемии.

На наш взгляд, весьма перспективным является использование этимологического потенциала русского и словацкого языков, которые согласно последним типологическим исследованиям лексико-семантических систем славянских языков имеют существенные связи. Вследствие этого освоение студентами семантического пространства языка, находящегося в близких генетических и типологических связях с родным, обуславливает необходимость последовательного и системного обращения к частичному и полному этимологическому анализу лексических единиц.

Считаем такой подход целесообразным, том числе в плане проводимых нами исследований, так или иначе касающихся сходств лексико-семантических систем словацкого и русского языка, особенностей сохранения и изменения праславянского наследия [1; 2]. В соответствии с этим целью данной статьи является определение основных направлений этимологического сопровождения курсов лингвистических дисциплин образовательной программы по кафедре русистики Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Реализация данной цели возможна в связи с тем, что сопоставление особенностей развития русского и словацкого языков достаточно продуктивно, несмотря на то, что они относятся по генетической классификации к разным ветвям, имеют разный ареал распространения и значительно отличающуюся историю литературной страты.

Для целей и задач предлагаемого исследования следует учитывать, что в системах современных славянских языков четверть активного запаса лексики относится к праславянскому фонду, который в силу синкретичности лексических единиц имел тот значительный потенциал, который способствовал раскручиванию «спирали-пружине» семантического синкретизма от «своего плоского состояния» до различных состояний «растяжения» и многочисленных результатов «разложения» [11, с. 41-42], представленных на уровне текста и системы. Как правило, дальнейшее расширение праславянского наследия шло «за счёт собственных ресурсов путём суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий» [13, с. 26].

Более того, объединенные общим праславянским наследием словацкий и русский литературные языки при всех хронологических и социально-исторических различиях, обладают значительной лексико-семантической близостью. В частности, И.А. Меркулова, представляя типологию лексико-семантических систем 14 славянских языков, доказывает особенно близкие связи с белорусским, македонским и словацким языками, «что подтверждает имеющиеся на этот счет мнения о лексической близости этих языков» [9, с. 200]. Иными словами, при различных классификациях и объективных характеристиках словацкого и русского языков можно утверждать, что между ними, несомненно, имеется достаточно отчётливые точки соприкосновения, обусловленные «наличием глубокой исторической памяти у большого параметрического ядра лексики славянских языков» [9, с. 208].

Именно такие особенности лексического состава русского и словацкого языка определяют соответствующие подходы к изучению русского языка в университете им. св. Кирилла и Мефодия в Трнаве. Несмотря на то, что у словацких студентов необходимо сформировать прежде всего коммуникативную компетенцию, лексическая и семантические компетенции становятся тем базовым компонентом, без которого невозможно представить знания и умения использования собственно языковых средств. Поскольку освоение лексического состава изучаемого языка невозможно без осмысления соответствующих явлений в родном языке, то в преподавании родственного славянского языка как иностранного необходимо в той или иной степени опираться на праславянский лексический фонд. Такой подход нам кажется продуктивным, поскольку, с одной стороны, позволяет выявить тождественные в обоих языках лексические единицы, с другой – группы лексики, демонстрирующие ту или иную степень близости и расхождений.

Следует согласиться с аргументами Н.В. Макшанцевой, что при освоении иностранцами семантического пространства языка важными являются приёмы апелляции к внутренней форме слова [8, с. 741]. Более того, Н.Н. Николина утверждает необходимость использования сравнительно-этимологического метода и этимологического комментирования при изучении иностранного языка, особенно студентами неязыковых вузов и указывает на привлечение данных методов и приёмов при интегрированном изучении языков и составлении современных учебников и делает вывод о том, «что обращение к сравнительно-этимологическому методу в процессе обучения иностранным языкам способствует более эффективному развитию у обучающихся лингвистической компетенции в иностранных и родном языках. Тем не менее можно говорить лишь о частичном обращении к данному методу, еще не получившему должной разработки в современной лингводидактике» [10, с. 202].

Безусловно, применение в учебных целях этимологического анализа базируется на лингвогенетическом методе, определяющем генетику анализируемых языковых элементов и их соотношение в славянских языках, единство которых, как справедливо утверждает Т.И. Вендина, «своими корнями уходит в праславянскую эпоху», поскольку «сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма определяется общим механизмом эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую» [4, с. 61].

Изучение русского языка в словацкой аудитории предоставляет большие возможности для прослеживания лексико-семантических взаимосвязей в процессе межъязыкового сопоставления. По образному выражению Т.И. Вендиной, в славянских языках имеются значительные совпадения, потому что «одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотно покрывая всю территорию Славии, они образуют так называемые системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-ь*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др.)» [4, с. 62]. Убедительно также другое сопоставление «так называемых безусловно общеславянских слов» [7, с. 31] с их представленностью в русском и словацком литературных языках, ср.: *небо – nebo*, *море – more*, *облако – oblak*, *земля – zem*, *человек – človek*, *люди – ľud*, *народ – národ*, *смех – smiech*, *плачь – plač*, *мясо – mäso*, *рыба – ryba*, *мёд – med*, *вода – voda*, *суша – súš*, *лес – les* (здесь и далее примеры из [6]) и др.

Имеются некоторые расхождения в оценке праславянских слов, например, в русском языке под влиянием церковнославянского языка некоторые из них получили статус церковнославянизмов с определенной стилистической окраской, но сохранились в словацком языке, ср.: *око (очи) – oko* ‘глаз’; *перст – prst* ‘палец’, *чело – čelo* ‘лоб’, *длань – dlaň* ‘ладонь’, *перси – prsia* ‘грудь’. Прослеживаются и различия в использовании общеславянского наследия в русском и словацком языках, ср.: *болезнь – choroba*, *бессонница – nespavosť*, *толпа – dav*, *горе – žiaľ*, *язва – vred*, *жар – horúčka*, *одышка – záduch*, *рука – räteno*, *жизнь – život* и под. Следует подчеркнуть безусловность использования того семантического синкретизма, который был свойствен праславянскому слову. В частности, многозначность значения древнерусского слова *чърствъ* ‘твердый; сухой, черствый; безупречный; ясный; значительный’ в русском литературном языке распалась, оставив только значения ‘твёрдый, сухой’ и переносное ‘бездушный’. В западнославянских языках развёртываются другие, метонимически связанные с древнерусскими значения, – ‘свежий, бодрый’, ср.: *čerstvý – 1 (nie starý)* свежий; ~ *chlieb* свежий хлеб; ~ *á zelenina* свежие овощи; ~ *é vajcia* свежие яйца; ~ *é mäso* свежее мясо ~ *á stopa* свежий след; ~ *dojem* свежее впечатление; ~ *vzduch* свежий воздух. 2 (*nie unavený*) живой, бодрый; ~ *á myseľ* живая мысль.

Надо отметить, что для словацкого языка более свойственно сохранение праславянских форм уже на самом раннем этапе сложения словацкого литературного языка, что наблюдалось при так называемой «скобочной практике», где при новом слове в скобках пояснялось его значение за счёт окказионализмов родного языка (типа *teleskon – d'alekohľad*, *философия – tudroslovie*, *хирургия – ranárstvo*, *лингвистика – jazikoslovia*, *jazikospit*, *jazikoznanstvo*), что в целом сохранился и в современном словацком языке, например: *устопия – dejepis*, *тротуар – chodník*, *суфлёр – šepkár*, *естествознание – prírodopis* и др. Как отмечает Т. Григорянова, тенденция предпочтения ресурсов собственного языка прослеживается и в современных условиях активного заимствования из английского языка, при этом в словацком языке активно используется «общеславянский элемент» [5]. И в этом случае необходима определённая работа с теми словами русского языка, которые пришли на смену общеславянским словам, сохранившимся в славянском языке в своём разнообразии, например: *zemeřán – помещик*, *zemeřis – география*, *zemeřisár – учитель географии*, *zemeřisec – географ*, *zemiak – картофель*, *zemiakárstvo – картофелеводство*, *zemetegula – Земной шар*; *životopis – биография*, *životospráva*

– режим питания, *životnosť* – срок эксплуатации, *živnosť* – (малое) предпринимательство, *živnosťník* – (мелкий) предприниматель и под.

Следует обратить внимание студентов на бесконечные возможности праславянского достояния, которое по-разному используется русским и словацким литературными языками, ср.: *самолёт* – *lietadlo*, *овоци* – *zelenina*, *дичь* – *divina*, *гвоздь* – *klincec*, *гвоздика* (*цветок*) – *klínček*, *приглашение* – *rozvánka*, *зритель* – *divák*, *одеяло* – *prikrývka*, *пирожное* – *zákusok*, *занято* – *obsadené* и др.

Безусловно, такая переработка праславянского наследия, развёртывания заложенных в слове-синкрете смыслов, их трансформация и переосмысление в зависимости от увеличения однокоренных образований и их расхождений в итоге может привести к парам, семантика которых заключает противоположность внутри себя и характеризуется наличием типа *zapaх* – *voňa*. Семантическое развитие «общеславянского элемента», которое приводит в том числе и к энантиосемии, требует особого рассмотрения при изучении русского языка. В связи с этим были отобраны соответствующие русско-словацкие пары, которые содержат различные типы расхождения смыслов, вплоть до явлений энантиосемии, ср.: *заставка* (*vineta*) – *zastávka* (остановка); *заступ* (*rýľ*) – *zástup* (толпа); *затрамуть* (*vynaložiť*) – *zatratiť* (проклять); *изба* (*dom, chalupa*) – *izba* (комната); *устан* (*poriadok*) – *ústav* (институт); *магазин* (*obchod*) – *magazín* (журнал); *утеха* (*zábavka, hra*) – *útecha* (утешение); *купель* (*krstiteľnica*) – *kúpeľ* (ванна); *лепить* (*modelovať*) – *lepíť* (склеивать); *лекция* (*prednáška*) – *lekcia* (урок); *фаара* (*reflektor, svetlo*) – *fara* (дом священника); *базар* (*trh*) – *bazár* (комиссионный магазин); *спор* (*debata, diskusia*) – *spor* (раздор); *освоить* (*kultivovať, obrobiť*) – *osvojiť* (усыновить) и под.

Многие из этих слов можно отнести к так называемым «ложным друзьям переводчика», которые могут стать причиной недоразумений и неудобств для носителей родственного языка, например: *ночник* (*nočná lampa*) – *nočník* (горшок); *начерно* (*nanečisto*) – *načierno* (незаконно); *оплатить* (*zaplatiť*) – *oplatiť* (отомстить); *отборный* (*výberový, elitný, vybraný*) – *odborný* (специальный); *станция* (*dedina, osada*) – *stanica* (станция); *сливку* (*smotana*) – *slivky* (сливы); *учёт* (*inventúra*) – *účet* (счёт); *вылет* (*štart*) – *výlet* (экскурсия) и под.

Указанные направления в использовании этимологического анализа и приведённый материал являются наглядным примером того, как каждый из языков по-своему распоряжается наследуемым общим достоянием в зависимости от особенностей становления и развития литературной страты и определённых ориентаций в языковом строительстве.

Праславянское наследие с полным правом можно охарактеризовать как не знающую государственных границ «материю», которая «не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы “мерцающий свет” старых» [4, с. 67]. И в этом отношении этимологические аспекты изучения двух типологически близких в лексико-семантическом плане русского и словацкого языков дают широкие возможности межъязыкового сопоставления.

Как показывает практика, сопоставительное изучение и этимологическое комментирование позволяют выявить не только различия мотивационных моделей и специфику переработки общего для славянских языков первичного концептуального смысла, но и направления развития литературных языков, что необходимо знать для успешного изучения иностранного языка.

Таким образом, этимологическое сопровождение изучения славянского языка позволяет повысить качество и эффективность усвоения не только лексико-семантической, но и словообразовательной, грамматической и отчасти фонетической систем, даёт возможность интенсифицировать учебный процесс, что чрезвычайно важно в современных условиях изоляции во время коронавирусной эпидемии. Этимология как действенный внутренний ресурс двух весьма близких в генетическом и типологическом плане лексических систем демонстрирует сложные лексико-семантические корреляции словацкого и русского языков и то семантическое «раскручивание» некогда свёрнутых в единую спираль праславянских семантических значений, которые подчёркивают не только их универсальность, но и

национальную специфику, что является теоретически и прагматически важным при изучении иностранных языков.

Литература

1. Бекасова Е.Н., Gajarský L. «Общеславянский элемент» как фактор развития славянских литературных языков. // Уральский филологический вестник // Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 22-23 апреля 2016. Вып. 2. / Гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2016. 336 с.
2. Бекасова Е.Н., Gajarský L., Grominová A. Праславянский потенциал в развитии славянских языков и его роль в преподавании русского и словацкого языков как иностранных / Е.Н. Бекасова, L. Gajarský, A. Grominová // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин: сборник научных статей / под редакцией В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2021. С. 40-46.
3. Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. Стратегии преподавания дисциплин историко-лингвистического цикла в русле онлайн-обучения // Русский язык в современном онлайн-образовании: Сборник материалов международной научной онлайн-конференции / [10+] Под ред. В.И. Супруна. Волгоград: Издательство ООО РА «Фортесс», 2020. С. 75-86.
4. Вендина Т.И. Праславянская лексика на перекрётках времени и пространства // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. редактор С.М. Толстая. М.: ИСл РАН, 2018. С 60-81. DOI: 10.31168/0417-6.1.4.
5. Григорянова Т. Anglijskie zaimstvovanija v ruskom i slovackom jazykach // Acta Rossica Trnaviensis : zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. 1. vyd. Brno: Tribun EU, 2014. S. 40-48.
6. Коллар Д., Григорянова Т. Slovensko-ruský slovník I-II. Vydalo: ASAP-translation.com, s.r.o. Edícia: eBook.sk, Rok vydania, 2011. 1513 с.
7. Львов А.С. Изучение праславянского слоя старославянской лексики // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. 1975. Выпуск 1. Славянская историческая лексикология (книжная и народная лексика в истории славянских литературных языков). М.: Наука, 1975. С. 30-34.
8. Макшанцева Н.В. Освоение семантического пространства русского языка иностранцами // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Барселона, 2018. С. 736-743.
9. Меркулова И.А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. 255 с.
10. Николина Н.Н. Применение сравнительно-этимологического метода в изучении иностранных языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10. Ч. 3. Тамбов: Грамота. С. 201–203.
11. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.
12. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка / Вступ. ст. С.Г. Бархударова. М.: КомКнига. 2007. 136 с. (История языков народов Европы).
13. Супрун А.Е., Скорвид С.С. Славянские языки // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 12-28.
14. Супрун В.И. Цифровизация и онлайн-обучение // Русский язык в современном онлайн-образовании: Сборник материалов международной научной онлайн-конференции / [10+] Под ред. В.И. Супруна. Волгоград: Издательство ООО РА «Фортесс», 2020. С. 12-20.

**И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И В. ЯГИЧ
(ЭПИСТОЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ)**S.I. Jordanidi
Doc.Sci. (Philology)
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia**I.I. SREZNEVSKY AND V. YAGICH
(EPISTOLARY HISTORY)**

Аннотация. В статье представлены результаты изучения переписки И.И. Срезневского и В. Ягича, начавшейся по инициативе хорватского ученого. Переписка продолжалась с 1865 по 1878 гг. Как явствует из писем, И.И. Срезневский оказывал В. Ягичу бескорыстную неоценимую помощь в решении ряда проблем научного, карьерного и бытового характера: снабжение академическими изданиями, содействие в избрании в 1867 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук, трудоустройством В. Ягича в Новороссийском университете, поиски жилья в Санкт-Петербурге и мн.др.

Ключевые слова: переписка, И.И. Срезневский, В. Ягич, неоценимая помощь.

Abstract. The article presents the results of studying the correspondence of I.I. Sreznevsky and V. Yagich, which began on the initiative of the Croatian scientist. Correspondence continued from 1865 to 1878. As is clear from the letters, I.I. Sreznevsky provided V. Yagich with disinterested invaluable assistance in solving a number of problems of a scientific, career and everyday nature: the supply of academic publications, assistance in the election in 1867 of a corresponding member of the Imperial Academy of Sciences, employment of V. Yagich at Odessa University, search for housing in St. Petersburg and many others.

Keywords: correspondence, I.I. Sreznevsky, V. Yagich, invaluable help.

Ватрослав Ягич (1838–1923 гг.) (в России его называли Игнатием Викентьевичем), выдающийся филолог-славист, лингвист, палеограф, археограф, Академик Петербургской Академии наук, один из крупнейших издателей древних памятников и экспертов в области славянского языкознания, эпистолярное и мемуарное наследие которого составляет особую страницу в истории славяноведения. Он поддерживал переписку со многими российскими учеными, и большая часть этой переписки была опубликована: в 1947 г. – переписка с А.А. Шахматовым, в 1963 г. вышел в свет прекрасно изданный том «Письма И.В. Ягича к русским ученым (1863–1886)» с тщательно выполненным справочным материалом и переводами на русский язык писем Ягича на хорватском и немецком языках, в Хорватии – сборник «Корреспонденция Ватрослава Ягича», содержащая в себе часть писем русских ученых Ягичу, «Документы к истории славяноведения в России» (1850–1912). Разумеется, не все письма сохранились, другая часть до сих пор не опубликована. Эти документы представляют для нас огромный интерес не только потому, что здесь отражены взгляды и впечатления автора о различных сторонах жизни России, но и животрепещущие проблемы, касающиеся широкого спектра вопросов научной организации славяноведения на территории Славии, размышления об опубликованных работах и просто человеческие контакты с представителями научного сообщества. Особое значение письма Ягича имеют в том отношении, что здесь довольно часто содержатся подробные и иногда весьма нелицеприятные, но хорошо обоснованные высказывания об увидевших свет научных работах, в том числе изданий древних памятников. Эта требовательность и категоричность в оценках трудов коллег проходит красной нитью в научной жизни В. Ягича. В письме к А.А. Кунику от 28 марта 1879 г. из Берлина он пишет: «Больше критики, больше критики – вот чего недостает нашим людям; больше филологической практики» [3, с. 146].

Переписка В. Ягича со И.И. Срезневским продолжалась с 1865 по 1878 гг. С Измаилом Ивановичем Ягича связывали длительные доверительные и теплые отношения, но градус

«теплоты», к сожалению, постепенно понижался. Вот что об этом пишет Ягич: «Хотя переездом моим в Берлин отношения наши потеряли прежнюю теплоту, его дружба ко мне несколько охладела, но я все же не переставал почитать в нем не только знаменитого ученого, но также моего личного благотворителя, оказавшего много услуг, поддерживавшего меня не раз добрыми советами и рекомендациями... Итак, мне не суждено видеть его в России. Очень печальная истина (письмо Я.К. Гроту от 16 февраля 1880 г. о кончине И.И. Срезневского) [3, с. 169]. Предпосылки к охлаждению отношения Срезневского к Ягичу, конечно же, были. Так, в начале февраля 1867 Ягич отправляет в дар Изм. Ив. копию, сделанную им самим, глаголического отрывка из Апостола. Вот что пишет Изм. Ив. об этом: «Это отрывок из служебного Апостола сербского, или (как более привыкли называть) хорватского, письма, пока единственный в своем роде, так как все найденные памятники подобного письма не заключали в себе никаких свидетельств о принадлежности их православной церкви, а это есть отрывок из церковной книги православной» (Из доклада на заседании ОРЯС 9 февраля 1867 г.). Узнав из письма Срезневского от 18 февраля о том, что Изм. Ив. намерен опубликовать подаренный ему текст, Ягич решил его опередить. Он представил свою работу в Историко-филологический разряд Югославской Академии, которая и напечатала ее под заглавием «Gradja za glagoisku paleografiju» («Rad», knj. II, 1868, стр. –35). Изм. Ив. не проронил ни слова упрека и назвал статью Ягича «очень замечательной по тщательности обработки» (Записки ИАН, т. XIV, 1868, стр. 105). В августе 1879 года состоялась встреча Ягича со Срезневским в Киеве на Археологическом съезде. По словам Ягича, Изм.И. обошелся с ним холодно. Такой же оказалась их следующая встреча в Петербурге в сентябре того же года [6, с. 277].

Представлю конспективно эпистолярную историю «И.И. Срезневский и В. Ягич». В статье использованы фрагменты нашей статьи, опубликованной в малотиражном труднодоступном издании [2].

К Измаилу Ивановичу, первому из русских ученых, обратился 27-летний Ватрослав, работая еще в Загребской женской гимназии, с просьбой оказать помощь в получении или приобретении русской научной литературы и периодики. Вот как вспоминает об этом В. Ягич: «Не знаю, в каком году это было, помню только, что я первый обратился к нему с письмом, написанном на ломаном русском языке, в котором просил его оказать содействие нашим скромным ученым стремлениям указаниями и сообщением литературных пособий и академических изданий. С обычной сердечностью он откликнулся на голос молодого, ему лично даже и по имени совсем незнакомого человека, занимавшего место преподавателя классических языков в гимназии в Загребе. Завязалась переписка, касавшаяся не только вопросов славяноведения, но имевшая для меня много поучительного также в других отношениях... Измаил Иванович знакомил меня с Россией... Эта переписка, сохраняя всю серьезность научного содержания, вносила для меня некоторую романтическую прелесть в славянскую филологию» [4, с. 303–304]. К счастью, первое письмо не только сохранилось, но и опубликовано в книге «Письма И.В. Ягича к русским ученым» [3, с. 19]. Но следует внести здесь небольшое уточнение: В. Ягич написал его не на «ломаном русском», а на хорватском языке. И это неудивительно: прошло более 50 лет между первым письмом Ягича и его воспоминаниями о Срезневском. Привожу небольшой пассаж этого письма (от 18 февраля 1865 г.) в русском переводе: «Многочтимый господин! ... Я Вам неизвестен – один из многих, глубоко преклоняющихся перед Вашим именем и высоко ценящих научные труды Ваши. Однако я надеюсь, что меня извинит и оправдает в Ваших глазах мое намерение, которое вы увидите из самого письма... Я не затруднял бы Вас этими мелочами, зная, что каждая минута, которую Вы отрываете для подобных дел от своей глубокой науки, это большой ущерб для славянской науки; но читая столько раз, как Вы любезно оказываете содействие всякому славянину, который, путешествуя, по счастью, попадает в Петроград, твердо надеюсь, что Вы соизволите посвятить свободную минутку и этому моему представителю – моему письму» [3, с. 19]. В своих воспоминаниях об Измаиле Ивановиче Срезневском Ягич пишет следующее: «С тех пор Измаил Иванович не переставал снабжать меня всеми изданиями, которые в то время для нас представляли большую библиографическую ценность» [4, с. 304].

Переписка И.В. Ягича и И.И. Срезневского продолжалась весь Загребский период (1865 – 1871), Одесский (1871– 1874) и Берлинский (1874 – 1878). Срезневский оказывал Игнатию Викентьевичу разнообразную помощь – и в науке, и в карьерном росте, и в быту. Его отношение к молодому коллеге поражает поистине отеческой заботой, деятельным вниманием, добротой, стремлением быть полезным в решении разнообразных научных и околонуточных проблем.

Предлагаю познакомиться с письмами Ягича Измаилу Ивановичу и соответствующими материалами в хронологической последовательности, но ограничившись только теми, которые касаются сведений о помощи, оказываемой Изм. Ив., и его содействии в решении проблем, важных для научной жизни Ягича в разные периоды его деятельности.

Апрель, 1866 г.: благодарности за присланную Изм. И. книгу «Древние памятники письма и языка юго-западных славян» (СПб., 1865) [3, 22]. Эту работу Срезневского Ягич отрецензировал в журнале «Книжевник» («Knjizevnik», godine III, 1866: 131 – 139). Срезневский написал Ягичу в феврале 1867 г.: «Прошу Вас усердно от себя лично, от Академии наук и от Университета о высылке Вашего «Книжевника»... Ваш повременник так любопытен и важен, что не иметь его занимающемуся славянством нельзя...». Ягич всю жизнь помнил, как при чтении этого отзыва о «Книжевнике» у него «сердце плясало от радости» [6, с. 71–72].

Февраль, 1867 г.: Ягич интересуется книгой А.Х. Востокова «Филологические наблюдения», изданной Срезневским в Петербурге в конце 1865 г. Просьба Ягича об этой книге и других академических изданиях была озвучена Изм. Ив. на заседании ОРЯС и была удовлетворена, о чем Ягич и был извещен письмом от 18 февраля [6, с. 71]. Срезневский с большим пониманием относился к просьбам о необходимости получить то или иное издание и регулярно посылал или передавал Ягичу и его коллегам как периодические, так и другие издания.

Февраль, 1869 г.: Ягич пишет Изм.И.: «... императорская Русская Академия выбрала меня своим членом-корреспондентом... согласитесь принять мою самую горячую благодарность, которую я выражаю Вам за любовь, проявленную прежде всего ко мне лично, а затем через меня и всему народу, которому считаю себя принадлежащим... Я ожидаюсь благоприятного случая, чтобы высказать свою горячую благодарность также прославленной Академии» [3, с. 32].

Март, 1870 г. У Ягича, в связи с тяжелой общественно-политической ситуацией в Хорватии, начинаются большие проблемы: его увольняют с работы «совершенно произвольно и вопиюще незаконно... этим грубым поступком нынешнего правительства в Загребе я лишен средств к существованию, а в наших условиях нет никаких учреждений, где можно было бы хотя временно пристроиться... Итак, прошу Вас как друга, будьте добры сказать мне, мог ли бы я... хотя бы временно устроиться в каком-нибудь научном учреждении в России?... поручая себя Вашей особой благосклонности» [3, с. 37].

В ответном письме И.И. пишет: «Если бы Вы нашли средство приехать к нам, чтобы ближе познакомиться с нами, с нашей литературой, нашими собраниями памятников, Вы бы воротились домой наверно с целой библиотекой и с множеством важного запаса для будущих Ваших занятий. У нас в доме Вы бы приняты был, как дома» [6, с. 84]. Но потерявшему работу Ягичу, обремененному семьей, нужна была конкретная помощь по трудоустройству. Понимая это, в своем следующем письме Изм.И. пишет: «Сперва повторяю свое предложение приехать к нам, прямо к нам, как домой: мы все, я с женою и детьми, с радостью встретим Вас...Приехавши сюда, Вы можете осмотреться, что делать: найдутся и советники, и помощь... Как мне кажется, нет никакой возможности, чтобы Вы... не получили у нас места – по крайней мере места преподавателя одного из древних языков в гимназии... Вы можете на лучшее надеяться вместе со мною. Это лучшее представляется мне в двух видах: или место преподавателя в Университете, или место в Академии нашей. Осенью, когда начнутся опять наши обычные заседания, я стану хлопотать» [6, с. 109].

Июль, 1870 г. В нескольких письмах Ягич горячо благодарит Изм.И. за участие в его судьбе. В этом письме мы читаем: «Если бы я мог... получить какое-нибудь место в России и мог бы больше времени посвятить научной работе, которой я предан всей душой! Итак, полагаюсь на Вас и призываю Вас на помощь!» [3, с. 37].

Ноябрь, 1870 г. Историко-филологический факультет Петербургского университета, по предложению Срезневского, постановил ходатайствовать перед Советом университета о присуждении Дж. Даничичу и В. Ягичу степени доктора славянской филологии *honoris causa* [6, с. 111]. Совет Университета удовлетворил это ходатайство. Таким образом, благодаря усилиям Срезневского Ягич получил возможность заниматься профессорской деятельностью в России. По этому очень значимому поводу Ягич пишет следующее, обращаясь к Изм.И.: «Не знаю, как высказать радость, которую пробудило в моем сердце Ваше сообщение о большой и незаслуженной награде, выпавшей мне и г. Даничичу. Я знаю и глубоко чувствую, что всему причиной Ваша безмерная доброта и благосклонность ко мне. Примите за это мою искреннюю благодарность, которую я был бы счастлив подтвердить делами. Доктор славянской филологии! Это не пустые слова, они обозначают великий принцип, основу славянской науки, которую все мы, западные и южные славяне, хотели бы лелеять под русским знаменем... Награда, полученная мною и г. Даничичем, вызовет среди сербов и хорватов радость и сенсацию... Вам, многоуважаемый господин и друг, еще раз огромная моя благодарность, ибо Вы инициатор осчастливейшей меня награды» [3, с.41].

И в этот же день, **30 ноября 1870 г.**, Ягич пишет прошение ректору Новороссийского университета Леонтовичу Ф.И.: «Милостивый государь! С.-Петербургский университет удостоил меня степени доктора славянской филологии и тем дал возможность осуществить мое искреннее желание быть преподавателем филологии в одном из русских университетов. Если возможно, желал бы служить в Новороссийском университете и потому обращаюсь к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою: ходатайствовать перед Филологическим факультетом... не найдет ли он возможным дать мне место преподавателя сравнительной филологии». Дело решилось, но не сразу, в пользу Ягича не без посредства Срезневского [6, с. 114–118].

Март, 1871 г. Ягич сообщает Срезневскому о том, что Новороссийский университет избрал его экстраординарным профессором (Изм.И. об этом знал, он следил за ходом этого длительного и сложного процесса через университетских коллег). Но у Ягича проявилось два условия к работодателям: получить год на совершенствование русского языка и санскрита, а также денежное пособие на проезд из Загреба в Одессу. Ягич просит совета и поддержки у Изм.И. Он пишет: «Если оба эти требования будут удовлетворены, – тогда возникает вопрос, где бы мне лучше провести мою командировку? Богишич думает, что лучше ехать в С.-Петербург. Придерживаетесь ли и Вы такого же мнения?» [3, с. 49]. Такого же мнения придерживается и Срезневский: «На вопрос, куда Вам переехать на этот льготный год, я положительно отвечаю: сюда, на Васильевский Остров, сначала прямо к нам, как домой, а от нас на какую-нибудь квартиру, которую мы вместе поищем. Здесь Вы будете между русскими, следовательно, не потеряете времени для изучения русского языка. Что же до санскрита, то найдете у нас отличных знатоков... Книги и рукописи будут к Вашим услугам в порядочном изобилии» [6, с. 119, 125].

Май, 1871 г. Ягич пишет: «Вчера я получил Ваше исключительно сердечное письмо, а сегодня тороплюсь поблагодарить Вас от глубины сердца за Ваше беспримерное участие, какое Вы проявляете ко мне, и которого никогда не мог бы даже сын получить от родного отца. Смогу ли я оправдать Ваше большое ко мне доверие? Не слишком ли слабы мои силы? Я бы почти упал духом, если бы не надеялся на то, что Ваша благожелательная и надежная рука будет направлять и выравнивать мои первые и неуверенные шаги на новом жизненном пути, чтобы я не поскользнулся. Именно поэтому мне очень хотелось бы подогнать мой приезд в Россию так, чтобы Вы были первым, кому я поклонюсь и брошусь в объятия, чтобы под Вашим отеческим покровительством познакомился с прекрасным обществом, ожидающим меня на новой родине» [3: с. 52].

Ноябрь, 1871 г. Ягич с семьей решаетъ выехать в С-Петербург на каникулярные полгода. Возникает, естественно, вопрос о необходимости арендовать квартиру. Он обращается и по этому вопросу к И.И.: «Особенно прошу Вас принять в уважение, будет ли возможно в то время отыскать какую-нибудь квартиру, чтобы не жить долго в гостинице, не говоря уже быть в тягость Вам, который без того слишком старается о мне». Срезневский просит заблаговременно известить о дне прибытия Ягича с семейством с тем, чтобы его дети могли приискать подходящее помещение для приезжающих [6, с. 156–157].

Август, 1872 г. «...я не могу не обратиться к Вам, Измаил Иванович, с одной просьбой. Мне по уставу принадлежит право беспошлинно привозить с собою или выписывать в продолжение одного года после первого въезда в империю разные вещи на сумму 900 рублей. По какому-то недоразумению этой выгоды лишили меня на основании какого-то распоряжения, полученного из Петербурга...для меня было бы очень полезно, если бы Вы... при случае упомянули об этом господину министру, который вследствие Вашей рекомендации оказался мне уже несколько раз чрезвычайно благосклонным... Извините, что Вас я этим затрудняю» [3, 64]. Срезневский исполнил просьбу Ягича и обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о возвращении Ягичу взысканной таможенной пошлины. Ходатайство было удовлетворено.

Ноябрь, 1873 г. «...теперь уже нет сомнения, что будет в Загребе университет. Мне уже делают предложение занять Кафедру славянских языков. Но, с другой стороны, я получил тоже предложение на новооснованную Кафедру славянской филологии в Берлине. Что мне делать? Извините, если я к Вам обращаюсь за советом. Я Вам обязан столь многим, что не могу не пожелать узнать Ваше мнение. ...я покорнейше прошу Вас, Измаил Иванович, высказать мне открыто свое мнение, которым я всегда дорожил» [3, с. 68]. Срезневский ответил на это письмо без промедления: 28 ноября 1873 г. он пишет следующее: «Я Вас так уважаю и ценю, что не могу не радоваться возможности улучшить Вам свое положение и не скорбеть, что Вы хотите уйти от нас. Но если уж это должно быть, то, конечно, думать надо не о Загребе, а о Берлине ... Возможность переселиться Вам в университет Берлинский меня радует и потому, что Вы будете в нем, сколько я знаю, первый славист, с достоинством носящий это имя, и поддержите в нем славянскую науку как должно» [6, с. 233]. Это письмо явно удивило Ягича, он надеялся на то, что Срезневский будет уговаривать его остаться в России (в Одессе) и предложит, быть может, ему кафедру в Петербурге, от которой Ягич бы не отказался. По поводу мнения Срезневского Ягич написал Миклошичу следующее: «Срезневский, как это ни странно, радуется, что я удаляюсь и очищаю, как кажется, дорогу его сыновьям» [6, 240].

Март, 1874 г. Срезневский, как оказалось, был недоволен решением Ягича уехать из Одессы в Берлин. Ягич по этому поводу пишет следующее: «Вы, конечно, Измаил Иванович, сердитесь на меня за то, что я намерен оставить Одессу и Россию. Вы несомненно считаете меня неблагодарным. Действительно, я неблагодарен, если я покидаю Россию, где я испытал столь много добра, столь много дружеского ко мне расположения, столь много благодеяний! Но я не покидаю Россию, я ее люблю более, чем мою родину, я верю в ее блестящее будущее, в великое ее славянское призвание» [3, с. 70].

Ноябрь, 1874 г. Ягич, вне всякого сомнения, был огорчен и уязвлен отношением Изм.И. к его отъезду в Берлин. Читаем следующие строки: «Душевноуважаемый Измаил Иванович! Зная, что Вы были очень недовольны моим решением принять Кафедру славянских языков в Берлине, я мог бы сомневаться, будет ли Вам приятно получить это письмо от меня. Но сознание благодарности, которую я вам обязан, заставляет меня не обращать внимания на Ваше нерасположение: ведь оно не может продолжаться, я знаю Ваше доброе сердце... Я обращаюсь с маленькою просьбою и на импер. Академию наук для пополнения некоторых пробелов своей библиотеки. Надеюсь, что Вы, многоуважаемый Измаил Иванович, будете поддерживать мое прошение? Да и к Вам я обращаюсь с просьбою: нельзя ли через Вас, если не от Вас самих, получить Ваше сочинение «Мысли об истории русского языка»? [3, с. 79]. На это письмо И.И. ответил так: «Вы подумали, что я сержусь на Вас, и затем чуть-чуть не готовы были вести свои заключения все далее и далее... Вы не можете сомневаться в моей искренней

радости, что берлинская Кафедра славянской филологии занята таким деятелем, как Вы, и что Вы в ней чувствуете себя на месте» [6, с. 276]. Срезневский также заметил: «Хочу надеяться, что никакие частные обстоятельства не поколеблют моих взглядов на нужды людей науки, ни моих желаний служить им и тем более Вам» [Там же].

Апрель, 1875 г. «Ваше превосходительство, уважаемый Измаил Иванович! ... Я нашел издателя, который готов поддерживать журнал для славянской филологии, конечно, на немецком или французском языках, но по содержанию касающийся только славянских языков и литератур. Я хочу назвать его «Archiv für slavische Philologie» потому, что этот орган должен заключать в себе, кроме оригинальных статей, также переводы из всех славянских наречий всего выдающегося по области филологии... Я позволю себе обратиться и к Вам с просьбою, чтобы Вы мне сообщили, согласны ли Вы на то, чтобы в одном из первых выпусков некоторые из Ваших исследований вышли в переводе; я имею в виду а) статью о древнерусских казиках, б) лекции по русской хронографии. С величайшей благодарностью я принял бы Ваши указания на то, что бы, по Вашему мнению, пригодились поместить в этом журнале» [здесь имеются в виду работы Срезневского «Русские калики древнего времени» и «Чтения о древних летописях» – С.И.]. Срезневский, несмотря на некоторое охлаждение в отношениях, пишет Ягичу большое, очень содержательное и теплое письмо, полное практических советов о построении и содержании журнала, и добрых пожеланий. Ягич опубликовал это письмо от 1 мая 1975 г. полностью [6, с. 284–286]. О необходимости создания центра славянской науки в России (журнала), «к которому с уважением и любовью обращались бы взоры всех славян, где было бы место для взаимного их сотрудничества», – пишет В. Ягич в письме к В.И. Ламанскому [1, с. 99].

Декабрь, 1875 г. «Многоуважаемый Измаил Иванович! Не без некоторого страха представляю Вам первый выпуск «Архива». Я чувствую, что он далеко не исполнил всех точек Вашей программы, столь красноречиво и умно очерченной Вами в последнем письме... Но пока я прошу Вас отнестись к предприятно с некоторою снисходительностию, так как известное дело, каждое начало очень трудно. Главное дело: н а п р а в л е н и е: оно ли Вам понравится, вот что хотелось бы знать» [3, с. 101]. Срезневский 20 марта 1876 г. ответил Ягичу так: «Ваш повременник встречен и принят у нас с сочувствием и мне очень понравился. Но неужели Вы печатаете Ваш труд о Зографском евангелии только в нем и не делаете отдельных оттисков? Ведь это будет целая книга и книга важная. Я и не воображал, что Вы так много работали над этим памятником» [6, с. 292] [Ягич издал текст Зографского евангелия с комментариями в 1879 г. – С.И.].

Декабрь, 1876 г. «Многоуважаемый Измаил Иванович! Обращаюсь к Вам с маленькою просьбою. ... я нуждаюсь хотя бы на несколько дней в Вашем превосходном труде «Мысль об истории русского языка», которого нигде ни за какие деньги не получишь... я прошу Вас исходатайствовать мне высылку академического экземпляра упомянутого Вашего сочинения для употребления на месяц-два...» [3, с. 117]. И.И. Срезневский прислал В.И. Ягичу в подарок первое издание своих «Мыслей об истории русского языка» при письме от 17 декабря 1876 г., где писал, что эта работа является продуктом «того отдаленного времени, когда я был молод и рьян, чуть ли не вдвое ямоложе, чем теперь, и настолько же смелее и неосторожнее» [6, с. 371].

Январь, 1877 г. «Я получил Вашу посылку, заключающую в себе столь дорогой мне подарок и, как Вы верно замечаете, большую библиографическую редкость. Позвольте мне считать этот неожиданный подарок новым доказательством Вашего дружеского ко мне расположения, которым я всегда дорожил и не перестану никогда дорожить» [3, с. 118].

Июль, 1878 г. Не знаю, многоуважаемый, Измаил Иванович, отыщет ли это письмо Вас ныне в летнюю пору, когда Вы живете не в городе. Я прилагаю ему текст Вашей статейки, которым Вы почтили меня несколько месяцев тому назад... В таблицах, составленных Вами, я остановился на некоторых недоумениях: не угодно ли Вам будет карандашом прибавить объяснения и возвратить текст вторично?... Вот какими мелочами я Вас должен затруднять, но, что делать, если уже печатать, так чтобы не возражали... Из последней книжки «Журнала

Мин. Нар. просвещения» узнал я только, что труд Вячеслава уже вышел... Если бы можно было через Вас получить издание Вашего сына, я готов заплатить экземпляр по назначенной цене» [3, с.137]. Это, по всей вероятности, последнее письмо Ягича Срезневскому.

Февраль, 1880 г. Ягич в письме к Я.К. Гроту пишет следующее: «Вчера я вошел случайно, против моего обыкновения, в одну из кондитерских..., зная, что тут найду русские газеты; мне попало в руки «Новое время», и вот, о ужас, на первой странице я должен был прочесть известие, глубоко потрясшее меня, некролог – Измаилу Ивановичу Срезневскому, написанный Ламанским! Это был ужасный удар для меня, тем сильнее, чем неожиданнее» [3, с. 170]. В письме от 27 февраля 1880 г. Ягич обращается к Я.К. Гроту: «... если у Вас окажутся под руками какие биографические материалы о жизни Изм. Ив. Срезневского, пожалуйста, поделитесь ими со мною. Я получил приглашение от Югославской Академии написать некрологи и оценку научных заслуг Изм. Ив. Срезн., я, разумеется, охотно согласился принести дань благодарности и уважения покойному моему покровителю» [3, с. 171]. Но некролога Срезневскому Ягич не написал, ограничившись публикацией в «Архиве» краткого извещения о его смерти. Подробный обзор жизни и научной деятельности Срезневского был напечатан Ягичем только тридцать лет спустя (5, 1910: 319–330; 466–477), а еще через шесть лет появились его воспоминания о Срезневском [4, с. 301–309]. Подробно о своих отношениях со Срезневским и его научной деятельности Ягич написал в своих воспоминаниях [6]. Это очень значимый источник для понимания тех коллизий, которые возникали в отношениях двух великих людей. Здесь помещены и обсуждены письма Срезневского.

После смерти Срезневского в ОРЯС освободилась вакансия академика. В связи с этим Отделение, как сказано в его протоколе от 14 февраля того же года, «обратило внимание особенно на И.В. Ягича», но признало необходимым дожидаться, на кого падет выбор здешнего Университета» открывшейся и там вакансии. В конечном итоге после глубоких размышлений и колебаний Ягича и бюрократических проволочек в Петербурге И.В. Ягич отвечает согласием принять должность экстраординарного академика, переселиться в Петербург и поступить на русскую государственную службу (при условии утверждения его и в должности профессора Петербургского университета). Переезд из Берлина в Петербург состоялся в самом конце августа 1880 г.

В 1868 г. Изм. И. издал свою монографию «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка». Во введении автор пишет: «Считая Саввину книгу важным памятником древней письменности Славянской, любопытным для исследователей, издаю ее в том виде, как она сохранилась, буква в букву, знак в знак, строка в строку». Обратившись к чтению Саввиной книги, Ягич первоначально преследовал лишь одну цель – дать в своей хрестоматии (*Specimina linguae paleoslovenicae* СПб., 1882) вполне исправный ее текст. Однако процесс чтения имел следствием пространный критический разбор этой давней публикации, который был напечатан в «Архиве» (Bd V, 1881: 580–612). Ягич учел и даже пронумеровал все погрешности издания Срезневского вплоть до самых мелких. Поневоле в памяти всплывает выражение – «Платон мне друг, но истина дороже». В письме к А.А. Шахматову от 30 марта 1881 г. Ягич пишет: «Саввину книгу я получил и, увы, убедился неточности напечатанного в «Юсовых памятниках» текста ее. Я не придаю особого значения кое-каким надстрочным знакам – это вопрос палеографический, но кто раз уже берется за палеографическую передачу памятника, ему надо бы не пренебрегать и такими, еще более важными вещами, как ѣ и њ». Ягич считает одним из главных недостатков публикации Срезневского тот факт, что ясно обозначенный в рукописи ѣ Срезневский во многих случаях принимал за њ (Archiv, bd. V, 1881, стр. 607 – 610) [3, с. 210]. Немного позже в письме к Шахматову от 4 мая 1881 г. Ягич высказывается еще более резко: «Пока я проверяю, насколько возможно, издание текстов юсового письма древнейшей эпохи. Оказывается, что ни одно издание покойного академика Срезневского не удовлетворяет» [3, с. 211].

Приведу еще один фрагмент из письма к Я.К. Гроту от 8 марта 1880 г., в котором ученый оценивает деятельность И.И. Срезневского в целом: «Как бы я ни глубоко почитал память незабвенного Измаила Ивановича, я все же не могу считать его деятельность по слав. филологии ни правильной, ни для настоящих нужд славянской филологии достаточной. Его направление было слишком одностороннее, палеографическое, не филологическое, слишком

отрывистое» [3, с. 172]. Здесь могу заметить только одно: Ягич всегда руководствовался своим принципом, о котором он пишет Ф.Ф. Фортунатову: «... по силам действовать в пользу славянской науки» [3, с. 197]. Так, в письме к Шахматову от 9 декабря 1881 г. Ягич писал: «Я знаю, что известные господа здесь неохотно слышат о неточностях» [3, с. 226]. В оправдание Ягича (хотя он в этом и не нуждается) могу сказать следующее: В. Ягичем двигала исключительная преданность своему делу, его призванию. Он был прирожденный, «органический» критик. Достаточно вспомнить его работу «Четыре критико-палеографические статьи» в качестве приложения к Отчету о XVIII о присуждении Ломоносовской премии (речь там идет и о работах о. Амфилохия, которого Ягич называл «чернорабочим от науки»), которая была задумана как рецензия, но оказалась обширным научным исследованием. Но «большое» видится на расстоянии. Через 30 с лишним лет после кончины Срезневского Ягич пишет пронзительные слова о нем – о бесконечной благодарности, признательности и дружбе. Подводя итоги, следует признать, что Срезневский был добрым ангелом Ягича и после своего ухода: обе должности – в Академии и Университете – в течении длительного времени занимал И.И. Срезневский. Ягич стал его преемником!

Самыми теплыми и самыми искренними словами заканчивает В. Ягич свои «Воспоминания»: «Память Измаила Ивановича Срезневского остается для меня всегда священной; до конца жизни я не перестану вспоминать его имя с благоговением, с чувством глубочайшей благодарности. Вся вторая половина моей жизни и деятельности сложилась в неожиданном для меня самого виде и направлении под решающим влиянием его доброжелательства, его сочувствия ко мне, явившихся во-время и наметивших мне новые, непредвиденные цели» [6, с. 301].

Литература

1. Документы к истории славяноведения в России. М.: Л., 1948. 407 с.
2. Иорданиди С.И. Критическое наследие Ватрослава Ягича // Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнавства. Збірник наукових праць. Київ, 2015. С. 78–90.
3. Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.: Л., 1963. 527 с.
4. Ягич И.В. Мои воспоминания об И.И. Срезневском // Памяти И.И. Срезневского. Кн. 1. Петроград, 1915. С. 301–310.
5. Ягич В. История славянской филологии. М., 2003. 960 с.
6. Жагић В. Спомени мојега живота. Т. I. Београд, 1930. 521 с.

УДК 81' 373.21

В.С. Картавенко

доктор филол. наук

Смоленский государственный университет

г. Смоленск, Россия

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ XVI-XVIII вв. КАК ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

V.S. Kartavenko

Doctor of Philology

The Smolensk State University

Smolensk, Russia

REGIONAL BUSINESS WRITING OF THE XVI-XVIII CENTURIES AS A LEXICOLOGICAL SOURCE

Аннотация. В статье характеризуется региональная деловая письменность XVI-XVIII вв., содержащая в себе различные лексические пласты. Памятники письменности указанного

периода включают не только общерусские слова, но и народно-разговорные, и диалектные, и заимствованные. На базе многочисленных апеллятивов создавались и создаются имена собственные – топонимы и микротопонимы.

Ключевые слова: памятники письменности, деловая письменность, смоленский диалект, лексика, топоним, микротопоним.

Abstract. This article characterizes the regional business writing of the XVI-XVIII centuries, which contains various lexical layers. The monuments of writing of the specified period include not only all-Russian words, but also folk-colloquial, and dialect, and borrowed. Proper names – toponyms and microtoponyms - have been created and are being created on the basis of numerous appellatives.

Keywords: monuments of writing, business writing, Smolensk dialect, vocabulary, toponym, microtoponym.

Выявление, описание и комплексное исследование памятников деловой письменности XVI-XVIII вв. было и остается актуальной задачей исторического изучения русской лексики. Особенно это касается памятников, созданных на приграничных территориях (каким был и остается Смоленский край). В настоящее время, безусловно, важным является изучение лексического состава старорусских памятников письменности, так как оно даёт возможность не только получить общую картину состояния деловой письменности в начальный период формирования русского национального языка, но и позволяет выявить местные, региональные её особенности, связанные с историей края. На Совещании по проблемам источниковедения и издания памятников, прошедшем 20-22 ноября 1961 г. в Институте русского языка АН СССР, отмечалось: «Необходимы издания, которые как в отношении отбора публикуемых рукописей, так и с точки зрения воспроизведения текста, передачи и отражения существенных особенностей рукописей могли бы служить задачам лингвистических исследований и, прежде всего, задачам, которые стоят перед исследователями истории русского языка» [10, с. 182].

Выдающийся отечественный филолог Ф.П. Филин неоднократно подчеркивал значимость исторических исследований для создания академической исторической лексикологии русского языка: «Чтобы подготовить историческую лексикологию русского языка наподобие исторической фонетики, потребуются гигантские усилия поколений ученых. И всё же уже теперь можно и нужно начинать обобщающую работу..., в которой была бы разработана историко-лексикологическая проблематика, описаны хотя бы некоторые важнейшие тенденции в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка» [11, с. 4].

В последние десятилетия прошлого, XX века, и в первые десятилетия XXI века заметно активизировались исследования по изучению памятников деловой письменности XVI-XVIII вв. [2; 3; 4; 5; 6; 8; 9]. Однако многие важные вопросы лексикологии русского языка остаются неразработанными. В этом отношении региональные памятники старорусской письменности, особенно рукописные, являются важнейшими лексикологическими источниками.

В настоящее время обращается внимание на новые задачи, стоящие перед исторической лексикологией. Л.Ю. Астахина пишет: «Нужны источники, содержащие лексику, ещё не отражённую известными историческими словарями, источники, раскрывающие семантику лексем, толкование которых вызывает затруднения у лексикографов, стремящихся найти точную дефиницию. Нужны источники разных жанров, содержащие разнообразную в стилистическом отношении лексику. Наконец, нужны источники, имеющие параллельные иноязычные тексты, если русские рукописи переведены с других языков» [1, с. 426-427].

Смоленские памятники старорусской письменности хранятся в различных архивах и древлехранилищах России: в Москве (Российский государственный архив древних актов; рукописный отдел Российской государственной библиотеки), Санкт-Петербурге (Институт русской литературы РАН; отдел рукописей Российской национальной библиотеки), Смоленске (Государственный архив Смоленской области; отдел фондов Смоленского исторического музея).

По жанровой принадлежности это самые разнообразные документы: указы, инструкции, челобитные, прошения, описи, приходо-расходные книги, купчие, межевые книги, отказные книги и др. По объему они тоже разнятся: от 1-2 страниц до нескольких сотен и даже тысяч страниц (так, например, самая большая смоленская отказная книга включает 2286 страниц). Большинство документов датировано (указан год написания документа), многие имеют указание на писца.

Содержанием документов могут быть земельные споры, о чем можно судить уже по заглавию: «Спорное дело Болконских с Волконскими», 1671-1691 гг.; «Дело о вотчине Безобразовых», 1627 г.; «Расследование челобитных различных помещиков на владение пустошами и починками в Смоленской воеводской избе», 1682 г.; «Спорное дело о дачах сельца Талашкина», 1634 г.; «Межевые споры между И. Энгельгардтом и И. Барышниковым», 1798 г.

Ряд документов представляет собой выписки их других (чаще всего это краткие «выписи» из межевых книг, отказных книг, писцовых книг, из иных актов), например: «Выпись из межевых книг. Документ деревни Чернушек», 1680 г.; «Выпись из отказных книг Вяземского Предтечева монастыря», 1689 г.; «Выпись из переписных книг попу Захарину на село Сопати и пустошь Нивку», 1678 г.; «Из расходных книг 1598 г.»; «Выпись из переписных книг села Познзовья церкви Николая Чудотворца», 1698 г. и др.

Деловая письменность Смоленского края представлена также отказными и многочисленными межевыми книгами. Отказные книги – это особые документы, которые назывались «отказами». В «отказах» шла речь о передаче земли военным людям, состоявшим на государственной службе, и о закреплении этой земли за ними. Межевые книги, созданные в России в XVIII веке в результате проводившегося генерального межевания, отразили данные об обмежёванных землях и земельных участках, об их границах и межах. А поскольку создавались отказные и межевые книги на местах, то в них отразилась как общерусская лексика, так и региональная с ее лексическими, фонетическими, словообразовательными и иными особенностями.

Народно-разговорная лексика широко представлена в смоленских памятниках письменности XVI-XVIII вв. Трудность выделения такой лексики в документах указанного периода заключается в том, что её долгое время квалифицировали и квалифицируют по-разному. Так, в Словаре Академии Российской даны следующие пометы при подобных словах: «простонарод.», «прост.», «в простом употреблении».

И в настоящее время в исследованиях по деловой письменности также используются самые различные термины для обозначения подобной лексики (разговорный язык, разговорная речь, народный язык, бытовой язык, обиходно-разговорный язык, живой общенародный язык, народно-разговорный язык).

Памятники деловой письменности по Смоленскому краю изобилуют народно-разговорной лексикой, связанной с подсечно-огневым земледелием. Причем такая лексика использовалась и на севернорусских территориях, о чем писал Ф.П. Филин: «В северных памятниках широко представлены такие слова, как *ляда*, *лядина* (в разных значениях); *терebити* «рубить и жечь лес под пашню»; *терeb*, *притерeb*, *дор*, *роздeртъ* и др. «вновь приготовленная из-под леса пашня» и в иных значениях, так или иначе связанных с подсекой, которые на юге или вовсе не употребляются или же сохраняются в рудиментах» [12, с. 547].

Многочисленны в наших памятниках слова, обозначающие те или иные участки земли: *выгорь* «выжженное место в лесу для сенокоса или пашни» (ср.: «Сена по выгори до речки до Невки дватцать пять копень»). Ф. 1209/2, 10834, 986 об. 1643-1652 гг.); *лядо* (*ляды*) «участок, уже расчищенный и обработанный под пашню» (ср.: «Смоленской шляхтич... высекъ два ляда и засеваъ всякимъ хлебомъ»). Ф. 451/2,2, 5. 1728 г.); *дор* «участок, расчищенный и обработанный под пашню» (ср.: «на поже дору 40 копень»). Ф. 1337/2, ч. 1, 540, 43-43 об. 1781 г.); *новоросчисть* «земля, недавно расчищенная из-под леса для сенокоса»; *новина* «земля для посева, которая распахивается впервые», *росчисть* «место в лесу, расчищенное под пашню»

или луг» (ср.: «Полевые росчисти и запаши и сенные покосы». Ф. 1209/2, 15171, 76 об. 1670-1697 гг.).

В памятниках деловой письменности представлены диалектные слова, имевшие в исследуемый период широкое распространение (*верх*, *вершина* «овраг», *доск* «лощина, лог; неглубокая балка», *яруа* «глубокий большой овраг, обычно заросший лесом», *корь* «место, расчищенное под пашню», *курганец* «пригорок, небольшое возвышение», *лучка* «изгиб реки, небольшая излучина», *отвершек* «ответвление оврага», *плота* «ровное, низкое место у реки», *редкодуб* «редкий дубовый лес», *сеножать* «сенокосное угодье, которое прежде не косили, а жали», *колодезь* «исток»).

С другой стороны, в документах деловой письменности имеется много слов, которые бытовали в то время только на территории Смоленского края: *задорица* «местность за дором (расчищенным от леса участком)», *кляковник* «моховое болото, на котором растет кляква», *подберезье*, *подберезки* «место возле березового леса», *подмошница* «место за моховым болотом или рядом с ним», *подсосонное*, *подсосонье* «место возле соснового бора», *подъелица* «место возле елового леса», *журавник* «моховое болото, на котором растет кляква», *сосновец* «сосновый лес», *чернейка* «место на торфяном болоте, расчищенное для сенокоса», *замошница* «место за моховым болотом», *моложа* «мелкий молодой лес», *лужевица* «низина у реки» и др.

Словарный состав смоленского диалекта пополнялся и за счет заимствованных слов. Вопрос заимствований был особенно важным в те эпохи, когда Смоленский край был в составе сначала Великого княжества Литовского, а затем входил с другими западными землями в состав Речи Посполитой. Многие заимствованные слова из разных сфер остаются до сих пор в смоленском диалекте: *блонь* (*блонье*) «заливной луг, низменное место у реки», *стена* «граница земельного владения», *застенок* «участок земли, расположенный за межей, границей, “стеной”», *застенный*, *застеночный* «расположенный за стеной, межей», *рум* (*рюм*) «прибрежное место, где складывали лес», *морг* «земельное владение; мера земли, равная примерно половине русской десятины». Заимствованная лексика (прежде всего германизмы) приходила в смоленский диалект (а также часто в белорусский язык и его говоры) в основном через польское посредничество. Слово *застенок* в указанном значении было распространено и в смоленских, и в белорусских говорах, об этом свидетельствуют данные белорусских исследователей: «В начале XVII в. *застенок* известен был как небольшой поселок или хутор мелкой шляхты, которая арендовала земли, не вошедшие в крестьянские наделы. На территории Белоруссии (преимущественно в западных районах) этот тип поселения существовал длительное время. В списках он отмечается в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и Смоленской губерниях, т.е. на той части восточнославянской территории, которая входила в состав Речи Посполитой» [7, с. 130].

Многие из рассмотренных апеллятивов образовывали имена собственные – топонимы и микротопонимы. Так, например, термины и терминологические слова земледельческой лексики использовались как названия географических объектов: деревень, сёл, пустошей, займищ, урочищ: пустошь *Выгорь* (Ф. 1209/2, 15171, 327), пустошь *Выгорки* (Ф. 1355/1, 1440, 21 об. 1781 г.), урочище *Дор* (Ф. 113/1, 205, 5 об.), пустошь *Задорица* (Ф. 1209/2, 15171, 465 об.), деревня *Ляды*, деревня *Лядищи* (Ф. 1355/1, 1470, 90), деревня *Долголядка* (Ф. 1209/2, 15172, 58 об.), пустошь *Запоши* (Ф. 1355/1, 54/1487, 48 об.), село *Большое Жар*, село *Малое Жар* (Ф. 1355/1, 1440, 45 об.), урочище *Застенокъ* (Ф. 1209/2, 15171, 204 об. 1670-1697 гг.); пустошь *Застенок* (Ф. 1209/2, 15175, 44 об. 1685-1690 гг.).

Таким образом, изучение смоленской деловой письменности позволяет считать региональные документы значимыми источниками выявления исторической лексики в XVI-XVIII вв. В проанализированных памятниках письменности выявлена как общерусская лексика, так в большом количестве и народно-разговорная, и диалектная, и заимствованная. Большое поле для исследования представляют региональные образования, характерные только для смоленского диалекта в исследуемый период и не нашедшие отражения в словарях в более поздние периоды. О «жизнестойкости» апеллятивов свидетельствует то, что на их основе часто образовывались собственные названия географических объектов.

Литература

1. Астахина Л.Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. 492 с.
2. Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края (по памятникам письменности). Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1974. 162 с.
3. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
4. Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 344 с.
5. Выхрыстюк М.С. Деловые документы Тобольского мужского Знаменского монастыря XVIII в. как лингвистический источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 20 с.
6. Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Ч. 2. Топонимия периода русского национального языка. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. 194 с.
7. Лемтюгова В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселений. Минск: Наука и техника, 1983. 198 с.
8. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI-XVIII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 47 с.
9. Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010.
10. Совещание по проблемам источниковедения и издания памятников // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. М., 1962. Т. XXI. Вып. 2, март-апрель. С. 182-185.
11. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
12. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 655 с.

УДК 81'04

А.Г. Косов

канд. филол. наук
Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVIII ВЕКА ИЗ МЕСТНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ

A.G. Kosov

Cand. Sci. (Philology)
Bashkir State
Pedagogical University. M. Akmulla
Ufa, Russia

BUSINESS DOCUMENTS OF THE 18TH CENTURY FROM LOCAL ARCHIVES AS A SOURCE OF HISTORICAL LINGUISTIC AND REGIONAL STUDIES

Аннотация: Историческое лингвокраеведение не имеет в России такой богатой истории. Новизна диахронического подхода в наибольшей степени проявляется при интегрировании документной лингвистики и исторического лингвокраеведения. Для анализа в аспекте исторического лингвокраеведения на Южном Урале отбираются подлинные региональные документы русской истории XVIII в. Документные жанры южноуральских провинциальных

канцелярий можно разделить на три группы: документные жанры, побуждающие к действию; документные жанры, информирующие адресата, документные жанры, придающие юридический статус какому-либо событию. Созданные к концу XVIII века государственные учреждения и органы местного самоуправления существенным образом влияли на становление норм общения в официально-деловом стиле.

Ключевые слова: историческое лингвокраеведение, источниковедение, документная лингвистика, деловой документ, документный жанр.

Abstract. Historical Linguistic Regional Study does not have such a rich history in Russia. The novelty of the diachronic approach becomes mostly evident in the integration of the Documentary Linguistics and the Historical Linguistic Regional Study. For analysis in the aspect of historical linguistic local studies in the Southern Urals, authentic regional documents of Russian history of the 18th century are selected. The documentary genres of the South Ural provincial offices can be divided into three groups: documentary genres that encourage action; documentary genres that inform the addressee, documentary genres that give legal status to any event. Created by the end of the 18th century, state institutions and local governments significantly influenced the formation of communication norms in an official business style.

Keywords: Historical Linguistic Regional Study, Source Study, Documentary Linguistics, business document, documentary genre.

История русского литературного языка предполагает всестороннее изучение текстов делового содержания, хранящихся в местных архивах России. Без такого исследования данного огромного массива источников историю русского языка нельзя признать окончательно разработанной. Дело в том, что язык местных официально-деловых документов XVII–XVIII веков определял особенные линии в эволюции литературного языка и влиял на становление норм языка на разных его уровнях.

Лингвокраеведение в России имеет достаточно богатую историю, однако большая часть исследований посвящены синхронной его составляющей, т.е. изучению современного состояния языка определённого региона во всех его проявлениях и формах существования: изучение речи сельских жителей и горожан с учётом экстралингвистических параметров, а также изучение специфических изменений литературного языка в местных условиях.

Историческое же лингвокраеведение не имеет в России такой богатой истории, можно говорить, что это относительно новое направление в отечественном языкознании, возникшее во второй половине XX века.

Предметом диахронического, или исторического, лингвокраеведения является язык локальной, чаще всего документальной письменности, начиная с самой ранней её фиксации, с привлечением культурно-исторических сведений о времени, месте и обстоятельствах создания текстов. В данной дисциплине синтезируется проблематика лингвистического источниковедения, исторической диалектологии, истории русского языка, филологического краеведения, исторической стилистики [1, с. 3].

Новизна диахронического подхода в наибольшей степени проявляется при интегрировании исторического лингвокраеведения и документной лингвистики. Документная лингвистика – «раздел прикладной лингвистики, изучающий письменную форму официально-делового общения с целью её нормализации (унификации) и кодификации» [6, с. 22].

Для анализа в аспекте исторического лингвокраеведения на Южном Урале отбираются подлинные региональные документы русской истории XVIII в., отражающие эпоху радикальных перемен не только в обществе, но и в общегражданском языке, происходивших в центре и на окраинах России. Это было время становления национального литературного языка, время серьёзной реформации во всех сферах общественной жизни (в экономике, политике, праве, образовании, культуре и т. д.), время нарастания полифункциональности в литературе, время обострения противостояния светской власти и церкви в управлении страной.

Исследование структуры, составных частей и жанрового разнообразия делового письма периода складывания функциональных стилей позволяет проследить, как шёл процесс нормализации и стандартизации делового языка в центре и на периферии России.

Система функциональных стилей, существующая в наши дни, сложилась в русском литературном языке в основном к середине XIX в. Однако процессы становления стилей в значительной степени не исследованы.

Деловой язык середины и второй половины XVIII в. стал одной из стилистических разновидностей литературного языка, при этом он выгодно отличался своей нормативностью, строгостью отбора языкового материала. В процессе многократного употребления складывающиеся нормы делового письма превращались в регулярные, приобретали значение узуально нормированных и, следовательно, узуально кодифицированных. Причём, по мнению С.И. Коткова, складывающиеся нормы делового письма постепенно входили в ранг общепринятых и, более того, литературных [5, с 126].

Кроме того, специфика русских скорописных документов, по замечанию О.В. Трофимовой, заключается в том, что в них «взаимодействуют идущий из столицы фиксированный стандарт формы, накладывающий свой отпечаток и на трафаретность содержания, и стихийная во многих своих аспектах сиюминутная устная речь, по-разному, в зависимости от специфики коммуникативной ситуации и особенностей жанра документа, «переработанная» записавшими её канцелярскими служащими» [7, с 6]. То есть в тексте документов контрастно соединялись государственный стандарт, шаблонность и народно-разговорная стихия.

Изучение делового языка XVIII века, таким образом, представляет интерес не только потому, что он влиял на становление норм национального литературного языка, но и потому, что он в какой-то мере отражал живой разговорный язык эпохи, т.е. явился ещё одним источником изучения истории русского языка, наряду с диалектами.

Рукописные материалы, появившиеся в результате деятельности местных органов власти, учреждений, существовавших в Уфе и Челябинске в XVIII веке, хранятся в исторических фондах Государственного исторического архива Республики Башкортостан (ГИА РБ) и Объединённом Государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). В исторических фондах архивов представлены акты следующих документных жанров: *билет, ведомость, вексель, верующее письмо, договор, доношение, допрос, известие, квитанция, клятвенное обещание, наставление, объявление, объяснение, предложение, приговор, приказ, присяга, промемория, протокол, прошение, рапорт, расписка, ревизская сказка, реестр, роспись, сообщение, указ, явка* – всего 28 жанров.

В соответствии с типовыми задачами, которые решает инициатор письменного делового общения и которые наиболее актуальны для деловой переписки XVIII века, документные жанры южноуральских провинциальных канцелярий можно разделить на три группы:

– документные жанры, побуждающие к действию (решению проблемы, участию в каком-либо деле, совершению каких-либо действий): *указы, приказы, предложения, наставления, прошения, доношения, объявления, рапорты-просьбы, сообщения-просьбы;*

– документные жанры, информирующие адресата: *рапорты-отчёты, собственно сообщения, известия, объяснения, явки, промемории, ревизские сказки, ведомости, росписи, реестры;*

– документные жанры, придающие юридический статус какому-либо событию (документирование заключаемых отношений, сделок, совершаемых финансовых операций и т.д.): *расписки, квитанции, присяги, верующие письма, клятвенные обещания, протоколы, приговоры, допросы, билеты, векселя, договоры* [4, с. 79–80].

В документах фигурируют все три ветви власти: административно-полицейская, финансово-хозяйственная и судебная.

Авторами и адресатами в анализируемых актах выступают следующие **административно-полицейские** учреждения и должностные лица: наместник Уфимского наместничества генерал-майор Александр Александрович Пеутлинг, Уфимское

наместническое правление, губернатор Оренбургской губернии князь Иван Баратаев, губернатор Оренбургской губернии генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп, Оренбургское губернское правление, Уфимский приказ общественного призрения, Челябинское городское собрание, Челябинская городская общая дума, Челябинская городская шестигласная дума, Челябинский нижний земский суд, Верхнеуральская Управа благочиния, Челябинский городской голова Егор Ильных, Челябинский городской голова фон Швейгофер, Челябинский городской голова коллежский советник Денибеков, Челябинский городской староста Андрей Мотовилов, Челябинский городской староста Меньшиков, Челябинский городской староста Сидор Хохлов, Гласный от казачьей команды отставной сотник Казанцев, Гласный от «посиделых» Михай Алексеев, дворянский заседатель Верхнеуральского нижнего земского суда прапорщик Семён Костыгин, исправник Верхнеуральского нижнего земского суда капитан Михаил Каравцов.

Административно-хозяйственная ветвь власти представлена Уфимской казённой палатой и Челябинским уездным казначейством.

В переписке также представлена целая система **судебных органов**: Челябинский уездный земский суд, Челябинский городской магистрат, гражданские общественные дела г. Челябинска, Челябинский волостной суд, Караченский волостной суд, Чумлятский волостной суд, Воскресенский волостной суд, Куртамышский волостной суд, Таловский волостной суд, Кашинский волостной суд, Волостной суд Нижнеуральской слободы.

Кроме того, в переписке представлены **органы церковного управления** – Тобольская духовная консистория, Епископ Тобольский и Сибирский Варлаам, Челябинское духовное правление, Воскресенское духовное правление, церковный староста Веденской церкви крестьянин Ларин Боровских, церковный староста Благовещенской церкви крестьянин Фёдор Притчин, церковный староста Спасской церкви Фёдор Щипунов, священник Троицкой церкви Михаил Кузнецов, священник Христорождественской церкви Симеон Кайдалов, священник Спасской церкви Пётр Рычков, священник Николаевской церкви Яков Трапезников, священник Крестовоздвиженской церкви Кузьма Белорусцев, дьякон Христорождественской церкви Иван Протасов, дьячок Христорождественской церкви Ефим Трапезников.

Деловые документы XVIII века являются прекрасным материалом для краеведческой работы, поскольку в них не только зафиксирована деятельность всех органов власти, но и отражены многие реалии того времени. Рассмотрим некоторые жанры деловой письменности XVIII века.

Указ – один из видов законодательных актов Российского государства конца XVIII века, касающийся каких-либо конкретных вопросов. Особое место занимают царские *указы из правительствующего Сената и правительствующего Синода*. *Указы* в сфере провинциального административного управления шли из центра наместничества (губернии) в провинцию. *Указы* в сфере провинциального административного управления шли из центра наместничества (губернии) в провинцию – это, например, *указы из Уфимской казённой палаты в Челябинскую городскую шестигласную думу, указы Уфимского наместнического правления Челябинской городской шестигласной думе и Челябинскому нижнему земскому суду* и др.

Предложение – разновидность письменного заявления, содержащего перечень конкретных предложений по определённому вопросу. В деловой переписке XVIII века *предложение* стоит в одном ряду с документами, движущимися «сверху вниз», т.е. *предложение* направляется от вышестоящего учреждения или лица нижестоящему. Но в отличие от *указа*, который имел статус строгого распоряжения, приказа или требования и который предполагал неукоснительное исполнение; *предложение*, как правило, несло характер совета, рекомендации, а иногда и просьбы.

Наставление – деловой документ, который содержит руководящие указания или свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления чего-либо.

Наставление и *предложение* предусматривались «Учреждением о губерниях» как близкие по своим функциям. Разница между ними должна была заключаться в том, что в *предложении* давались советы и пожелания подведомственным учреждениям и должностным лицам, а *наставление* включало в свой состав указы и предписания. С помощью названных документов следовало переписываться только тем учреждениям и должностным лицам, степень служебной зависимости которых между собой была минимальной.

Ещё одним важным распорядительным актом XVIII века является **приказ**. Этот вид документа близок с одной стороны *приговору*, а с другой стороны – *указу* и *предложению*. Так же, как *приговор*, *приказ* является своего рода ответной резолюцией на поступивший в учреждение документ. Но в отличие от *приговора*, являющегося декларативным актом, резолюцией в чистом виде, *приказ* представляет собой директивный акт, содержащий какое-либо распоряжение. Таким образом, *приказы* в документообороте XVIII века выступают как промежуточные документы, издаваемые для исполнения в ходе дальнейшего делопроизводства.

Доношение – один из распространённых актов XVIII века, используемый при переписке нижестоящего учреждения или должностного лица с вышестоящим учреждением или должностным лицом. Автором *доношения* могло выступать и неофициальное лицо: крестьянин, мещанин, купец и т.д. Содержание и функции данного вида документов в XVIII веке разнообразно: это могло быть сообщение по какому-либо вопросу, заявление, прошение или жалоба.

Прошение – один из самых распространённых документных видов второй половины XVIII века, содержащий просьбу. В отличие от *доношения*, *прошение* практически всегда исходит от неофициального лица. Население обращалось в официальное учреждение по самым разнообразным хозяйственным и личным вопросам, например: *прошения* крестьян о предоставлении им права мелочной торговли, *прошения* казаков и мещан об увольнении их со «сторожевской должности», встречаются документы, направленные на «Высочайшее имя» императора или императрицы. *Прошение* в истории отечественного делового языка пришло на смену старому жанру *челобитной*, а затем трансформировалось в современном делопроизводстве в жанр *заявления*.

Объявление – деловой акт, являющийся, наряду с *прошением* и *доношением*, средством обращения населения к официальной власти со своими частными проблемами. Другое название этого жанра деловой письменности XVIII века – *объявление частного лица*. Все эти документы являются средством поддержания юридических, правовых отношений между частными лицами и присутственными местами. При помощи *объявлений* население обращалось в первичные административно-полицейские или судебные органы, заявляя о каком-либо противоправном действии или о каком-либо своём желании.

Рапорт (репорт) – документ отчётного характера, составляемый нижестоящими учреждениями для вышестоящих. Содержание *рапорта* может быть различным. Они могут носить характер извещения о получении какого-либо документа (*указа*, *предложения*, *ордера* и др.) или характер отчёта о выполненной работе.

Сообщение – наиболее часто встречающийся жанр деловых документов. Он активно использовался в деловой переписке XVIII века. Содержание *сообщений* различно. Одни из них содержат, например, извещение адресата о получении автором денег, уведомление о расходовании казённых денег, *сообщение* о приведении к присяге вновь избранного гласного; другие *сообщения* представляют собой сопроводительные письма, например, к выслаемой копии императорского *указа* или к делам, книгам и счетам, посылаемым для хранения в архив; третьи – содержат просьбу, например, о выборе из граждан пастуха и кого-либо «в цеховые прасоль», о выделении средств на покупку канцелярских «припасов» и на выплату жалования.

Ещё одним документом, являющимся средством общения официальных лиц или учреждений, в XVIII веке было **известие**. Как и *сообщение*, *известие* – это документ, в котором что-либо сообщается или утверждается.

Объяснение – документ, объясняющий причины какого-либо действия, факта, происшествия. *Объяснения* обычно даются отдельным гражданским или должностным лицом и могут касаться различных должностных, финансовых, административных, правовых или бытовых нарушений, событий. Таким образом, *объяснение* может быть как внутренним документом организации, так и внешним.

Явка – особый вид письменного личного заявления частного лица. Этот документный жанр представляет собой журнальные записи, которые содержат некоторые данные, сообщённые властям для их сведения. Это может быть предъявление каких-либо документов (*билетов, договоров, паспортов, покормежных*), словесное или письменное объявление о продаже, покупке или пропаже имущества.

Промемория – один из видов документов XVIII века, которым сносились равные по положению учреждения или должностные лица. Назначение этого документного жанра – напоминание о предшествовавшем документе, распоряжении. С помощью *промемории* передавалась какая-либо важная информация, взятая автором из другого источника, т.е. адресат получал переработанный адресантом текст.

Ревизская сказка – документ, составляемый при ревизиях (переписях) населения с целью учёта граждан. В XVIII веке было проведено 5 переписей населения: первая ревизия населения России состоялась в 1720-1721 гг., вторая ревизия происходила в 1744-1747 гг., третья – в 1762 г., четвёртая – в 1782 г., пятая и последняя перепись XVIII века произошла в 1794–1796 гг. Целью каждой ревизии было установление количества «подушного» населения, облагаемого налогом. На основании установленных ревизиями данных составлялись городские, провинциальные и губернские «перечневые вѣдомости», которые затем служили основанием для подсчёта населения по всей России. *Ревизские сказки* представляют интерес для изучения социально-экономической истории Российского государства. Однако они не выясняют ряда существенных моментов учёта населения: в них не указывалось имущественное положение «душ», их профессии, национальность и другие данные. Кроме того, ревизии не охватывали учётом всего населения. Из переписи исключались, например, дворяне, казаки, нерусские народности, военнослужащие. В *ревизские сказки* заносилось лишь русское население, подлежащее податному обложению.

Ещё одним деловым актом статистического учёта в XVIII веке была **ведомость** – документ, передающий какие-либо фактические сведения, в частности о количестве селений в губернии или наместничестве, строений, канализации, водоснабжении, провианта, денежных средств и т.д. Кроме того, на основании *ревизских сказок* казёнными палатами составлялись губернские *ведомости* о числе населения всей губернии, подлежащем подушному обложению. Из *ведомостей* можно почерпнуть ценный материал о разных сторонах хозяйственной жизни отдельных регионов России XVIII века.

Роспись – документ, употреблявшийся для перечисления чего-либо (вещей, денег, документов и т.д.). В жанре *росписи* составлялись разнообразные списки, перечни, например, *роспись* товаров, запрещённых для ввоза в Россию, от 8 апреля 1773 г.

Реестр – перечень, краткая опись людей, предметов, документов. По замечанию А.Н. Качалкина, полного совпадения у *росписи* и *реестра* нет ни в содержании, ни в формуляре: «Роспись, например, представляет собой по сравнению с реестром более подробное описание людей, предметов, документов» [2, с 76].

Расписка – небольшой по объёму документ, подтверждающий получение чего-либо и заверенный подписью получателя. Например, целый блок *расписок* о получении денег; *расписки*, представляющие собой своего рода заёмные письма, в которых содержится, во-первых, подтверждение факта получения в долг определённой денежной суммы, во-вторых, обещание (т.е. возложение на себя конкретных обязательств) вернуть долг.

Ещё одним документом XVIII века, подтверждающим получение чего-либо, была **квитанция**. То есть *квитанция*, являясь письменным свидетельством о приёме, так же, как *расписка*, исходила от лица, получившего что-либо.

Присяга – документ, содержащий официальное торжественное обещание, или клятву, соблюдать верность чему-либо. В XVIII веке данный документный жанр использовался в различных ситуациях как устного, так и письменного делового общения. Документ обычно возлагает на авторов обязанность следовать определённой линии поведения.

Клятвенное обещание – документ, содержащий какое-либо обязательство. Обычно *клятвенное обещание* в XVIII веке давалось на верность государю-императору при вступлении в должность какого-либо лица.

Верящее письмо – документ, свидетельствующий о праве действовать от имени лица, его выдавшего. Чаще всего этот вид документа даёт право получить что-либо: письма, документы, деньги.

Протокол – вид документа, отражающий деятельность по совместному принятию решения присутственным местом. *Протокол* XVIII века – важный декларативный акт, являющийся по своей сути документом-ответом и содержащийся практически в каждом деле.

С *протоколом* схож ещё один распространённый вид деловых документов XVIII века – **приговор**. Так же, как *протокол*, *приговор* является декларативным актом, но, в отличие от *протокола*, этот вид документа составлялся как ответ на каждый акт, поступивший в учреждение. Это была своего рода резолюция органа власти. Поэтому *приговор* часто следует сразу за документом, ответом на который он является.

Допрос (допросные речи, расспросные речи) – опрос просителя, обвиняемого, свидетеля и т.д. для выяснения чего-либо. *Допрос* представляет собой документ, с помощью которого присутственное место разбиралось в существе какого-либо вопроса. По содержанию *допросы* могли составляться в связи с уголовными, административными, гражданскими или религиозными правонарушениями.

Билет – деловой документ XVIII века, дающий определённые права его владельцу. Этот вид документа составлялся по многим административным и хозяйственным вопросам. *Билеты* выписывались административно-полицейскими, финансово-хозяйственными и судебными органами власти на основе каких-либо фактов или как ответ на поданное *прошение* или *доношение*.

Во второй половине XVIII века достаточно широко распространяется и активно развивается группа коммерческой и финансовой документации, в том числе документы, связанные с нормами вексельного права.

Вексель – долговое обязательство об уплате определённому лицу указанной в документе суммы денег в установленный срок. *Вексель* содержит информацию о сумме и сроке залога, о векселедателе и векселедержателе.

К коммерческой документации XVIII века относились также **договоры**, или **контракты** – письменные соглашения сторон, определяющие условия каких-либо отношений. Предметом *договора* могли быть различные взаимоотношения частных или официальных лиц либо отношения между лицами и учреждениями. В соответствии с этим уже в XVIII веке существует множество видов *договоров*: **мены, купли-продажи, найма имущества, личного найма, займа, поклажи, товарищества, подряда и поставки**.

Таким образом, в активе любого учреждения или должностного лица был определённый набор разновидностей документов для ведения диалога с тем или иным (вышестоящим, нижестоящим или равным) органом власти.

Губернаторы получали от царя и Сената *указы* и представляли им *рапорты* и *доношения*. Всем учреждениям губернского подчинения – губернскому правлению, судебным палатам, приказу общественного призрения – губернаторы давали *предложения* и получали от них *представления*. С учреждениями городского подчинения, с городничими и земскими исправниками губернаторы сносились *указами*, *предложениями* или *предписаниями* и принимали от них *рапорты* и *доношения*.

Губернское правление по «Учреждению о губерниях» «на равнь есть съ Коллегіями, и для того кромь Императорского Величества и Сената ни отъ кого не принимает законовъ и указовъ, и ни къ кому иному не подаетъ и не присылаетъ рапортвъ и доношеній» [3, с. 105].

Всем подчинённым местам и должностным лицам – уездным и земским судам, магистратам, исправникам – губернское правление посылало *указы* и *предложения*, а получало от них *рапорты* и *доношения*. С равными учреждениями – другими губернскими правлениями, судебными палатами, приказом общественного призрения – губернское правление сносилось *сообщениями* «*съ прописаніемъ причинъ: да благовольт Правленіе Губернское приказать, или послать, или какъ по которому случаю складно, прилично, или нужно писать...*» [3, с. 105].

Казённая палата от верховной власти и Сената получала *указы*, *повеления*, представляя им, в свою очередь, *рапорты* и *доношения*. С губернским правлением, судебными палатами и другими равными им учреждениями казённая палата сносилась *сообщениями*.

Городничий напрямую подчинялся губернатору, губернскому правлению и казённой палате, поэтому от них принимал *указы* и *повеления* и посылал им *рапорты* и *доношения*. От судов городничий получал *приговоры*, *определения* и *решения*, об исполнении которых доносил и сообщал «куда надлежит». С уездным судом, уездным казначеем, городовым магистратом, нижним земским судом, земским исправником, а также с городничим и прочими равными «местами» другого города, округа или посада городничий сносился *сообщениями*.

Гражданские лица обращались в официальные учреждения с помощью *прошений* и *доношений*, на которые органы власти отвечали *приказами* и *приговорами*.

Этот иерархический порядок взаимоотношений учреждений сохранялся в течение всего XIX в., в определённой степени он присутствует и в современном делопроизводстве.

Таким образом, созданные к концу XVIII века государственные учреждения и органы местного самоуправления существенным образом влияли на становление норм общения в официально-деловом стиле последней трети XVIII столетия. И прежде всего это влияние относится к установлению этикетных норм общения. Также в этот период значительно усложняется деловая переписка, что проявляется в первую очередь в увеличении разновидностей документов (появились *рапорты*, *доношения*, *предложения* и др.) и в их строгой иерархии в соответствии с иерархией институтов власти.

Всё это говорит о том, что локальная деловая письменность XVIII века является незаменимым материалом не только в лингвокраеведческой, но и в источниковедческой работе в целом.

Литература

1. Глинкина Л.А. Историческое лингвокраеведение на Южном Урале: проблемы, поиски, перспективы // Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по языку деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2001. С. 3–21.
2. Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Филологический метод анализа документов / А.Н. Качалкин М.: Изд-во МГУ, 1988. 120 с.
3. Косов А.Г. Хрестоматия по документной лингвистике: 1649–1811 гг. В 4-х ч. Часть II. Законодательные акты, регламентирующие написание различных реквизитов документа [Электронный ресурс]: хрестоматия / А. Г. Косов. 2-е. М.: ФЛИНТА, 2018. 183 с.
4. Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века [Электронный ресурс]: монография / А. Г. Косов. 2-е. М.: ФЛИНТА, 2018. 221 с.
5. Котков С.И. Старинная русская деловая письменность в её отношении к литературному языку // Источники по истории русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1991. С. 122–144.
6. Месеняшина Л.А. Деловой стиль // Русский язык для делового общения / Под ред. Л.А. Месеняшиной. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 9–72.
7. Трофимова О.В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762-1796 гг.) / О.В. Трофимова. Дис. ... докт. фил. наук. Тюмень, 2002. 519 с.

«ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКОГО
 ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ» КАК ИСТОЧНИК НАРРАТИВНОЙ
 ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ

O.V. Lukin
 Doctor of Philology
 Yaroslavl State
 Pedagogical University
 Yaroslavl, Russia

"TRAVEL LETTERS OF IZMAIL IVANOVICH SREZNEVSKY
 FROM THE SLAVIC LANDS" AS A SOURCE OF NARRATIVE
 LINGUOHISTORIOGRAPHY

Аннотация. В представленной статье анализируются «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель», написанные двадцатисемилетним адъюнктом профессора Харьковского университета во время его трехлетней научной командировки для приготовления к занятию должности заведующего кафедрой истории и литературы славянских наречий (17 сентября 1837 – 23 сентября 1842 гг.). Изданные в 1895 году отдельным изданием «Путевые письма» включают в себя предисловие, написанное В.И. Срезневским (1848–1920), сами письма (66 писем с 17 сентября 1839 года до 30 августа 1842 года), дополнения (варианты 35-го, 37-го и 39-го писем), перечень мест, посещенных И. И. Срезневским в 1839–1842 гг. и указатель личных имен. Адресованные матери Елене Ивановне личные письма рассматриваются автором работы как ценнейший источник нарративной лингвоисториографии, который содержит важные материалы для воссоздания личностного и творческого портрета ученого на фоне основных характеристик описываемого времени и стран, через которые проходила его научная командировка.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография, И. И. Срезневский, славянские языки, славянские государства.

Abstract. The article analyzes "Travel letters of Izmail Ivanovich Sreznevsky from Slavic lands", written by a twenty-seven-year-old associate professor of Kharkiv University during his three-year scientific trip in preparation for the position of head of the Department of History and Literature of Slavic Dialects (September 17, 1837 - September 23, 1842). Published in 1895, a separate edition of "Travel letters" includes the preface written by V. I. Sreznevsky (1848-1920), the letters themselves (66 letters from September 17, 1839 to August 30, 1842), additions (variants of the 35th, 37th and 39th letters), a list of places visited by I. I. Sreznevsky in 1839-1842 and an index of personal names. Personal letters addressed to Elena Ivanovna, mother of I. I. Sreznevsky, are considered by the author of the work as a valuable source of facts, relevant to narrative linguohistoriography, as they provide important data for reconstruction of personal and creative characteristics of the scientist against the background of the time described and the countries he visited during his scientific trip.

Keywords: narrative linguohistoriography, I. I. Sreznevsky, Slavic languages, Slavic states.

«Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель» были написаны знаменитым ученым во время его путешествия по западнославянским землям в 1839–1842 годах и первоначально опубликованы в журнале «Живая Старина» в 1892 и 1893 годах, а в 1895 году появились отдельным изданием. Они представляют собой личные

послания Измаила Ивановича его матери Елене Ивановне Срезневской (урожденной Кусковой), которая после смерти в 1819 году его отца Ивана Евсеевича, профессора кафедры красноречия Харьковского университета, воспитывала сына и была ему самым близким другом.

Как известно, двадцатисемилетний ученый был послан Министерством народного просвещения в трехлетнюю научную командировку для приготовления к занятию должности заведующего кафедрой истории и литературы славянских наречий в Харьковском университете – одном из старейших университетов Российской империи. Одновременно в такую же командировку были посланы еще трое российских ученых. Эти кафедры были учреждены в 1835 году и до конца тридцатых годов никем не замещались, за исключением Московского университета. Поэтому самым лучшим средством подготовки научных кадров для этих кафедр Министерство посчитало ознакомление молодых ученых с языком, историей и литературой славян на месте, в том числе и при помощи и отчасти под руководством европейских ученых, а также путем личных наблюдений над культурой, бытом, языками и литературой славянских народов. Каждый из командированных получил от Министерства подробную инструкцию, в соответствии с которой должна была осуществляться их работа. Эта инструкция обращала особое внимание на личное практическое изучение славянских языков.

Прежде всего, министерская инструкция предписывала приобрести подробную карту местности, по которой ученый путешествовал, чтобы организовать свою поездку в соответствии с местностью, по которой он передвигается с учетом рек, гор и т.п. Ему следовало обратить самое пристальное внимание на физическое положение страны, климат, степень цивилизованности ее жителей, развитие промышленности, что имело самое немаловажное значение для характеристики каждого народа. Командированному следовало вникать в особенности, отличающие языки и наречия одной страны от языков и наречий других стран, вслушиваться в смысл и дух народных песен и их мелодию, собирать предания и сказки. При этом он должен был совершать многочисленные пешие походы. Летнее время было предназначено прежде для того, чтобы ученый путешествовал по наиболее интересным и наименее исследованным местностям, лично беседовал с простыми людьми, их населяющими, анализировал черты славянской идентичности и чуждого влияния, фиксируя свои наблюдения на бумаге. Зимнее время путешественнику предписывалось проводить большей частью в городах – библиотеках, музеях, университетах, в беседах с местными учеными (см. [6, с. V-VI]).

Командировка адъюнкта профессора И.И. Срезневского длилась чуть более трех лет – с 17 сентября 1839 года по 23 сентября 1842 года. За это время он посетил Пруссию, Саксонию, Чехию, Моравию (исторический регион Чешской республики в восточной её части), Силезию, Лузанию (регион, расположенный на территории федеральных земель Саксония и Бранденбург (Германия) и юго-западной Польши (Нижнесилезское воеводство), ранее область проживания сорбов), Хорватские земли, Крайну (историческая область, занимающая большую часть Словении), Штирию, Каринтию, Фриулию (историческая область на севере Италии), Далмацию (историческая область на северо-западе Балканского полуострова и побережье Адриатического моря), Славонию (историческая область на востоке Хорватии между реками Савой, Дравой и Дунаем), Черногорию, Сербию, Венгрию, Галицию (примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской (кроме северной части) областей Украины, югу Подкарпатского и Малопольского воеводств Польши) и Польшу. В «Путевых письмах» представлен подробный маршрут его передвижений по этим регионам.

Книга состоит из предисловия, написанного сыном Измаила Ивановича Владимиром Измаиловичем Срезневским (1848–1920), юристом, управляющим Статистического отделения Министерства юстиции, основателем «Сборника статистических сведений Министерства юстиции», секретарём Императорского Русского географического общества, редактором журнала «Известия», 66 писем (с 17 сентября 1839 года до 30 августа 1842 года), дополнений

(варианты трех писем – 35-го, 37-го и 39-го) и приложения. В приложение вошли два указателя: перечень мест, посещенных И. И. Срезневским в 1839-1842 гг. и указатель личных имен.

В первом приведены даты пребывания ученого в этих населенных пунктах. Так, например, во время своего путешествия по Пруссии и Саксонии в 1839 году 13 декабря он прибыл в Кенигсберг, где пробыл до 17 декабря, 20 декабря приехал в Берлин, где пробыл около полутора месяцев. Следующими городами его пребывания были Галле (7 февраля 1840 г.), Лейпциг (11 февраля 1840 г.) и Дрезден (15 февраля 1840 г.) [7, с. 357].

Во втором мы находим имена людей, которые упоминаются в его письмах к матери. Это исторические личности, монархи, писатели, художники, композиторы, театральные деятели и, разумеется, ученые самых разных специальностей, среди которых было и немало знакомых и друзей семьи Срезневских, а также ученых, в том числе и языковедов, с которыми И.И. Срезневский познакомился во время своего путешествия. Так, во время своего пребывания в Пруссии и Саксонии И.И. Срезневский смог пообщаться не только с такими выдающимися немецкими лингвистами, основателями сравнительно-исторического языкознания как Ф. Бопп и А.Ф. Потт, но и с философами (И.К.Ф. Розенкранц), историками (Ф.В. Шуберт, И. Фохт, М. Дункер, Р. Реппель), специалистами по статистике (Ф.В. Шуберт, К.Ф.В. Дитерици), математиками (Ф.К.Швейкарт) и физиками (Л.Ф. Мозер) (подробнее об этом см. нашу статью [3]).

Надо заметить, что в письмах к матушке И.И. Срезневский меньше описывает свою научную деятельность и ученых, с которыми он общался во время командировки, чем в таком официальном документе, как «Донесение адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения, из Вены, от 8 (20) февраля 1841 года». В последнем, например, он так пишет про А.Ф. Потта: «Въ Поттѣ я нашель втораго Боппа: та же ученость, то же добродушіе, та же искренняя любовь къ своему предмету и то же высокое сознание его трудности. Бесѣды съ нимъ были для меня столь же и пріятны, сколько поучительны, и тѣмъ болѣе были они для меня пріятны, что Поттѣ безпристрастно любить Славянѣ и знает, что Славяне сдѣлали и сдѣлаютъ для Европы» [5, с. 14] (здесь и далее мы намеренно сохраняем орфографию оригинала – О. Л.).

Письма И.И. Срезневского изобилуют многочисленными бытовыми подробностями – устройством средств передвижения, архитектурой и повседневной жизнью городов, покупками, ценами и т. п., например: «Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ проживать въ Берлинѣ въ мѣсяць, думая беречь деньги: За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плачу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абониманъ на обѣдъ— 6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театр, гулянья и пр. — вдоволь — 3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ — около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день – 104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время» [7, с. 59].

Любопытно читать описания некоторых национальных особенностей, которые метко схватывал И.И. Срезневский, ср. «Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленной Германіи, а зимою – мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасають наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манто съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о полѣхъ, а молодые люди, напримѣръ студенты, бѣгають въ однихъ сертукахъ, и нѣкоторые — безъ галстуховъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются» [7, с. 58]. Или, например: «За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой среды, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пяти, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались — безпрестанно – вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ поръ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно ж не

слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изо всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неумоимость здѣшнихъ плясунувъ и плясуней невѣроятна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечерувъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живеть тотъ мѣщанинъ, у котораго собралоеь это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было независное, хоть отчасти и изъ литераторувъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли болѣею частью пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанию, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе» [7, с. 69].

Интереснейшие описанія, которые мы находимъ въ письмахъ И.И. Срезневскаго къ Еленѣ Ивановнѣ не могутъ не быть оценены съ позицийъ нарративнаго подхода къ интерпретации исторіи языковѣдѣнія, который «... состоитъ въ комплексномъ описаніи лингвистическихъ теорій въ ихъ связи съ общественно-политической ситуацией, сложившейся въ определенной странѣ, съ совокупностью дискурсивныхъ практикъ общества, а также съ общими тенденціями развитія научнаго знанія въ определенный историческій періодъ» [1, с. 12].

«Путевые письма» являются, на нашъ взглядъ, однимъ изъ необыкновенно рѣдкихъ и ценныхъ источниковъ нарративной лингвисторіографіи, потому что они въ значительной степени созвучны съ ее основной задачей, ср.: «Глобальная задача нарративной лингвисторіографіи состоитъ въ показѣ концепціи и личности ученаго во всехъ аспектахъ, съ ее положительными и отрицательными качествами, съ учетомъ всехъ фактовъ біографіи, а задача читателя состоитъ въ ознакомленіи съ данными фактами и составленіи своего мнѣнія» [2, с. 146]. «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель» показываютъ намъ личность ученаго въ періодъ его становленія на протяженіи трехъ летъ его знакомства съ предметомъ своего дальнѣйшаго научнаго творчества въ парадигмѣ научной, культурной и отчасти политической и экономической жизни посещенныхъ имъ странъ въ тесной связи съ идеями и теоріями, которые оказали и оказывали на него влияние какъ на слависта самаго широкаго научнаго профиля – крупнаго специалиста по русскому историческому языковѣдѣнію, лексикографіи, исторіи и диалектологіи русскаго языка, палеографіи, древнерусскаго литературѣ, этнографіи и фольклору славянскихъ народовъ.

Систематическая работа съ такими источниками, какъ «Путевые письма», какъ намъ представляется, позволятъ приблизиться къ решенію «... новой для отечественной науки о языкѣ задачи: созданія непредвзятой, универсальной исторіи лингвистики съ включеніемъ множества аспектовъ и дискурсовъ, съ привлеченіемъ частныхъ методикъ нарративнаго описанія (воссозданія личнаго портрета ученаго, его аналитическаго аппарата, его научной бібліотеки, хронологическаго анализа полнаго корпуса его трудовъ, привлеченія узкаго и широкаго научнаго контекста, интервьюированія и анкетированія, если они возможны, работы съ архивными документами и пр.)» [4, с. 38].

«Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель» можно назвать интереснейшимъ источникомъ синхронной нарративной лингвисторіографіи, гдѣ именно на синхронномъ срезѣ – на протяженіи всего лишь трехъ летъ – мы видимъ широкую палитру общественной, экономической и интеллектуальной жизни какъ самаго ученаго, такъ и окружавшаго его общества: люди, живущіе здѣсь и сейчасъ, обменивающіеся своими знаніями и идеями, въ томъ числѣ и ученые самыхъ разныхъ специальностей (лингвисты, историки, этнографы, юристы и др.).

Литература

1. Костева В.М. Лингвистика тоталитаризма въ лингвофилософской парадигмѣ XX вѣка. Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Пермь, 2018. 40 с.
2. Костева В.М. Нарративный методъ въ лингвисторіографіи и особенности его использования для исследования научнаго интрадискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 14 (809), 2018. С. 143-151.

3. Лукин О.В. Научное сообщество Кенигсберга, Берлина, Галле и Дрездена глазами адъюнкта И.И. Срезневского (1839–1842 гг.) // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е.П. Осипова; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. Рязань, 2017. С. 412-417.

4. Радченко О.А. Горизонты нарративной лингвисторигграфии в новом столетии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 9 (801), 2018. С. 25-39.

5. Срезневский И.И. Донесение адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения, из Вены, от 8 (20) февраля 1841 года // Журнал Министерства народного просвещения, 1841, ч. 31, отд. 4. С. 9-36.

6. Срезневский В.И. Предисловие // Срезневский И.И. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель: 1839-1842 [к Е.И. Срезневской]: С приложением карты. Санкт-Петербург: Типография С.Н. Худекова, 1895. С. I-X.

7. Срезневский И.И. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель: 1839-1842 [к Е.И. Срезневской]: С приложением карты. Санкт-Петербург: Типография С.Н. Худекова, 1895. 374 с.

УДК 81'374

Н. В. Патроева

д. филол. наук
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Россия

**«СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII В.» КАК
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ
ДИАХРОНИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ**

N. V. Patroeva
Ph.D (Philology)
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

**"SYNTACTICAL DICTIONARY OF RUSSIAN POETRY OF THE XVIII CENTURY" AS
A LEXICOGRAPHICAL SOURCE FOR RESEARCH IN THE FIELD OF DIACRONIC
RHETORIC**

Аннотация. В статье излагаются базовые идеи исследовательского проекта, который связан с формированием научных трудов, повлиявших на становление российской традиции в сфере риторики. Основная цель проекта – фиксация, описание и последующая интерпретация приемов украшения речи, определение ключевых тенденций употребления тропов и фигур речи поэтами XVIII века, а также учет рекомендаций, которые присутствуют в первых российских трактатах, связанных с искусством красноречия.

Ключевые слова: теория и практика красноречия, история русской риторической традиции, тропы и фигуры речи.

Abstract. The article outlines the basic ideas of the research project, which is associated with the formation of scientific works that influenced the formation of the Russian tradition in the field of rhetoric. The main goal of the project is to fix, describe and subsequently interpret the techniques of decorating speech, identify key trends in the use of tropes and figures of speech by poets of the 18th

century, as well as take into account the recommendations that are present in the first Russian treatises related to the art of eloquence.

Keywords: theory and practice of eloquence, history of the Russian rhetorical tradition, tropes and figures of speech.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

«Грамматики и риторики – энциклопедии лингвистических знаний своего времени – играют заметную роль в описании литературных языков и в процессах их нормализации»

[1, с. 171]

Предполагаемый автор самой ранней из дошедших до нас риторик конца 1610-х гг., в основе которой лежали, возможно, латинский трактат (по А.И. Соболевскому) и / или польский (по А.Х. Востокову) его аналог, – архиепископ вологодский и великопермский, затем митрополит новгородский и великолукский Макарий. Во второй половине XVII – начале XVIII века теория и практика красноречия активно развивается на Украине, в Белоруссии и России во многом благодаря преподавательской, переводческой, стихотворческой деятельности славных представителей Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий – в трудах Андрея Белобожского, Николая Спафария, Софрония и Иоанникия Лихудов, Козьмы Грека, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Карiona Истомина, Михаила Усачева, Георгия Даниловского и др., среди которых полнотой и оригинальностью особенно выделялись переведенная с латыни на «словенский» Федором Поликарповым «Риторическая рука» Стефана Яворского и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича.

В 1740-70-е годы выходят риторические сочинения главных реформаторов русского литературного языка и поэтов, внесших неоценимый вклад в развитие отечественной словесности – Василия Тредиаковского, Михаила Ломоносова, Александра Сумарокова. Ломоносовское «Краткое руководство к красноречию» (1747 г.), в отличие от ранее отвергнутого рецензентами из Петербургской Академии наук «Краткого руководства к риторике» (1743 г.), сразу было оценено по достоинству и стало классическим трудом, оказавшим значительное влияние на все последующие работы в этой области:

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. – Впервые: Сочинения М.В. Ломоносова. СПб., Акад. наук, 1895. Т. III. С. 13–77; см. также: ПСС. М.; Л., АН СССР, 1952. Т. 7. С. 19–79.

[Тредиаковский В.К.] Слово о богатом, различном и несхотственном витийстве. Говорено почт. благор. ученейш. профессором в императорской Академии наук Санктпетербургской чрез Василия Тредиаковского. СПб., Акад. наук, 1745. 115 с. (латинский текст с русским переводом автора).

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. М.; Л., АН СССР, 1952. Т. 7. С. 89–318.

Сумароков А.П. О русском духовном красноречии. Полное собрание сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы Николаем Новиковым. М., 1787. Т. 6. С. 275–284.

К началу XIX столетия типология тропов носила уже устоявшийся характер, в отличие от классификации фигур речи, где царил полный разнобой. Перечень собственно фигур речи разнился с точки зрения протяженности. При этом перечень украшающих средств у разных авторов во многом подобен. Ср.:

Митрополит Стефан (Яворский). Риторическая рука (1705): «*тропосы в едином слове*»: метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, оноματοпезия, катахриси́с, металипсис); «*тропосы*» во многих речах (аллигория, перифрасис, ипербатон, иперболи); «*фигуры словес*»: А) *фигуры приложения*: репетиция (повторение), коверко (обращение), комплексно (сплетение), кондупликацио (усугубление), традукцио (проведение), <полипитотон>... (многopaдежное), синонимия (соименство), полисиндентон (многосвязное), градацио

раз), *указание* (описание в режиме здесь и сейчас), *эмфазис*), большая часть ушла из активного терминологического обихода в области стилистики, поэтики и риторики. Устранилось дублирование терминов (так, несколько заимствованных специальных наименований риторических приемов могли получать одинаковый перевод: определение, обращение, изложение, описание и пр.).

Нет оснований не учитывать этот терминологический «пул» эпохи языковых реформ в процессе анализа риторического материала. Поддержанный в 2021 г. Российским научным фондом (РНФ) проект «*Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте*» нацелен на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых главными русскими поэтами эпохи русского барокко и классицизма, и выяснение на этой основе направлений, степени глубины и постоянства взаимодействия риторической теории, изложенной в созданных в России XVIII в. трактатах по искусству красноречия, и живой поэтической практики.

Выбор стихотворных произведений Ф. Прокоповича, А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова в качестве основной эмпирической базы проекта обусловлен тем, что в эпоху расцвета главных литературно-художественных методов и стилей искусства между барокко и романтизмом именно поэзия была основной ареной формирования лексических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка, а ведущими реформаторами русского языка выступали поэты и – одновременно – теоретики в области филологии – Ф. Прокопович, А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов, Н. Карамзин, А. Пушкин.

Анализ планируется проводить с опорой на данные исторических словарей русского языка, а также материал «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» [2] в двух магистральных направлениях: с одной стороны – это выявление, классификация и интерпретация экспрессивного потенциала различных тропов и фигур речи, применяемых в поэтическом дискурсе эпохи Кантемира – Сумарокова, с другой – анализ соответствия этих риторических приемов рекомендациям теоретических руководств по элоквиенции, созданных Ф. Прокоповичем, М. Ломоносовым и другими авторами трактатов по искусству красноречия.

Важным результатом проекта должно стать создание базы данных, демонстрирующей особенности «риторических портретов» наиболее известных поэтов и риториков эпохи русского барокко и классицизма – Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Михаила Ломоносова, Василия Тредиаковского, Александра Сумарокова.

Литература

1. Вомперский В.П. Риторика в России XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.
2. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 574 с.; Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.

О ТРУДЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО «ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ
НИКИТИНА В 1466-1472 ГГ.»: ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО
КУПЕЧЕСКОГО ТРАВЕЛОГА

A.Reshetova
DLitt
Ryazan State University named for S. Yesenin
Ryazan, Russia

ON I. SREZNEVSKY'S WORK «AFANASIY NIKITIN'S JOURNEY BEYOND THE
THREE SEAS IN 1466-1472»: FIRST RESEARCH OF RUSSIAN MERCHANT
TRAVELOGUE

Аннотация. Главный объект исследования – труд И.И. Срезневского «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг.», опубликованный в 1856 г. и посвященный анализу историко-географического и историко-культурного контекста памятника путевой литературы Древней Руси XV в., связанных с ним проблем текстологического характера, вопросов лингвистической географии древнерусских памятников письменности и филологического изучения геопространства разных земель и стран, культурно-исторического бытия и миграции разных этносов.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг.», травелог, русская путевая литература.

Abstract. The main object of the research is I. Sreznevsky's work "Afanasiy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in 1466-1472", published in 1856. The research is aimed at the analysis of historical, geographical and cultural contexts of this literary monument of travel writing of Ancient Rus of the XV century. This leads to the analysis of textual problems, the issues of linguistic geography of Ancient Russian manuscripts and the philological study of geographical space of different lands, cultural and historical aspects of life and migration of various ethnic groups.

Keywords: I. Sreznevsky, "Afanasiy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in 1466-1472", travelogue, Russian travel writing.

Личностный и научно-профессиональный интерес И.И. Срезневского к теме путешествий не раз отмечался исследователями. Непосредственное отношение к нему имеет подготовка и публикация труда, посвященного ныне хорошо известному памятнику древнерусской путевой словесности - «Хождению за три моря Афанасия Никитина», в современной исследовательской традиции относимому к купеческим травелогам Древней Руси.

В 1856 г. Срезневский обратился к анализу «Хождения» русского купца-путешественника XV века и впервые опубликовал его в составе 2 выпуска «Ученых записок» второго отделения Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в том же - 1856 году [4]. *Отдельным изданием текст труда появился в 1857 г. в составе тома «Чтений И.И. Срезневского» [5]. На обороте титульного листа этого Санкт-петербургского издания сохранилось указание на источник публикации – это «отдельные оттиски из II-й книги Ученых записок, издаваемых Вторым отделением Императорской Академии наук»; «печатано по распоряжению Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 10 сентября 1857 г.».*

Изначально ученым было определено и функциональное назначение исследования, которое представляет собой не просто анализ текста и вопросов, актуальных для изучения его на современном для того времени этапе, а «краткий обзор» «для издания подлинника» [5, с. 22], «обозрение» «"тетрадей", оставшихся о путешествии в Индию Тверскаго торговца XV вѣка, и какъ вступленіе къ ихъ изданію» [5, с. 21] (к тому времени текст уже был опубликован на русском языке в томе 1853 года Полного собрания русских летописей [6]. При этом исследователь справедливо отмечает, что до него обратился к «Хожению» Никитина только Н.М. Карамзин, открывший этот текст и по единому взгляду на него оценивший его «значение в истории старой Руси XV века» [5, с. 19] (первая ссылка на текст русского купца-путешественника содержится в примечании 6 тома «Истории государства Российского» [1].

Срезневский обращается к тексту хождения в контексте филологического изучения геопространства разных земель и стран. Прежде всего, он рассматривает путешествие Никитина в широком историко-географическом контексте: в русле развития географии путешествий, в том числе в Индии, Турции, Персии, и связи России с Востоком в эпоху мировых географических открытий: «Пятнадцатое столѣтіе, памятное въ лѣтописяхъ западной Европы особеннымъ стремленіемъ ознакомиться и упрочить связи съ отдаленнымъ востокомъ, не осталось и для насъ Русскихъ безъ воспоминаній, доказывающихъ, что и наши предки принимали въ этомъ ходѣ помысловъ и дѣлъ свое участіе, на сколько позволяло имъ ихъ положеніе» [5, с. 1]. Это столетие он трактует как время первых русских посольств в Индию и Персию и установления первых торговых отношений с этими странами, отмечая при этом, что их развитие повлияло на обогащение русского языка за счет иноязычной лексики, о чем сохранились свидетельства – «показания нашего старинного языка» со второй половины XV века: «Многое изъ того, что составляетъ достояніе торговли - ткани, драгоценные камни, плоды, цвѣты и соки растеній, деньги - ранѣе, иное даже гораздо ранѣе XV вѣка, было у насъ въ ходу подъ восточными именами» [5, с. 4].

Безусловно, Срезневский обращается к контекстуальному изучению хождения Афанасия Никитина как литературного памятника Древней Руси, а, значит, вслед за «проницательным» (как он его определил) Карамзиным ставит для себя задачу – вписать текст в соответствующий историко-культурный контекст – а именно: в контекст литературы травелогов мирового значения, сопоставляя с «русской и обще-европейской» путевой литературой того времени: «Ихъ должно сравнивать съ записками западныхъ путешественниковъ того же XV-го вѣка, у этихъ современниковъ искать болѣе нежели гдѣ, насколько возможно, матеріала для объясненія Русскаго путешественника, ими опредѣлять значеніе его показаній. Тогда только объяснится его общее и частное значеніе» [5, с. 21]. Определяя место, которое хождение Никитина должно занять «въ ряду другихъ записокъ путешественниковъ XV вѣка», он дает перечень одновременных и близких по жанровым характеристикам травелогов, упоминая при этом записки итальянских, испанских и португальских («пиринейских») авторов-путешественников XV в. по Востоку, в Азию, Индию и Персию, а именно: венецианцев Никколо де Конти (так как «одинъ онъ довольно подробно говорилъ о тѣхъ же странахъ, замѣтки о которыхъ находимъ въ запискахъ Никитина» [5, с. 25]), Марко Поло, Иосафата Барбаро, Антонио Контарини, генуэзца Иеронима да С. Стефано, испанца Руи (Рюи) Гонсалеса де Клавихо, португальца Васко да Гама и др.

Особое внимание ученого привлекает, в частности, сочинение испанского дипломата и путешественника Руй (Рюи) Гонсалеса де Клавихо «Дневникъ путешествія ко двору Тимура в Самарканде в 1403-1406 гг.» для сопоставления с записками Никитина. Он делит текст на 15 глав, соответствующих географическим пунктам следования испанского посла Клавихо, и в процессе сравнительного анализа делает вывод: оба сопоставляемых текста восходят в одному устному источнику, т.к. в испанском сочинении был выявлен ряд данных, пересекающихся с «Хожением за три моря» Афанасия Никитина, которому удалось по возвращении из Индии посетить те же города, что и Клавихо: Султания, Тебриз, Трапезунд и др. К тому же, именно Срезневский первым перевёл текст испанца на русский язык (предыдущий его перевод был сделан на английском языке в Лондоне), а окончательный перевод на русский язык был издан

после смерти исследователя в 1881 г., «во многом благодаря старшей дочери Ольге – переводчице и писательнице» [2, с. 70]. Сопоставление двух свидетельств истории: дневника посла и летописной версии русского хождения позволяет исследователю заключить: «по времени, когда писаны, его записки принадлежать къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: рассказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ Хоженіемъ Никитина» [5, с. 81].

Помимо этого, контекстуальный анализ Срезневского продолжает изучение «Хождения» с точки зрения его связи с древнерусской словесностью, причем он сравнивает его не столько с ранней путевой (паломнической) литературой Древней Руси (что жанрово ожидаемо), сколько с фрагментами «изъ трехъ сказаній» летописного происхождения: из «замѣток о земляхъ за Арагаромъ» и «изъ двухъ повѣстей о Тамерланѣ». Основание для компаративного похода для Срезневского очевидно – это тексты, которые в XV веке поддерживают ориентальную традицию в словесности, восточную тематику в летописных сборниках. Безусловно, отмечается и значение записок Никитина в историко-литературном развитии и в жанровой истории древнерусской путевой литературы: «памятникъ въ своемъ родѣ и для своего времени (пока не открылось другихъ подобныхъ) въ такой же мѣрѣ единственный и важный, какъ Слово о полку Игоревомъ» [5, с. 19].

К числу актуальных вопросов, требующих первостепенного разрешения, Срезневский относит текстологические. С его работы начинается текстологическая история памятника, изучение количества редакций / изводов и их происхождения – вопроса, традиционно непростого в отношении древнерусского произведения и который впоследствии будет решаться в научной литературе по-разному. По мнению большинства исследователей «Хождения» Никитина (первым из которых стал Срезневский), путевые заметки были написаны русским купцом в Индии в надежде на то, что его записи прочтут «братья русии христиане», и только самая последняя часть – по пути на Русь, после третьего моря – Черного. После его смерти на пути в родные земли (так и не удалось достичь родной Твери («Смоленска не дошед...»)), записки попали в руки дьяка Василия Мамырева, который передал их составителю летописного свода: «Во все ли свое путешествие вель Никитинъ записки, гдѣ началъ ихъ, гдѣ покончилъ? опредѣлить трудно; но ясно, что онъ вель ихъ и въ Индіи, и, судя по различіямъ списковъ, не только писалъ ихъ, но и переписывалъ, а переписывая, исправлялъ или измѣнялъ. одинъ изъ этихъ списковъ достался Мамыреву и перешелъ въ Софійскій временникъ; другимъ спискомъ воспользовался составитель Русскаго временника. Само собою, были и измѣненія переписчиковъ» [5, с. 40-41].

В связи с этим в обзоре Срезневского довольно часты уточнения по поводу истории текста, в частности, относительно того, что текст писался Никитиным в Индии постепенно: «Какъ торговецъ, съ видами торговыми прѣхавши въ Индію, куда привезъ между прочимъ жеребца, купленнаго заранѣе для перепродажи, Никитинъ въ своихъ первыхъ замѣткахъ объ Индіи написалъ, что въ Индіи не нашель онъ товару по себѣ, годнаго для Руси, хотъ его и увѣряли, что найдеть; не нашель въ 1469 году, но изъ послѣдующихъ его замѣчаній о самыхъ товарахъ и даже ихъ цѣнахъ видно, что послѣ думалъ онъ уже иначе: такого противорѣчія не было бы, если бы записки его были писаны разомъ» [5, с. 40]. Или же уточнение подобного плана: «<...> замѣтка его еще важнѣе, какъ доказательство, что память свою любилъ онъ обогащать разными свѣдѣніями, вычитывая ихъ изъ книгъ и выспрашивая отъ людей знающихъ и очевидцевъ, и умѣлъ ихъ припоминать. По этой одной замѣткѣ можно судить, какъ многое, достойное любопытства, нашло бы мѣсто въ запискахъ Никитина, если бы онъ имѣлъ случай переглядѣть ихъ на досугѣ, дома, отдохнувъ отъ заботъ странническихъ» [5, с. 83].

В итоге, согласно восстановленной рукописной истории, у истоков изучения которой стоял Срезневский, «Хождение за три моря» дошло в двух изводах конца XV в.: Летописном (именно он вошел в состав Львовской и Софийской второй летописей, основанных на своде 1518 г., в свою очередь отразившем независимый летописный свод 80-х гг. XV в.) и Троицком (Ермолинском) сборнике конца XV в. При этом Срезневский справедливо полагал, что именно

«в списках Софийского временника находимъ лучший, или по крайней мѣрѣ болѣе полный изводъ записокъ Никитина», тогда как в другом изводе – Троицком – прочитываются также «замечательные отличия» [5, с. 20]. Позже, уже без участия Срезневского, в процессе продолжения текстологической работы и обнаружения новых рукописей с текстом хождения, было обнаружено, что еще один извод – Сухановский – восходит к Троицкому и прочитывается в составе поздней летописно-хронографической компиляции XVII в., подвергшейся существенной редактуре.

К настоящему времени в научно-исследовательской литературе уже сложилось несколько точек зрения по поводу истории происхождения разных редакций текста. Одни ученые (к ним относятся Срезневский, первый обозначивший данное предположение, и вслед за ним исследователи XX столетия: Н.С. Трубецкой, Н.В. Водовозов и др.) утверждали, что источник основных редакций XV-XVI вв. – это различные версии авторского текста. Все они были созданы самим Никитиным, который текст переписывал, исправлял и изменял самолично: «вникая в отличія разныхъ изводовъ записокъ Никитина, находишь на мысль, что самъ сочинитель былъ хоть отчасти ихъ причиною; если же такъ, то лѣтописцы, пользуясь случайно разными изводами, не въ подражаніе одинъ другому, а каждый по личному взгляду на достоинство записокъ Никитина давали имъ мѣсто въ своихъ лѣтописныхъ сборникахъ» [5, с. 20]. Другие медиевисты прошлого века (В.П. Адрианова-Перетц, Р. Тергулова, Г.П. Уханев и др.) предложили другую, отличную от мнения Срезневского, концепцию и убедительно предположили, что Афанасий Никитин не закончил и не оформил до конца свои записки, успев написать только один вариант сочинения; а еще две версии его текста – это результат работы редакторов-переписчиков конца XV-начала XVI в. и XVII столетия. «При этом, по видимому, Летописный и Троицкий изводы восходили, независимо друг от друга, к архетипу (авторскому тексту); в Троицком изводе текст подвергся более значительной обработке — были устранены некоторые черты, отражающие тверское происхождение автора, сглажены элементы просторечия» [3, с. 84]. Начатое Срезневским прояснение данных текстологических вопросов, без сомнения, актуализируется в свете намерения филолога – издать текст путевого памятника.

Контекстуальное и текстологическое исследование позволили Срезневскому перейти к изучению вопросов нелингвистического характера, а именно: исторической основы текста, датировки путешествия, его специфики и условий прохождения, включая, например, ограбление, побудившее Никитина продвигаться по направлению к Индии, или особенности восточного маршрута, который представлен достаточно подробно (с детальным описанием топографии местности, привлекательных не только для автора хождения, но и для исследователя-филолога городов и местечек) и т.д. По сути, этот материал складывался по принципу научного комментария исторического, географического, культурологического и текстологического характера, так необходимого в органичности всех своих составляющих при издании текста.

Проведенное в этом направлении исследование позволило Срезневскому представить маршрут тверского купца следующим образом (что, кстати, в основных положениях подтвердится и последующими изысканиями исследователей XX века): Никитин отправился в Ширван (Северный Азербайджан); когда в устье Волги, под Астраханью, корабли с товарами были разграблены степными кочевниками – ногайскими татарами, свой путь он направил дальше на юг – через Дербент, Баку, Гурмыз в Индию. Пути назад для него не было, ибо в Твери его ждали разорение и долгая тюрьма, но природная любознательность, купеческий практицизм и предприимчивость, твердость и решительность характера, не сломленного ударами судьбы, толкают его в путешествие «за три моря» («А что умно разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться» [5, с. 82]). Переплыв Каспийское и Индийское моря, пройдя Персию, он достиг самого центра Индостана, однако вернуться в родную Тверь ему было не суждено, он скончался на пути домой в литовских землях, не дойдя до Смоленска.

Звучит у Срезневского и уточнение датировки самого путешествия, к которой пришел также ряд современных исследователей – 1466-1472 гг., с опорой, прежде всего, на пасхальные расчеты, точнее подсчет тех лет, когда Никитину во время великопостных и светлых праздничных дней пришлось обходиться без книг православных: «городъ Каинъ или Клинь, гдѣ Никитинъ праздновалъ первую путевую Пасху, городъ не Русскій, а какой нибудь при-Каспійскій; что въ немъ былъ Никитинъ уже безъ книгъ; что, слѣдовательно, и зиму передъ этой Пасхой, зиму 1466-1467 года, провелъ внѣ границъ родины. Не имѣя права оспаривать показанія самого Никитина, я остаюсь пока при предположеніи, что он выѣхалъ изъ Руси въ 1466 году» [5, с. 38].

Обращает внимание Срезневский и на такие характеристики текста, как историчность, обуславливающая его пространственно-временную организацию и, соответственно, структурно-композиционное своеобразие, а именно разделение текста хождения на 15 глав – путевых очерков, подробнейшим образом расписанных ученым и повторяющих маршрут Никитина, и 3 содержательные части, структурно соединившие его описание фрагменты: первое путешествие через Персидские земли, второе – трехгодичное по Индии, третье – второе путешествие через персидские и турецкие земли.

Структурное разделение в зависимости от маршрута, который достаточно подробно описан с точки зрения и географии, и топографии, и истории, Срезневский также сопроводил комментарием по поводу типа повествования и характера путевого описания. Для уточнения жанрового характера (в том числе для подтверждения того, что текст представляет собой купеческое хождение) проанализированы очерки разного содержания: «Слѣдя въ расказѣ за своими переходами изъ однихъ мѣстностей въ другія, Никитинъ, вмѣстѣ съ описаніями мѣстностей, занесъ въ свои записки и замѣчанія о природѣ страны и ея произведеніяхъ, о народѣ, его нравахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, о его управленіи, и т. п. Каковы эти замѣчанія, можно отчасти судить по тому, что сообщено было выше. Прибавлю къ этому обзоръ еще нѣсколькихъ подробностей о народномъ управленіи и войскѣ, подробностей тѣмъ болѣе любопытныхъ, что ихъ нѣтъ въ расказахъ другихъ современниковъ» [5, с. 60].

При этом особенно обращает внимание на очерки *географо-топографического* («Почему же поѣхалъ онъ сюда не прямо изъ Тарома, это, конечно, объясняется характеромъ его странствія: Ларь и тогда былъ значительнымъ торговымъ мѣстомъ, а такія мѣста Никитинъ не миновалъ и даже останавливался въ нихъ, какъ мы видѣли, по мѣсяцу <...>» [5, с. 43]; «Уже тамъ сообразилъ онъ то, что видѣлъ, съ тѣмъ, что слышалъ, и составилъ для себя замѣтки о пристаняхъ Индійскаго моря. Эти замѣтки о пристаняхъ Индійскаго моря представляютъ собою особенный эпизодъ, нелишенный занимательности въ отношеніи къ торговлѣ и мореплаванію того времени. Онѣ начинаются общимъ обозначеніемъ разстояній» [5, с. 70-71]); *природного* («Поживъ въ Индіи, Никитинъ не опустилъ изъ виду особенностей неба и климата <...> Глядя на землю, онъ видѣлъ иное теченіе в иныя качества временъ года» [5, с. 82]; «Изъ животныхъ Никитинъ замѣтилъ слоновъ, буйволовъ, верблюдовъ, мамонъ. Его вниманіе, конечно, не могли не обратить на себя слоны; но онъ говорилъ о нихъ какъ будто о животномъ знакомомъ, не то что путешественники западные того времени и болѣе поздніе: не мудрено, что Никитинъ видалъ слоновъ и прежде, гдѣ нибудь въ Персидскихъ земляхъ.» [5, с. 66]); *этнографического* («Сблизившись съ многими изъ жителей, онъ описалъ имъ свою вѣру, какъ христіанинъ, и своею откровенностію заставилъ и ихъ быть откровенными, такъ что они перестали крыться передъ нимъ и въ яствахъ, и въ торговлѣ, и въ молитвѣ, и во всемъ; перестали скрывать отъ него и женъ своихъ» [5, с. 51]; «Еще любопытное замѣчаніе дѣлаетъ Никитинъ о вѣрѣ жителей» [5, с. 76]; «Предметы торговли, по ихъ замѣчанію, были тамъ между прочимъ и тѣ, о которыхъ вспоминаетъ Никитинъ» [5, с. 77]) и *историко-политического* характера (например, особо обращая вниманіе на исторію городов, или великолепный вид султанскаго дворца и выезд султана, или династическіе связи правителей восточно-азиатскихъ стран, как, к примеру, в повестяхъ о Тамерлане: «Дворъ Бедерскаго султана окруженъ стѣнами съ семью воротами; въ воротахъ сидятъ по сту сторожей, да по сту писцовъ,

которые записывают имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ; иностранцевъ не пускаютъ» [5, с. 50]).

Здесь нужно заметить, что Срезневский, скорее, представил наблюдения, объединенные в один обзор, пока без четких классифицирующих признаков и критериев. Но при этом закономерен исследовательский прием, который используется ученым достаточно часто – сопоставление хождения Никитина с другими путешествиями и их описаниями авторами-путешественниками: «Дорога Никитина была через Кулонгеръ, о котором ДиКонти вспоминаетъ подъ именемъ Soluoguria, и черезъ Кольбергъ = Колубергъ, описанный Абд-эрразакомъ, подъ именемъ Калберга» [5, с. 50], или «Для поясненія рассказа Никитина о выѣздахъ Бедерскаго султана, нелишне будетъ сообщить выписку изъ Шегабъ-эддина: о выѣздахъ султана Делійскаго» [5, с. 63], или «Поразили еще Никитина змѣи на улицахъ Бедери : "длина ихъ двѣ сажени". Это, вѣроятно, педда-пода изъ роду пифоновъ, въ десять и болѣе футовъ длиною. Ди Конти, Бартема и другіе путешественники тоже обратили вниманіе на змѣй въ Индіи, и Ди Конти между прочимъ кажется на тѣхъ самыхъ, что и Никитинъ» [5, с. 67], или «Замѣчанія Никитина о важности этого приморскаго города для торговли въ XV вѣкѣ подтверждаются сказаніями Абд-Эрразака, Ди-Конти и Васка де Гама» [5, с. 73], или «Не только современники Никитина, но и болѣе древніе путешественники, сообщали подобныя извѣстія о Цейлонѣ: между прочими можно замѣтить и Марко Поло, который описанію этого острова посвятилъ двѣ главы , и не забылъ между прочимъ вспомнить объ Адамовой горѣ, сказавши при этомъ, что на вершину ея поднимаются по желѣзнымъ цѣпямъ, привожденнымъ въ скалахъ, и что на ея вершинѣ, какъ увѣряютъ Сарацины, лежитъ гробъ Адама» [5, с. 74].

В особую группу отводятся Срезневским языковые особенности текста «Хожения»:

-*смешение иностранных слов, допущение варваризмов* («Никитинъ продолжаетъ свой рассказъ по-Персидски, мѣшая съ Русскимъ, какъ и вообще дѣлаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общественное или частное приличіе не позволяетъ ему говорить языкомъ общепонятнымъ» [5, с. 48-49]);

-*попытки перевода и объяснения происхождения иностранных слов* («Что касается до слова ачче, то оно, какъ Индѣйское названіе вола, употреблено у Никитина два раза: въ другомъ мѣстѣ Никитинъ замѣтилъ, что "ино возять "аче", моремъ, ины пошшины не даютъ", т.е. возять моремъ и воловъ, и тогда не берутъ пошшины. Ачче значить и отецъ, и волъ» [5, с. 54]; «Что же касается до "кози", то хоть оно и напоминаетъ Деканское названіе тамошняго садоваго орѣховаго дерева кажу (apacardium occidentale), и еще болѣе Цейлонское названіе хлѣбнаго дерева cose; но, безъ сомнѣнія, подъ большими Индѣйскими орѣхами кози Никитинъ могъ понимать скорѣе всего орехи кокосовые. Они и называются коки, кочи, а можетъ быть и і коси или и кози; они поражаютъ и величиною; изъ нихъ приготовляются водки и другія питія въ родѣ вина» [5, с. 68]);

-*языковые комментарии к использованию того или иного иностранного слова*, причем в том числе по неязыковым причинам («Часть этой оцѣнки алмазовъ записана по-персидски, можетъ быть для того, чтобы скрыть цѣнность алмазовъ отъ торговцевъ; а если такъ, то вѣроятно потому, что самъ Никитинъ торговалъ ими. "Алмазь родится - прибавляетъ Никитин. - въ каменной горѣ, и локоть этого камня съ алмазомъ новъ продаютъ по двѣ тысячи Фунтовъ золота, а локоть бирькона по десяти тысячъ Фунтовъ золота. Этою землею владѣеть Меликъ-ханъ, князь подвластный Бедерскому салтану, а отстоитъ она отъ Бедеря на тридцать козовъ", т.е. въ 300 верстахъ. Рачоръ считался въ то время однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ алмазныхъ копей. Трудно себѣ представить, чтобы Никитинъ, зная драгоцѣнность алмаза, не воспользовался возможностью побывать у самыхъ копей, гдѣ конечно можно было купить его выгоднѣе, и чтобы описать такъ подробно только по однимъ рассказамъ» [5, с. 58]).

Того же характера завершающій труд Срезневскаго «Алфавитный указатель», который включаетъ въ себя и имена собственные, и нарицательные, а также переводы к ним и комментарии, и поясненія изъ другихъ источниковъ, указанія на сравненія и параллели: «Алафа - награда. Ср. валаш. льфа— жалованье. Повесть о Махметѣ царѣ: "а царь Солтапъ

попяль своимъ царскимъ жалованьем, и алафою милостивъ" [5, с. 84]». Причем материал из этого указателя войдет в опубликованные «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» Срезневского, при этом в качестве иллюстративного примера будут даны ссылки на цитаты из «Хожения Афанасия Никитина» (обозначенного как труда ученого). Что, собственно говоря, неудивительно, так как известно, что, собирая материал для своего словаря древнерусского языка, Срезневский прежде стремился создать словари отдельных древнерусских произведений, а затем уже использовать собранный в них материал для составления единого словаря древнерусского языка. Представленный в труде о русском травелогe материал является ярким свидетельством широкого интереса Срезневского к лингвистической географии памятников письменности Древней Руси.

Помимо этого особым образом ученый прокомментировал вопрос воплощения авторского начала в путевом тексте и создания образа автора-путешественника в тексте XV века, что, безусловно, отличает текст купеческого хождения того времени: «Какъ однако ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ, все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ Русскомъ человѣкѣ XV вѣка» [5, с. 81], «И въ нихъ онъ рисуется какъ православный христiанинъ, какъ патриотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратьевъ торговцевъ XV вѣка» [5, с. 81]. Данный подход усиливает методологические установки исследователя-филолога по изучению древнерусской путевой литературы и раскрывает целостность и силу его личности, что подтверждают и звучащие в заключении слова учёного: «Невольное уваженiе вселяють къ себѣ такiе люди старой Руси — и, вѣроятно, мы найдемъ ихъ со временемъ не мало, когда будемъ искать съ любовiю къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили» [5, с. 83]. Таким образом, данный труд И.И. Срезневского стал актуальным в его эпоху вкладом исследователя в развитие исторического источниковедения, в развитие методов изучения текстов Древней Руси, позволяющих, в том числе, обращаться к широкому и разноплановому изучению геопространства земель, культурно-исторического бытия и миграции разных этносов.

Литература

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 6. С. 344-346. Примеч. 629.
2. Колгушкина Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России / науч. редактор О.В. Никитин. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2011. 396 с.
3. Лурье Я.С. Афанасий Никитин // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т руслит. (Пушкинский дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 1 (А-К). С. 81-88.
4. Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. // Учен. зап. П отд. имп. АН. СПб., 1856. Т. 2. Вып. 2.
5. Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. / Чтения И.И. Срезневского. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1857. 88 с.
6. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 330-358.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЦЫГАНСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫПИСКАХ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

V.V. Shapoval
Cand. Sci. (Philology)
Moscow City University
Moscow, Russia

MATERIALS ON THE ROMANI LANGUAGE IN EXTRACTS OF I. I. SREZNEVSKY

Аннотация. 2 листа выписок И.И. Срезневского по цыганскому языку (РГАЛИ. Ф. 436, оп. 1, ед. хр. 889) представляют интерес, поскольку привлечение материала из конкретных индоевропейских языков И.И. Срезневским для своих штудий заслуживает дальнейшего уточнения и осмысления. Записи цыганских слов в начале XIX в. проводились sporadически и средствами графики различных языков, что позволяет предположить вероятные характеристики источника, а также уточнить диалект материалов (из Словакии). Список тематический, ранее представленный в многоязычном словаре под ред. акад. П.С. Палласа, а также несколько фраз.

Ключевые слова: ромский язык, словацко-ромский диалект, И. Срезневский, рукопись.

Abstract. 2 sheets of extracts by Izmail I. Sreznevsky in the Romani language (RGALI. F. 436, op. 1, item 889) is of interest, since the use of material from specific Indo-European languages by Sreznevsky for his studies deserves further clarification and reflection. Romani words at the beginning of the 19th century were usually recorded sporadically and following the graphic system of various languages, which helps us to reconstruct some likely characteristics of the source, as well as to recognise the Romani dialect (from Slovakia). The list is thematic, previously known from the multilingual dictionary, ed. by acad. Peter S. Pallas, and a few sample phrases.

Keywords: Romani, the Slovak Romani, I. Sreznevsky, a manuscript.

Вопреки архивному описанию это не «[влашско]-цыганский диалект» [3], преобладает лексика словацкого диалекта (*karpatské (slovenské) romštiny*). (Он близок к плашунскому в России [5, с. 98].) Формат бумаги нестандартный, ближе к квадрату. Почерк русский (в приписках) выработанный скорописный. Латиница скорописная имеет черты небрежности. Запись позволяет восстановить звучание лишь в том случае, когда читатель уверенно владеет материалом. Пробелы зачастую отсутствуют, напр.: 10. *Mriczhaj*. [3, л. 1] <*mri čhaj* ‘моя дочь’, ср.: 11. *Дѣва* [2, т. 1, с. 35; т. 2, с. 493]>. Для рабочих записей это чрезвычайно странно. Так, не всегда визуально различаются: *с – е, н – ц, l – t*, etc. Заглавные буквы часто выглядят как несколько увеличенные строчные. Акут, гачек и кратка трудно различимы. Как различать, например, *ú* и *ÿ*? Сам пишущий мог их различать настолько уверенно, что полагался на свою память при чтении не вполне однозначной записи? Или же пишущий не различал эти тонкости, не вполне ясно показанные в источнике, потому и не отразил в копии?

По смыслу принимаем сомнительное начертание за нужный знак, напр.: 50. *Laszherijaj* <*lačhe^h rijaj* ‘хорошо пью’ [3, л. 1]. Знак *š* (или *ś*) часто соответствует звуку // в большинстве диалектов, напр.: 27. ⁵ *Wušt*. /vuʃt/ ‘рот’, но: 35. ⁶ *Wašt*. /vast/ ‘рука’. При всей небрежности копии примечательна точность отраженной записи, напр.: 26. *Czham*. <*čham* ‘щека’>, где придыхательный *čh*, как и в других случаях противопоставлен чистому *č*.

Варианты начертания, напр., как *z* и *z*, показаны, поскольку на кратком материале трудно решить, что релевантно в системе записи. Словацкие толкования даны нередко без долгот.

На обеих сторонах первого листа расположен список (от *Бог* до числительных), представленный в словаре под редакцией акад. П. Палласа («Роспись словамъ, въ двухъ частяхъ перваго отдѣленія, находящимся») [2, т. 2, с. 493–496]. В этом списке имеются ошибочные перестановки соседних позиций. Почему могли быть перепутаны соседние позиции списка Палласа? Возможно, при копировании черновика. Перед нами альтернативное заполнение списка слов, представленного в словаре П.С. Палласа. В предисловии последний отметил родство цыганского и индийских: «*Цыганскія*, поелику онъ великое и ошутительное имѣютъ сродство съ *Индѣйскимъ* языкомъ, то и поставлены предъ онымъ» [2, т. 1, с. 5 (нenum.)]. Это родство в списке индоевропейских не подвергалось далее пересмотру [1, с. 15]. Совпадения списка Срезневского с опубликованными кириллицей цыганскими соответствиями в списке № 166 [2] весьма незначительны. Оригинальный материал списка очень любопытен. Интересен и состав гапаксов, напр.: 93. bibachtuj, ср.: 93. Осень ?. [2, т. 1, с. 294].

И. Срезневский был в Европе в 1838–42 гг. В Германии в конце 1838 – начале 1839 г. он слушал лекции А.Ф. Потта [6, с. 347], который в это время заканчивал свою фундаментальную книгу о цыганах в Европе и Азии [7]. Кто же автор и кто адресат выписок? Автором, по всей вероятности, был сам Срезневский. Возможно, это его собственноручная запись материалов, полученных от Потта, например, на лекции. О Потте Срезневский отзывался так: «Въ Поттѣ я нашель втораго Боппа: та же ученость, то же добродушіе, та же ис-крепная любовь къ своему предмету и то же высокое сознание его трудности. Бесѣды съ нимъ были для меня столь же и пріятны, сколько поучительны, и тѣмъ болѣе были они для меня пріятны, что Поттѣ безпристрастно любить Славянь и знаетъ, что Славяне сдѣлали и сдѣлаютъ для Европы. Съ нимъ же вмѣстѣ и съ некоторыми Славянами изъ Венгріи, учащимися въ Галльскомъ Университетѣ, я обходилъ Славянскія окрестности Галле» [4, с. 14]. Русские пояснения, написанные между строк, напр. [3, л. 2, строка 15], в дополнение к словацким не всегда понятны в силу краткости и спешки при написании.

Условные знаки: ¹ – начало строки в рукописи; // – транскрипция; правка при записи: ≤14 < 15≥; знаки в [] дописаны позже: c[z]hau; знаки в {} зачеркнуты той же рукой: {~~422~~}; знак подчеркнутый (M), дописан поверх уже нечитаемого: Mrodai; комментарий: <'нос'> или с номером из списка Палласа/Бакмейстера '111. Паръ'; S. – East Slovak Romani / восточнословацкий ромский диалект (RomLex) [8].

Л. 1.

¹ 1. Legúledewle /HospodinМощи/. 'бог' 2. O Žeĝo. 'небо?' 3. Mrodai. 'мой отец' 4. Mridaj. 'моя мать' 5. Mro c[z]hau. 'мой сын'

² 6. Mriczhajogi. 'моя дочка' 7. Mriphenj. '(8) моя сестра' 8. Mrogom. '(9) мой муж' 9. Mrogomi. '(10) моя жена' 10. Mriczhaj. '11. Дѣва' [12=13. 'мальчик; дитя'] Mrogaklogu. 'мой мальчик (нецыган)'

³ 14. Gádzo. 'нецыган' 15. Budgádze. 'много нецыган' 16. Šéro. 'голова' 17. Muj. 'лицо' 18. Nak. 'нос' 19. Kokal. 'кость ≠ 19. Ноздри' 20. jakha / šukar

⁴ jakha = pekne oči/ 'глаза / красивые' 21. Cimli. 'ресницы ≠ 21. Брови' 22. Kogi. 'зрачок (κόρη) ≠ 22. Ресницы' 23. Kan. 'ухо' 24. Cekat. 'лоб' 25. Bal. 'волос' 26. Czham. 'щека' 27.

⁵ Wušt. 'рот' 28. Geĝoi. 'горло; S. girgañis (m)' 29. Dant. 'зуб' 30. Žhip. 'язык' 31. Jál. 'борода; S. ála (f)' 32. Menj. 'шея' 33. Pike. 'плечи' 34. Póka. 'локоть' 35.

⁶ Wašt. 'рука' 36. Angruštjã. 'пальцы' 37. Naja. 'ногти' 38. Per. 'брюхо' 39. Dumo. 'спина' 40. Pindro. '40. Hora, Pes' 41. KluncKa. 'колени?; S. khoč (f)' 42.

⁷ Morčhi. 'кожа' 43. Maš. 'мясо' 44. Kokalo. 'кость' 45. Rat. 'кровь' 46. ilo. 'сердце' 47. Thut. 'молоко' 48. Mišto šunaw. =

⁸ dobr slyšim. <или: dobr o lyšim> 'хорошо слышу' 49. laczhedikaū. 'хорошо вижу' 50. laczherijau thardi. 'хорошо пью паленку' 51. nalaczŠaĝani = nedobre

⁹ pachne. 'нехорошо пахнет' 52. __. 53. laču kRlo = pekny hlas mam. 'хорошее горло = красивый голос имею' 52. wikakerau = kričim. 'кричу' 56. jaĝalo. 'шум? agitated (m)'

¹⁰] 57. rowel. 'плачет' 58. law. 'слово' 60. patjii. 'почтение ≠ 60. Любовь' 59. Šunende. 'во снах' Šoŋau = jaspm. 'я сплю' 61. Dukhalmam. 'bolí ma / болит у меня'

¹¹] [62:] 63. Kerabutji. 'делаю работу' 64. žoralo. 'сильный' = 65. '65. Мочь' = 66. '66. Власть' 67. Vijau = Свадьба. '67. Брак' 68. {mrrwóđji}. [mro turo] 'мое тело ≠ 68. Жизнь' 69. — 70. {Kowa} = [mrrwóđji.]

¹²] duše. 'моя душа ≠ 70. Дух' 71. Múlo. 'мертвый' 72. Šil. '72. Стужа' 73. Kerekno. 'круглый' 74. Bári. 'большая ≠ шар?' 75. Czhon. 'месяц ≠ 75. Солнце' 76. Šar. 'змея ≠ 76. Мѣсяць, Luna' 77. Cilok. '≠ 77. Звѣзда'

¹³] 78. Wilakšago. 'világsag 'мир, свет' ≠ 77. Лучь, Radius' 79. — 60: balwal. '79. Вѣтръ' 80. Bári kujar churdél. 'большая kul'a <слвц. 'шар'> дует' 81. fermetegó. 'буря?' —

¹⁴] 82. Brišint. 'дождь' 83. Benjk. Churdji perel. 'букв. '': черт! мелкая падает ≠ 83. Градь' 84: vilamožinel. 'молния бьет, венг. villámoz- 'вспыхивать' 85. žengiši. '?' 86. jii. '85. Снѣгъ'

¹⁵] 87. Ijego. '86. Ледъ' 87. djiweš. дождь. 'день' 88. gaatji. 'в ночи' 89. ratjaha. 'ночью' 90. Kyjeráti. 'к ночи ≠ 90. Вечеръ' 91. linaj. '91. Лѣто' {92}

¹⁶] linajela — leto už budě. '*лѣтнѣеть = лето уж будет' 92. Avelma lináj. 'S. avel mar linaj = будет уже лето' 93. bibachtuj. 'осень' 94. Jewent. 'зима'

¹⁷] 95. berš. 'год' 96. oga. 'время' 97. Phuŋ. 'земля' 98. pánji. 'вода' 99. Andro baro kowa mali dfal. 'море?' 100.

¹⁸] b r pánji = barichénji. 'река?' 101. bal. 'волна?' {3} 102. poši. 'песок; S. poši (f)' 103. {euk} kopirakerel. '? ≠ глина' 104. Kowa. 'это, нечто ≠ пыль' 105. Cuk. 'грязь' 106.

¹⁹] tetejo. 'венг. teteje — вершина ≠ 106. Гора' 107. hedjo. 'гора ≠ 107. Берегъ' 108. cinohedjo = Мал. горка. '108. Холмъ' 109. vědja. 'долина; венг. völgy?' 110. uczhal. 'тень? ≠ 110. Воздухъ'

²⁰] 111. Khamlipel. <I в. м. п, ср. tumel'tela, л. 2: 19 > '111. Паръ' 112. jak. 'огонь' 113. táto. 'тѣплый ≠ 113. Жаръ' 114. (Heŋ: jev = хев.) 'яма ≠ 114. Глубина' 115. Šanbáro. '? большой ≠ 115. Высота'

²¹] 116. buchjo. 'широкий ≠ 116. Ширина' 117. Dužo. 'длина' 118. bári. 'большая ≠ 118. Дыра' 119. andredžal. 'внутри идѣт ≠ 119. Яма' 120. cukno rohi. 'малый? ≠ 120. Ровъ'

²²] 121. bar. 'камень' 122. Rup. 'серебро ≠ 122. Золото' 123. šolnakaj. 'золото ≠ 123. Серебро' 124. lón. 'соль' 126. veš. 'лес' 127. cár. 'трава'

²³] 128. čiljawa. 'дерево? слива?' 130. kechaldzam. 'кол?' 131. Pendechanj. 'ореховое дерево ≠ 131. Дубъ' 132. umblal. 'головня ≠ 132. Пень'

²⁴] 133. praťtjã. 'листва' 134. phaba. 'плоды' 135. сура. 'кора' 136. туwo. 'корень?' 137. goľjo. 'сук?' 138. phuwa. 'поле'

²⁵] 139. gyto. 'луг; венг. rét' 140. Djiŋ. '140. Жито, Frumentum <пшеница>' 141. Djiŋ. '141. Рожь, Secale' 142. dzóŋ. 'овес' 143. ğule. 'сладкие ≠ 143. Виноградъ' 144. máczho. 'рыба' 145.

²⁶] Kŋtmo. 'червь' 146. Marhi. <marthi, th (h) — ligatura> '146. Муха, Musca' 147. gú. 'волк' 148. tjelento. '148. Быкъ, Bos' 149. ğurumnji. 'корова' 150.

²⁷] bakro. 'баран' 151. šink. 'por' 152. graj. 'конь' 153. bálo. 'свинья' 154. dzjukel. 'собака' 155. dzungali. 'букв. злая'

²⁸] (mačka) / Máckica (mačor), 'кот' 156. '' myšŋsi. 'мышь' 157. ciriklo. 'птица' 158. pór. 'перо' 160.

²⁹] jandro. 'яйцо' 159. bašno. '159. Пѣтелъ, Gallus' 161. Kory. 'курица?' 162. rapí. 'гусь' 163. hudimen 'утка?' 164. okotele 'голубь?'

³⁰] 165. chudeliphu. 'соха' 166. raťineli phu. 'борона' (167.) 168. kher. 'дом' 169. wudar. 'дверь'

³¹] 170. ankhalo kher. 'двор' 171. for. 'город' 172. jakeraŋ = watra '172. Очагъ' (173 '173. Мѣра'). 175. tower 'топор'

Л. I об.

¹] 176. Ketóŋ. 'пояс. ср. венг. öv — id' 177. Karfin. 'гвоздь' 178. Werdó. 'воз' 179. Mår. <sic!> 'хлеб' 180. Mol. 'вино' 181. Chaben. '181. Ястыв'

2| 182. nafelmánuš. ‘S. nafel – 1. devil 2. unclean soul / плохой + человек; 182. Тать, Fur [183. charchúm] ‘медь ≠ 183. Латы, Torax’ 184. chuden. <?> ‘Сторожь, Custos’ 187. Coripen. ‘187. Бѣда, Miseria’ 185. harcolinempes

3| men. ‘harcolinen pes <или: pu?> men – ругаются на нас; cf.: S. harcol’inel pes – argue, fight; 185. Брань, Rixa <ссора>’ 186. mártjiben. ‘война’ 188. žralo / najmocnější/. ‘zuralo ≠ 188. Побѣда, Victoria’ 189. chudipen. <?> ‘война’ 190.

4| lukeštóů. ‘воин’ 191. panechuti _ нетоливый. ‘неторопливый ≠ 191. Лѣнь, Segnities’ 192. šukaratiwzenel = lasku

5| mezi sebou má. ‘доброе почтение знает = любовь между собой имеет’ 193. kilódinel = zrodila. ‘191. Родины, Puerpetium’ 194. šukarkphu. ‘красиво на земле? ≠ 194. Польш, Pavimentum’ 195. Andre

6| himaczhidji. ‘пашня?’ 196. {rimenthowel} okašt _ ‘{на нас ставит} дерево’ 197. roj. ‘ложка’ 198. baro máczho.

7| – welká ryba. ‘большая рыба ≠ 198. КитЪ, Cetus’ 199. vilago. ‘венг. világ – мир ≠ 191. СВѢТЪ, Lux’ 200. praital. ‘S. prajtalo – leafy ≠ 200. ГромЪ, Tonitru’ 201. terno manuš. ‘молод’ 202. Phuro. ‘стар’

8| 203. šašto manuš. ‘здоров’ 204. Utco. ‘высоко’ 205. chamno. ‘низко’ 206. báro. ‘велико’ 207. ciknóro. ‘мало’

9| 209. Kálo. ‘черно’ 210. lólo. ‘красно’ 211. šago <?> ‘зелено; слвц. šargy – яркий’ 212. Chudel. ‘остро?’ 213. šarano ‘сыро’. 214. lóko. ‘легок’

10| 215. thulo. ‘толст’ 216. laczhu/manuš. ‘добро’ 217. párho = 208. ‘белый ≠ 217. Хорошо, Bene, Pulchre’ = ‘208. Бѣло, Album’ 219. šakonedel = kaž

11| demu da ‘sakone^h del – каждому даст ≠ 219. Бла҃гЪ, Benignus, beatus’ 220. jagalo manuš. ‘злой/жгучий человек ≠ 220. Зло, Malum, maligne’ 221. choljamen. ‘злость ≠ 221. Дурно, Male, dementer’ 223. šikdza. ‘быстро иди ≠ 223. Скоро, Cito’ 224: _

12| lóke. ‘тихо’ 226. odáhi manuš (веселой). ‘это есть человек’ 227. techal (chau = я ъмь. tu

13| cháš, odá chal, amé cháš, tumechan, odja^han). ‘да ест (я ем = я ъмь. ты ешь, он ест, мы едим, вы едите, <od^hja> те едят)’ = ‘227. Ясти, Edere’ 229. terijel (me

14| rijau, turiojes, odá rijel, amé riješ, tumen rijen, odój rijen). ‘да пьет (я ем = я¹⁴) пью, ты пьешь, он пьет, мы пьем, вы пьете, те пьют)’ = ‘228. Пить, Bibere’ 230. temárel. ‘бить’

15| 231. tešówel. ‘спать’ 232. rašljúwaú. ‘лечь’ 233. laú. ‘взять’ 234. kamaú. ‘любить’ 235. Teúraú. ‘надевать ≠ 235. Носить, Portare’

16| 236. kiraúaú. ‘варить ≠ 220. Возить, Vehere’ <или смешение слвц. varit’ vozit’> 237. cžhinaú. ‘резать’ 238. cžhiwaú andriph^hw = ludém h tech / . ‘

17| 239. i phuChudel. ‘пахать’ 240. žaruwaú. ‘скрыть’ 241. cžhogaú. ‘лить’ 242. tówaú. ‘варить’ 243. odójaú.

18| adašljom, adášalj^m, jóuhadaj, adajšlj^m, adajšlj^{ja}, jóuhadaj. / ‘<odój jaú> там буду. ¹⁸<ada šljom> здесь был-я, <adá šljan> здесь был-ты, <jóu hi adaj> он есть здесь, здесь были-мы, <adajšlj^{ja}> здесь были-вы, <jóu hi adaj> он есть здесь’ = ‘243. Есть, Est’

19| 244. ánta. ‘неси+ta (dual.) ≠ дай?’ 245. ác. ‘стой’ 246. jaw. ‘приди ≠ 246. Иди’ 247. [me] {АМЕ} ‘[я] {МЫ}’ 248. jóú. ‘он ≠ 248. Ты’ 249. [dzal] {жа} ‘он’ 250 {жон} ‘она?’

20| tumen. ‘вы ≠ 251. Вы’ 251. phendja. ‘он-сказал ≠ 251. Мы’ 253. jóoN. ‘они’ 258. aúka. ‘да’ 259. nakampel. _ ‘нет (не должно)’ 260

21| {адэј} [androgau] ‘в селе ≠ 260. Гдѣ’ 261. adaj. ‘здесь’ 262. odój. ‘там’ 263. {jak araklailow} {телі}. ‘под’ 264. upralj. ‘надъ’

22| 265. andro. ‘во’ 266. Kana. ‘когда’ 267. Akának. ‘теперь’ 268. amákoló. ‘прежде?’ 269. Akor. ‘после, S. akor – then, lately’

23| 270. šar = что. sošlja = что. šarohodi, šošljahoda = čo to bolo. ‘что было это’ 271. bimušakero.

24| – безъ руки. nape šego – безъ главы, nape nak – безъ носа. 272. aledru. ‘описка? *aliebu, ср. слвц. alebo – или’

25| 273. oké. _ ‘во?’

- 26| 1. jek. 2. duj. 3. trinč. 4. štár. 5. panč. 6. šó. 7. efa. 8. ochto. 9. enja,
 27| 10. deš. 11. dešujek. '11 и 2 = 11' 12. dešuduj. '10 и 2 = 12' 20. biš. 21. {des} bištejek.
 '20 и 1 = 21' 30. trianda.
 28| 31. triandatejek. '30 и 1 = 31' 40. duarbiš. 'дважды 20 = 40' 41. duarbištejek. 'дважды
 20 и 1 = 41' 50. jepašel. _ 'полста= 50'
 29| 60. jepašeltedeš. 'полста и 10 = 60' 70. parabišel. 'рум. fără – без: без 20 сто = 80'
 80. paratriandašel. 'без 30 сто = 70' 90. paradešel. 'рум. fără – без: без 10 сто = 90'
 30| 100. šel. 110. šeltedeš. 1000. Obáro. (Слов: jezer.) 'венг. ezer'

Л. 2.

- 1| Ši mange, ši mange, Š ođola bockori, na cikne na bare
 'Сшей мне, сшей мне, сшей вон те (слыц.) *bačkory*, не малые, не большие'
 2| ké mande waloüne. <= volejné?>
 'при мне ? .'
 3| Kurdjahaš tu tiro dat šar šidjalaš miro gat, te mo dat zandljo- <miro = maj > ma {j} > mi)
 'Колачивал тебя твой отец, как шил[а]-ты мою рубаху, и мой отец я-знавал'
 4| maš de m odala laczheñ dzandlom hojna leha Mardjahaš tut o del <Сачзheñ - вряд ли>
 'дай мне те хорошие я-знал[а] пышные возьмешь Бивал <Чтоб бил?> тебя бог'
 5| šar man mukljjalaš.
 'коли меня ты бросаешь'
 6| Перевод стр. 1-2 {Ušii mi Korce ni welke len wolejne} <к олей, volejny, olejny ?>
 'Сшей мне тапки не большие, только ?'
 7| Ušii [mi] / uši z ihlou korce (bočkory) ne welke, ne male, len takje
 'Сшей мне / сшей иглой тапки (бачкoры) не большие, не малые, только такие
 8| naiперšje.
 наилучшие'
 9| Boh đaj ti boh ubil, koda omt: s košelu dala. Dobre sou bo wélc^{el} <-e - коньектура>
 'Бог дай тебе <=чтоб тебя> бог убил, : из кошеля дала. Хорошие суть, ибо большие <?>'
 10| že ju izodr^uči a mně ní neweguči. <u - коньектура, izodrúči 'лишит поруки'?> R
 'что её отвергнет (зарученную) и мне не неверящий'
 11| Богъ {~~даль~~} предложилъ <нрзб.>
 12| Mo dewla ma múk amen šáj na men bachtjaha šaštípnaha d_ amen
 'Мой бoже не оставь нас счастьем здоровьем дай нам'
 13| te chal to da men šochog teChal adin amen bachtjaha šaštípnaha
 'есть и дай нам никогда<?> есть спаси(áld-) нас счастьем здоровьем'
 14| Amari szhaworin te m {a}ri bain te m {a}ri dadé te mri phenjè. <2 *naš* на *мой*, вычерк. а>
 'Наших детей и наших мам<?> и наших отцов и наших? сестер'
 15| дѣти <?>. мат/ отц_ сестр. <строка позже вписана>
 16| neoruštjaj, pošanuj naš rožehnaj naš, đaj nam zdravja, dai <b_> pošanuj>
 'не оставляй, уважь нас прости нас, дай нам здоровья, дай'
 17| nam dačo,
 'нам кое-что'
 18| Nji greča, ni motyka te na tum[en] / szchinawel jeű karekeftai šohá don <[[!]]>
 'Ни ? , ни мотыга пусть вас не режет'
 19| kedj šohá tumel[eta] <tumen te na?> szchinawel hiba / gulo dél tumen te szchinawel.
 'козь никогда вас не поразит разве сладкий Бог вас поразит'
 20| nech was ne drehne, ani pryurobi
 'пусть вас не ? , и не ?'
 21| хiба пан богъ
 'разве господь бог'.

Литература

1. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Генеалогическая классификация языков: учебное пособие. Новосибирск, 2002. 32 с.
2. Паллас П.С. (изд.) Сравнительные словари всёхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Ч. I–II. СПб.: Типография Шнора, 1787–1789.
3. Срезневский И.И. Запись слов на [владшско]-цыганском диалекте. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 889. 2 л.
4. Срезневский И.И. Донесение адъюнкта Срезневского, г. министру народного просвещения, из Вены, от 8 февраля 1841 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 31. Отд. 4. СПб., 1841. С. 9–36.
5. Цыгане / Деметер Н.Г., Черных А.В., Тишков В.А. и др. Москва: Наука, 2018. 614 с. (Сер. Народы и культуры).
6. Чуркина И.В. И.И. Срезневский о словенцах и словаках // Славянский альманах. 2015. М.: Индрик, 2015. Вып. 1, 2. С. 345–359.
7. Pott A.F. Die Zigeuner in Europa und Asien... Teil I: Einleitung und Grammatik. Teil II: Einleitung über Gaunersprachen. Halle: Ed. Heynemann, 1844–1845.
8. RomLex. URL: <http://romani.uni-graz.at/romlex/>

Раздел 4

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. СЛАВЯНСКАЯ И РУССКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА

УДК 821.161.1

Н.С. Ганцовская
д. филол. наук, проф.

С.В. Окуловская
к. филол. наук

Костромской государственной университет
г. Кострома, Россия

«ЖИВАЯ СТАРИНА» В АВТОРСКИХ СЛОВАРЯХ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

N.S. Gantsovskaya
Phd in linguistics

S.V. Okulovskaya
Cand.Sci (Philology)

Kostroma State University
Kostroma, Russia

"LIVING ANTIQUITY" IN THE AUTHOR'S DICTIONARIES OF THE DIALECT VOCABULARY OF THE KOSTROMA REGION

Аннотация. В статье анализируются служебные слова в областных словарях, составленных по произведениям одного автора, наиболее древняя и высокочастотная лексика говоров юго-западных и северо-восточных регионов, соответственно центрального и периферийного типов, Костромской области в проекции на «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Составители «Словаря говоров Костромской низины» на основе очерков В.Я. Шишкова Н.С. Ганцовская и «Словаря говоров Верхнего Поунжья» на основе очерков И.М. Касаткина С.В. Окуловская пришли к сходным выводам о сохранении и активном использовании в настоящий период архаической служебной лексики, однако при этом выявили ограничения формального, семантико-стилистического и статистического характера в использовании служебных слов в исследуемых ареалах.

Ключевые слова: служебные слова, авторские словари, Костромская низина, Поунжье, Шишков, Касаткин.

Abstract. The article analyzes service words in regional dictionaries compiled according to the works of one writer, the most ancient and high-frequency vocabulary of the Kostroma dialects of the southwestern and northeastern regions (central and peripheral types) in projection on the "Materials for the dictionary of the Old Russian language" by I.I. Sreznevsky. N.S. Gantsovskaya, the creator of the "Dictionary of Kostroma Lowland Dialects" based on the essays of V.Ya. Shishkov and S.V. Okulovskaya, the creator of the "Dictionary of Upper Unzha River Dialects" based on the essays of I.M. Kasatkin came to similar conclusions about the preservation and active use of archaic service vocabulary in nowadays, however, they revealed the limitations of formal, semantic, stylistic and statistical nature in the use of service words in the explored areas.

Keywords: service words, author's dictionaries, Kostroma lowland, Unzha River region, Shishkov, Kasatkin.

В данном сообщении речь пойдёт о той части костромской диалектной лексики XX века, которая отражена в недавно составленных авторских словарях (ещё не вышедших из печати), имеет многовековую историю и отсутствует или зачастую в ином виде, семантико-грамматическом и стилистическом, имеется в современном литературном языке.

Как известно, авторскими называют словари, созданные по произведениям одного автора. В данном случае это «Словарь говоров костромской низины» Н.С. Ганцовской, составленный по материалам очерков В.Я. Шишкова «Приволжский край», и «Словарь говоров верхнего Поунжья», составленный С.В. Окуловской по материалам очерков И.М. Касаткина.

В.Я. Шишков известен не только как выдающийся писатель, но и как зоркий исследователь-этнограф, любитель и знаток народной речи. Летом 1924 года он «с котомкой» отправился изучать быт, нравы и говоры населения низовых реки Костромы (Костромского и Буйского уездов Костромской губернии) [20]. Вячеслав Яковлевич с большой охотой откликнулся на просьбу председателя Костромского научного общества по изучению местного края В.И. Смирнова, обращённую к столичным деятелям науки и культуры – помочь в исследовании этнографических особенностей Костромского края. Путешествие писателя проходило по местам со славным историческим прошлым России. Назовём, например, некоторые известные точки-топонимы на его дорожной карте и связанные с ними имена исторических личностей: Ипатьевский монастырь, где в эпоху Смутного времени пребывал Михаил Романов; Железоборский монастырь вблизи Буя, насельником которого был Григорий Отрепьев, будущий Лжедмитрий I, сын галицкого дворянина; своеобразно упоминаемый легендарный житель села Домнино Буйского уезда Иван Сусанин (кличку Суся местные жители присвоили вечно пьяному маляру за его поговорку «Сусанин сказал»), д. Вёжи, родина деда Мазая, и др. места, описанные Н.А. Некрасовым, имя самого Некрасова и костромских героев его произведений, которые с гордостью называют местные жители и др.). На этом пространстве складывалась русская государственность, и, без сомнения, отрабатывались и укреплялись на национальной основе основные нормы нового русского литературного языка.

Территория, где побывал В.Я. Шишков, входит в состав Костромской низины и по многим признакам представляет собой особую этнодиалектную зону, названную нами зоной «Костромского Приволжья» (об особенностях языка этой зоны и причинах выделения её в составе костромских говоров см. в: [9]; [3]; [1]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]. Значительную часть лексикона говоров данной этнодиалектной зоны, которые мы признаём говорами центрального типа, составляют общерусские слова, имеющие параллели и в литературном языке, однако наряду с этим неповторимый этнодиалектный колорит описываемого пространства в значительной степени придают ему диалектные слова древнейшего происхождения. По нашему мнению, такими маркерами древности является высокочастотная служебная лексика: *авось, аж, али, быдто, вишь, вон, дак, ежесли*, которая почти вся находит соответствие в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Проанализируем эту лексику в контексте авторского словаря В.Я. Шишкова и дадим ей исторический комментарий.

АВОСЬ. Частица. Наверно, может быть. *Авось матушка-богородица поможет* [563]. Слово просторечное, стоит рядом с высокой церковной лексикой, принадлежит местной костоправке бабушке Фёкле, живущей рядом с Железоборским монастырём, вообще-то доброй, дельной и богомольной старушке, которая взялась вылечить больную ногу А.В. Шишкова (в результате падения у него «желвак наболел» и «жила шевелилась», но которую автор назвал «чёртовой старушкой» за причинённую ему боль при лечении ноги). Её речь изобилует диалектизмами. Приведём фразу из словаря в более широком контексте: - *Вот ужэ завтра соченёк тебе сделаю из глины да из муки. А сейчас вот куделькой обложу ноженьку-то, жар будет отнимать... Ну, вот, вставай. Больно? Авось матушка-богородица поможет* [20, с. 563].

Слова *авось* нет в словаре Срезневского и в Словаре древнерусского языка (XI–XVII вв.), но есть в Словаре XI–XVII вв. (приводится пример, в частности, из Жития протопopa Аввакума) и Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Употребимо оно сейчас и в литературном языке. Видимо, его можно считать новообразованием XVII в., как и большинство подчинительных союзов и некоторых других служебных слов, цепко державшихся в разных сферах национального русского языка.

АЖ. Частица. Даже. *У меня, у грешницы, аж ноженьки отнялись. Что и было, что и было – аж жуть берёт* [565]. Частица имеет просторечный характер и в речи «ханжи-богомолки» тётки Авдотьи, соседки Фёклы, также видим сочетание просторечной и высокой церковной лексики и фразеологии. Приведём контекст, который точнее обрисовывает ситуацию употребления слова: *Бабка Фёкла. – Вот к тебе тётка одна собирается, Овдотья, страсть такая богомольная, ханжа. Всё о божестве... А сама... <...> Залезает ко мне, кряхтя и охая, чёрная пожилая женщина, тётка Овдотья, похожая на странницу. Усердно и долго крестится то ли на меня, то ли на ткацкий станок, что стоит в углу. – Здравствуйте-ка! Сказали мне, что Вы всем интересуетесь. Вот богоявленный образ принесла вам, Микола-угодник... Вот, батюшка, рассмотри. Чудотворный образ-то, в огороде хозяин мой нашёл, супруг. Рылся в огороде, глядит – камень аккуратный, он ломом и долбанул в него, вот вишь – лик-то испохаблен как. А камень-то в грязи был, не знатко ничего. Потом принёс мне, – вымой-ка, говорит, чего-то на нём есть. Я смочила водой-то, глядь – Микола. У меня, у грешницы, аж ноженьки отнялись...* [20, с. 564–565].

Слово *аж* имеется в Словаре Срезневского отдельно и в разных сочетаниях с другими служебными словами и в типологически значимых несходных функциях подчинительных союзов, частиц. Имеется там и актуальная для текстов В.Я. Шишкова функция ограничительной частицы *даже* со значением «тем более» с примером из Жал. гр. Вит. 1383 г. [16, т. 1, с. 8].

АЛИ. Союз. Или. *Али ему хозяин есть, скажешь – пролетарий работал его?* [506]. *Книж не на что купить, али бумаги, карандашей* [513]. *Али это в «Коробейниках» – забыл я* [510]. – *Много – что маляров, что плотников, столяров али штукатуров* [539]. *Её считали очень хорошей «барыней», она дешёво сдавала им в аренду покосные дуга, была «обходительна» и ни в чём не было от неё откату: «лекарствшка ли дать, али так что присоветовать»* [545]. В крестьянское просторечие разных персонажей Низины, даже при обсуждении серьёзных вопросов о роли в стране крестьянства, как в первом примере, органически вписывается союз *али*, чуждый в подобной огласовке литературному языку.

Значение разделительного союза преобладает в большинстве примеров со словом *али* у Срезневского, например, из Жития Бориса и Глеба, Псалтыри XIV в., в Лаврентьевской летописи и др. Однако представлено оно и в значении союзов *ли, ужесли, если*.

БЛАГО. Частица. Ведь, потому что. *После четвёртого пожара, – в 1910 году – порешили мужики строить кирпичные избы, благо суглинок у нас богатеющий* [511]. Значение частицы синкретично. Можно считать, что здесь частица выступает и в роли подчинительного союза *потому что*.

У Срезневского *благо* представлено как существительное ‘добро’ и наречие ‘хорошо’ [16, т. 1, с. 90], а также в составе сложного слова *благословити* – об имени: *благословити* – чем подарити [16, т. 1, с. 105]. Такое значение просматриваем и в примерах из Шишкова: – *А детьми бог не благословил... Его святая воля...* [20, с. 526]. *А, может, и врут, может бог такой дочерней родителей благословил ...* [20, с. 543].

В Словаре русского языка XI–XVII вв. и в Словаре обиходного русского языка XVI–XVII веков слово не отмечено в синтаксической функции союза-частицы. Но МАС отмечает это слово как разговорный союз со значениями ‘тем более что, благодаря тому что’, а также как первую часть составных сложных слов со значением *добро, хорошо*.

БЫДТО. Сравнительный союз. Будто. – *Оно и красиво гдётся, бытто, город* [511]. *Надюшка-то? О! Совсем даже отменная от наших. А родные следят её такие же непроёксы, как и прочие девушки. <...> Толкуют хрещёные, что она бытто от барина нашего бывшего*

[543]. *Филитическую болезнь у меня признали. По наследству быдто перешла от родителей моих* [557]. В иных случаях *быдто* (*бытто*) по значению ближе к частице. У Срезневского *будьто* толкуется как союз и частица. На это слово у него есть один пример в сб. Поучений XVII в.: – Рчь ведется...будто ся веснѣ приплыл [16, т. 1, с. 190].

В Словаре XI–XVII вв. *будто* (*быдто*) отмечено как частица и союз. В Словаре обиходного русского языка XI–XVII веков как союз сравнительный и изъявнительный. Указывается, что *бытто* – вариант *будто*.

Далее рассмотрим функционирование служебной лексики в готовящемся к изданию словаре, отражающем говоры особой этнодиалектной зоны в верхнем течении р. Унжи. Данная территория в различных источниках представляется рубежом, по которому проходят важные культурные и диалектные различия (см., например, [13, с. 303-313], [14, 435-437] и др.). Их спецификой является тяготение к периферийным говорам, близким к вологодским. Здесь обнаруживаются многие архаические фонетические особенности, такие, как мягкое цоканье, у-неслоговое, l-европейское, встречаются формы *мати* и *доци* и др. Упомянутый словарь составлялся по авторскому источнику: базой его словника стали произведения костромского писателя Ивана Касаткина, уроженца этих мест. Благодаря манере автора описывать события в форме очерков с привлечением большого количества документальных сведений, в том числе и в области языка, представилась возможность отражения в словаре лексического состава данных говоров начала XX века, в период, когда они ещё во многом сохраняли древнее состояние языковой системы.

Живая народная речь представлена в рассказах в естественных ситуациях общения на достоверном культурно-историческом фоне. В рассказах объёмно в количественном отношении и широко по тематике представлена лексика поунженских говоров различных частей речи. Мастерски показывая в своих произведениях речевую жизнь диалектных слов, И. Касаткин воспроизводит особенности построения фразы, используя характерные для говора как полнозначные, так и служебные слова: *Поразузнай в городе и отиши... Может в спитательный, альбо в учение какое, хоть двоих-то...* [11, с. 238]; *По супругу еду* [11, с. 51]; *Кряжи-ист старик, што и говорить! Лежит теперь, всю дольну жерновом смызуло, да и бок-от, слышь, помяло...* [11, с. 270] и др.). В «Словаре говоров верхнего Поунжья» вошли такие служебные части речи, как союзы (*аки, али, аль, альбо, альни, инда, ежели, коли, поколь, покель, ровно, ровно бы*); частицы (*аль, быдто, -де, -ко, -кось, коли не, неужто, -от, -ту, токмо*); предлоги (*по, окромя, округ, супротив*). Многие из представленных лексем являются архаическими образованиями – партикулярными кластерами, сформировавшимися способом агглютации древних первоэлементов-партикул [12, с. 5-6]. Так, например, частотны в произведениях И.М. Касаткина архаические партикулярные кластеры с инициально а-: *аки, али, аль, альбо, альни*. В словаре в зоне дополнительной информации дано указание на наличие приведённых слов в различных лексикографических источниках. Указание на употребление лексемы в словаре И. Срезневского подчёркивает их архаическое происхождение.

АЛИ и АЛЬ, союз разделительный. Или. *Кто их знает: были дочери али нет?* (168); *Да ежели бы конфету, аль бы пряник Ганьке, чтоб водился с девкой, как быть надо* (206) [17: 1, с. 234; Даль: 1, с. 55; 10, с. 16; 3, с. 14; 16: 1, с. 16].

АЛЬ, частица вопросительная. Разве, неужели. *Што? Аль буде? – удивился мужик, застыв с поднятой кувалдой в угрожающей позе, точно смертельный враг стоял перед ним* (160); *А чего, мол, ты вопишь? Аль болит чего?* (191); *Ося, аль не признал?* (289); *Дедуш, аль воевать вздумал?* (292); *Василь Диментич, чего там? Аль галка?* (332) [17: 1, с. 244; Даль: 1, с. 55; 10, с. 16; 3, с. 14; 16: 1, с. 20].

Древний союз *али* и его вариант *аль*, являющиеся в настоящее время устаревшими и областными [18, т. 1, с. 93], как показывает словарь Срезневского, исконно многозначные лексемы [16, т. 1, с. 16]. Они сохраняют в представленных И. Касаткиным материалах лишь основные значения. Писатель регулярно употребляет лексемы *али* и *аль* в разделительном значении при однородных членах: *Кто их знает: были дочери али нет?* [11, с. 168]; *Может,*

видел **аль** слышал про них где? [11, с. 124]; Да ежели бы конфету, **аль** бы пряник Ганьке, чтоб водился с девкой, как быть надо [11, с. 206] и др. В начале простого предложения лексема *аль* выполняет функцию вопросительной частицы «или, разве»: *Што? Аль буде?* – удивился мужик, застыв с поднятой кувалдой в угрожающей позе, точно смертельный враг стоял перед ним [11, с. 160]; *А чего, мол, ты вопишь? Аль болит чего?* [11, с. 191]; *Ося, аль не признал?* [11, с. 289]; *Дедуш, аль воевать вздумал?* [11, с. 292]; *Василь Диментич, чего там? Аль галка?* [11, с. 332].

АКИ, союз. Как, словно. *А и сушь же стоит, Николаич, а?! Просто батюшки вы мои... Аки огнём палит!* (207). [17: 1, с.226; 16: 1, с. 14].

Союз *аки* в рассказе И. Касаткина имеет то же значение, что и в материалах И. Срезневского.

АЛБЬО, союз разделительный. Или, либо. *Поразунай в городе и опиши...Может, в спитательный, альбо в ученье какое, хоть двоих-то...* (238) [16: 1, с. 244; Даль: 1, с. 55; 10, с. 16].

Употребляемый в произведениях И. М. Касаткина союз *альбо* (*поразунай в городе и опиши...Может, в спитательный, альбо в ученье какое, хоть двоих-то* [11, с. 238]), в различных вариантах функционирует в языках всех славянских групп с разделительным значением [19, т. 1, с. 38]. В русском же литературном языке он постепенно уходит из употребления, союз известен многим говорам русского языка с исконным разделительным значением [17, т. 1, с. 237]. Принадлежность данной лексемы фонду поунженских говоров подтверждает ККОС [10, с. 16].

АЛЪНИ, частица в значении союза. Так что даже. *Ну, только – matka и телок. Пронеслись, значит, выхорем через дорогу, алъни пух летит!* (1-181) [16: 1, с. 245; 10, с. 16; ЯОС: 1, с. 22; Ср.: Даль: **ально**, т. 1, с. 57; Срезневский: *аль но* = али нь – тем более: т.1, с. 18].

Союз *алъни* выступает в текстах И. М. Касаткина в двойной роли: помимо союзной функции со значением следствия, он выполняет функцию усилительной частицы «так что» + «даже»: *Пронеслись, значит, выхорем через дорогу, алъни пух летит!* [11, с. 181]. В древнерусском языке Срезневским отмечается конструкция *аль но* в значении «тем более». Возможно, впоследствии произошло слияние данных элементов в одно слово.

Среди подчинительных союзов наиболее частотными являются *коли* и *ежели*, используемые в условных конструкциях: *Одна голова, примерно, ошибку даст, а ежели, скажем, много голов, да в один голос, в одну ноту ежели, тут, гляди, маху не выйдет, будет во как верно!* [11, с. 163]; *Машины которые через крыши аж запускают, ежели в дверь не лезут* [11, с. 113]; *Коли лопнул бусир, стростить его надобно, бусир-от...* [11, с. 199]; *А ежели что, коли ладно там будет, пиши!* [11, с. 226]; «*Так и скажи им, коли увидишь*», – *стучала о пол старая, сгорбленная Фетинья Рыбка и вся тряслась* [11, с. 238] и др.

В значении «если» в древнерусских памятниках функционирует союз *еже* без финалии *ли* [16, т. 1, с. 819], которая, видимо, присоединилась позднее – в XVII веке. Как отмечает Л.А. Булаховский, писатели ещё первой половины XIX века употребляли лексемы *ежели* и *коли* в значении условного союза «без специальной стилистической окраски» [2, с. 411]. Позднее они приобретают стилистические ограничения. В начале XX века *коли* получает «некоторый налёт языка народного или просторечия» [Там же]. В настоящее время данные союзы трактуются как устаревшие и просторечные [18, т. 3, с. 1251; т. 5, с. 1157].

Предлог *по* в произведениях И.М. Касаткина употребляется в объектно-целевых конструкциях, сочетаясь с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными: *А в ней прописано, что я обязан явиться по своему супругу и по новорожденным, значит...* [11, с. 48]; *А ко мне вот от дохтора бумага. По супругу еду* [11, с. 51]; *Семка, айда завтра в Ошмятиху по грибы* [11, с. 309]; *Еще, помню, мальчонкой с баткой по рыбу ездил* [11, с. 161]. Такие конструкции с существительными различной семантики были общерусским фактом в языке XVII века [16, т. 2, с. 982]. В настоящее время объектно-целевые конструкции с предлогом *по* в сочетании с одушевлёнными существительными свойственны говорам северо-восточных территорий [15, с. 186]. БАС фиксирует употребление предлога в данном значении с пометой

«простореч.» только при обозначении предмета как цели движения, перемещения и т. п. [18, т. 10, с. 7]. Также в рассказах И. М. Касаткина представлено наречие *почто*, этимологически связанное с рассматриваемой конструкцией. В его семантике остаётся целевая установка: *Ну-ну?! Пошто ты здесь, а?* [11, с. 36]. Словарная статья в СРНГ показывает широкую географию данного слова, функционирующего практически во всех группах говоров со значением «с какой целью, для чего» [17, т. 31, с. 19]. Для современного русского языка лексема *почто* является устаревшей и областной [18, т. 10, с. 1736]. В настоящее время в объектно-целевых конструкциях используется предлог *за*, не отмеченный в данной роли в памятниках древнерусского языка [16, т. 1, с. 891]. Соответственно, изменило свой вид и наречие цели – *зачем* [18, т. 4, с. 1081].

Таким образом, данные авторских словарей по материалам очерков В.Я. Шишкова и И.М. Касаткина, описывающие состояние диалектной лексики начала XX века в юго-западных и северо-восточных костромских говорах, свидетельствуют о сохранении и активном использовании архаической служебной лексики древнейшего периода существования русского языка, отражённой в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Выявляются существенные ограничения формального и семантико-стилистического плана в современном использовании служебных слов в обеих рассматриваемых этнокультурных зонах костромских говоров, при этом значительно большим архаизмом отличаются говоры, описанные И.М. Касаткиным, по сравнению с говорами, являющимися объектом наблюдения В.Я. Шишкова.

Литература

1. Басова Н.Ф., Ганцовская Н.С. Ономастикон деревни Вёжи под Костромой: материалы для словаря (по воспоминаниям Л. П. Пискунова) // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. Т. 1. С. 146–158.

2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1934. – 468 с.

3. Ганцовская Н.С. Творчество писателей, связанных с костромским краем, как источник изучения живой народной речи (А.Н. Островский и В.Я. Шишков) // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13. Специальный выпуск. С. 108–112.

4. Ганцовская Н.С. По замыслам В.И. Смирнова: В.Я. Шишков и этноязыковое исследование Костромского края // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. Кострома: Линия График Кострома, 2017. С. 17–22.

5. Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д. Типологически значимая лексика в костромских говорах (на материале текстов В.Я. Шишкова) // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. Витебск: Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П.М. Машерова, 2018. С. 67–70.

6. Ганцовская Н.С. Принципы, методы и источники словаря костромских говоров «Костромское Приволжье» // Актуальные проблемы русской диалектологии / материалы Международной конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 65–67.

7. Ганцовская Н.С. Тексты В.Я. Шишкова в аспекте лингвогеографических и лексикографических проблем (костромские говоры) // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сб. материалов Всерос. с межд. участием науч. конф. (Волгоград, 23–25 апреля 2019) / гл. ред. Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; ред. И.А. Алещенко [и др.], «Волгогр. гос. социальный ун-т, Волгогр. отд-ние о-ва русск. словесности. Волгоград: Форпост, 2019. С. 397–403.

8. Ганцовская Н.С. Антропонимикон говоров Костромского Приволжья (по материалам очерков В.Я. Шишкова) // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. I / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун, сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. Кострома, 2020. С. 271–282.
9. Ерёмин С.А. Характеристика народных говоров по р. Костроме // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. Кострома, 1927. С. 4–15.
10. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с. (ККОС)
11. Касаткин И.М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.
12. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.
13. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова. М.: Наука, 1970. 456 с.
14. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб.: Наука, 2001. 512 с.
15. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.
16. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
17. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Тт. 1- . М.; Л.; СПб., 1965 – (СРНГ).
18. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1948-1965 (БАС).
19. Тарланов З.К. Грамматической системы языка развитие / З.К. Тарланов // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб: СПб ГУ, 2001. Т. 1. Кн. 1: Осьмнадцатое столетие. С. 277-279.
20. Шишков В.Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. Кострома: ООО Промдизайн, 2007. С. 498-572.

УДК 81'282.2

Н.И. Ершова

канд. филол. наук

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ НАЗВАНИЯМИ ЛАНДШАФТНЫХ
ОБЪЕКТОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ**

N.I. Ershova

Cand.Sci. (Philology)

National Research Mordovia State University
Saransk, Russia

**PARADIGMATIC CONNECTIONS BETWEEN THE NAMES OF LANDSCAPE OBJECTS
IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA**

Аннотация. В статье охарактеризованы лексико-семантические связи в диалектной системе на примере названий ландшафтных объектов, функционирующих в русских говорах

Мордовии. Описано многообразие синонимических, антонимических, полисемических и омонимических отношений, представленных данными существительными. В результате аналитического рассмотрения фактического материала предпринята попытка выявить общую специфику указанных связей в рамках данной группы слов на диалектном материале в сопоставлении с литературным языком, особое внимание уделяется явлению синонимии.

Ключевые слова: ландшафтные объекты, говоры, синонимия, синонимический ряд, антонимия, омонимия, полисемия.

Abstract. The article describes lexical and semantic connections in the dialect system by the example of names of landscape objects functioning in Russian dialects of Mordovia. The variety of synonymic, antonymic, polysemic and homonymic relations represented by these nouns is described. As a result of an analytical review of the factual material, an attempt is made to identify the general specifics of these relationships within this group of words in dialect material in comparison with the literary language, special attention is paid to the phenomenon of synonymy.

Keywords: landscape objects, dialects, synonymy, synonymic series, antonymy, homonymy, polysemy.

Системные связи и отношения в диалектной лексике проявляются в объединении слов по тематическим и лексико-семантическим группам, в словопроизводственных связях и ассоциациях, в явлениях синонимии и антонимии, омонимии и многозначности, в родовидовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики, лексико-грамматическом варьировании, стилистической дифференциации, в противопоставлении активных и пассивных элементов, в социальной дифференциации словарного состава [3, с. 3]. Анализировать представленные в диалектной системе связи целесообразнее в рамках отдельных семантических объединений, в частности, лексико-семантических групп. Для названий ландшафтных объектов, функционирующих в русских говорах Мордовии, характерно многообразие семантических связей диалектных существительных со значением ландшафтных объектов: синонимических, омонимических, антонимических.

Полисемия

Диалектные названия ландшафтных объектов характеризуются исключительным богатством и разнообразием и представлены как однозначными, так и многозначными словами.

К однозначным названиям ландшафтных объектов в русских говорах Мордовии относятся: *баклун*, *венички*, *волешинок*, *голосничок*, *давыдка*, *дербеж*, *живец*, *запарок*, *засев*, *зыба*, *вишеник*, *исполог*, *раушка*, *тайга*, *трющоба*, *тюторка*, *улишка* и др.

Баклун (= небольшое озеро) [*У нас бѣклуны ранѣ зъмирзают* (Подлесная Ивановка, Торбеевский район)]; **Венички** (= опушка березового леса) [*Па веничкѣм хадили, грибы и ягоды събирали* (Инейейка, Большеигнатовский район)]; **Волешинок** (= ольховый лес, ольшаник) [*Волешинок – етъ альха де растѣт. Туда вон за мост выдиш, там падрят адни волешиники* (Гордеевка, Ельниковский район)]; **Голосничок** (= ручеек) [*Вон в яру гълъсничѣк-тъ* (Саловка, Лямбирский район)]; **Давыдка** (= широкий овраг, поросший травой) [*У нас давыткѣф ф поли многоъ, а у вас их оврагѣми нъзывают* (Тарханы, Ичалковский район)]; **Дербеж** (= широкий овраг) [*Ни хадн чириз дирбеш* (Енгальчево, Дубенский район)]; **Живец** (= родник) [*Сѣтъки вада в жьфѣз лучи калодизнѣи* (Монастырская, Лямбирский район)]; **Запарок** (= участок земли, неудобный для пахоты) [*Один запѣрк большой, пахатъ ѣво нельзя* (Пичеуры, Чамзинский район)]; **Засев** (= засеянный участок поля) [*Засеф-тъ он нам аставил балшой* (Силино, Ардатовский район)]; **Зыба** (= болото) [*У нас здесь хѣрашо, лес и Сура блискѣ. А круж Суры зыбы, там торф бирут* (Русское Давыдово, Кочкуровский район)]; **Вишеник** (= вишневый сад) [*Ифшеник у меня густой. Десить сотѣк капаю, а асталноя пѣд ыфшеникѣм* (Стародевичье, Ельниковский район)]; **Исполог** (= пологий берег) [*Коя крутой берик, плохъ траву каситъ, на испѣлѣи лекиш. У нас испѣлк-тъ шырокѣи* (Новая Резеповка, Ковылкинский район)]; **Раушка** (= поляна в лесу, пастбище) [*Раушкѣ-тъ, где коровы пасуцѣ, у нас большая* (Большие Поляны, Ардатовский район)]; **Тайга** (= лес) [А

вокруг нас одни тайги (Говорово, Старошайговский район)]; **Трющоба** (= густой лес) [*Хадили в лес зь грибами, ф саму трющобу зьбрили* (Баракманы, Большеигнатовский район)]; **Тютюрка** (= ручей) [*Рани речкь была шырокья, а типерь тютюркх тикёт, абмилель* (Кулишейка, Рузаевский район)]; **Улишка** (= небольшой луг за огородом) [*Сначала кьнапляники идут, еть земля наш, рани тут кьнапли сеили, а зь кьнапляникьми – улишки. Рабаты любат нъ улишки играть* (Кулишейка, Рузаевский район)].

Полисемию, или многозначность, образуют семантические варианты одного слова, его значения. «Они в речи наделены разными функциями и находятся в отношении дополнительного распределения, т. е. не могут взаимозаменять друг друга в одном и том же контексте без изменения его смысла» [2, с. 170].

К многозначным словам в русских говорах Мордовии относятся существительные *жнивя, зад, карта, картовник, картофь, летник, липник, оградка, стрелка, улус* и др.

Жнивя – 1) Сжатое поле, жнивье. *Хадиль зь каровый на жнивю, фсе ноги искала; 2)* Остатки стеблей на корню после жатвы. *В западни жнивя высока асталъсь, мы туда авец пасть гаяили* (Усыскино, Инсарский район).

Карта – 1) Земельный участок различных размеров. *Барин у нас тут жыл, много у ниво картъф земли былъ, а картъ, щитай, диситинъ* (Русское Давыдово, Кочкуровский район); 2) Рисунок на ткани в виде четырехугольника. *Шаль была у миня: карта красна, карта чорна* (Урей, Ельниковский район); 3) Кайма на ткани. *Чай, купили мне платок с картъй, а картъ-ть цвятами* (Пушкино, Ромодановский район).

Летник – 1) Летняя дорога. *На летники, што на лесу идёт, много смарчкьоф растёт* (Усыскино, Инсарский район); 2) Сад, парк. *Какой харошый летник в Инсари!* (Снялеевская Пятина, Инсарский район).

Липник – 1) Липовый лес, липняк. *Бывалх весь липник извидут на лапти* (Кулишейка, Рузаевский район); 2) Листья липы. *Липник събизали, сушыли дъ ели* (Новая Фёдоровка, Старошайговский район).

Оградка – 1) Изгородь, ограда. *Мы фчярась цэльый день агратку дельги; 2)* Палисадник. *А каки красивы гиаргины у Маруськи в агратки растут* (Хлебино, Теньгушевский район).

Стрелка – 1) Овраг, заросший кустарником. *Вон за той стрелкый сень събирити* (Киржеманы, Большеигнатовский район); 2) Деталь плуга, регулирующая глубину вспашки. *Стрелку опустиш, фспашкх мельчы* (Грибоедово, Кочкуровский район).

Улус – 1) Заливной луг. *Пайдём в улусы сень касить* (Аксел, Темниковский район); 2) Удаленная от центра улица. *Наш дом нъ бльшаке, ф сирётки, а Масльвх в улуси* (Малый Аязь, Ковылкинский район).

Следует отметить, что у большинства многозначных названий ландшафтных объектов все значения, входящие в их смысловую структуру, входят в рассматриваемую лексико-семантическую группу. Это касается слов **лучник** (= 1. Часть огорода, на которой сажают лук, огурцы, помидоры) [*Агурцы мы сажам в лушники* (Надеждино, Ельниковский район)]; (= 2. Палисадник) [*Сколь народу-ть возли нашъвъ лушникъ сидят* (Гордеевка, Ельниковский район)]; **усадник** (= 1. Палисадник) [*В усадники уш клубникъ паспелъ* (Надеждино, Ельниковский район)]; (= 2. Приусадебный земельный участок) [*Весь усат вырыли куры, время сыроя, глисты, и роют* (Суподеевка, Ардатовский район)]; **шалыга** (= 1. Лес) [*Раншь лес-ть нъзъвалси шалыгъй, а типерь там адни кусточкы астались* (Жуково, Торбеевский район)]; (= 2. Поле бурьяна) [*Нони на зиму зьгатофки на шалыги дельг* (Подлесная Ивановка, Торбеевский район)].

Однако в русских говорах Мордовии функционируют отдельные существительные, некоторые значения которых не относятся к названиям ландшафтных объектов. Например, слово **ускорник** включает в себя следующие значения: (= 1. Последний ребенок в семье) [*Фсе дети у миня разъехались, токь ускърник са мной астали* (Кергуды, Ичалковский район)]; (= 2. Клинообразный участок земли) [*Там уш ускърник паиол, быстръ дькапам* (Пермеево, Ичалковский район)]; (= 3. Обломок) [*Эт доски в забори большой ускърник зьломился* (Кочкари, Ичалковский район)]; (= 4. Лоскут ткани) [*У миня там асталиси один ускърник, надъ*

им што ли зълатить дырку (Гуляево, Ичалковский район)]; (= 5. Осколок) [*Здеъ цълыи-тъ ни пѣдайдет, вон тот ускърник мне падай, он как рас будит* (Кергуды, Ичалковский район)]; (= 5. Худой, тощий человек) [*Эх ты, ускърник! Ни кормют што ль тибя?* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район)]. Как видим, в 1, 3, 4, 5, 6 значениях это существительное не называет ландшафтный объект.

Таким образом, в данной группе есть диалектные слова, все значения которых относятся к рассматриваемой лексико-семантической группе: *летник, лучник, усадник, шалыга*, а также встречаются существительные, только некоторые значения которых относятся к названиям ландшафтных объектов: *жнивя, зад, карта, картовник, картошь, липник, оградка, стрелка, улус, ускорник* и др.

Омонимия

«Омонимы определяют собой семантические отношения внутренне несвязанные, немотивированные значением, выражаемые одной звуковой формой. Омонимы, являясь разными словам, могут представлять разошедшиеся значения, восходящие к вариантам одного слова, могут быть образованиями от разных корней, совпавшими по звуковой форме, или однокоренными от разных слов» [2, с. 177].

Среди диалектных названий ландшафтных объектов можно выделить полные лексические омонимы. Они представляют собой слова одного грамматического класса, у которых совпадает вся система форм. Например: ¹**Враг** (= овраг) [*Округ сѣла многоъ врагѣф* (Маколово, Чамзинский район)] и ²**Враг** (= дьявол, черт) [*А ф сиридини у няво врак сидит, вон он ыво и смущат* (Подверниха, Старошайговский район)]; ¹**Коврига** (= большой кусок чего-либо съестного) [*Фцира дочь принисла кавригу масль* (Новое Баево, Большеигнатовский район)] и ²**Коврига** (= овраг) [*Зъ кавригѣй нъцынацѣ поля* (Ефаево, Краснослободский район)]; ¹**Кундыболка** (= овраг) [*Трахтър-тъ ф кундыбълку свалиси* (Лаврентьево, Темниковский район)] и ²**Кундыболка** (= березовый сок) [*Из бирѣзы тикѣт кундыбълкъ* (С. Михайловка, Ромодановский район)]; ¹**Привал** (= спинка стула) [*Стульи фсяки у меня: с приваль в горници стоят, бис приваль на кухни* (Студенец, Zubovo-Полянский район)] и ²**Привал** (= овраг, поросший травой) [*Ф привали ятѣт усыпѣнь, вон рибятѣнки и ходют туда* (Говорово, Старошайговский район)]; ¹**Стрела** (= неглубокий овраг, поросший кустарником) [*Та стрила как рас к рѣднику и выходит* (Новая Александровка, Большеигнатовский район)] и ²**Стрела** (= деталь ножной прятки: стержень, приводящий в движение колесо) [*Крюк такой извилный, на нем стряла, ана вертит къяло* (Такушево, Теньгушевский район)]; ¹**Стрелица** (= колодец с журавлем) [*Раньш з бѣрабанѣми калоцѣх ни было, были толькѣ стрелици. Стрелицѣ у нас въ дваре* (Новоиколаевское, Ельниковский район)] и ²**Стрелица** (= поле) [*Пашили нѣ стрелицу: жать надѣ* (Павловка, Лямбирский район)]; ¹**Травник** (= палисадник) [*Травник-тъ пирид домѣм весь ф цвятах* (Шишкеево, Рузаевский район)] и ²**Травник** (= медведь) [*Нони травники-тъ фсе вывились, а сколь рани травникѣф-тъ бълѣ!* (Русские Найманы, Большеберезниковский район)].

К неполным омонимам относятся слова, которые совпадают в звучании и написании не во всех грамматических формах. Среди диалектных названий ландшафтных объектов, функционирующих в русских говорах Мордовии, неполных омонимов, по-видимому, не наблюдается.

Антонимия

«Антонимия – семантические отношения между словами, противоположными по значению» [2, с. 180]. К диалектным антонимам можно отнести существительные со значением ландшафтных объектов: *овняг – лемжа* и *колесник – круча*.

Овняг (= неглубокий овраг, поросший травой) [*Ягѣды в овнягах събираль?* (Шигонь, Старошайговский район)]. – **Лемжа** (= глубокий овраг, поросший травой) [*Аврак нъзывалси лемжѣй* (Шишкеево, Рузаевский район)]; **Колесник** (= пологий овраг, поросший травой) [*А кругом сѣла калесники, у нас многоъ калесникѣх-тъ* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район)]. – **Круча** (= крутой овраг, поросший травой) [*Сматри, Петѣкъ, рѣбятѣнкѣ ф кручу свалиси* (Кользиваново, Краснослободский район)].

Л.А. Новиков выделяет несколько классификационных типов антонимов. «Основной массив противопоставлений, представляющих ядро антонимии русского языка, образуют слова, значения которых воспринимаются как: 1) слова, обозначающие качество (в широком смысле этого слова) (добрый – злой), разнокорневые (живой – мертвый) и симметричные (легкий – тяжелый); 2) слова, обозначающие качество, однокорневые (культурный – некультурный) и симметричные (разбирать – собирать); 3) слова, обозначающие направленность, разнокорневые (белый – черный) и симметричные; 4) слова, обозначающие направленность, однокорневые и симметричные; 5) слова, обозначающие направленность, разнокорневые несимметричные (начинать – кончать, переставать); 6) слова, обозначающие направленность (входить – выходить, теплеть – холодать), однокорневые и несимметричные» [4, с. 70].

Подчеркнем, что антонимы *овняг – лемжа*, *колесник – круча* являются разнокорневыми, по характеру отношений – симметричными.

Синонимия

Диалектная синонимия наиболее изучена по сравнению с перечисленными выше парадигматическими связями. Диалектными синонимами, как отмечает Л.И. Баранникова, являются «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

В русских говорах Мордовии синонимы, представленные диалектными существительными со значением ландшафтных объектов, могут различаться оттенками значения. С учетом этих различий синонимичные названия ландшафтных объектов можно разделить на несколько подгрупп:

1. Абсолютные синонимы-дублеты, не имеющие семантических и стилистических различий. Дублетами являются слова *враг*, *дербеж*, *дол*, *ендова*, *ендовина*, *калмушка*, *коврига*, *кундыболка*, *обвал*, *оспище*, *отвершик*, *падчина*, *подукатна*, *пошлатка*, *промы* (= овраг). Например: *Окрук сѣла многоъ врагѣф* (Маколово, Чамзинский район); *Ни хади чириз дирбеш* (Енгальчево, Дубенский район); *Ни прайдѣш чириз этт дол, в нем вады многоъ* (Большое Чуфарово, Ромодановский район); *Каму харошый пай сена дастанциф, а каму в йиндаве, а аттуда больнъ труднъ вывазить иво, дѣ и касить нилихко: йиндавы у нас кустарникѣм зѣрасли* (Кулишейка, Рузаевский район); *Зѣ диревний у нас йиндавина, там в йиндавине пчельник* (Большой Азясь, Ковылкинский район); *Ф калмушки арехѣф многоъ* (Куликово, Теньгушевский район); *Зѣ кавригѣй нѣцынациф поля* (Ефаево, Краснослободский район); *Трахтѣр-тѣ ф кундыбѣлку свалили* (Лаврентьево, Темниковский район); *В абвалѣх кусты сажать начили* (Рязановка, Старошайговский район); *Нидѣлико ад жѣлезнѣй дароги агромиѣнъ оспища былѣ* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район); *Залезиши бываль в отвершик и нарвѣш малины* (Лухменский Майдан, Инсарский район); *Билинки сѣ на пачинѣм растут* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район); *Ф пѣдукатныхъ ягѣт ноиниѣнъ летѣ былѣ видимъ-нивидимъ* (Рязановка, Старошайговский район); *Ф пашлатки у нас многоъ клубники* (Красный, Темниковский район); *Чирис прамыф ели праехѣли, снегѣм зѣнисло дарогу* (Тепловка, Кочкуровский район).

Лужина, *лужинка*, *репище*, *рузлейка* (= луг). Например: *Каровы нѣ лужыни паслись, у нас лужыны харошы* (Нагаево, Инсарский район); *Пади-кѣ нѣ лужынки пабегѣй* (Стародевичье, Ельниковский район); *В этѣм гаду нѣ рипицихъ фся трава пасохѣлѣ* (Трофимовщина, Ромодановский район); *Пайдѣм касить в ружлейку* (Куликово, Теньгушевский район).

Кордон, *лысуха*, *майдан*, *польцо*, *порубка* (= поляна). Например: *Народу, народу-тѣ нѣ кардони, чай, артисты гѣрацкия приехѣли* (Смольково, Лямбирский район); *Пойдѣм сенѣ косить на лысуху* (Новая Александровка, Большеингатовский район); *Ты драва-тѣ нѣ майдани клади, а то паложыш кучьку-тѣ, патом к ней ни падѣхѣтѣ* (Кулишейка, Рузаевский район); *Нѣ пальцѣ эхъ ы гѣлубникѣ крупнѣ!* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район); *Цвѣты нѣ*

парупки събирали и винки плили. И кърваоды вадили нъ парупкъх (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

Лучник, оградка, парисадник, пересадник, присадник, прясла, травник, усадник (= палисадник). Например: *Сколь народу-тъ возли нашьвъ лушникъ сидят* (Гордеевка, Ельниковский район); *А каки красивы гяргины у Маруськи в агратки растут* (Хлебино, Теньгушевский район); *Пайдю-къ ф присадник* (Куракино, Ардатовский район); *Схади-къ ф пирисадник зъ цвятючкьми* (Сивинь, Краснослободский район); *У нас и агарот, и присадник, где цваты сажам* (Русские Найманы, Большеберезниковский район); *Возли дома у мина пряслы* (Кайбичево, Дубенский район); *Травник-тъ пирид домъм весь ф цвятах* (Шишкеево, Рузаевский район); *В усадники уш клубникъ паспелъ* (Надеждино, Ельниковский район).

Зыба, овражец, омут (= болото). Например: *У нас здесь хърашо, лес и Сура блискъ. А крук Суры зыбы, там торф бирут* (Русское Давыдово, Кочкуровский район); *Зъ чугурьми надъ в авражец съездитъ* (Максимовка, Темниковский район); *Омут – ни земля, ни вада, а ни вылизши. Зимой омут зъмярзат* (Надеждино, Ельниковский район).

Лава, саженка (= пруд). Например: *В нашьм силе лава на одном мести лет сто уш* (Усыскино, Инсарский район); *Дети к сажьнки убижали, как бы што ни вышлъ* (Судосево, Большеберезниковский район).

2. Семантические синонимы, отличающиеся друг от друга оттенками значений. К семантическим синонимам, функционирующим в русских говорах Мордовии, относятся диалектные названия ландшафтных объектов: **ендова, лодки** (= широкий овраг, поросший травой) [*Каму харошый пай сена дастаницъ, а каму в йндаве, а аттуда больнь труднь вывазить иво, дъ и касить нилхко: йндавы у нас кустарникъм зърасли* (Кулишейка, Рузаевский район); *Вы как рас мимъ лодк или* (Ефаево, Краснослободский район)] и **калмушка, колесник, лопаты** (= пологий овраг, поросший травой) [*Ф калмушки арехъф много* (Куликово, Теньгушевский район); *А кругом сяла калесники, у нас много калесникъх-тъ* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район); *Ты в лопатъх сень касилъ? – Да, в лопатъх харошъ трава, густая* (Шнгаево, Староцайговский район)]. Как видим, лексическое значение диалектных существительных, называющих ландшафтные объекты: *ендова, лодки, калмушка, колесник, лопаты* включает общие семы 'овраг', 'поросший травой'. Помимо него, смысловая структура слов *ендова* и *лодки* дополняется семантическим компонентом 'широкий', а смысловая структура слов *калмушка, колесник, лопаты* – компонентом 'пологий'.

Лужина, лужинка, репище, рузлейка (= луг) и **улус** (= заливной луг) [*Каровы нъ лужыни паслы, у нас лужыны харошыйи* (Нагаево, Инсарский район); *Пади-къ нъ лужынки пабегъй* (Стародевичье, Ельниковский район); *В этъм гаду нъ рипищих фся трава пасохлъ* (Трофимовщина, Ромодановский район); *Пайдём касить в рузлейку* (Куликово, Теньгушевский район); *Пайдём в улусы сень касить* (Аксел, Темниковский район)]. Лексическое значение диалектных существительных, называющих ландшафтные объекты, *лужина, лужинка, репище, рузлейка, улус* включает общие семы «луг». Помимо него, смысловая структура слова *улус* дополняется компонентом 'заливной'.

Ключ, ключинка, ключок (= ручей) и **шушурка** (= весенний ручей) [*Ключы пъябжали – вясна пришла* (Петровка, Большеберезниковский район); *У нас висной ключинкъ здесь много* (Жуково, Горбеевский район); *Где твая ям-тъ была, там титерь ключёк тикёт* (Кайбичево, Краснослободский район); *Солнышкъ грет, шушуркъ пьд акошкъм шурчит, хърашо, висну дъждались* (Кулишейка, Рузайский район)]. Лексическое значение диалектных существительных, называющих ландшафтные объекты: *ключ, ключинка, ключок, шушурка* включает общие семы «ручей». Помимо него, смысловая структура слова *шушурка* дополняется компонентом «весенний».

Жнива, жниво (= сжатое поле, жнивье), **огорох** (= гороховое поле), **оржанице** (= ржаное поле), **стень, стрелица** (= поле) [*Хадиль зъ каровъй на жниви, фсе ноги искалопа* (Усыскино, Инсарский район); *Сматрю я, а Иван на жнивуту ка мне идёт, и басой, батюшки, басой* (Соколов Гарт, Чамзинский район); *Он калхозны агарохи къраулл* (Красногорное,

Чамзинский район); *Ф проишльм гаду камбайны аржаници жали ф канцэ июля* (Усыскино, Инсарский район); *Старшой ф степе на трахтьри пашьт* (Кергуды, Ичалковский район); *Пашли их стрелицу: жать надь* (Павловка, Лямбирский район)]. Лексическое значение диалектных существительных, называющих ландшафтные объекты, *жнива, жниво, огорох, оржанице, степь, стрелица* включает общие семы «поле». Помимо него смысловая структура слов *жнива* и *жниво* дополняется компонентом 'сжатое', существительное *огорох* дополняется компонентом 'гороховое', существительное *оржанице* дополняется компонентом 'ржаное'.

Отметим, что семантико-стилистических и стилистических синонимов среди диалектных названий ландшафтных объектов, представленных в русских говорах Мордовии, по-видимому, не наблюдается.

Рассматривая семантические отношения диалектных названий ландшафтных объектов, представленных в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [5], мы пришли к выводу, что в рассматриваемых говорах функционируют однозначные (*баклун, венички, волешиник, голосничок, давыдка, дербеж, живец, запарок, засева, зыба* и др.) и многозначные названия ландшафтных объектов (*жнива, зад, карта, картовник, картошь, липник, оградка, стрелка, улус* и др.). Широко представлена синонимия: синонимы-дубликаты (*голосничок, киндар, ключ, ключок, тютюрка* и др.) и семантические синонимы (*ендова, лодки, лужина, репище, рузлейка* и др.). Менее развиты омонимия и антонимия. Среди диалектных названий ландшафтных объектов в особую группу выделяются полные лексические омонимы (*враг, грань, коврига, кундыболка, неть, привал* и др.). Неполных омонимов в русских говорах Мордовии не обнаружено. Антонимические противопоставления диалектных названий ландшафтных объектов практически не встречаются (две пары), являются разнокорневыми и симметричными (*овняк – лемжа, колесник – круча*).

Литература

1. Баранникова Л.И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Саратов, 1968. Вып. 1. С. 101–121.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Просвещение, 1956. 780 с.
3. Маслов В.Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области): моногр. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. 124 с.
4. Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке // Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 69–73.
5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. СПб.: Наука, 2013. Ч. 1. С. 1–672. Ч. 2. С. 673–1560 с.

ЛЕКСИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТАХ ВОЕННОЙ ПОРЫ

N.A.Krasovskaya
Doctor of Philology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

VOCABULARY OF AGRICULTURE IN REGIONAL WAR NEWSPAPERS

Аннотация. В статье говорится о лексических особенностях районных газет периода Великой Отечественной войны. В частности, автор останавливается на лексике, входящей в тематическую группу «Сельское хозяйство». Определяются разновидности специальной лексики, терминов, которые активно употребляются современными носителями языка, и некоторые лексические единицы, постепенно выходящие из активного использования. Помимо этого, специально рассматривается диалектная лексика, которая встречается на страницах газет.

Ключевые слова: газета, лексика, сельское хозяйство, тематическая группа, диалектная лексика.

Abstract. The article deals with the lexical features of regional newspapers during the Great Patriotic War. In particular, the author dwells on the vocabulary included in the thematic group "Agriculture". The varieties of special vocabulary, terms that are actively used by modern native speakers, and some lexical units that are gradually emerging from active use are determined. In addition, dialect vocabulary, which is found on the pages of newspapers, is specially considered.

Key words: newspaper, vocabulary, agriculture, thematic group, dialect vocabulary.

Региональные газеты в период Великой Отечественной войны были столь же важны для читателей, как и центральная пресса, как и фронтовые издания.

По нашим наблюдениям [4], региональные газеты до сих пор недостаточно изучены, обращение к ним вызывает исследовательский интерес и в плане анализа жанрово-стилистических особенностей, и в плане анализа отдельных языковых единиц, которые встречаются на страницах газет.

Языковые и жанрово-стилистические особенности прессы периода Великой Отечественной войны становились предметом рассмотрения многих исследователей, в частности Еремкиной В.Н. [3], Овсепяна Р.П. [5], Протопоповой О.В. [6], Рубановой Т.Д. [7], Широкоград И.И. [16] и др. Ими анализировались исторические процессы становления отечественной прессы, функционирование печатных СМИ на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны, определялись особенности экспрессивной лексики в газетах военного периода.

В данном случае под региональной прессой мы понимаем районные газеты, которые издавались в период Великой Отечественной войны в определенном административном районе.

В нашем случае материалом исследования послужили номера газеты «Белёвская правда» [Белёвская правда. [2] военной поры (1941 г.). Указанная газета издавалась на территории Белёвского района Тульской области. Количество выпускаемых номеров в неделю было достаточно высоко: 4-5 номеров. Не выходила газета в период оккупации.

Газетные материалы рассматриваемого времени вызвали наш интерес не только тем, как менялись языковые особенности в связи с началом и развитием военных действий, но и в связи с тем, что язык газеты военного времени отражал события и ситуации мирной жизни. Районные газеты, если можно так выразиться, были ближе к читателям, которые преимущественно проживали на ограниченной административными границами территории, чем центральная пресса. Видимо, вследствие этого языковые особенности районных газет содержали ряд признаков, которые характеризовали речь местного населения, отражали особенности традиционного уклада жизни, основную сферу деятельности, которая была свойственной жителям того или иного района.

Итак, в рамках проводимого исследования мы обращаемся к лексическим единицам тематической группы «Сельское хозяйство», представленным на страницах газеты «Белёвская правда» военного времени.

Отметим также, что мы выбрали данную районную газету еще и в силу того, что Белёвский район традиционно относится к сельскохозяйственным районам Тульской области, основным видом занятия населения, проживающего в указанном районе, является сельское хозяйство, а именно полеводство, садоводство, овощеводство.

Первым номером, который можно отнести к номерам военного периода, является номер от 23 июня 1941 года. В номерах от 23 и 24 июня 1941 года не наблюдается ни одного материала, который был бы связан с ведением сельского хозяйства или относился бы к характеристикам жизни мирного населения района. А в номере от 25 июня 1941 года уже встречаем ряд заметок, посвященных жизни колхозников, их труду в сельском хозяйстве: «*Год колхозной жизни*», «*Завершают подготовку к уборке*», «*Не следят за качеством работ*», «*Попрежнему отстают*» (орфографию и пунктуацию сохраняем из материалов газет – Н.К.), «*Работу измеряют по настроению*», «*Бороться за высокий урожай*», «*Проведена вторичная прополка*», «*Зерносушилки не строят*», «*Честный поступок*», «*За культурную советскую торговлю*». Уже по приведенным заголовкам можно понять, что именно освещает районная газета: подготовку к уборке, прополку, качество работ, отношение колхозников к выполняемой работе и т.д.

Обратимся к материалам заметок указанного номера (от 25 июня 1941 г.). Среди разнообразных материалов есть заметка, которая освещает сельскохозяйственную выставку в Москве и участвующие колхозы. Интересно, что рассказывается о коллективных хозяйствах Западной Украины и Белоруссии, называются фамилии колхозников, рассказывается об их хорошей жизни, хотя сейчас мы понимаем, что к моменту публикации заметки эти колхозы, скорее всего, были оккупированы. Все иные заметки, представленные в рассматриваемом номере, написаны на районном материале и освещают жизнь местных колхозников.

Проанализированные заметки позволяют говорить о том, что лексику сельского хозяйства можно классифицировать по разным основаниям и сделать достаточно развернутую выборку материала.

Прежде всего, можно говорить о том, что в тематическую группу «Сельское хозяйство» входит большое количество названий орудий труда, растений, процессов, которые можно было бы отнести к терминам или к специальной лексике. Причем отметим, что эти лексические единицы и в настоящее время осознаются нами именно так, то есть современные читатели понимают, что это именно специальная сельскохозяйственная лексика. Так, нами были выявлены такие лексические единицы, как *центнер*, *гектар*, *суперфосфат*, *парь*, *жатка*, *косилка*, *веляк*, *зернохранилище*, *борона*, *плуг*, *бороновать*, *агротехника*, *озимый*, *яровой*, *сенокосилка*, *зерносушилка*, *укос*, *косовица*, *сенозаготовка*, *мясозаготовка* и некоторые другие. Эти лексические единицы осознаются нами как специальные единицы, указывающие либо на единицы измерения, либо на названия орудий труда, специальных действий, сортов.

Помимо этого, нами была определена группа лексических единиц, которые также относятся к лексике сельского хозяйства, но сейчас осознаются как вышедшие из активного употребления: *кулак*, *помещик*, *трудодень*, *батрак*, *пуд*, *пятисотница*, *железные хода*, *сельпо*,

шаровка. Среди отмеченных нами единиц встречаются названия людей по социальным группам, названия орудий труда, аббревиатуры и др. Например: *На шаровке лука-севка...по луку-репке, по луку-севку* (номер от 06 июля 1941 г. «Будем победителями на трудовом фронте»). Существительное *шаровка* образовано от глагола *шаровать* «...что (с.-х.). Очистить (чистить) от чего-нибудь (разрыхляя почву). Шаровать междурыдья сахарной свеклы» [15].

Процесс потери словом актуальности и переход его в иной статус, в неактивный словарный запас – достаточно длительный и сложный процесс. На наш взгляд, материалы военной региональной газеты дают широкие возможности для анализа состояния лексических единиц, определения их активности или пассивности, степени частотности.

Отдельно можно говорить о лексических единицах, которые связаны с крестьянским бытом, часто их можно отнести к регионализмам или диалектизмам. Такие слова, например, как *дрань, косовица, укос, скирдовать* и др. Обратимся для примера к некоторым словарным материалам: *...все соломенные крыши скотных дворов заменим оранью. Изготовление орани организовано* (номер от 06 июля 1941 г. «Уберем урожай в срок, сохраним все до зерна»). Существительное *дрань* толкуется через слово *дранка* «...жен. (спец.). 1. Только ед., собир. Тонкие, узенькие дощечки, употр. для покрытия кровель и для обрешетки стен под штукатурку. Крыша крыга дранкой. Штукатурка обвалилась, и видна одна дранка. 2. Одна такая дощечка» [15]. Еще несколько примеров: *...он на косовице выполняет норму...* (от 09 июля 1941 г. «В срок уберем сено»); *косовица* «...жен. (с. х., обл.). Сенокос, время косьбы» [15].

Следующий контекст *...и сейчас скирдуется* (от 10 июля 1941 г. «Сеноуборка в полном разгаре») содержит глагол *скирдовать*, «...несовер. (к *заскирдовать*), что (с. х.). Складывать в скирды. Скирдовать пшеницу» [15]. Отметим, что для толкования слов мы обращались к материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. На наш взгляд, по времени издания и составу лексических единиц этот словарь наиболее близок языку газет рассматриваемого периода.

Помимо этого, особый интерес представляет тот факт, что в районных газетах военного периода отмечаются лексические единицы, которые можно отнести к диалектным. Обратимся к ряду примеров: *...очищают от мусора и грязи тока, риги, навесы* (от 10 июля 1941 г. «Новый о трудовой подъем»); «Рига... 1. Большая сарай с печью для сушки снопов и обмолота. ...Ряз., Калинин., Орл.» [12, с. 100]; *...за уход за тремя нетелями* (от 10 июля 1941 г. «Образцово поставить учет труда в колхозах»); «Нетель... 1. Яловая корова. ...Петрозав. Олон., ...Бежец., Овиниц. Калинин., Казаки-некрасовцы, Ставроп.... 2. Молодая, ни разу не телившаяся корова, нетель. Было две коровы да нетель был. Пинеж. Арх.» [10, с. 174]; «...за огул двух коров» (от 10 июля 1941 г. «Образцово поставить учет труда в колхозах»); «1. Огул... Покрытие, оплодотворение самки при случке. Твер., ...Татар., Новосибир., Тул.» [11, с. 361]; *...в счет мясopоставки 1942 года соал телка* (от 11 июля 1941 г. «Дадим родине все необходимое»); «Телок... 1. Новорожденный теленок. Амур., 1913–1914. ...2. Теленок в возрасте до года ... 3. Годовалый теленок; теленок по первому году. Орл., Ряз. ... 4. Теленок в возрасте от двух до трех лет. Терск., 1958. Дон. 5. О неуклюжем, несообразливом, неловком человеке. Разве от этого телка прок будет? Пенз., 1960. Тул.» [14, с. 13]; *...ровными рядами укладывают клевер и траву «костер»* (от 12 июля 1941 «Началась сеноуборка»), *...с 6 гектаров скошенного «костра» уже заскирдовано 120 центнеров хорошего сена* (от 12 июля 1941 «Началась сеноуборка»); «4. Костёр... 1. Растение Phrag- (tjites coninjunis Trin., сем. злаков; тростник обыкновенный. Дон., Миртов, 1929. || Высокая болотная трава. Костёр на болоте растет, во какая. Комарич. Брян., 1961» [9, с. 72]; *...сено суходольное* (от 13 июля 1941 объявление): «...2. Выросший на сухом месте (о траве, ржи и т. п.). Суходольное сено сухое, бессочное. Соль-Илецк. Чкал., 1955. Яросл. Это суходольно сено. Арх.» [13, с.10]; *...колеса, телеги крестьянские, грабарки* (от 13 июля 1941 объявление): «2. Тачка, повозка для перевозки земли. На грабарках землю возили, а тепереча больше на машинах. Крупец. Курск.» [8, с.102].

Можно говорить о том, что газетные материалы периода Великой Отечественной войны вполне можно использовать для изучения различных лексических разновидностей, в том

числе для анализа особенностей употребления диалектных лексических единиц. Использование таких слов в материалах газет дает широкие возможности для анализа значений, территории бытования, контекстов, в которых это слово встречалось.

Как отдельную группу номинантов можно рассмотреть различные онимы, прежде всего обращает на себя внимание группа названий колхозов. Сами названия по структуре можно разделить на односложные и многосложные. Помимо этого, выделяются те, которые представляют собой словосочетания на основе управления, в частности со словом *имени*, и те, которые представляют собой словосочетания на основе согласования. Например: *колхоз имени Ленина, колхоз имени Чапаева, колхоз «Новый путь», колхоз «Красное знамя», колхоз «Горняк», колхоз «Знамя труда», колхоз «Коммунар», колхоз «Культура», колхоз «Новая жизнь»*. Эти примеры мы выбрали из материалов одного номера газеты (от 25 июня 2941 года). Есть и очень интересные названия: *колхоз «Веселые ребята»*. Видимо, оказал влияние фильм, который вышел на экраны в 1934 году. Помимо названий колхозов, встречается довольно много названий сельских советов, населенных пунктов (топонимов), предприятий и учреждений, которые так или иначе связаны с колхозами. Например, в том же номере газеты нам встретились следующие названия сельских советов: *Мишенский, Бабынинский, Черногрязевский, Стрелецкий, Кузнецовский* и др. Понятно, что все названия сельских советов – это относительные прилагательные, которые образованы от топонимов.

Можно сделать небольшие выводы о том, что язык региональной прессы военного времени дает все основания для его серьезного изучения. В частности, в рамках проведенного исследования нами была выявлена проблематика, связанная с изменением активности лексических единиц, постепенного перехода из активного словаря в пассивный. Особую актуальность для рассмотрения представляют сами лексические единицы, в частности входящие в тематическую группу «Сельское хозяйство». И, как мы указали выше, всестороннему анализу могут быть подвергнуты различного рода названия (колхозов, сельских советов и др.).

В целом, еще раз подчеркнем, что материалы районных газет военного периода дает широкие возможности их исследования в жанрово-стилистическом и лексическом аспектах.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Белёвская правда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskayapravda/1941/>. (дата обращения: 03.09.2022).
3. Еремкина В.Н. Особенности использования экспрессивно и стилистически окрашенной лексики в языке публицистики времен Великой Отечественной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч.1. С. 123-125.
4. Красовская Н.А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 39-48.
5. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917-нач. 90-х гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 206 с.
6. Протопопова О.В. Боевые сводки и военная публицистика 1941-1945 годов как сверхтексты // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/boevye-svodki-i-voennaya-publitsistika-1941-1945-godov-kak-sverhteksty/viewer>. (дата обращения: 30.08.2022).
7. Рубанова Т.Д. Войны газетная строка: особенности функционирования периодической печати на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 7-22.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 7, Л.: Наука, 1972. 222 с.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 15, Л.: Наука, 1979. 400 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л.: Наука, 1986, 360 с.

11. Словарь русских народных говоров. Вып. 22, Л.: Наука, 1987. 368 с.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 35. СПб: Наука, 2001. 360 с.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 43, СПб: Наука, 2010. 340 с.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 44, СПб: Наука, 2011. 350 с.
15. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1090406> (дата обращения: 30.08.2022).
16. Широкоград И.И. Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: автореферат дис. ...докт.истор. наук: 07.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2002. 41 с.

УДК 811.161.1'374

Е.Б. Кузьмина

канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

**«ОПЫТ ОБЛАСТНОГО ВЕЛИКОРУССКОГО СЛОВАРЯ» КАК ИСТОЧНИК
«ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»**

E.B. Kuzmina

Cand. Sci. (Philology)

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

**"EXPERIENCE OF THE REGIONAL GREAT RUSSIAN DICTIONARY" AS A SOURCE
OF THE "PSKOV REGIONAL DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA"**

Аннотация. В статье дана количественная, тематическая, ареальная характеристика псковского материала, включенного в «Опыт областного великорусского словаря», а также определено место этих материалов в современной диалектной системе псковских говоров и ее значимость для составления «Псковского областного словаря». В результате анализа выявлено, что псковская лексика, зафиксированная в «Опыте...», в целом сохраняет актуальность в современной лексической системе псковских говоров и активно употребляется в диалектной речи.

Ключевые слова: лексикография русского языка, диалектология русского языка, диалектная лексикография.

Abstract. The article gives a quantitative, thematic, areal characteristic of the Pskov material included in the "Experience of the Regional Great Russian Dictionary", and also determines the place of these materials in the modern dialect system of the Pskov dialects and its significance for compiling the "Pskov Regional Dictionary". As a result of the analysis, it was revealed that the Pskov vocabulary, recorded in the "Experience...", as a whole, remains relevant in the modern lexical system of Pskov dialects and is actively used in dialect speech.

Keywords: lexicography of the Russian language, dialectology of the Russian language, dialect lexicography

Как известно, И.И. Срезневскому принадлежит важная роль в создании первого академического сводного словаря русских народных говоров – «Опыта областного великорусского словаря» (далее – «Опыта...»). Так, И.И. Срезневский составил программу словаря, подготовил значительную часть материалов для словаря (из ранее составленного им «Великорусского областного словаря» в «Опыт...» вошло 3439 слов), участвовал в заседаниях

Отделения русского языка и словесности АН, на которых обсуждались словарные материалы [1, с. 1].

«Опыт...» как первый сводный словарь явился ценнейшим источником для составления последующих сводных и областных полных, а также дифференциальных словарей. «Опыт...» является одним из источников «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС): из него составителями извлекается лексика с географической пометой «Псков». Целью нашего исследования является характеристика этого словаря как источника для ПОС: анализ лексики с пометой «Псков.» в количественном, качественном, ареальном и др. аспектах.

«Опыт...» включает 872 слова с пометой «Псков.», при общем объеме словаря 18011 слов псковские материалы составляют в нем около 5%, т.е. 1/20 часть (из них уже 535 нашли свое место в опубликованных 28 выпусках «Псковского областного словаря»).

Псковские материалы включены в «Опыт...» из 10 источников, присланных директором училищ Скрыдловым, они перечислены во Вступлении к словарю [1, с. VI-VII]. С точки зрения количества источников, на которые опирается «Опыт...», псковским говорам очень повезло, потому что, например, материалы новгородских или вятских говоров брались только из 1 источника. Псковские источники представляют собой списки «местных», «областных слов», собранные и составленные учителями псковских и уездных училищ. Подробное описание 10 источников материала позволяет для псковских говоров определить географию записей. И она свидетельствует о том, что при сборе диалектных материалов были охвачены не все уезды: из 12 уездов, на которые делилась Псковская губерния в середине XIX в., материалы были присланы из 7 – Псковского, Островского, Новоржевского, из г. Опочки и Опочецкого уезда, из г. Торопца и Торопецкого уезда, Великолуцкого уезда, из г. Холма [1, с. VI-VII], т.е. псковские диалектные материалы представлены в «Опыте...» непропорционально и не охватывают всю территорию Псковской губернии. Больше всего источников относится к Опочечкому уезду, одному из южных районов губернии. Это, несомненно, влияет на качество включенных в «Опыт...» псковских материалов, преимущественно отражающих южнопсковские говоры.

Анализ лексики с географической пометой «Псков.» в «Опыте...» демонстрирует ее тематическое разнообразие:

- *названия растений*: **бильняк** ‘чернобыльник’, **баркан** ‘морковь’ (Петерб. *Гдов. Псков. Холм.*), **блицы** ‘грибы’ (Петерб. *Гд.*, Псков. *Великолуц., Новоржев., Опоч.*): **идти в блицы** ‘пойти за грибами’ (Псков. *Новоржев.*) и производные от общего названия грибов: **блічина** ‘один какой-либо гриб’ (Псков. *Опоч.*), **блічки** ‘Ум. слова блицы’ (Псков. *Опоч.*), **блічник** ‘мужчина, ходящий в лес за грибами’ (Псков. *Опоч.*), **блічница** ‘женщина, ходящая в лес за грибами’ (Псков. *Опоч.*), **блічний** ‘относящийся к блицам’ (Псков. *Опоч.*) и др.

- *наименования животных*: **животы** ‘скот домашний, животина’ (Вят., Псков. *Опоч.*), **киргіз** – ‘род таракана, несколько отличный от прусака. Впрочем, многие киргизами называют всех вообще тараканов’ (Псков. *Опоч.*), **кашанк** ‘ласточка’ (Псков. *Великолуц. Опоч.*), **клúша** ‘ворона’ (Псков. *Холм.*) и др.

- *названия предметов домашнего обихода, орудий труда*: **бобурка** ‘место в русских печах, куда загребают жар’ (Псков. *Опоч.*), **кρίга** ‘рыболовный снаряд, в который можно ловить рыбу только троим’ (Псков. *Опоч.*), **луднік** ‘небольшой шкаф’ (Псков. *Холм.*) и др.

- *наименования кушаний*: **жїто** ‘кушанье из ячменя с горохом или бобами’ (Псков. *Опоч.*), **затїрка** ‘заправка варки картофеля мелко изрубленную ветчиной’. Щи сегодня съ затїркою, а не съ говядиной (Псков. *Опоч.*), **калїдóвка** ‘четыреугольная лепешка с творогом и с загнутыми краями; ватрушка’ (Псков. *Псков.*) и др.

- *названия человека по разным признакам*: **жóнка** ‘жена’ (Псков. *Опоч.*) и устойчивые выражения эвфемистического характера со словом **жóнка**, сопровождаемые в словаре комментариями: **жонка ногу сломала**, **жонка в Москву съездила**, **жонка с Москвы приехала** ‘эти три выражения, означающие, что жена родила, употребляются у крестьян особенно тогда, когда муж зовёт священника на крестины’ (Псков. *Опоч.*), **закáл** ‘человек,

любящий напиваться допьяна' (Псков. *Великолуц.*); **пахму́ра** 'угрюмый человек' (Псков. *Псков.*); **ка́шники** 'родственники и знакомые невесты, приезжающие к молодому на так называемую кашу' (Псков. *Опоч.*) и др.

- названия праздников: **жага́льница** 'последняя неделя Рождественского мясоеда; пестрая неделя' (Псков. *Опоч.*) и др.

- лексика верований и суеверий: **врѣк** 'болезнь или несчастье, приключившееся человеку или скоту, по мнению, суеверов, от чужих слов, от зависти, от похвалы' (Псков. *Опоч.*) и др.

- названия действий различного рода (простых, обиденных и более сложных): **быте́ть** 'здороветь, толстеть' (Псков. *Опоч.*), **блыка́ться** 'бродить, шататься, слоняться' (Моск. Новгород. Псков. *Великолуц.*, Тамб. Твер.); **затка́ться** 'спрятаться, скрыться' (Псков. *Тороп.*), **втра́вливать** 'принуждать' (Псков. *Великолуц.*), **втя́мить** 'понять, заметить, приметить' (Псков. *Новоржев.*), **всуи́ть** 'отдать насильно при помощи хитрости' (Псков. *Великолуц.*) и др.

Подобные тематические группы отмечаются и в материалах других говоров, но что примечательно, псковские материалы в словаре богаты на служебные слова, особенно союзы: **а́нда** 'так что' (Псков.), **а́ле** 'или': Але ты не знаешь, что мой брат помер? (Перм. Псков.); **агó** 'ан, ан вот же' (Новгор. *Тихв.* Псков. Твер. *Вышневолоц.*); **ажно́** 'между тем' Пошел к брату, ажно попал в кабак (Новгор. *Тихв.* Псков. Олон.) и др.

Это тематическое и частеречное разнообразие свидетельствует о том, что программа собрания сведений была подробной и хорошо составленной.

Псковские материалы в «Опыте...» могут быть представлены в виде слов-моносемантов с географической пометой, указывающей на один из уездов Псковской губернии (ср. **ба́бник** в значении 'мужчина, особенно расположенный к женщинам, бабик' отмечено только как псковское (Псков. *Великолуц.*), что удивительно; **бабу́шки** 'оспа': У него сын в бабушках (Псков. *Великолуц.*); **берѣга** и **берѣжа** 'усердный уход за кем или за чем-либо, кормление, угощение': *Хорошо ли вас берегли в праздничной? Какая там была берѣга: пива не было, вина мало, говядины не вволю, пироги реио́тные* (Псков. *Опоч.*) и т.п.), но чаще представлены случаи, когда слова помимо Псковщины отмечены в других говорах в том же самом значении (ср. **блыка́ться** 'бродить, шататься, слоняться': Блыкается где день, где ночь. Мск. Новгород. Псков. *Великолуц.* Тамб. Твер.) или в других значениях (демонстрируя междialeктную многозначность):

Злой 1. *Старательный, переимчивый.* Калуж.

2. *Способный, ловкий, искусный.* Он зол работать. Такая злая прясть, что с нею трудно справиться. Псков. *Опоч.*

3. *Острый, умный.* Ворон. *Верхотин.*

Анализ места псковской лексики, извлеченной из «Опыта...», в «Псковском областном словаре» свидетельствует о ее значимости и актуальности для системы современных псковских говоров: т.е. псковская лексика, содержащаяся в «Опыте...», является до сих пор актуальной и употребительной в современных говорах (ср. **подкрупье́** 'отходы при изготовлении крупы, высевки' [2: 28, с. 77], **пехту́рой** 'пешком' [2: 25, с. 105], **па́кост** 'порча, истребление посевов, травы и т. п. животными, потрава' и 'о ребенке. Озорник, проказник' [2: 25, с. 22-23], **вы́звигать** 'выклянчить' [2: 5, с. 163], **выпру́жить** 'вывалить содержимое, повернув набок, перевернув что-н.' [2: 6, с. 40] и т.п.).

Но не всегда актуальность лексемы связана с сохранением актуальности того значения, в котором слово было отмечено в «Опыте...». Так, у слова **зати́рка** 'заправка варки мелко изрубленною ветчиною (Щи сегодня съ затиркою, а не съ говядиной'. Псков. *Опоч.*) это значение не является актуальным и в ПОС вошло только из «Опыта...» (дано по историческому принципу под номером 1), но в псковских говорах само слово широко употребительно и обладает широкой многозначностью (насчитывает 7 значений):

ЗАТИ́РКА 1. *Заправка варки мелко нарубленной ветчиной.* Опыт, Оп.

2. *Растертая с водой мучная закваска для кваса, самогонки и т.п.*

3. *Мучная каша.*

4. Мясная заправка.

5. перен. То, что вызывает трудности.

6. перен. Человек, которого притесняют, обижают.

7. Пакия, которой конопатят пазы в доме [2: 12, с.180].

В глаголе **выгаляться**, отмеченном в «Псковском областном словаре», три из четырёх значений представлены в «Опыте...». Значение 'выставлять себя напоказ, кривляться', зафиксированное в «Опыте...», сохраняет в современных говорах свою актуальность и отмечено в ПОС как основное (причем, записано оно в том районе, что и в «Опыте...» - Великолукском (Вл.)). Значения 3 и 4 уже не встречаются в современных псковских говорах и приводятся только из письменных источников.

ВЫГАЛЯТЬСЯ² 1. *Выставлять себя напоказ, кривляться. Пл., Кар., Ляд., Дн. + Вл., Остр., Порх., Пск.; Опыт, Вл.; АМДК, Тор.; Белинский, Оп.; Копаневич, Вл., Н-Рж.*

2. *Баловаться, озорничать. Порх., Дн.*

3. *Шутить, насмехаться, играть. Опыт, Оп., Даль I, 284.*

4. *Охорашиваться. Опыт, Н-Рж., Даль I, 284 [2: 5, с.137].*

Появление необычного наименования таракана **киргиз**, зафиксированного в «Опыте...» как псковское, становится понятным, как только мы обращаемся к полной семантической структуре данного слова, представленной в ПОС, где **киргиз** – это наименование иноземца вообще:

КИРГИЗ 1. *Человек другой национальности. Киргис – так называют инородца. Н-Рж.*

2. *Бранно. Ах ты киргис такой! Н-Рж.*

3. *перен. Таракан. Киргизаф полная изба, стянй ня видна. Остр. Киргизоф развелось в запёчке, спасу нётути. Печ. Ф швёлх тараканы, киргизы такйи, хош тараканы, хош киргизы. Пушк. + Кр., Оп., Пыт.; Копаневич; Опыт, Оп.; Даль II [2: 14, с. 131].*

Как представляется, наименование таракана **киргиз** образовано по известной семантической модели 'этноним' → 'название таракана'. Действие этой модели связано с представлением о том, что это насекомое было завезено иностранцами, чаще – солдатами в период войн. Ср. известное в русском языке название обыкновенных рыжих тараканов **прусаки** (ср. блр. **прусак**, латыш. **prusaks**, польск. **prusak**) связано с тем, что основное нашествие этих усатых насекомых на Россию началось в эпоху наполеоновских войн, когда прусские солдаты в составе армий захватывали многие города и села в европейской части страны (ср. также в чеш. **sváb** 'рыжий таракан' – букв. «шваб» [3: III, с. 389] (по наименованию одной из этнических групп немцев), словац. **sváb** 'таракан', серб. **бубушваба** и венгер. **svabbogar** 'таракан' – букв. 'немецкий жук').

Часть псковской лексики, включенной в «Псковский областной словарь» из «Опыта...», не является употребительной и отражает архаический лексический пласт говора (ср. **даровица** 'что-н. неприятное, случившееся без явных причин' [2: 8, с. 127], **вскрайны** 'отходы при молотье, мякина [2: 5, с. 62], **помытька** 'кто умылся утром после сна' и т.п.), но и этот материал тоже важен для ПОС, поскольку, следуя концепции Б.А. Ларина, словарь нацелен на отражение динамики лексической системы говора – от средних веков (ПОС включает материалы памятников средневековой письменности в своей исторической части) и до наших дней. Но если сравнивать материалы, вошедшие в «Псковский областной словарь» из «Опыта...» и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» («Дополнения...»), то значительная часть устарелой для современного употребления лексики, включенной в ПОС из этих источников, является материалами «Дополнения...». Поэтому мы можем сделать выводы, что, несмотря на то что «Дополнение...» является продолжением «Опыта...», этот словарь включает качественно другой материал, более архаический пласт лексики и значений, чем материалы «Опыта...». Это можно проследить по тому, как встраивается этот материал в семантическую структуру слов и какое место занимает в лексической системе псковских говоров, реконструированной в ПОС.

Во всех аспектах «Опыт...» является важным письменным источником для составления «Псковского областного словаря», но, как показал анализ, дает представление в большей степени о южнопсковских говорах, нежели центральных «канонических» псковских говорах.

Литература

1. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
2. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-28. Л.(СПб.), 1967-2020.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2007.

L. Makarijoska

научен советник/ редовен професор
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“,
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“
Скопје, РС Македонија

ТРАДИЦИЈАТА И ПЕРСПЕКТИВИТЕ НА СЛОВЕНСКАТА ЕТНОЛИНГВИСТИКА

L. Makarijoska

Senior Research Fellow/ Full Professor
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje,
Institut of macedonian language “Krste Misirkov”,
Skopje, RN Macedonia

TRADITION AND PERSPECTIVES OF THE SLAVIC ETHNOLINGUISTICS

Апстракт. Во словенската лингвистика постои традиција на етнолингвистичките проучувања, кои во последните две децении се актуелни во повеќе центри во Русија, Бугарија, Србија, Македонија и др., а се однесуваат на обредите на премин од животниот циклус, на календарскиот циклус, на народната митологија и сл. Основите на словенската етнолингвистика и лексикографските цели поставени со етнолингвистичкиот речник „Славјанские древности“ се своевиден образец за проектите во други словенски средини, на пр. оние за традиционалните обичаи и обреди во јужнословенски контекст, што се значајни за конструирањето на идентитетите, развивањето на чувството за припадност кон пошироката заедница итн.

Клучни зборови: етнолингвистика, јазик, лексика, култура, словенска традиционална култура

Abstract. The Slavic linguistics nurtures a tradition of ethno-linguistic studies, which in the last two decades are widely held in several centers in Russia, Bulgaria, Serbia, Macedonia, etc., and refer to the life cycle rites, the calendar cycle, folk mythology etc.

The foundations of Slavic ethno-linguistics and the lexicographic goals set by the ethno-linguistic dictionary "Slavjanskije drevnosti" represent a sort of a template for projects in other Slavic environments, for e.g. those about traditional customs and rites in South Slavic context, which are significant for confirming identities, developing a sense of belonging to the broader community, etc.

Keywords: ethno-linguistics, language, vocabulary, culture, Slav traditional culture

Етнолингвистиката го проучува односот помеѓу јазикот и културата на етничките заедници врз основа на јазични податоци и на поширок план ги вклучува во себе

дијалектологијата, историјата на јазикот, односно историската дијалектологија, националната историја и другите аспекти на јазикот како општествена појава. Методолошките поставки на Н.И. Толстој [сп. и 52], основоположникот на руската етнолингвистичка школа, за проучување на словенските јазици во неразделна врска со словенската народна култура, влијаат на развојот на словенската етнолингвистика. Јазикот е во неразделна врска со културата, се смета за огледало на културата што ја изразува, за најверодостоен показател на етносот со историските обележја – територијата, општественото уредување, економскиот систем, културата, националната самосвест, народниот светоглед.

Преку етнолингвистичките истражувања на националната материјална и духовна култура, на народните обичаи и верувања и јазикот како духовно културно наследство можат да се проследат специфичните елементи што го градат етничкиот идентитет. Значењето на етнолингвистичките истражувања произлегува од фактот што тие се засновани на проследувањето на елементите на народната (материјална и духовна) култура, на обичаите и обредите и нивните лексичко-семантички вредности, а тие посистематски се одвиваат во во последните две децении пред сè во Русија, но и во Бугарија, Србија, Македонија и др.

Словенските етнолингвистички школи во споредба со англоамериканската (лингвистичка) антропологија се одликуваат со ориентираноста кон теренските и архивските истражувања, кон изработката на тематски и дијалектолошки речници, а синтеза на овие истражувања претставуваат енциклопедиските речници, како „Славјанские древности“, па „Славянская мифология, энциклопедический словарь“, речниците на етнокултурните стереотипи „Słownik stereotypów i symboli ludowych“ 1–2, или дијалектните и етнојазични атласи „Малый диалектологический атлас балканских языков“. Во антрополошката лингвистика, од друга страна, е нагласена синхрониската и прагматичката димензија на значењата, т.е. интересот за конкретниот општествен контекст и идеолошкиот аспект на значењата, при што предмет на проучување се не само етничките заедници туку и јазичните, социјалните и др. [12, с. 75–77].

Етнолингвистичкиот пристап е присутен во трудовите на многу етнологи, фолклористи и др., а при етнолошкото претставување на обичаите и на верувањата се поаѓа од претпоставката дека тие се поврзани со сите сегменти на животот: моралните норми и општествените односи, стопанската дејност, домувањето, исхраната, облеката итн. Обредите, обичаите и верувањата се испреплетуваат, имајќи предвид дека „народната култура претставува жив, непрекинат процес низ кој минуваат културните појави, се трансформираат, исчезнуваат, со можност повторно да се појават со исти или нови содржини и функции, во зависност од општествените, политичките, културните и природните промени“ [5, с. 9–12].

Во руската етнолингвистика, првично, како основни се поставени лексикографските цели, на пр. реализацијата на словенскиот етнолингвистички речник „Славјанские древности“ во пет тома [48], па енциклопедискиот речник „Славянская мифология, энциклопедический словарь“ [47] итн. На истата лексикографска матрица е српското издание „Словенска митологија, енциклопедијски речник“ [53].

Проектот „Малый диалектологический атлас балканских языков“ е заснован на теренската работа на истражувачкиот тим и од 1996 г. тој паралелно се реализира во Институтот за лингвистички истражувања при РАН во Санкт-Петербург и во Институтот за словенска филологија во Марбург, Германија, а резултат од овој проект се двата тома со карти, од кои едниот ги опфаќа синтаксичките прашања, а другиот лексиката на материјалната и духовната култура на Балканот. Картографиран е дијалектен материјал од единасет пунктови кои ги претставуваат дијалектите на основните генетски подгрупи на балканските јазици (грчки, албански, романски и јужнословенски). Проектот ги опфаќа јужнословенските пунктови: Оток во Далмација, Завала кај Подгорица, Каменица кај Књажевац, Пештани кај Охрид, Гега во Пиринска Македонија кај Петрич, Гела во Средните Родопи, Равна во областа Провадиа, па два албански, два новогрчки и еден аромански пункт.

Ареалното истражување на словенската лексика е ограничено на распоредот на лексемите или на нивните значења во лингвистичкиот простор. Во студијата

„*Этнолингвистическая география Южной Славии*“ [38], врз основа на десетина карти со јужнословенски, лингвистички и етнографски материјал, покажани се можностите за картографирање на теренските истражувања вршени според предвидениот прашалник, како и различната објавена етнографска граѓа од стотина години, што се во прилог на основната цел – одредување на „дијалектите“ на традиционалната духовна култура на Јужните Словени. Идеографскиот прашалник опфаќа прашања од годишниот календар, од некои земјоделски обичаи, од обичаите на животниот циклус (со поттеми *раѓање, свадба и смрт*) и прашања од народната митологија. Издвоени се особености кои авторката, врз основа на претходните истражувања, ги сметала за „балкански“, односно заеднички за неколку балкански традиции, а непотврдени надвор од Балканот или својствени само на една традиција, според карактерот вклопени во балканскиот модел на светот.

На дијалектологијата и на материјалната и духовната култура на јужнословенските народи се посветени бројни трудови во едицијата „Исследования по славянской диалектологии“. Во 10-тата книга од едицијата „Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян“ се содржани статии на руски автори (М.В. Домосилецкая, А.Н. Соболев, Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Е.С. Узенева), на бугарски (С. Александрова, М. Витанова, М. Котева) и српски автори (Б. Сикимић, Т. Петровић), а засновани главно на материјалите собрани за Малиот дијалектолошки атлас на балканските јазици, односно на дијалектолошки и етнографски извори значајни за балканската дијалектологија, но и за етнолингвистиката.

Несомнено, голем придонес во развојот на руската етнолингвистика, што претставува своевиден образец за јужнословенските етнолингвистички истражувања се трудовите на соработниците на Одделот за етнолингвистика и фолклор при Институтот за словенски студии на РАН меѓу кои ги изделуваме монографските изданија на: *Св.М. Толстая* [50; 51], *А.А. Плотникова* [37; 38; 39; 40], *И.А. Седакова* [44; 45], *Т.А. Агапкина* [1], *Е.С. Узенева* [56] и др.

Јужнословенската, односно балканската етнолингвистика е заснована главно на методите на руската етнолингвистичка школа и најчесто се однесува на проучувањето на обредите на премин од животниот циклус, на календарскиот циклус, на народната митологија и сл. Етнолингвистичките истражувања во Србија што започнуваат кон крајот на XX век, како појдовна основа го имаат прашалникот на Плотникова [36], што инсистира на текст доколку тој е дел од етнолингвистичката лексикографска дефиниција, а подоцна прашалникот се развива со оглед на конкретните географски фактори (одредување на култни места, патишта) и со други аспекти на традициската култура на пр.: народната метеорологија, медицина, ветерина, верувања во животните и сл. [46]. На развојните тенденции на српската етнолингвистика се осврнуваат Ристић, Лазич-Коњик [43].

Ќе ги споменеме и проектите „Етнолингвистичка и социолнгвистичка истражувања избеглица и мултиетничких заједница на Балкану“ на Балканолошкиот институт на САНУ, како и „Словенски говори на Косову и Метохији“ при Институтот за српски језик на САНУ.

Поширок круг слависти обединува тематскиот етнолингвистички годишник „Кодови словенских култура“, кој излегува од 1996 год., а секој број е посветен на одредена тема. Првата книга (1996) е посветена на билките во народната култура на словенските народи и на симболиката на некои плодови во обредите од животниот циклус; втората (1997) на претставите за храната и пијалците во културата на словенските народи; третата (1998) на кодовите на свадбата кај словенските народи и свадбениот код, преобразен во другите сегменти на народната култура на Словените: карневалската свадба, обредите на семејниот и годишниот циклус и др. Тема за четвртата книга (1999) се деловите на телото во народната култура на словенските народи, преку верувањата, магиските постапки поврзани со телото; петтата (2000) е посветена на земјоделството во културата на словенските народи, на народните претстави на земјоделците; шесттата (2001) на боите во народната култура на словенските народи. Статиите во седмата книга (2002) се однесуваат на децата во словенската народна култура, во осмата (2003) на птиците, во деветтата (2004) на смртта, во десеттата (2008) на огнот итн.

Во врска со митологијата, зачувана во историските извори, во народните преданија, народните обичаи и верувања, ќе ги споменеме: „Српска митологија. Систем српске митологије“ [35], „Словенска митологија, енциклопедијски речник“ [53], „Српски митолошки речник“ [20] во кој се опфаќа митологијата на Србите и Црногорците како прилог кон јужнословенската митологија. Значајни сознанија се содржани во тематските, дијалектолошки изданија, на пр. „Српскохрватска лексика рибарства“ [29], „Војвођанска коларска терминологија“ [7], „Пастирска терминологија Срема“ [3], „Терминологија куће и покућства у Војводини“ [6] и др.

За развојот на српската етнолингвистика е значаен проектот „Интердисциплинарно истражување културног и језичког наслеђа Србије“ и изработката на мултимедијалниот интернет портал „Појмовник српске културе“ [41], со цел за осовременување на научниот пристап на полето на етнологијата, науката за јазикот и др., изградување на дигитална инфраструктура и формирање интернет-портал, изработка на мултимедијален тезаурус – лексикографско-енциклопедиска база отворена за нови содржини. Реализатори на проектот се: Етнографскиот институт и Институтот за српски јазик при САНУ во Белград, Факултетот за технички науки при Универзитетот во Приштина, Косовска Митровица.

Во електронскиот поимник на српската култура се дефинираат поими од српската материјална и духовна култура и тоа, како што се посочува, „и оние што се сосема архаични и универзални, и оние специфично национални, но и оние што се современи и интернационални, па во него наоѓаат место „термините на традиционалната и на современата култура, на селската и на градската, на мнозинската и на малцинската и секоја друга културна стварност“ со цел да се претстави испрелетеноста и разновидноста во минатото и сегашноста, но и во иднината, со оглед на тоа што културата е „слоевита, променлива и жива“.

За развојот на бугарската етнолингвистика е значајна работата на Секцијата по етнолингвистика при Институтот за бугарски јазик при БАН, основана во 2008 г. од постоечките оддели по лингвокултурологија, ономастика и по теорија и практика на преводот. Научниот интерес е насочен пред сè кон значајни културни феномени од традиционалната култура на Бугарите, кон нивната јазична форма и семантика, односно кон културолошкото проучување на бугарскиот јазик. Истражувањата во периодот 2000 – 2010 се забележани во анотираната библиографија [4].

Ќе споменеме некои од научноистражувачките проекти поврзани со дејноста на соработниците од овој Оддел: „Етнолингвистични теоретични и приложни истражувања. Картината на света в бугарскиот јазик и во сѐпоставка с други езици“ (2015–2018) за развој на етнолингвистичката лексикографија, создавање на електронски бази од архивски извори, библиографии, работа на теоретски и др. проучувања; „Модел на сѐпоставително истражување на фрагмент од народната култура на бугарски и словашки јазик“ (2015–2017) и „Музикалниот свят на бугарина в лексикалната система на бугарските дијалекти – етнокултурни аспекти (2016–2018); како и „Етнолингвистичен речник на бугарската народна медицина“ (2016–2019) што има за цел да ги документира називите за болестите, средствата за лекување, називите за лекувачите, за лечебните места и извори, за митолошките суштества кои причинуваат болести или помагаат при лекувањето болести, за светците исцелители и др. и тоа врз основа на собран дијалектолошки материјал од архиви, од изданија и др.

Од објавените етнолингвистички речници што придонесуваат за документирање на бугарската обредна практика се izdelуваат „Тематичен речник на термините на народниот календар“ [21], во кој материјалот е подреден во тематски групи: празници и хроними, обреди и обредни дејства, обредни предмети, вршители на обредни дејства (обредни лица), обредни места, како и тематскиот речник на бугарската семејна обредност „Човешкиот живот раѓане, свадба, погребение, Тематичен речник на бугарската семејна обредност“ [22].

Поновниот „Речник на народната духовна култура на бугарите“ [2] е прв енциклопедиски речник на термините, поврзани со традиционалните вредности – дом, семејство, празници, обреди, обичаи и верувања, во кој лексикографски се претставени над

5000 називи со толкувања. Изборот на лексиката е во врска со: календарската обредност; семејната обредност, роднинска терминологија; народното право итн.

Традицијата на етнолошките истражувања се распространува и на културните и јазичните традиции од различни македонски подрачја, како дел од македонското културно наследство. Лексиката е потврда за македонската културно-јазична традиција, а упатува и на обреди и обичаи што може да се сметаат за балкански, јужнословенски и општословенски. На пр. народниот календар како дел од културното наследство е во непосредна врска со народната религија, практикувана во различни периоди, различни социјални средини, на различни територии и има големи сличности со религијата на останатите христијански православни народи, кои исто така настојувале да ги зачуваат традиционалните вредности, пред сè календарските, религиозните празници, обредите и обичаите. На пр. црквоното влијание е нагласено во обредните дејства со црковно-христијански карактер, но црквата вклучува и други елементи, на пр. во погребната обредност: тажење, простување, ставање облека и предмети во гробот, раздавање храна итн.

Иако интересот за етнолингвистиката во Македонија е од поново време, во бројни дијалектолошки и етнолошки трудови е застапена етнокултурната лексика. Мошне значајно е колективното издание на МАНУ „Етнологија на Македонците“ [10], монографскиот труд „Македонски народни празници и обичаи“ [15; 16], „Прилози за етнографијата на Македонија“ [57] и др.

Во прилог на етнолингвистичките проучувања се и теренските материјали од етнолошките проекти, на пр. на: Институтот за етнологија и антропологија при Природно-математичкиот факултет во Скопје кој располага со Архив за етнолошки и антрополошки ресурси и со Дигитален архив. Ќе го споменеме и лексичкиот материјал од картотеката на проектот „Македонски дијалектен атлас“ во Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Во Институтот за старословенска култура во Прилеп се реализирани проектите: „Македонска народна митологија“ што ги содржи основните особености на народниот светоглед и на народната религија низ вековите, „Речник на митови и на народната култура на Македонците“, „Народна демонологија на Македонците“, што ги опфаќа верувањата во демонските односно натприродни суштества, како и магиско-религиските практики поврзани со нив. Поимите поврзани со народната митологија на Македонците се расветлуваат со обемниот лексикографски труд „Речник на народната митологија на Македонците“ [5].

Ќе го споменеме и „Речникот на народната медицина на Македонците“ [14] што овозможува да се збогати светогледот за македонската традиционална и современа народна медицина.

Несомнена е потребата од повеќе истражувања засновани врз автентичен теренски материјал, како на пр. изданието за *Голо Брдо* [8] и др., што би се обединиле со етнолошките и дијалектолошките материјали.

Најчесто етнолингвистичките проучувања ја опфаќаат лексиката што е во врска со обичаите и обредите на премин во животниот циклус – раѓање-свадба-смрт, на пр. во трудовите на: Неделков [31], Кличкова, Георгиева [17], Петреска [34], Жежел-Каличанин [11], Ристески [42], Малинов [26], Макаријоска [25] и др., а со календарска обредност се поврзани трудовите на Китевски [15; 16], Малинов [27], *Трпески* [55], *Петреска* [33] и др., со народната архитектура, домувањето и сл. *Томовски* [54], Намичев [30] и др., со земјоделството, на пр. *Николов* [32], *Караџоски* [13], со занаетчиството на пр. *Митрески* [28], *Дојчиновски* [9] итн.

Во текот на последниве години се издадени монографиите „Лексиката на македонската традиционална култура“ [23], „Етнолингвистички студии“ [25], лексикографски трудови „Речник на македонската традиционална култура“ (24) што опфаќа богат фонд од 16 500 лексички единици од областа на македонската култура, „Речник на македонските народни празници, обичаи и верувања“ [18], „Македонски народни празници, обичаи и верувања, Речник“ [19].

Етнолингвистичките истражувања придонесуваат за дооформување на мозаикот на словенската материјална и духовна култура, за негување на народната традиција соочена со

губење на многу форми што не успеваат да се вклопат во новите општествени услови и секако за зачувување од забравот на бројните термини од обредно-обичајната практика.

Создавањето на електронски полифункционални бази на податоци со утврдени методолошки постапки би помогнало за афирмирање на словенските културни вредности и за поттикнување на грижата за националната традиционална култура и терминологијата поврзана со неа.

Литература

1. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. Москва: Индрик, 2019. 656 с.
2. Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Легурска П. Речник на народната духовна култура на българите / М. Китанова (отг. ред.), София: БАН Институт за български език, Наука и изкуство, 2018. 504 с.
3. Бошњаковиќ Ж. Пастирска терминологија Срема. Нови Сад: Филозофски факултет, Институт за јужнословенске језика, 1985. 174 с.
4. Витанова М., Китанова М., Кирилова Ы. и др. Българска етнолингвистика. Анотирана библиографија за периода 2000 – 2010, *е-списание* Дзяло, год. IV, бр. 8, 2016, 75 с.
5. Вражиновски Т. и др. Речник на народната митологија на Македонците, Скопје: Матица македонска, 2000. 471 с.
6. Вуковиќ Г. Терминологија куће и покућства у Војводини, Нови Сад: Филозофски факултет, *Институт за јужнословенске језике*, 1988. 508 с.
7. Вуковиќ Г., Бошњаковиќ Ж., Неделков Љ. Војвођанска коларска терминологија, Нови Сад: Институт за јужнословенске језике, 1984. 258 с.
8. Голо Брдо / ред. Соболев А., Новик А., Санкт Петербург: „Наука“, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2018. 279 с.
9. Дојчиновски К. Занаетите и еснафите во Скопје, Скопје: Матица македонска, 1996. 163 с.
10. Етнологија на Македонците / ур. К. Томовски, Г. Паликрушева, А. Крстева, Скопје: МАНУ. 1996.
11. Жежел-Каличанин Т. Македонски свадбени обичаи и песни. Скопје: Камелеон. 2008. 136 с.
12. Илиќ М., Ђурић-Миловановиќ А. Ко ме треба антрополошка лингвистика у Србији данас? Пример креирања Дигиталног звучног архива Балканолошког института САНУ. Етнолошко-антрополошке свеске, 21, 10, Београд, 2013. С. 73–89.
13. Караџоски В. Аграрната магија и нејзиното влијание врз традиционалната култура на селското население во Македонија, Прилеп: Ацко 06, 2009. 191 с.
14. Караџоски В. Речник на народната медицина на Македонците, Прилеп: Институт за старословенска култура. 2018. 245 с.
15. Китевски М. Македонски народни празници и обичаи, Скопје: Менора, 1996. 214 с.
16. Китевски М. Македонски народни празници и празнични обичаи, Скопје: Камелеон, 2013. 407 с.
17. Кличкова В., Георгиева М. Свадбените обичаи во Галичник (Дебарско) // Гласник на Етнолошкиот музеј, кн. 2, Скопје 1965. С. 95–186.
18. Ковачева Л., Боцева Л. Речник на македонските народни празници, обичаи и верувања, Скопје: Центар за културно и духовно наследство, 2014, 386 с.
19. Ковачева Л. Македонски народни празници, обичаи и верувања, Речник, Скопје, 2019. 376 с.
20. Кулишиќ Ш., Петровиќ Ж., Пантелиќ Н. Српски митолошки речник, Београд: Нолит, 1970, 317 с.
21. Легурска П., Китанова М. Тематичен речник на термините на народниот календар, София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2008. 150 с.

22. Легурска П., Павлова Н., Китанова М. Човешкият живот раждане, свадба, погребение, Тематичен речник на българската семейна обредност, София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2012. 166 с.
23. Макаријоска Л. Лексиката на македонската традиционална култура, Скопје, 2014. 267 с.
24. Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура, Скопје, 2016. 562 с.
25. Макаријоска Л. Етнолингвистички студии, Скопје, 2021. 535 с.
26. Малинов З. Посмртните обичаи во Брегалничката област, Скопје: Институт за фолклор „Марко Цепенков“, 2001. 176 с.
27. Малинов З. Традицискиот народен календар на Шопско-брегалничката етнографска целина, Посебни изданија, кн. 68, Скопје: Институт за фолклор „Марко Цепенков“, 2006. 353 с.
28. Митрески П. Занаетството во Охридско-струшкиот регион, Скопје: Филозофски факултет, 1983. 311 с.
29. Михајловиќ В., Вуковиќ Г. Српскохрватска лексика рибарства, Нови Сад: Институт за лингвистику у Новом Саду, 1977. 457 с.
30. Намичев П. Селската куќа во Македонија, типологија и етнологија на македонската селска куќа од 19 и почетокот на 20 век, Скопје: Министерство за култура, Управа за заштита на културното наследство, 2009. 178 с.
31. Неделков Љ. Обреди на премин од животниот циклус кај Македонците од Тиквеш, Скопје: Природно-математички факултет, Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, 2014. 252 с.
32. Николов В. Земјоделството и обичаите сврзани со земјоделската работа во Куманово // Гласник на Етнолошкиот музеј во Скопје, 1, Скопје, 1960. С. 267–369.
33. Петреска В. Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијациите, Скопје: Институт за фолклор „Марко Цепенков“, 1998. 148 с.
34. Петреска В. Свадбата како обред на премин кај Македонците од Брсјачката етнографска целина, Скопје: Матица македонска, 2002. 563 с.
35. Петровиќ С. Српска митологија. Систем српске митологије, Ниш: Просвета, 1999. 280 с.
36. Плотникова А.А. Материали для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 71с.
37. Плотникова А.А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии/ отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Институт славяноведения РАН, 2000. 211 с.
38. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. Москва: Издательство „Индрик“, 2004. 768 с.
39. Плотникова А.А. Материали для этнолингвистического изучения балканославянского ареала / отв. редактор С.М. Толстая. Издание 2-е, Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009. 160 с.
40. Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки / отв. редактор С.М. Толстая. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013. 384 с.
41. Појмовник српске културе, <http://etno-institut.co.rs/cir/pojmovnik>
42. Ристески Љ. Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово, Прилеп: Институт за старословенска култура, 1999. 246 с.
43. Ристић С.С., Лазић-Ковиќ И. Развојне тенденције етнолингвистике у савременој српској лингвистици // Српска славистика (колективна монографија), Радови српске делегације на XVI меѓународном конгресу слависта, том 1/ гл. ур. Љ. Бајић, Београд. 2018. С. 345–356.
44. Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индик, 2007. 432 с.

45. Седакова И.А. Балкански мотиви в езика и културата на българите: Раждане и съдба. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. 316 с.
46. Сикимий Б. *Иззов теренског рада* – этнолингвистика или антрополошка лингвистика, Сборник радова Етнографског института САНУ, 21, 2005, С. 235–244.
47. Славянская мифология, энциклопедический словарь / ред. С.М. Толстая, Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.В. Виноградова, В.Я. Петрухина, Москва, 2002.
48. Славянские древности, Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого, том 1–5, Москва: *Международные отношения*. 1995–2012.
49. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян / ред. Г.П.Клепикова, А.А. Плотникова, Москва: Институт славяноведения, РАН, 2004. 398 с.
50. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Москва: Книжный дом „Либроком“, 2010. 368 с.
51. Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. Москва: Индрик, 2019. 704 с.
52. Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.
53. Толстој С.М., Раденковић Љ. Словенска митологија. Енциклопедијски речник, Београд: Zepher Book world, 2001. 593 с.
54. Томовски С. Македонска народна архитектура, Скопје: Технички факултет, 1960.
55. Трпески Д. Годишни обичаи кај Македонците. Живот според народниот календар, Скопје: Младинска книга, 2015. 480 с.
56. Узенёва Е.С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. отв. редактор С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2010. 280 с.
57. Целакоски Н. Прилози за етнографијата на Македонија, Охрид: Здружение за наука, култура и уметност Идеи, 2002, 312 с.

УДК 811.161.1

С.А. Мызников
доктор филол. наук
Институт славяноведения РАН
г. Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ И В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

S.A. Myznikov
Doctor of Philology
Institute of Slavic Studies RAS
Moscow, Russia

ON SOME ASPECTS OF THE PROBLEM OF DIALECT DIVISION IN THE HISTORICAL REFRACTION AND IN THE MODERN CONTEX

Аннотация. В статье представлен анализ различного подхода к диалектному членению. Отмечается, что в ряде случаев, по мнению исследователей, границы разных диалектов не поддаются точному научному определению с размытыми территориальными границами. Предполагается, что для разработки диалектных группировок главное – это выбор соответствующих этому членению параметров. В качестве примера приводятся Белозерско-Бежецкие говоры, дифференцируемые автором на три части: а) говоры вокруг Белого озера; б) говоры по р. Мологе; в) говоры южнее р. Мологи (бежецкие).

Ключевые слова: говор, членение, диалектный, фонетический, субстрат.

Abstract. The article presents an analysis of different approaches to dialect division. It is noted that in some cases, according to researchers, the boundaries of different dialects are not amenable to precise scientific definition with blurred territorial boundaries. It is assumed that for the development of dialect groupings, the main thing is the choice of parameters corresponding to this division. As an example, Belozersk-Bezhtsky dialects are given, differentiated by the author into three parts: a) dialects around the White Lake; b) dialects along the river. Mologa; c) dialects south of the river. Mologa (bezhtsky).

Key words: dialect, division, dialectal, phonetic, substratum.

Проблема выделения границ какого-либо диалекта весьма сложна для ее разрешения. (Отметим сразу, что в данной статье не рассматриваются работы А.А. Зализняка и С.Л. Николаева, в которых представлен анализ древнего новгородского диалекта по различным параметрам, как сильно обособленного, и ранее диалектное членение восточнославянских диалектов). Гораздо легче проводить дифференциацию диалектов на основании выделенных признаков, чаще всего фонетико-грамматического порядка. Следует отметить, что в ходе научно-исторического процесса подход к разграничению диалектов не был статичен и претерпевал эволюционное развитие. Так, например, русская лингвистика XIX – начала XX века исходила из положения, что говор является цельным образованием с достаточно четко очерченными границами. И.И. Срезневский замечает в этой связи: «Во всяком крае есть свой язык, свое наречие, свой говор» [37, с. 4]. И далее: «Границы языка обведены как границы государства, границы его наречий – границы областей, границы местных говоров каждого из наречий – как границы округов и волостей каждой области» [37, с. 6]. Подобной же точки зрения придерживался А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский [36]. Изолированный подход к изучения диалектных явлений привел к противоположной точке зрения. Немецкие лингвисты Н. Schuchardt [52], У. Schmidt [51] выдвинули положение, согласно которому о говоре нельзя говорить как о реально существующей единице, говоры не противостоят друг другу, а незаметно переходят один в другой.

Подобные взгляды на говор и его границы могли базироваться не на комплексном анализе языковых явлений какого-либо диалектологического объединения, а только на рассмотрении какого-либо яруса системы (например, фонетики).

Г. Пауль еще в 1880 г. в «Принципах истории языка» сходным образом определил свое отношение к данной проблеме: «Каждое языковое изменение, а тем самым и происхождение каждой особенности диалекта имеет свою историю. Границы ее распространения не имеют значения для других границ. Если в связанной языковой области провести границы для всех диалектных особенностей, то мы получим чрезвычайно сложную систему перекрещивающихся линий. Точное деление на группы и подгруппы невозможно» [25, с. 237]. Близкую позицию занимали и французские лингвисты Ж. Жильерон, Г. Парис, последний утверждал: «На самом деле диалектов не существует... народные говоры переходят один в другой неуловимыми оттенками. Крестьянин, знающий только говор своей деревни, несомненно, понял бы говор соседней; уже с некоторым трудом – говор деревни, расположенной дальше соседней, и так вплоть до такого места, говор которого он мог бы понять лишь с трудом» [49, с. 161]. Он считает правомерным изучение только ареального распределения отдельных диалектных явлений. Подобное решение данная проблема получила и в трудах некоторых финских лингвистов. М. Рапола в «Введении в финские диалекты» пишет: «Несомненным кажется то, что границы распространения какого-либо отдельно взятого языкового явления редко бывают одинаковыми в любом направлении вместе с каким-либо другим языковым явлением. Поэтому границы разных диалектов не поддаются точному научному определению; легко заметить, что диалекты существуют, но где один диалект заканчивается, а другой начинается, это всегда более или менее вопрос, решаемый произвольно. Это относится к картам, на которых обозначены диалектные группировки и границы диалектных ареалов. Лишь только отдельно взятые явления имеют сравнительно точные ареальные границы» (перевод мой – М.С.) [50, с. 15-16]. У концепции Г. Париса,

несмотря на значительное число сторонников, появился ряд противников. Один из них, А. Хорнинг в статье «О границах диалектов в романских языках» замечает, что под границей диалектов не обязательно подразумевать резкую линию, иногда относительно узкую зону линий [48, с. 160-183]. Значителен вклад в дело исследования теоретических проблем диалектного членения К. Хаага. В работе «Говоры в верховьях Неккара и Дуная» он выделил территориальное ядро сравнительно однородных говоров, которое было им названо ядром диалектного ландшафта. Такие ядра окружены более мелкими периферийными территориями — зонами вибраций [47]. К. Хааг определяет границы диалектов по характеру изменения звуков и по локализации изоглосс тем, что «окружают крупные цельные области; существуют, но только как исключения, отдельные, оторванные от них части, островки... Важные границы почти никогда не выступают в одиночку; они всегда соединены с другими в пучки... Языковые островки расположены обычно у крупных пучков границ: они образуют устойчивые пункты» [46, с. 74-74].

Работы В.М. Жирмунского следуют в русле творчества немецких ученых Ф. Вреде, А. Баха, К. Хаага, принципиально важным является его положение о различной значимости изоглосс в образовании диалектных границ: «Диалектные признаки, одинаково отражающиеся на картах лингвистического атласа как изоглоссы, на самом деле отличаются друг от друга и по своей древности и устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для фонетической или грамматической системы языка. Соответственно этому следует различать границы разных степеней и разного характера. При этом изоглоссы различных явлений далеко не всегда изолированы, нередко полностью или частично совпадают друг с другом, образуют «пучки», совпадающие с границами общения, с хозяйственно-политическими территориями эпохи феодализма. Несмотря на наличие на периферии диалекта переходных говоров (так называемой «зоны вибрации»), отчетливо выступает единство его основного ядра» [13, с. 23].

В.И. Даль в статье «О наречиях русского языка» выделяет следующие диалектные территориальные группировки, в основном по фонетическим параметрам: первым наречием великорусским будет у нас московское, самое малое по занимаемой им местности, самое обширное по распространению своему на всю Русь... От Москвы на север господствует наречие новгородское; на юг – рязанское; на восток – владимирское; на запад – смоленское [12, 1, с. 14-15]. Выделяется им также сибирское наречие, «смешанное, часто перестанавливающее ударения, но вообще окающее», а также новорусское, смесь велико- и малорусского, куда В.И. Даль относит и донской говор [12, 1, с. 16]. Приводится также и перечень слов, характерных для того или иного говора: особенные слова, в Боровичах: **тю'хтя** – белая смородина, **пакша'** – шуйца; в Череповце: **домаха** – хозяйка, **коршунья** – курица, ступни – лапти [12, 1, с. 22-23].

В.И. Даль в целом выделяет восемь наречий: московское, северное, восточное (к востоку от Москвы), сибирское, рязанское, новороссийское, донское, смоленское [12, 1, с. 33-55].

Авторы «Опыта лексикологической карты русского языка в Европе» (Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков) дали в своем труде разделение русских говоров на основные их территориальные разновидности – наречия, разделенные на группы говоров [44]. Работа по выявлению диалектных объединений русского языка была начата ими под руководством А.А. Шахматова. Подготовленные анкеты адресовались, в основном, сельской интеллигенции, которые после соответствующей обработки и контрольных экспедиций стали основой для составления карты. Диалектное членение авторы осуществили по собственным языковым признакам, такой подход отличался от предыдущего, который, по словам авторов, обуславливался «скорее совокупностью общих этнографических отличий соответствующей народности, чем отличиями именно в языке их» [44].

Авторы «Опыта диалектологической карты...» при выделении диалектных группировок опирались на особенности фонетических систем говоров, а что касается севернорусских говоров, то «при делении с.-в.-р. наречия на более мелкие диалектные группы мы основу деления принимали различия в судьбе старого звука 'ять'» [44, с. 19]. При характеристике,

например, Олонекской группы говоров авторами оценивались следующие параметры: 'а' между мягкими согласными в некоторых говорах (подчеркивается, что не везде) сохранилось в отличие от поморских говоров, без перехода в 'е'; твердое 'л' на конце слога перешло в 'у' неслоговое; во флексии род. пад. *-ого* согласный звук произносится как фрикативный. Кроме того, выделялись фонетические особенности, характерные для части олонекских говоров: 'т' между согласными из смычного превращался в фрикативный звук; флексия *-эй* в род. и дат. пад. прилагательного женск. рода; в третьем лице наст. времени глаголов – 'т' мягкое. Некоторые фонетические явления давались через сравнения с поморскими говорами, например, поморским 'ш' и 'ж' долгим твердым могут соответствовать сочетания 'шч', 'ждж', 'шт', 'жд' с мягкими 'ч', 'дж', 'т', и 'д'.

Причем, особое внимание уделялось судьбе фонемы 'ять', отмечалось, что на территории Олонекских говоров старое 'ять' произносится по-разному: как 'е' обычно закрытое; как 'е' с призвуком 'и' (по терминологии авторов — склонное к 'и'); перед мягким твердым согласным как 'и'; как 'е' с призвуком 'и' перед мягкими согласными. Отмечалось также, что в безударной позиции 'ять' не переходит в 'о'. В характеристике олонекских говоров указывалось на влияние карельского языка: перенос ударения на первый слог, дифтонгичность произношения 'о' и 'е' с ударением на второй части дифтонга.

Резюмируя, подчеркивалось, что за «недостаточностью сведений» [44, с. 2] в данной классификации не выделялись более мелкие диалектные объединения, но даже за отмеченными особенностями проглядывает неоднородность исследуемых говоров. Значение «Опыта диалектологической карты...» очень велико, он впервые показал неоднородность севернорусских говоров, указал крупные диалектные группировки, и все последующие членения русских говоров в той или иной мере основывались на территориальных разновидностях русского языка, представленных в «Опыте...».

Следует отметить, что принципы установления диалектного членения всегда варьировались, в последнее время существует возможность типологического, структурного, генетического, статистического, вероятностно-статистического, таксономического подходов [17; 26; 28–31].

Большое значение придавалось разным видам изоглосс для выделения группировок говоров в трудах российских лингвистов. К.В. Горшкова подчеркивает: «Диалектная дифференциация языка не может быть построена без проекции структурных различий на территории бытования языка. Диалектное членение многослойно: одни изоглоссы могут выделять незначительные противопоставленные территории, другие — большие ареалы. Общая проблема диалектного членения часто связана с различной значимостью изоглосс, по отношению к разным сторонам системы языка» [11, с. 174].

Р.И. Аванесов выделяет два типа изоглосс, причем неравноценных, с его точки зрения, для выделения диалектных группировок: «1. Изоглоссы фонетических или грамматических явлений (или почти безотносительно, с единичными) исключениями по отношению к словарному составу, т.е. реализующихся в любой соответствующей лексеме, представляющей данное фонетическое положение или грамматическую категорию. К этому же типу изоглосс примыкают и изоглоссы явлений фонетического и морфологического, связанные с отдельным словом или небольшим количеством определенных слов... 2. К другому типу изоглосс относятся изоглоссы различий собственно лексического характера (различные названия одних и тех же понятий) и изоглоссы различий семантического характера (различные значения одного и того же слова). Изоглоссы двух основных типов совершенно очевидно будут иметь различное значение при решении ряда вопросов... Изоглоссы первого типа выделяют наиболее определенные и противопоставленные территории, занятые теми или иными разновидностями явлений» [1, с. 233-234].

Несомненно, что при выделении крупных диалектных группировок изоглоссы первого типа могут иметь решающее значение, но для микроареального изучения говоров важно детальное изучение лингвистического ландшафта обследуемой территории, т.е. рассмотрение всей совокупности изоглосс и характера их расположения. При этом изоглоссы лексико-

семантического типа для определения в однотипном говоре или группе говоров микроареалов играют самую важную роль. Следует отметить, что термин изоглосса, с ориентацией на периферию явления, его границу, а не на ее ядро, уже не отражает современных достижений общей диалектологии, лингвогеографии, ареальной лингвистики; предпочтительней, на наш взгляд, говорить об ареале какого-либо языкового явления, указывающего на его наибольшую концентрацию на какой-либо территории.

Для современной российской лингвистики при выделении диалектных границ характерен учет всей совокупности языковых явлений. Так, например, в книге «Вопросы теории лингвистической географии» под редакцией Р.И. Аванесова авторы предлагают рассматривать звуковые диалектные различия, различия в формах словоизменения, словообразования, синтаксические различия [1, с. 233-234]. На этой же основе проделан анализ группировок русских говоров в ряде крупных работ: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [24], «Русская диалектология» [34], «Диалектное членение русского языка» [15]. Авторы исходят из понимания говоров как территориальных единиц, проводят диалектное членение на основе анализа закономерностей лингвистического ландшафта русского языка, то есть выясняют все случаи совмещения ареалов языковых; осуществляют основные типы членения территории языка на основе наиболее значительных сочетаний ареалов и по характеру расположения выделяющихся частей по отношению друг к другу [24, с. 9].

В рассматриваемых выше работах группировки русских говоров имеют следующую градацию: наречия, группы говоров, говоры; специально выделялись межзональные говоры, для которых характерно «сочетание ареалов разных зон или групп» [15, с. 116], а также диалектные зоны «на основе таких сочетаний ареалов и пучков изоглосс, которые, находясь в основной своей части в пределах того или другого из наречий, пересекают, как правило, их границы» [34, с. 229].

В книге Н.Н. Пшеничной «Типология русских говоров» [32] автор пытается, на наш взгляд, совместить несовместимое. Так, разрешая проблемы типологии русских говоров, проводится идея презентации их новой (на базе типологии) классификации с применением ареальных и лингвогеографических методов [32, с. 4-5]. Однако типологическое изучение какого-либо лингвистического объекта осуществляется часто для его типологической классификации, ср., например, типологическую и генеалогическую классификации языков, выполняющие разные цели и задачи. Так среди генетически родственных славянских языков типологически можно выделить флективные и аналитические (болгарский, македонский). Общеизвестно, что один и тот же лингвистический объект можно рассматривать по трем аспектам: типологическому, сравнительно-историческому и ареально-лингвистическому. И такого рода разноаспектный анализ сосуществует сравнительно изолированно, нередко практически не влияя друг на друга. Поэтому, на наш взгляд, типология русских говоров, каким образом она ни была бы осуществлена, может оказать минимальное влияние на выработку новой классификации русских говоров, поскольку типологически разные языковые явления могут фиксироваться в генетически сходных говорах.

Возрос интерес к настоящему времени к чисто лексической стороне языка при анализе говоров и более точной установке границ. В работах, посвященных изучению этой стороны диалектов, можно выделить две тенденции: сравнительно-историческую и описательную. Первая разрабатывается уже довольно давно в трудах А.С. Герда [3, с. 108-117; 4, с. 187-192; 8, с. 146-171; 9, с. 31-34], предполагается, «что изучение собственно лексических связей тех или иных говоров с другими диалектами целесообразно проводить не на уровне целостных диалектных группировок и тем более языков..., а дифференцированно от одной конкретной диалектной микрзоны к другой конкретной зоне, от одного локального узла к другому. То есть проводить сравнения материалов, не сопоставляя, например, все архангельские диалекты в целом сразу со всеми другими русскими и славянскими диалектами..., а отбирая отдельные локальные центры, изученные лучше других. Такой же анализ поможет глубже выявить сам характер взаимосвязей между различными центрами и узлами» [4, с. 187-188]. Этот метод

заслуживает внимания, так как он реально подводит к истории образования говоров, к возможности проследить миграции населения, которые ведут к смешению говоров, что крайне важно для диалектологии.

Историко-культурная зона (ИКЗ) вводится как понятие, позволяющее исследовать определенное ареальное единство в рамках исторических границ. ИКЗ как многофакторные величины складываются постепенно, на определённой территории в условиях конкретного климата и ландшафта. Они определяются, соответственно, физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, лингвистическими, этнографическими факторами в их взаимосвязи.

С позиций регионалистики становится возможной реконструкция древнейшей этнической истории ареала. Диахронический анализ ИКЗ позволяет, в частности, увидеть и опознать предшественников того или иного этноса на данной территории, определить их вклад в ИКЗ и таким образом внести новое и в собственную проблематику как этногенеза, так и культурогенеза в целом.

ИКЗ обладают высокой степенью устойчивости; при определенных колебаниях границ, в длительных временных интервалах они проступают на отраслевых и обобщающих картах в более или менее постоянных близких очертаниях. Именно в рамках относительно стабильных ИКЗ протекают процессы смешения и синтеза производственных, хозяйственных, языковых, расовых, этнографических компонентов. Каждая новая этническая трансформация, каждый новый народ не отвергает существующую культуру, а как бы вписывается, вживается и постепенно вращается в неё. Народы приходят и уходят, меняются хозяйственные формы, исчезают археологические культуры и памятники, а ИКЗ остаются, сохраняя устойчивые характеристики регионов (границы, размеры, иногда даже имена), образуя достаточно стабильную картину культурно-исторического пространства [10, с. 109-110].

Описательное ареальное изучение лексики в основном связано с ее картографированием, причем часто исследователь не может быть удовлетворен результатами лингвогеографического обследования, поскольку для выделения каких-либо диалектных группировок важны не только принципы, на которых такое членение строится, а выбранные параметры, составляющие ядро, на основе анализа которого и будет строиться диалектное членение любого рода (в макроструктуре или внутрдиалектное). Для разработки диалектных группировок главное – это выбор соответствующих этому членению параметров. При анализе результатов лингвогеографических исследований довольно сложно дать конструктивную интерпретацию этих довольно сложных данных, поэтому нередко негативная позиция по выделению лексических и т.п. ареалов на базе таких материалов, поскольку описательная лингвогеография, связанная с составлением атласов каких-либо говоров, часто остается без должной включенности в научный обиход, так как нередко лексические изоглоссы имеют совершенно независимую дистрибуцию, и «точно провести границу между отдельными диалектами невозможно, так как она растягивается иногда на десятки километров» (21, с. 229).

Довольно часто задача осмысления ареальной дистрибуции лексики осложняется, когда предпринимается попытка научного обоснования своеобразия лексической манифестации общерусских концептов, реалий, оно не всегда может быть удачным. Иное дело, если речь идет о лексике неисконного происхождения субстратного характера, в этом случае выявленные ареалы могут служить инструментом познания особенностей источников субстрата, а также использоваться для характеристики особенностей русского говора, на почве которого они репрезентируются.

Остановимся на анализе выделения **белозерско-бежецких** говоров и различных возможностей интерпретации этих диалектных материалов.

На «Диалектологической карте русского языка в Европе» 1914 года рассматриваемые говоры, хотя отдельно и не выделяются, представляют собой пограничную западную часть восточной группы севернорусского наречия с границами, проходящими на западе по р. Онеге, севернее Белого озера, далее на юго-запад к г. Устюжне; на юге по рр. Мологе, Волге до впадения в последнюю р. Унжи. По «Диалектному членению русского языка» (15, с. 120) в

анализируемом регионе выделяются белозерско-бежецкие говоры и костромские говоры (их западная часть). При теоретическом обосновании диалектного членения декларируется, что «диалектное членение строится на основе систематического изучения всех случаев совмещения ареалов, при котором изоглоссы образуют пучки, обладающие известным сходством очертаний» (34, с. 228), причем утверждается, что "при установлении диалектного членения языка речь не идет о выделении диалектных объединений по наличию любого сочетания ареалов, выделяющих ту или иную территорию, а о сочетании наблюдений над расположением ареалов и пучков изоглосс с изучением характера самих явлений, входящих в состав языкового комплекса того или иного диалектного объединения, проводимого с синхронной точки зрения" (15, с. 9). На деле, при практическом воплощении продекларированных методов, разграничение и структурирование диалектных группировок русского языка в основном строится на базе фонетических и грамматических дифференциаций. Несомненно, это имеет причины в том, что фонетико-грамматическая организация говора всегда устойчивее, нежели его лексическая система, поскольку слово более подвижно в пространстве и менее устойчиво во времени. Нередко, когда предпринимается попытка привести специфические лексемы, характеризующие те или иные говоры, представляют слова широкого распространения или интердиалектную лексику. Так, для белозерско-бежецких говоров предлагается 10 слов, по мнению авторов, характеризующих эти говоры: **кожанки**, **шубянки** 'рукавицы, сшитые из овчин', **назем** 'навоз', **пеун** 'петух', **порато** 'очень', **дерево** 'составная деревянная часть сохи', **ботать** 'бодать – о корове', **жнитвина** 'сжатое поле' (по данным ПЛГО, репрезентированным в «Атласе субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (23), лексема **жнитвина** фиксируется в Сямженском, Верхояжском, Тотемском р-нах Вологодской области, кроме того, **жнитва** широко представлена в говорах Новгородской и Вологодской областей), **мырчит**, **мыркает** 'мычит - о корове' (15, с. 116, 121). Н.Н. Пшеничнова приводит в качестве дифференцирующих белозерский диалектный тип следующие лексемы **жи'то** 'ячмень', **певун**, **пеун** 'петух', **мырчит**, **мыркает** (о корове), **будаёт** (о корове) (32, с. 90-91). Однако все они имеют более широкое распространение, чем данная диалектная группировка – общий севернорусский ареал и, кроме того, общерусскую мотивацию, на основании которой проявление лексем возможно на всем пространстве русского языкового континуума.

Новое диалектное членение говоров Тверской области представлено в коллективной монографии «Проблемы динамики среднерусских говоров» (27); авторами, в частности, выделяются следующие группировки: говоры северного наречия (Сандовский, Бежецкий, Весьегонский районы), среднерусские говоры Селигеро-Торжковской группы, включающие в себя значительную часть территории Тверской области (Бологовский, Удомельский, Максатинский, Вышневолоцкий, Спировский, Торжковский, Осташковский, Пеновский, Ржевский, Старицкий). Ареал последней группировки нам кажется довольно странным, поскольку окающие говоры Бологовского и Максатинского районов оказались в одной связке с акающими говорами юга Тверской области, граничащей со смоленскими говорами (ПРОБДГТ: 4) (уточнение границы между ярославско-костромскими и калининскими говорами было рассмотрено в работе Н.Д. Русинова (33, с. 3-16).

Довольно часто лексическое своеобразие говора определяют не только элементы архаики или инновации лексической системы, поскольку слова славянского/общерусского фонда при тождестве первичной мотивации могут, как указывалось выше, фиксироваться в разных диалектах русского языка, ср. **вешк'рь** 'гриб подосиновик' (белозерские, брянские говоры), 'гриб масленок луговой' (белозерские, пошехонские говоры), **ку'льма** 'средняя или задняя часть бредня' (моложские, пошехонские, брянские говоры), а влияние иноязычных лексических систем. Причем нередко субстратная лексика, в отличие от заимствованной, не выходит из ареала проникновения в русские говоры (это не касается старых заимствований-тюркизмов, которые не имеют ареальной привязки, и слов прибалтийско-финского происхождения не субстратного, а заимствованного типа, широкое распространение последних связано с миграцией русского населения либо с их вхождением в

терминологические системы местного или национального масштаба). Однако авторы «Диалектного членения русского языка» не принимают во внимание того факта, что на территории Белозерского края проживали вепсы, оставившие значительное наследие в лексике и топонимии, довепское население представляет субстрат саамского языкового типа (см.: 39; 40; 41; 42; 43). А на землях Бежецкого уезда проживали тверские карелы, составлявшие к 1873 году 21 % жителей уезда. Во второй половине XIX века большинство карел жили в 9 волостях в бассейне р. Медведицы и по ее притокам, а также по берегам р. Мологи: Микшинской, Толмачевской, Заклинской, Замытской, Заручьевской, Алешинской, Трестенской, Поречской, Беляницкой; причем в ряде волостей они совсем обрусели, что, вероятно, сказалось и на русских говорах этого региона (20, с. 20). Согласно первой российской переписи 1897 года в Бежецком уезде проживало 46950 карел (16, с. 70-74) (следует иметь в виду, что территория Бежецкого уезда была значительно обширнее, чем современный Бежецкий район).

Полевое обследование белозерских и бежецких говоров также подтверждает их дифференциацию. По ПЛГО в ближайшем Белозерье (в районах, прилегающих к Белому озеру) были обследованы следующие населенные пункты: Зорино, Мазкса, Мегра, Нижняя Мондома, Перкумзь, Пыжелохта, Старое Село, Чалекса (9 н.п., Белозерский район); Екимово, Новец, Пиксимова, Ухтома (4 н.п., Вашкинский район); Бородавы, Горлицы, Пидьма (3 н.п., Кирилловский район). Кроме того, обследовались населенные пункты, соседние с Белозерьем, а также территория собственно бежецких говоров: Вошажниково, Карельская Мушня, Хантаново (3 н.п., Череповецкий район); Громошиха (1 н.п., Устюженский район); Алабузино, Ивановское, Морозово (3 н.п., Бежецкий район); Выползово, Мыза, Сеглино (3 н.п., Бологовский район); Никулино (1 н.п., Весьегонский район); Селищи (1 н.п., Максатинский район); Власово, Сараево (1 н.п., Сонковский район); Сельцо Карельское (1 н.п., Удомельский район).

Различия белозерских и бежецких говоров обнаруживаются и на уровне фонетики. Так, например, в ряде микроговоров вокруг Белого озера наблюдается выпадение [в] в интервокальной позиции: **кroatки** 'кроватьки', **острон'на** 'островина, стожар', **дроя** 'дрова', **коро'а** 'корова', **ое'ц** 'овец'. Кроме того, в данной части фиксируется преимущественно долгое [шш] – **шшу'ка** 'щука', в говорах южнее г. Череповца, по р. Мологе отмечается произношение [шч] – **шчу'ка**.

Было также выявлено различие в типах лексических ареалов, в том числе и иноязычной (финно-угорской) лексики в регионе:

1. Ареал автохтонной лексики, локализованной в говорах вокруг Белого озера, например: **та'гас** 'большой зимний невод', ср. вепс. *tagas* 'большой частый невод для зимней ловли', **вашка'л**, **вашка'ла** 'рыба уклейка', **ку'нжа** 'иной или снег на деревьях' – вепско-саамский.

2. Белозерье – как часть единого ареала с говорами Обонежья, Беломорья, ладогитихвинскими, вологодскими, например: **пи'нда** 'сердцевина сосны', **пáнкáреги** 'дровни', **конáрник** 'багульник' – общеприбалтийско-финского типа, с возможной дифференциацией на вепско-карельский.

3. В говорах по течению р. Мологи неисконная лексика представлена остаточными прибалтийско-финскими реликтами: **карзи'на** 'подполье', ср. вепс. *karžin* 'подвал, подполье' (14, с. 182).

4. Говоры западных районов Ярославской области представляют собой маргинальный ареал, обусловленный влиянием говоров тверской области (тверских карел; Т.В. Кириллова отмечает также варианты с [з]: **карзина**, **карзник**, **карзень** в русских говорах Тверского региона (19, с. 11). См.: 18, с. 93-95.), либо реликтов ярославских карел: **ка'ржи'на**, **ка'ржевина**, **ка'ржинка** 'пристройка к печи с лазом в подполье', ср. кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал' (35, с. 89). В отношении ареальной дистрибуции вариантов **карзина/каржина** нами зафиксирована следующая картина: в белозерских говорах отмечается вариант **карзина**, как и в говорах запада Тверской области; в смежных говорах Череповецкого района – бытуют оба варианта, при том, что в бежецких говорах доминирует

каржина (Бежецкий, Максатинский, Сонковский районы – данные 2003 года). Причем в Сонковском районе, граничащем с Ярославской областью, наряду с лексемой **каржина**, отмечается слово **голбец** с тем же значением, представляющее собой его западный маргинальный ареал.

5. В ряде случаев в говорах по р. Мологе, бассейна Шексны наблюдаются единичные фиксации субстратной лексики, основной массив которой расположен в говорах Костромской области: **кара'с**, **кара'сь** 'сруб в основании опоры моста', 'короткое бревно в деревянном срубе, врубленное в его угол', ср. **кара'с**, **кара'сь** 'треугольный сруб в основании плотины', 'бревенчатая стенка, укрепляющая берег у плотины' (с фиксациями в восьми районах Костромской области) (2, с. 20); ср. удм. *корос* 'опалубка, сруб колодца, ямы' (22, с. 142).

6. В бежецких говорах нередко фиксируются единицы прибалтийско-финской природы, представляющие собой автохтонные уникалии, связанные чаще всего с влиянием языка тверских карел: **я'лгушка** 'пристройка к печи с лазом в подполье' (Максатинский район).

7. В отношении исконной лексики следует отметить, что говоры Белозерья и бежецкие говоры имеют значительный пласт слов, общий для них, а также для смежных тверских и ярославских.

Таким образом, Белозерско-Бежецкие говоры, на наш взгляд, дифференцируются на три части: а) говоры вокруг Белого озера; б) говоры по р. Мологе; в) говоры южнее р. Мологи (бежецкие).

Литература

1. Аванесов Р.И. Вопросы лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963.
2. Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3-45.
3. Герд А.С. Из истории печорских названий рыб. // Севернорусские говоры. Вып. 1 Л., 1972. С. 108 – 117.
4. Герд А.С. Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188 – 194.
5. Герд А.С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии. // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 187 – 192.
6. Герд А.С. К истории образования говоров Заонежья. // Севернорусские говоры, вып. 3. Л., 1979. С. 206 – 213.
7. Герд А.С. К истории образования говоров Посвирья. // Севернорусские говоры, вып. 4. Л., 1984. С. 174 – 181.
8. Герд А.С. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья. // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 146 – 171.
9. Герд А.С. Лингвогеографическое членение Ленинградской области (по материалам лексики) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб., 2001. С. 31-34.
10. Герд А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионалогический журнал (Псков). 2013. № 16, С. 107–116.
11. Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. Изд. МГУ, 1968.
12. Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4. С. 1-72.
13. Жирмунский В.М. Некоторые проблемы лингвистической географии. // Вопросы языкознания, 1954, № 4. С. 3-27.
14. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972 (В тексте – СВЯ).
15. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

16. Золотарев Д.А. Этнографический состав населения Бежецкого уезда // Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 70-74.
17. Ивиџ П. Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације. //Македонски јазик. Год XI – XII, кн. 1 – 2. Скопје. 1960 – 1961.
18. Кириллова Т.В. К изучению русско-карельских отношений в Тверском регионе // История и культура тверских карел: перспективы развития. Материалы международной конференции. Тверь, 1997. С. 93-95.
19. Кириллова Т.В. Роль Тверской картотеки как источника изучения среднерусских говоров // Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. С. 6-13.
20. Климин И.И. Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. Чч. 1-2. СПб., 2002.
21. Комягина Л.П. О границах Архангельских диалектов. // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969.
22. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (В тексте – КЭСКЯ).
23. Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2007.
24. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970 (В тексте – ОСВРН).
25. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
26. Пиотровский Р.Г. Структурные модели территориальных и жанровых разновидностей языка. // Вопросы романского языкознания. Кишнев, 1963.
27. Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. 188 С. (В тексте – ПРОБДТГ).
28. Пшеничнова Н.Н. Применение таксономического анализа классификации говоров // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
29. Пшеничнова Н.Н. Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем. // ОЛЯ. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
30. Пшеничнова Н.Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах. // Русские народные говоры. М., 1983.
31. Пшеничнова Н.Н. Классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом. // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
32. Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996. 208 С.
33. Русинов Н.Д. Граница между ярославско-костромскими и калининскими говорами теперь и в прошлом // Эволюция и предыстория языкового строя. Горький, 1978. С. 3-16.
34. Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
35. Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994 (В тексте – СКЯП).
36. Соболевский А.И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности. // Известия АН, кн. 3, т. 7, 1902.
37. Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка. // Вести Русского географического общества, ч. 1, кн. 1, СПб., 1851.
38. Субботина Л. А. Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 66-78.
39. Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. АКД. Свердловск, 1985.
40. Субботина Л.А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 95-109.

41. Субботина Л.А. Вепские заимствования в географической лексике Белозерья // Историческое развитие языков и методы его изучения. Свердловск, 1988.
42. Субботина Л.А. Саамские элементы в географической терминологии Белозерского края // Этимологические исследования. Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 18-22 (В тексте – Субботина 1988а).
43. Субботина Л.А. Этнические и языковые контакты в Белозерье // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 107-113.
44. Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
45. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
46. Хааг К. О границах диалектов. // Немецкая диалектография. М., 1955. С. 74 – 74.
47. Haag K. Die Mundarten des oberen Nekar- und Donautandes. Reutlingen, 1898.
48. Horning A. Über Dialektgrenzen im Romanischen. // Zeitschrift für romanische Philologie, т. XVII, 1893, s. 160-187.
49. Paris G. Les parlés des France. // Revue de parlois gallo-romans, 2, 1888.
50. Rapola M. Johdatus suomen murteisiin. Helsinki, 1961.
51. Schmidt Y. Die Heimatverhältnisse der Indogermanen. Weimar, 1872.
52. Schuchardt H. Der Vokalismus des Vulgärlateins. 3 Bde., 1866–1868.

УДК 811.161.1

О.В. Никифорова
канд. филол. наук
Арзамасский филиал ННГУ
г. Арзамас, Россия

ОБРЯДОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ С КОРНЕМ -ВЕЧЕР- В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

O.V. Nikiforova
cand. philol. Sciences,
Arzamas branch of UNN
Arzamas, Russia

RITUAL LEXEMES WITH THE ROOT -EVENING- IN THE NIZHNY NOVGOROD TALENTS

Аннотация. В статье на материале нижегородских говоров осуществляется анализ дериватов с корнем -вечер-, служащих для наименования реалий обрядов жизненного цикла. Обрядовая лексика нижегородских говоров рассматривается с позиции семантических и ареальных связей. Отмечается, что в деривационных образованиях с корнем -вечер- ярко проявляются словообразовательная синонимия и вариативность, характерные для говоров. Выявлено, что нижегородские говоры, являясь частью русского национального языка и отражая особенности формирования и развития русской народной речи, народного мировосприятия, тесно связаны с жизнью других русских говоров, отмечены нижегородские лексемы с корнем -вечер-, семантически общие как с южнорусскими, так и севернорусскими. Выделяются обрядовые наименования, которые различаются семантически в русских народных говорах.

Ключевые слова: диалектология, нижегородские говоры, обрядовая лексика, дериваты с корнем -вечер-

Abstract. Based on the material of Nizhny Novgorod dialects, the article analyzes derivatives with the root *-evening-*, which serve to name the realities of the rituals of the life cycle. Ritual vocabulary of Nizhny Novgorod dialects is considered from the standpoint of semantic and areal connections. It is noted that in derivational formations with the root *-evening-*, word-formation synonymy and variability characteristic of dialects are clearly manifested. It was revealed that the Nizhny Novgorod dialects, being part of the Russian national language and reflecting the peculiarities of the formation and development of Russian folk speech, folk worldview, are closely connected with the life of other Russian dialects, Nizhny Novgorod lexemes with the root *-evening-*, semantically common with both South Russian and northern Russian. Ritual names are distinguished, which differ semantically in Russian folk dialects.

Keywords: dialectology, Nizhny Novgorod dialects, ritual vocabulary, derivatives with the root *-evening-*

Фундаментальными категориями, составляющими своеобразную «систему координат» (А.Я. Гуревич), сквозь призму которой люди разных культур воспринимают мир, являются пространство и время. Взаимосвязь пространства и времени бесспорна: анализ пространственных лексических единиц в аспекте их временной семантики позволяет выявить особенности восприятия времени, характерного для русского народного мировидения. Русский крестьянин живёт в разных временах – астрономическом, историческом, возрастном, сакральном, профанном, в результате в сознании человека складывается концептуальная модель времени, представляющая собой базовую когнитивную структуру, нашедшую отображение в языке. Известно, что человек воспринимает время как последовательность однотипных событий, «жизненных кругов» («циклическое» время) и как однонаправленное поступательное движение («линейное» время). Время движется, и движение его непрерывно. Архаическим цивилизациям свойственно представление о «циклическом» времени как о вращении по кругу, восходящее к цикличности природных явлений, при таком понимании нет различий между прошлым и будущим. Осмысление «линейного» времени возникает позже. В его основе тоже лежит круг, но он разрывается, появляются представления о начале и конце, а значит – эволюции, развитии. Прошедшее и будущее разводятся. Представления о «циклическом» и «линейном» времени сосуществуют, синтезируются. При этом доминанта того или другого становится своеобразным мировоззренческим «маркером»: «циклическое» время связывается с космологическим сознанием, а «линейное» – с историческим. Первое сознание настроено на типизацию, а второе – на индивидуализацию. Е.С. Яковлева подчёркивает, что повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с «циклическим» временем, а неповторяемость, уникальность – с «линейным» [9, с. 97–101].

Для диалектной картины мира значимой является соотносённость времени с важными событиями в жизни человека, то есть антропоцентричность. Время представляет собой движущийся навстречу поток событий, независящих от субъекта. Такое восприятие времени связано с представлениями о жизни. Обрядовый текст воспроизводит жизненный путь человека, что определяет столь важную роль времени в его организации. Человек, проходя в обряде путь из «своего», «близкого» в «чужое», «далёкое», преодолевает границы между хронологическими пластами. Время как важная форма существования объективной реальности пронизывает всю жизнь и деятельность человека, поэтому всестороннее исследование лексических единиц, связанных с временем, способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики национальной языковой картины мира. В диалектной картине мира наиболее интересно представление прошедшего времени. См., например, наблюдения над тремя временными пластами в индивидуальной картине мира диалектоносителя Надежды Петровны Никифоровой и вывод о том, что о своём прошлом информант рассказывает с большим удовольствием, а тексты, содержащие воспоминания, объёмны и отражают яркие события, факты из жизни человека [6, с. 240].

Экспликация времени в речи диалектоносителей чаще происходит грамматически, однако есть примеры лексической объективации культурного времени. Диалектная речь

показывает, что для носителей диалекта время означает не совсем то же, что для говорящих на литературном языке. В жизни человека в русской национальной традиции многие даты символичны. Лингвист Г.В. Калиткина предлагает говорить о времени культурном, о котором в народной культуре сохранились относительно достоверные сведения [3, с. 235]. Время соотносится с конкретным событием; нередко указываются даты, конкретное время, возраст участника событий. Эти определения опираются на иные ориентиры, свидетельствуют об ином восприятии времени в народной культуре. В диалектной коммуникации отражается особая в сравнении с культурой горожан, говорящих на литературном языке, направленность интересов людей. Безусловно, в диалектной речи гораздо сильнее, чем у носителей литературного языка, разрабатываются темы родственных, семейных отношений, а также праздников, требующих совершения обрядов, ритуальных действий. Отмечено, что в говорах Нижегородской области обрядовое время носит практическую окраску, так как вербализирует годичный сельскохозяйственный цикл деревенских жителей, организуя их труд и жизнь непрерывно весь год, выражая отношение человека к явлениям природы и событиям в его жизни [5, с. 158]. Темпоральные диалектные лексические единицы весьма многочисленны, охватывают широкий круг реалий и явлений крестьянской жизни, понятий, связанных с восприятием времени.

В статье мы рассмотрим нижегородскую обрядовую лексику с корневым морфом *-вечер-*. Обрядовая лексика, которая репрезентирует своеобразное видение мира нашими предками и служит «особым» ориентиром в его освоении, является одним из элементов культуры. Обрядовая лексика отражает живые традиции языкового творчества, в котором языковое сознание соотносится с особенностями традиционной народной культуры. К обрядовым принято относить не только слова, имеющие исключительно обрядовую семантику, но и общерусские лексемы, номинирующие реалии, которые выступают в сакральной функции.

Так, лексемы, составляющие словообразовательное гнездо с корнем *-вечер-*, разнообразны в тематическом отношении и по своей семантике связаны с функциональными сферами «Свадебный обряд» и «Календарные обряды», относящимися к наиболее значимым фрагментам языковой картины мира. Рассмотрение дериватов с корнем *-вечер-* позволяет выявить специфику говоров, особенности вербализации и ценностные ориентации диалектоносителей.

Существительное *вечер* имеет общеславянский индоевропейский характер распространения, ср. лит. *vākaras*, лат. *vesper* и т. д. Одни учёные, сближают это слово с *веко* и называют элемент *-ер-* суффиксом, а *вечер* буквально – «закрывающее день». Другие под словом *вечер* понимают «потёмки», поскольку считают его родственным лит. *ukanas* «сумрачный» и т. п. словам [8].

В русских народных говорах лексема *вечер* является вершиной большого словообразовательного гнезда. Обратимся к материалам Диалектного словаря Нижегородской области, а также к полевым записям и рассмотрим составляющие это гнездо лексемы. Народный язык наделяет данный корневым морф дополнительным культурно-символическим значением. В нижегородских говорах представлено значительное число образований (лексем и устойчивых выражений) с корнем *-вечер-*: *вечер*, *вечерянка*, *вечеренька*, *вечерины*, *вечерина*, *вечеринка*, *вечерок*, *вечерянка*, *вечернина*, *вечёр*, *вечёрка*, *вечёрки*, *вечёрочки*, устойчивые выражения *вечёр держать*, *Васильев вечер*, *сваребный вечер*, *брачный вечер*, *вечёршныя песни*, *вечеря*.

Слова с корнем *-вечер-* служат наименованиями вечерних увеселительных собраний молодёжи, на которых происходили знакомства. Анализ гнезда показывает, что значение ‘вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения; посиделки’ реализуют названия, в основе которых лежит темпоральная характеристика: *вечёрка*, *вечёрки*, *вечерянка*, *вечеринка*, *вечерина*, *вечерины*: «Собирают фсеx девок, ребяг в дом, собирают без вина. Это вчерки. Фсе сидят дома, чай попивают. Кругом песни поют, пляшут, веселяца. Потом фсе выходят на улицу, играть в разны игры, фсе гуляют; домой приходят поздно» (с. Б. Бакалды Бутурлинского р-на). Наименования представляют собой ряд

словообразовательных вариантов. В нижегородских говорах зафиксировано устойчивое сочетание *вечёр держать*, которое имеет значение ‘предоставлять помещение для вечерних гуляний молодёжи’. Для наименования встреч молодёжи в период от помолвки до дня венчания используется лексическая единица *вечёрки*: «*Посля просватанья невеста сидела дома, подруги приходили к ней на вечерки, помогали шить приданое*» (с. Спирино Большемурашкинского р-на). Песни, которые поются на посиделках, вечеринках, называются в нижегородских говорах *вечёроинные песни*. СРНГ отмечает наименование *вечериночные песни* с пометой Арх., Олон., Самар. [СРНГ 4, с. 213].

Последним значительным моментом досвадебного ритуального комплекса является вечер накануне свадьбы. В это время в домах жениха и невесты проходили собрания молодёжи, цели и характер которых определялись спецификой обрядовых ролей юноши и девушки. В нижегородских говорах номинация этого действия происходила по времени проведения (вечером накануне венчания). У невесты проводился переходный обряд прощания с девичеством и вольной жизнью, для чего собирались её незамужние подруги. В нижегородских говорах значение ‘часть свадебного обряда – вечер в доме невесты, на котором подруги провожают девушку в жены, девичник’ имеют лексемы *вечер*, суффиксальные производные от этого существительного: *вечерянка*, *вечеренька*, *вечерины*, *вечерина*, *вечеринка*, *вечерок*, а также фонематический вариант *вечёр* и создают чёткую локальную зону в пределах Шахунского, Тонкинского, Тоншаевского, Краснобаковского, Шарангского районов. Лексемы также отмечены в других русских народных говорах: *вечер* в пермских, уральских говорах [СРНГ 4, с. 210]; *вечерина* в орловских, курских, новгородских, вологодских, рязанских говорах [СРНГ 4, с. 210]; *вечеринка(и)* в тамбовских, тверских говорах [СРНГ 4, с. 212]. В нижегородских говорах, как и донских казачьих, лексема *вечеринка* употребляется для наименования и девичника, и прощального вечера у жениха (мальчишника) [4, с. 106]. Кроме лексемы *вечеринка*, значение ‘собрание молодежи в доме жениха накануне свадьбы’ имеют наименования *вечер*, *вечерина*, *вечеренька*, *вечёрка* и создают компактную локальную зону вдоль границ с костромскими-ивановскими говорами (Ветлужский, Уренский, Ковернинский, Варнавинский районы). Лексема *вечерня* в нижегородских говорах обозначает ‘вечерняя церковная служба’. Ср. в смоленских говорах ‘вечернее угощение в свадебном обряде’. [СРНГ 4, с. 215].

Диалектный словарь Нижегородской области (ДСНО) содержит лексемы с корнем *-вечер-*, имеющие значимость в обрядах жизненного цикла в данной культурной языковой среде, причём многие лексические единицы в словаре снабжены специальными пометами, например *свад. вечер* 1. Собрание родственников и друзей по случаю приезда или отъезда кого-либо (Б.-Мур., с-в; Бор., з; Ворот., ц; Поч., з, с-з; Шахун., с). 2. Предсвадебная вечеринка (Гор., ю; Чкал., с). 3. То же, что *вечёрка* (Бал., с-в). [ДСНО 2, с. 78], *вечеринка* 1. Свад. То же, что *вечер* (Б.-Болд., ц; Варн., ю-в). 2. То же, что *вечёрка* (Выкс., с-з, ц; Бор., с-з, ю-з; Ветл.; Гор., з; Д.-Конст., ю; Ков., с-в, ю; Кст., в; Ляск.; Нав., з; Чкал., с) [ДСНО 2, с. 78].

В тематической группе «Лексика и фразеология святочных обрядов» выделяются хронимы для обозначения праздников, праздничных периодов, а также отдельных дней или их частей: названия всего святочного периода (*святые вечера*), названия вечера с 13 на 14 января (*Васильев вечер*, *вечер Василия Великого*, *богатый вечер*, *скоромный вечер*). В образовании составных хронимов принимают участие имена прилагательные, которые выполняют функцию выделения характерного признака. Так, определения *святочный*, *Васильев* несут информацию о времени праздника. Прилагательные *богатый*, *скоромный* подчёркивают разнообразие блюд на праздничном столе. С народным календарём связан и фразеологизм *беседочные вечера* – ‘время, когда молодёжь собиралась на осенне-зимние вечерние гуляния – беседки (как правило, среда, пятница, воскресенье). Беседочные вечера были три раза в неделю, вот воскресенье, среда и пятница была’ Шахун. [ДСНО 1, с. 119]. Беседка, беседки, беседашка, по Далю, «калужск. новг. твер. олон. вологодск. ниж. вечеринка, вечерница, вечерки, посиделки, посидки, супрядки, досветки; сбор девок с веретеном и куделью в один дом, обычно в круговую, на всю ночь; сходбища осенние и зимние, взамен

летних хороводов, начиная от конца уборки хлеба, когда уже жгут по избам огонь: с Симеона-летопровода (1 сентября)» [Даль 1, с. 140]. *Беседки* начинались после завершения сельскохозяйственных работ. В южных районах Нижегородской области молодёжь собиралась на беседки с Покрова (14 октября), в северных районах на беседки ходили позже – с 21 ноября (Введение). Беседочные вечера продолжались до Великого поста.

Перевод лексической единицы в культурно значимую, обрядовую происходит следующими способами:

1. Расширение многозначности лексической единицы и появление обрядового значения. Так, у слова *вечер* зафиксированы значения ‘часть свадебного обряда – вечер в доме невесты, на котором подруги провожают девушку в жены, девичник’, ‘гулянье, праздничный пир в доме жениха в день свадьбы’. В СРНГ лексема и её производные зафиксированы лишь в значении ‘предсвадебная вечеринка’ [СРНГ 4, с. 210–212]. По данным СРНГ, такие названия встречаются в говорах северного наречия: олон., арх., костром и др.

2. Использование словообразовательных средств, в частности уменьшительно-ласкательных суффиксов: *вечерок, вечерочек, вечерушка*. В словаре В.И. Даля встречаем лексему *вечерушка* с указанием её территориальной принадлежности: «Вечеруха, вечерушка южн. Названия вечерних сходбищ, собраний, пировъ. Вечерины, вчерорки, вечеруха, канун свадьбы у невѣсты, девичникъ, плач» [Даль 1, с. 192]. Таким образом, суффиксальное образование с помощью форманта *-ух-, -ушк-* типично для южных говоров, в отличие от говоров, где используются существительные с формантами *-ин-, -к-, у* Даля снабженные пометой «сев.». В СРНГ в качестве ареала распространения лексемы *вечеруха* указаны орловские, брянские, рязанские, смоленские, калужские говоры. Лексема *вечерушка* отмечена словарём как воронежская, но лишь относительно семантики ‘вечеринка, беседа, посиделки’ [СРНГ 4, с.217].

3. Создание устойчивых обрядовых выражений. Кроме названного наименования *вечёр держать*, можно отметить сочетание *брачный вечер*, имеющее в нижегородских говорах несколько значений: 1) гулянье молодёжи перед свадьбой в специально нанятом доме или клубе (реже в доме жениха или невесты) «*Все вместе собирались. Это называли брачной вечер. На моленье договаривались, когда вечер делать, когда сварьбу*» (д. Неверово Чкаловского р-на); 2) свадебный пир в первый день «*Брачный вечер до сварьбы делают, для молодёжи, а потом, когда сварьбу гуляют тоже брачный вечер*» (с. Бахаревка Сеченовского р-на).

Таким образом, рассмотренный материал выявляет особенности семантической структуры слова *вечер* и его дериватов в нижегородских говорах. В диалектной картине мира, репрезентированной в речи диалектоносителей Нижегородской области, широко представлены лексемы, эксплицирующие представление о циклических во времени событиях. Дериваты с корнем *-вечер-* образуют лексический пласт, значимый для познания материальной и духовной культуры и истории Нижегородского края. Лексические единицы с данным корневым морфом выполняют культурно-символическую функцию и позволяют выявить информацию о ментальности русского крестьянина, которая эксплицируется по данным обрядовой лексики, отражающей вековую культурно-речевую традицию.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. А–З. М.: Рипол Классик, 2002. 752 с.
2. Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1 – 2. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013 – 2014. (В тексте – ДСНО).
3. *Калиткина Г.В.* Среднеобская диалектная лексика с темпоральным значением: концепт ‘вечёрка’ // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 238–243.

4. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В. Дериваты с корнем вечер-в донских казачьих говорах Волгоградской области и общенародном языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. №4 (68) 2012 С.104–108.

5. Никифорова О.В. Лексико-фразеологическое поле «Обрядовое время» в нижегородских говорах // Международный научно-исследовательский журнал. № 9(51). 2016. Часть 4. С. 157–159.

6. Никифорова О.В. Языковая личность носителя нижегородских говоров: коннотативный аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки РФ, Почётного профессора МГОУ, д. филол. н, проф. П.А. Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С.237–241.

7. Словарь русских народных говоров. / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.-Л.: СПб.: Наука, 1965-2016. Вып. 1–49. (В тексте –СРНГ).

8. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. <https://lexicography.online/etymology/shansky/>

9. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

УДК 81.282.2

Ц.Ц. Огдонова

канд. филол. наук

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Россия

**ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ГОВОРОВ РУССКИХ
СТАРОЖИЛОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ»
Г. В. АФАНАСЬЕВОЙ-МЕДВЕДЕВОЙ)**

Ts.Ts. Ogdonova

Cand.Sci. (Philology)

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia

**VOCABULARY OF NUTRITION AS A FRAGMENT OF THE DIALECTAL PICTURE OF
THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE «DICTIONARY OF DIALECTS
OF RUSSIAN OLD-TIMERS OF BAIKAL SIBERIA»
BY G. V. AFANASYEVA-MEDVEDEVA)**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается лексика питания русских старожилов Байкальской Сибири как базовый фрагмент диалектной картины мира, отраженной в диалектном дискурсе. Исследование проведено на материале «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой, текстовое пространство которого представляется в качестве дискурсивной среды функционирования анализируемых единиц. В результате анализа выявлены доминантные группы лексики питания в диалектной картине мира, а также обнаружены культурно значимые смыслы, связывающие данные группы с историко-культурным пространством диалектного дискурса.

Ключевые слова: диалектная картина мира, диалектный дискурс, лексика питания, русские старожилы Байкальской Сибири, наименования блюд.

Abstract. This article considers the vocabulary of nutrition of Russian old-timers of Baikal Siberia as a basic fragment of the dialectal picture of the world, reflected in the dialect discourse. The

study was conducted on the material of the "Dictionary of dialects of Russian old-timers of Baikal Siberia" by G.V. Afanasyeva-Medvedeva, the text space of which is presented as a discursive environment for the functioning of the analyzed units. As a result of the analysis, the dominant groups of the vocabulary of nutrition in the dialect picture of the world were revealed, and culturally significant meanings connecting these groups with the historical and cultural space of dialect discourse were revealed.

Keywords: dialectal picture of the world, dialect discourse, vocabulary of nutrition, Russian old-timers of Baikal Siberia, names of dishes.

Региональное культурно-языковое пространство, в динамике определяющее региональную языковую ситуацию, неоднородно и гетерогенно. С разной долей вероятности и определенности в него входят литературный (преимущественно разговорный вариант), просторечный, жаргонный и диалектный компоненты. Все эти компоненты распределены в дискурсе региональной коммуникации, поэтому имеют локальную окрашенность. Собственно локально окрашенным, безусловно, является диалектный компонент, отражающий региональную картину мира в ее национально-территориальном многообразии. В связи с этим дискурс региональной коммуникации, в частности диалектный дискурс, можно рассматривать как «культурно обусловленную, вербально ориентированную форму существования типового субъекта, реализуемую в совокупности особых культурно-речевых практик» [5, с. 39]. В качестве типового субъекта в данном случае выступает коллектив диалектосителей, а совокупность культурно-речевых практик репрезентирует их исторически обусловленное бытие в национально-культурных координатах.

Дискурсивное существование типового субъекта отражает материальную и духовную культуру на фоне межкультурного и межъязыкового взаимодействия, а также специфику национального мировоззрения по отношению к окружающему миру и к самим себе. Как и каждый дискурс, диалектный дискурс имеет свое концептуальное наполнение и свой «язык», что позволяет говорить о существовании лексической фрагментарности данного феномена. Именно структура лексического тезауруса является доминантой в описании диалектной картины мира.

Один из фрагментов диалектной картины мира репрезентирует лексика питания как категоризатор важнейшей сферы в жизнедеятельности диалектоносителей. Как известно, пища всегда была и остается важным элементом материальной культуры народа, она отражает специфику быта и хозяйствования, природно-климатические и экологические условия проживания русских старожилов.

Материалом настоящей статьи является картотека номинаций в количестве свыше 200 единиц, выбранных из «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Медведевой-Афанасьевой, в котором отражена уникальная картина мира русских старожилов Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия)). Типовой субъект в данном словаре – «люди преклонных лет, родившиеся в конце XIX и в первой половине XX в. <...>. В большинстве своем это земледельцы, скотоводы, рыбаки, охотники» [4, с. 7]. Культурно-речевые практики отражены в связанных текстах-нарративах, записанных в условиях естественного бытования вербальной традиции. Исходя из этого, текстовое пространство данного словаря можно обозначить как дискурсивную среду бытования и функционирования языковых единиц.

Лексика питания в диалектной картине мира выступает как знаковая система, раскрывающая особенности пищевой культуры сибиряков, обусловленной суровым климатом и своеобразными бытовыми условиями [7, с. 27]. Продуктами питания семьи русских старожилов обеспечивали себя за счет своего хозяйства, промыслов и собирательства. Состав блюд и способы их приготовления свидетельствуют о том, что в Байкальском регионе произошло смешение различных потоков населения с севернорусских и южнорусских территорий. Здесь они смешивались с обычаями и традициями питания коренного населения (главным образом, эвенков и бурят) [6, с. 93]. Например, *борщи*, *галушки*, *шаньги* (общее

название булочек, лепешек, ватрушек) и др. – блюда южнорусского происхождения, а *горошина* (гороховый суп), *грибовница* (грибная похлебка), *деруны* (драники) и др. – севернорусского происхождения. Основой пищевой культуры сибиряков являются блюда русской традиционной кухни, отличающейся простотой и отсутствием большого разнообразия (*кутья, каша, блины, соленые огурцы, щи* и др.)

Лексику питания русских старожилов условно можно подразделить на группы «Молочные блюда», «Мучные блюда», «Мясные блюда», «Рыбные блюда», «Блюда из выращенных растений», «Блюда из дикорастущих растений», «Супы и каши», «Напитки». Обращает на себя внимание и то, что в диалектном дискурсе присутствуют обобщающие наименования блюд (*молодино, стряпано, огородно*) наряду с другими (например, *колесово* – кузнечные изделия, *кладево* – съестные припасы). Приведем некоторые иллюстрирующие контексты.

Наиболее репрезентативной является группа «Мучные блюда» (*Стряпано*), демонстрирующая разнообразие выпечных изделий из муки. Жители Байкальской Сибири стремились создавать мучную основу питания. Прежде всего, это наименования хлеба: *мя́жки* (свежий хлеб), *аржанина* /*аржанушечка, аржанище, аржанка, аржануха, аржанье* (ржаной хлеб), *ярушник* (ячменный хлеб), *мякина* (обмолоченный хлеб), *колобоё* (эвенкийский хлеб), *плетьки* (хлеб на Пасху), *выкатыш* (круглый печеный хлеб) и др. В диалектном дискурсе по объективным причинам отражено особое сакральное отношение к хлебу: «*Хлеб на ночь нельзя рушить. Если цела бу́жка, нельзя её на ночь рушить (...). А у нас соседка жила через проу́лок, абанска (...), дак она всё говорела, она боговѣруиша была, в Бога шибко вѣрвала. [– ... А почему, Прасковья Трофимовна, нельзя хлеб рушить? – Собир.]. (...). А она говорела: – Хлеб спит. Нельзя его рушить на ночь»* [1: 95]. Ср. также: «*Вот с детства меня мука полюбила. Я боялась шибко на пол рассыпать муку.... А хлеб упадет – я подниму и поцелую. Когда уронишь, надо всегда поцеловать, попросить прощения...*» [2, с. 291].

Для изготовления мучных изделий выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, а из полученной муки готовили также пироги, лепёшки, булочки (*вы́быглые калачи́, ша́ньгов/шанежки, бульби́шныи лепешки, кара́лки, му́шники, ковриги, костя́ничник, та́рочки, жаворо́нки, я́йшныи пироги, сороковуха, каравай, хворост* и др.). Пироги с добавлением различных начинок и калачи выпекали в русской печи или жарили в жире.

Старожильческая кухня испытывала большое воздействие традиционной кухни коренных народов Восточной Сибири – эвенков и бурят, у которых преобладали мясо, рыба, молоко. В связи с этим в лексической сфере питания достаточно репрезентативны мясные, рыбные и молочные блюда.

Мясное питание играло решающую роль в выживании сибиряков. В связи с этим старожилы освоили скотоводчество и охоту. В селениях было принято угощать всех жителей добытым мясом (в основном, сохатиной и медвежатинной, дичью). Употребляли в пищу различные части тела животных: голову (мозг, язык, губы), внутренности (*момо́нка* (кишка) и др.). Ср.: «*Это у нас с адымовых век заведено. Вот зверя добудут, голову варя т, зовут народ. Он и сейчас еишо. Испáрят эту губу, сохатого добудут, у него же само вкусно место – губа. Она толста́. Её отрежут вместе с шерстью, и губы-то шѣринные. И поставят губу парить.*

В большую посуду поставят. Виу целиком. И вот испáрят и созывают потом: – Идите на губу! Праздник!» [1, с. 208]. Медвежатину в одних местах ели, а в других – употребляли только как ритуальное кушанье, заимствованное у эвенков. К названиям мясных блюд относятся: *кишб́очница, ду́ша, арбин, далы́н, кули́кта/вяленка/суховка, курина* и др.

Одним из любимых блюд является *арбин/арбинчик* (бур.) – конский жир: «*А арбин, он в животе бுவат у лошади, вот сзади у них вот так (...), в полости живота у них арб́инчик. Это жир. Такой, но к мясу приэ́тован. А вот далы́н у них на льну. Далы́н, он грубоватый, а арбин, он мяжкий»* [1, с. 403].

Своеобразием мясного питания русских старожилов Байкальской Сибири можно считать употребление мяса нерпы, добытого в процессе *нерповки* (охоты на нерпу). Ср.: «*Вот ты знаешь, Галя, я выросла на нерпе. Без неё не могу. Я же сама с Байкала. Мы всю жизнь ели*

нерпичий жир, мы на нём всё жарили: картошку жарили, лепёшки, хворост даже вот в этом жире (...). На зиму заготавливали нерпу, её по животу посредине разрезали... [1, с. 404].

Среди наименований рыбных блюд также следует отметить разнообразие номинаций, отражающих один из основных промыслов на озере Байкал – рыболовство: *макса, культурка, расколётка, рожни, ледянка, сагудай/загудай, выжарки, икриница/икряник, шарба/шерба, ершовница, ельцовый пирог, колобки, грузинчики* и др. Ср.: «Здесь же все рыбаки. Я же та ешио байкалочка! С детства на Байкале... Омуль, харцус ловили, зимой – сигаов. В лабаз ее засаливали, культурку делали...» [2, с. 181]. *Культурка* (соленая целиком рыба), *расколетка/ледянка* (замороженная рыба), *рожни* (рыба, приготовленная на тонких прутьях), *сагудай/загудай* (разделанная и засоленная в масле рыба) – наименования байкальской рыбы, приготовленной традиционными способами. Еще следует отметить *рыбу с душко́м*, которую любят многие сибиряки: «<...> Они же привыкли там рыбу есть с душком... вот чтоб немножечко припахивала.... Она у меня говрела: Ангарцы любят кашу мушну да рыбу душну...» [2, с. 319]. Данные наименования заимствованы из бурятской кухни.

Лексика питания русских старожилов-сибиряков включает в себя и этнорегионализмы – заимствованные названия из других языков, результат межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Подобные заимствования отмечаются и в других подгруппах сферы питания (молочные блюда, напитки). Например, достаточно актуально название *саламат* – мучная каша на основе сметаны. Это кушанье является традиционным ритуальным блюдом бурятской кухни, входит в состав так называемой «белой пищи». Своеобразный ритуальный смысл это наименование приобрело и в культуре старожилов. Ср.: «Проедут первую борозду, и там такое чаепитие сделают, но, поют, пляшут там. И дожинки делали, это уж последний сноп завяжешь, последний, тоже, бородкой завяжешь, и всё <...>. Называли это раньше... саламат называли.» [3, с. 194]. Слово «саламат» в данном случае означает «окончание сельскохозяйственных работ» и приобретает новую регионально-культурную коннотацию «отношение к обряду/обрядовость».

Таким образом, лексика питания репрезентирует базовый фрагмент картины мира диалектоносителей, обнаруживая регионально и культурно значимые смыслы, связывающие воедино весь мир диалектоносителей (обряды и поверья, хозяйство и промыслы, природный и географический мир, межкультурные контакты).

Литература

1. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т. 1. 576 с.
2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сорокалетов. Иркутск, 2007. Т. 2. 560 с.
3. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 13. 480 с.
4. Афанасьева-Медведева Г.В. Традиционная вербальная культура как основа иллюстративного корпуса «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Москва, 2010. № 4. С. 7–12.
5. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–53.
6. Рабецкая З.И. Традиционная культура коренных народов Иркутской области: Курс лекций. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. 110 с.
7. Огдонова Ц.Ц. Этнографизмы как репрезентанты региональной языковой картины мира // Международные научные чтения (памяти С.Н. Виноградского): Сб. ст. Международной научно-практической конференции (8 мая 2021 г.). М.: Научная артель, 2021. С. 27–33.

**ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В ЛЕКСИКЕ РЯЗАНСКИХ ГОВОРОВ
(ИЗ ПОЕЗДОК ПО «РЯЗАНСКОЙ ГЛУХОМАНИ»)**

E.P. Osipova
Cand. Sci. (Philology)
Ryazan State University named S.A. Yesenin
Ryazan, Russia

**TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE IN THE VOCABULARY OF RYAZAN
DIALECTS (FROM TRIPS TO “RYAZAN WILDERNESS”)**

Аннотация. В статье рассматриваются лексемы, отражающие демонологическую лексику одного рязанского говора. Проверяется тезис о высокой сохранности старины в местах, находящихся на значительном расстоянии от крупных центров. Исследование показывает высокую степень сохранения материала у диалектоносителей старшего поколения, однако все рассказы отнесены ко времени их детства, юности; данные из современной жизни отсутствуют.

Ключевые слова: говор, мифологема, диалектная лексика, редукция представлений, обряд.

Abstract. The article covers lexemes that reflect the demonological vocabulary of one Ryazan dialect. The article tests the thesis about the high preservation of antiquity in places located in a considerable distance from large urban centers. The research shows a high degree of preservation of materials among the dialect native speakers of the older generation, however, all the stories are attributed to the time of their childhood and youth, - and there are no data from modern life.

Keywords: dialect, mythologeme, dialect vocabulary, representations' reduction, rite.

Не вызывает сомнений факт, что диалекты репрезентируют народную культуру. В настоящее время именно говоры способны дать представление о традиционной культуре русского народа в ее локальных разновидностях. Особый характер русской традиционной народной культуры проявляется в сохранении представлений, идущих из глубины языческих времен, и сочетании их с православными верованиями. На эту способность традиционной духовной культуры – сохранение старых форм – указывал академик Н.И. Толстой: «Если материальная культура в принципе в своей истории, в своем развитии сменяет одну форму другой, замещает одно другим (типы орудий, тип керамики, тип построек, оружие, утварь и т. п.), то духовная культура, принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» [4, с. 37].

Считается, что старина лучше сохраняется на территориях, находящихся на значительном расстоянии от крупных центров, поэтому интерес вызывают деревни и села рязанской глубинки и степень сохранности в современных говорах старых представлений и верований.

Рязанские говоры издавна привлекали пристальное внимание своей неоднородностью. Однако если Мещерский ареал, говоры междуречья Оки и Прони, говоры района Богословщины отмечены рядом исследований, то говоры северо-восточной части области, в частности, кадомские, пителинские, ермишинские не отмечены серьёзными исследованиями.

Кадомские земли часто называют рязанской глухоманью, медвежьим углом (районный центр Кадом находится в 245 км от областного центра). Деревня Нижненикольск, в которой был собран полевой материал, относится к Котелинскому сельскому поселению Кадомского района, находится в 5-6 км к северу от деревни Верхне-Никольское Сасовского района. В начале XX в. Нижненикольск имела название Никольская слобода.

Происхождение населённого пункта и его неофициальное название Миксар местные жители объясняют переселением нескольких семей из деревни Кошебеево (ныне Сасовского района), которых помещик поселил на речке Миксарке. В настоящее время такой водоем отсутствует. Однако в «Гидронимии бассейна Оки» Г.П. Смолицкой со ссылкой на тамбовские материалы XIX и начала XX вв. река Миксар отмечена как левый приток реки Mokши (заметьте, что территория, о которой идёт речь, ранее относилась к Елатомскому уезду Тамбовской губернии) [2, с. 246]. Примечателен и тот факт, что в близлежащих населённых пунктах жителей деревни Нижненикольск издавна называли миксарями. В настоящее время в деревне проживает 14 человек, школа и клуб закрыты. Самые старшие жители – две сестры 1932 и 1935 годов рождения.

Собирая материалы для Лексического атласа русских народных говоров, мы обратились к одному из самых интересных с этой точки зрения фрагментов традиционной духовной культуры, связанных с представлениями о мифологических персонажах. Демонологические диалектные наименования обращают нас к исконным верованиям, отражают особый мир наших древнейших предков.

В рассказах диалектоносителей деревни Нижненикольск подчеркивается, что они никогда не верили в «нечисть», этих представлений придерживались только представители старших поколений их семей (матери, бабушки): *«В нашем сяле в йэнтю ярунду не веряли. Толькать старухи их бялсья. Мая банка Хёкла уваривала: «Цойтать апянь пралапа пякушка! Ух, буканушка лютай азарует! Апостал этакий!» И пальцам всё в сторану пецки махала, урозилася на яво, такова азарнова»* (Федотова Мария Степановна, 1947 г.р.). Однако, несмотря на неверие в нечистую силу, информаторы предпочитали следовать традиции задабривания домового угощением: *«А я, бывалать, выйду на кральцо вецаром, холодна, страшна адной стаять, иду спать, а хлепча за пецку так и суну, цытобыть пякушку Хёклину ня брал, да не таскал па всяму дому. Мамок уварила, он давит па нацам, а я яво не бялсая. Ни разу яво не видяла. А посла он и атарханилсая»* (исчез, пропал) (Федотова Мария Степановна, 1947 г.р.). Рассказы свидетельствуют о том, что *буканушка* – это домовый, барабашка. Очевидно, в говоре бытует уменьшительное образование от *букан*. В СРНГ зафиксированы слова *букан* ‘сказочное страшилище, которым обычно пугают детей’, ‘нечистая сила’ и *буканушко* ‘домовой, которым пугают детей’ (СРНГ, 3: 262–263).

Вместе с тем присутствуют рассказы, свидетельствующие о том, что информаторам приходилось лично сталкиваться с нечистой силой: *«Бялсья я яво кады махоньким был, ооцень бялсья. Вержанка этакий! В сутисках, бывалать, слышица, как он шастает па дому, да все вёдра с вадой цупаит на масту. А в энту ноц я на пецку залес, там тяло, уожса. Мамка уадуит: «Не дрёнишь аттудова, Санька, кохтай укройсая!». Укрылся я кохтай и ляжу сябе на баку. улядь, цорный камок палзёт. Яти яво мать, страшный аницутка. Прых мне на урудь, я и дышать перястал! Харашо банка за буравокам палезла ка мне на пецку, энтог камок вмых укатился и пралал. Вот я тады испужалсая яво. улаз не вядать, весь цорный, как копать! На утра мамке рассказал. Ана уварит, что нада яму хлепча на пецку палажить, так он дабрея будить. Я и палажил хлепча, а утрам вося нет уже. А мамку с банкою не трюгал, ани яму всяюда сухари за пецку кляли. Таюда ж канхет атрадясь не видали. Патом он хадить перястал. Но я яво всяюда бялсья. На мосту вёдра всяюда грымели, всё этот цудинь там палозья!»* (Сёмин Александр Иванович, 1937 г.р.). *Вержинка, вержанка* – это нечистая сила, привидение. В Словаре И.И. Срезневского есть глагол *верезжати* – вредить (I: 243); видимо, название мифологемы объясняется функциональной характеристикой персонажа – вредить человеку, пугать.

Часто встречаются рассказы со ссылкой на очевидцев. В рязанских говорах бытуют многочисленные рассказы о персонаже, обитающем в бане. Не исключение и нижненикольский говор: *«А ящѣ помню в бане байник вецна азровал! Аднажды деда нашева, Юоря, как в бани запрѣт, тот испужался, давай науами дверь калатить, а этот байник давай брасаца уряяцыми камнями в деда, цуть ни убил старавя. Я с банкой мыться хадила, яво сама не видала»* (Федотова Мария Степановна, 1947 г.р.). Лексема **байник** зафиксирована в других русских говорах как обозначение сверхъестественного существа, злого духа, живущего в бане (СРНГ, 2: 56). *«Русалках наши мужики видали. Так аднаво и утащила, рыба праклятущая. Венька у нас харошим парним был, на сяле красавец. Мужики уадунили, ана яво звала пряма из ряки, ани- та за траву спряталиса, а он, искупатый, так и пашѣл в ѣйную улубь. Утащила, зараза этакая, яво. На окнах урыбатки в рязьбе делали рябата, бывала, красивая такая русалка нарисована»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.).

Повествования диалектоносителей указывают на редукцию представлений о мифологических персонажах. Видимо, это процесс давний, поскольку эти изменения обнаруживаются уже у родителей, бабушек современных представителей старшего поколения. От мифологического персонажа происходит движение к персонажу, которым пугали детей, а далее к ругательному слову, с помощью которого давали отрицательную характеристику человеку. *«Пра воплюшку мауу ящѣ сказать тябе. Вопилка праклятущая как паявица, вот нарот пууаит. Ана страиущая, в уайно зашла, уадунит тиха так, тока церти яѣ слышут. Маханькими яѣ баялись»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.). **Воплюшка**, **вопилка** – привидение. *«Аааа, помню я, мамок всяуда им пууала нас рьябтишками: «Пасажу я вот тябя, Любка, с авиникам, будишь яму сваи сказацки цинить на умне»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.). Возможно, название **воплюшка** мотивируется голосовыми особенностями персонажа, т.е. пугает голосом. Мифологема **овинник** ‘домовой, живущий в овине’ встречается в других русских говорах (СРНГ, 22: 299).

Помимо **байника** и **овинника**, в нижненикольском говоре встречается наименование **шишига** – обозначение домового, который жил в погребах и в горшках.

В отдельных случаях встречается наличие портретных описаний, что говорит о сохраняющемся восприятии именно в качестве мифологического персонажа. Такова в нижненикольском говоре, например, упоминавшаяся выше мифологема **овинник**: *«Он был сярдитый мужик, жсил са сваю падруаю в дальнем ууле сушилки. Старый цорт с уряяцыми улазами, пахож на мядвоя, лахматый весь»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.).

Слово **анчутка** в исследуемом говоре имеет два значения: злой дух, бес, который мог заманивать, меняя свой облик, и ругательное слово, которым называли человека, вызывающего негодование. В этих же значениях лексема бытует в других говорах (СРНГ, 1: 262-263). Очевидно, что второе значение возникло значительно позже на базе первого.

Как и в других рязанских говорах, в говоре деревни Нижненикольск популярны рассказы о змее. В рязанских говорах чаще это былички о покойном муже, который принимает облик змея и посещает свою жену. В исследуемом говоре прилетающий змей – умершая дочь: *«А у Лифтиньке доцка поярла, на пятнацатам уадоцке, мялянъкая такая была, маханькая ящѣ. И вот бабы рассказывали. Прилятит в ноц к ней к акну змий лютай, дышит аунѣм, стуцьца ея в аконца. Она атварит акно и баят ани с ним, акаяным, час, два, ня знаю. А бабы спрашиваюат яѣ, как ана змия этава страишава не баица. А ана атвецаит им: «Так эдат доцка мая, маханькая, прилятаит ка мне нацами, азаруит. Цалуит миня, крохатная мая». Так ана и умярла у акна, видать змий забрал»* (Сѣмин Александр Иванович, 1937 г.р.).

В деревне всегда бытовали рассказы об **оборотах** – нечистой силе, которая оборачивается в разных, чаще всего домашних животных: *«Тут видала Нюрка, падрушка мая, как казѣл в трубу Талстапятава дома прыгнуул. Мы, уаварит, ууляли вецарам, а он как перет нами расьяжсица, как възлятит, да как в трубу пяцную дома Нюшки Талстапятавай рауами прямым ходам и прыгнет. Вот невидаль!»* (Быкова Анастасия Владимировна, 1932 г.р.). *«Ваньку Хядотава вазьми. Вот вѣть калдунища страишный был. Он ноцью в прасука абярѣнца и носица по дяревне как проклятый. А дядька Яках яво в тот раз как буравокам (лукошко,*

кузовок) *ахреять*. *Прасук завижжал, нос свой касарылый в землю тыцыт. Арёт как разаный. А на утра вышел Ванька-та Хядотах весь в синяках. А дядь Яках кричыт яму: «Ня будяшь, прасукан ты этакий, нацами насица па цужим дварам, аныцутка розавая!»* (Сёмин Александр Иванович, 1937 г.р.).

Способность причинять неприятности, приносить беду, подвергать людей испытаниям связана с наименованием **вороги** – ворожеи, колдуны: *«Ворауах у нас пално была. Мы ат их падковы нат двирями вешали, чтоб нецысть всякая ни пасилилась. Вон хоть вазмы давица Настюша рассказывала. Жил в дярвене Митька, мы маханькие сидим дома, он как залетит в дом. «Мархунька, дай я уляну ваю перяборку, как вы яё снарядили давица. Пасматрел и ушёл. Ницаво дурнова ни сказал. А зацем приходил с той дярвени, нязвесна. А мамок и забалела потом, да сильна как тада хварала. цто друуя варжее ляцьла яё»* (Быкова Анастасия Владимировна, 1932 г.р.) По данным СРНГ, лексема **ворог** ‘колдун, леший’ встречается в орловских и курских говорах (СРНГ, 5: 82). Традиция размещения подков над дверями и начертания крестов как средство защиты от колдунов, нечисти сохраняется и теперь.

Рассказов о колдунах множество: *«Жила у нас в дярвене бабка Онька Кужня, дом яё на канце дярвени стоял. Весь пакашенный был. И никто ей не памауал. Даже в дярвене нярхх стали кужнями называть. Ана ведьма была, как пить дать! Мая банка Лишутка вместе с МархУнькой сабрались давице валянки в Васхот валять, а ана с ними напросилась. Зима была тада, ани утрам к дому яё падашли. стуцат, стуцат, а ана дверь им не аткрываит. Ани в акно, тожса тишина. Так и ушли вдаём. Идут на полю, на сугробам ели-ели, мятель нацалась. Ветяр воит, а тут улядь, а за ними капна двицаица. Банка мая не испужалась, как давай на капну матам ругаца. А капна ни отстаёт. Тут Мархунька малица нацала, маллилась, маллилась, и капна прапала. Мая банка уаварила, цто эта их Кужня страиуца пугать пашла. Сама к ним ни вышла, а в полях их напужать ряшила. Слава Богу да Васхода дашли неврядимые. А банку Кужню ани потом за три двара абхадил»* (Сёмин Александр Иванович, 1937 г.р.). Интересно, что колдуньи в повествованиях встречаются чаще, чем колдуны.

В рассказах информаторов содержится информация о бытовых обрядах защиты от колдунов и нечистой силы: *«Штобы в дом никто ни вайёл с нидобрыми помыслами Наташка, сястра мая, бывалат поставит рауац вверх рауами. В тот рас заиёл Митька к нам, и так к ней и сая, а ана рауац поставила, и он ахнул: «Наташка, пастафь яво абратна!» А сястра Митьку уонит из даму. Крясты мелам нарясуит от злых духах. Святой вадой акрапит всех и вся»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.). *«Карова ателица, я и мамок идём в хлеф. Пить малако пака нельзя, надат абрыт прависти. Акурить карофку надат. Как кадят, клали свецку и ууальки, нитки ат платья и рубахи всех, цто в доме живёт. И этим дымком и крястом карову абайдёи фсю, вот и малако пить можна»* (Лексина Любовь Владимировна, 1935 г.р.).

В деревне Нижненикольск распространено было знахарство. Анастасия Владимировна Быкова (1932 г.р.) рассказывает: *«Тёт Настя Ююкова была такая бабушка, всех ана ляцьла малтвами, травами. Мне двянацат лет была, сильные мазоли я сваими бутиками натаптала. А на мести мазоли барадавки белья паявилися. Хадить невынасима больна была. Мамок меня к тёт Насте Ююкавай отвяла. Ана, помню, выяля меня па масту на крыльцо, на солнышка сказала ношки направить, сама малица стала. Так три раза я к ней схадила и барадавки маи прашли сами сабою. Вон какая ана была хожая варжее».*

«Мамок уаварила Люпка наша совсем хворая урадилась. Моци адни. Думала, памрёт. Пришла к ней сасетка и уаварит, мол, пакажи ты сваи моци (Люпку маненькую) банке Вере. Пришла бабуля, взяла Люпку из зыбки, на руках пакацала, три раза пашептала, ана высыхат перястала. Кушать стала уожее».

«Мамок меня радила и малака мноуа была у няё. Она пашла с карамыслам вады принасти, встретила банку старую, хворую. Та помачи сваю предлагажи мамоке. Как хватит яё за локать, и мамоку как молняй перядёрнула. И малако прапала. Пашла ана к тёт Вере нашей, та пашептала малесь, к мамоке и малако вярнулась».

Примечательно, что рассказы информаторов о демонологии, знахарстве отнесены к прошлому, времени их детства и юности, молодости. Свидетельства из современной жизни в этих рассказах практически отсутствуют, за исключением отдельных редких суеверий (размещение подков, начертание крестов).

Собирая материал по традиционной духовной культуре (раздел «Демонология»), мы пришли к выводу, что необходимо записывать подробные, развёрнутые тексты – рассказы информаторов, чтобы не ошибиться в определении значения слова: идёт ли речь о мифологическом персонаже, существе, которым пугают детей, или ругательстве. В вопроснике ЛАРНГ этому посвящены разные вопросы (как правило, лексические или лексико-словообразовательные). Думаем, что подобный материал может быть объединён в том числе и на одной семантической карте.

Литература

1. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.-Л.-СПб., 1965–2016.
2. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки // Рязанский этнографический вестник. № 46. Рязань, 2012. 406 с.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам письменности. Т. 1–3. СПб., 1893.
4. Толстой Н. И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Толстой Н. И. Избр. тр. Т. 3. «Очерки по славянскому языкознанию». М., 1999. С. 31–39.

УДК 81'282:[81'37:811.161.1]

М.К. Пак

докт. филол. наук
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова
г. Караганда, Казахстан

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В ТРУДАХ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

М.К. Pak

Doctor of Philology
Karaganda University named after academician E.A. Buketov
Karaganda, Kazakhstan

ISSUES OF RUSSIAN DIALECTOLOGY IN THE WORKS OF I.I. SREZNEVSKY

Аннотация. В настоящей статье весь материал разделен на две части: теоретическую, практическую. В первой части мы выявляем проблемы диалектологии, истории русского языка, которые поставлены в трудах И.И. Срезневского. Во второй части дается анализ функционирования общерусских слов в архангельских говорах. Сравнение современного материала с данными Словаря И.И. Срезневского демонстрирует витальность корневых значений, хорошее сохранение архаичных явлений в анализируемых говорах.

Ключевые слова: диалект, наречие, архаичное значение, диалектное лексикография, семантика.

Abstract. All the material in this article is divided into two parts: theoretical, practical. In the first part we identify the problems of dialectology, the history of the Russian language, which are posed in the works of I.I. Sreznevsky. The second part gives the analysis of the functioning of All-Russian words in the Arkhangelsk dialects. Comparison of modern material with the data of I.I. Sreznevsky's Dictionary demonstrates the vitality of root meanings, good preservation of archaic phenomena in the analyzed sub-dialects.

Keywords: dialect, tongues, archaic meaning, dialect lexicography, semantics.

И.И. Срезневский, «рязанец по отцу и деду, ярославец по месту рождения...» пишет, что «народ выражает себя всего полнее и вѣрнѣе в языкѣ своемъ. Народъ и языкъ одинъ безъ другого представленъ быть не можетъ», потому не случайно то, что важнейшие культурные константы научного дискурса Срезневского – народ, наука, язык, который представляет «скрепу семей и поколений, близко сродных или сродняющихся, образующих их в один народ» [1, с. 13].

В 1839-1842 гг. И.И. Срезневский осуществил научное путешествие по славянским землям, которое можно считать подвигом русского ученого, с целью ознакомления с языком, культурой, историей славян на «мѣсте», путем личных наблюдений. За три года экспедиции ему удалось побывать почти во всех славянских странах (Чехия, Моравия, Хорватия, Крайна, Штирия, Ресия, Сербия и Черногория, Далмация, Лужицы, Галиция, Венгрия). Словенский просветитель, создатель первой школьной грамматики словенского языка на словенском языке (1811 г.) Валентин Водник писал следующее: «Вот и новое событие для нас краинцев – русские, наши древние братья, пришли, чтобы не только повидаться с нами, но и защитить от врага. Полторы тысячи лет назад наши предки пришли в эти края, они происходили от русов и других славян; потому-то мы легко понимаем русский язык; дело в том, что они суть славяне и тот корень, от которого ведут свой род наши отцы. <...> Теперь мы видим воочию, какие есть у нас в мире могучие и великие братья, которые наш славянский язык сохранили в совершенной чистоте» [2]. Из этой научной поездки И.И. Срезневский приобрел большой опыт изучения славянских языков и наречий и памятников русской старины, привез большое количество разнообразных диалектологических, литературных материалов: словари, записи песен, описания обычаев и одежды, рисунки предметов обихода, нарядов и прочее. Во время экспедиции практически овладел более чем 40 славянскими языками и наречиями, завязал дружбу с учеными и общественными деятелями славянских народов. Кроме подробных отчетов, он публиковал свои славистические труды, подготовил обширную программу, включающую три курса по славяноведению. О большом вкладе в изучение истории и диалектологии западных славян неоднократно отмечалось в лингвистической литературе (М.Ю. Досталь, В. Ганка и др.).

Наше внимание привлекли работы из лингвистического наследия выдающегося филолога, слависта, лексикографа, посвященные диалектологическим проблемам: «Деления русского языка на наречия», «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851 г.), «Русь Угорская, отрывок из опыта географии русского языка» (1852 г.) и др. В путевых заметках ученый пишет, что задача слависта вникнуть «въ діалектискія свойства, отличающія языкъ или наречія» [3, с. 6], поскольку «мѣстныя нарѣчія суть видоизмѣненія языка одного народа» [1, с. 15], сыгравшие огромную роль в становлении славянской, и в частности, русской диалектологии. По мнению слависта, «первой принадлежностью ... лингвистической географии должны быть ... карта языков, наречий и говоров» [4, с. 6]. Для И.И. Срезневского «вопросы географические в языкознании самые современные; новее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как и в исследованиях о других языках Европы» [4, с. 3]. И далее он поясняет назначение этой науки: «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях – вот задача географии языка» [4, с. 4]. Современнo до сегодняшнего дня звучит и предложенная И.И. Срезневским программа изучения географии языка. Ученый в первую очередь ставит вопрос о многообразии местных наречий и говоров. Уникальные собранные на большом славянском пространстве диалектологические материалы детально были проанализированы на фонетическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, даны диалектное членение славянских языков, подробная сравнительная картина фонетических (преимущественно), грамматических особенностей, обращено внимание и на акцентологическое употребление, что все это послужило реальным фактическим материалом

для описания, классификации разных славянских говоров (словацких, верхних лужичей, фриульских резан, словин), словенских говоров на западных славянах («южной отрасли»), «северной отрасли») («О славянских наречиях»), сравнительной картины отличий («Обозрение главных черт сродства наречий славянских»). И.И. Срезневский четко определил основные диалектные различия для классификации диалектов, принципы деления, вопросы лингвистической географии. Принципы выделения диалектных признаков, позволяющих территорию распространения разделить на определенные зоны, актуальны и сегодня «оплодотворяют нашу диалектологическую и лингвистическую науку» [5, с. 275].

Сегодня мы говорим о языковом сознании диалектоносителя, что было подмечено И.И. Срезневским в первой половине XIX в. Ученый постоянно указывал и на связь диалектологической науки с этнографией, историей, культурой народа, поэтому подчеркивал важность изучения их.

Свои обработанные материалы, наблюдения И.И. Срезневский плодотворно использовал в университетских лекциях по славистике, что позволило определить его как «одного из первых насадников славистов в России, одного из даровитейших и замечательных славистов в Европе». Академик И.В. Ягич пишет, что Измаил Иванович «обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях. <...> Тонкие наблюдения слависта позволили заметить, что знания характеристики главных наречий, одного народа важно не только для лингвистов, но и литераторов, поскольку «каждый писатель писал и пишет своим местным наречием» [1, 137-138]. Благодаря научному путешествию была заложена И.И. Срезневским традиция фольклорных, этнографических экспедиций.

В поле внимания исследователя были и вопросы по истории русского языка, заложившие основы исторического изучения русского языка, памятников древней славянской и русской письменности. В «Мыслях объ истории русскаго языка и других славянских нарѣчій», рассматривая периоды, отмечает связь истории языка отдельного народа с историей языка целых племен, пишет об изменениях, происходящих на диахронной оси, необходимости отделения истории простонародного от истории книжного языка. «Первоначальное образование языковъ – тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій» [1, с. 3]. Рассуждая об истории изменения языка, ученый отмечает, что немногими чертами отличались первые памятники письменности Славянской: «Вотъ почему съ такою легкостью распространилось у всѣхъ Славянь христіанское ученіе, когда проповѣдывали его братья первоучители Константинъ и Меѳодій и ученики ихъ: они могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчійи всюду, куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными» [1, с. 75-76]. Интересны замечания И.И. Срезневского относительно развития книжного и народного языков, представленные ученым через призму диалектологии: «А так какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же, и тѣмъ болѣе удалялся отъ Старославянскаго, чѣмъ болѣе рѣзки становились черты мѣстныхъ отличій народнаго говора» [1, с. 79].

Хочется остановиться на том, как функционируют существительные *язык*, *наречие* в работах И.И. Срезневского (интересно в Словаре И.И. Срезневского фиксируются значения слова наречия «извъщеніе, извъстіе», «начало речи», «вѣсть предсказательная, предсказаніе», «отвѣтъ», «угроза», «залогъ», «одна из частей рѣчи»). Чаще всего наблюдается совпадение значений этих слов: «Это развитие языка в языки и языков, отделившихся каждого особенно, идет одним и тем же путем, подлежа одному и тому же закону, но под влиянием различных обстоятельств выражается различно», «Всякий поймет, как греческий язык развился еще в древности на несколько наречий и как из него же произшел язык новогреческий, как от одного общего предка явились наречия романские, германские, славянские, но добираться тем же путем этимологии до общего предка языка немецкого и русского, финского и татарского,

санскритского и славянского, сколько бы ни было в них черт сходства, едва ли можно считать делом осторожной науки» [1, с. 22, 23] и др. Вопрос о разграничении диалекта и языка остается до сегодняшнего дня не решенным до конца в лингвистической науке.

Ученый различает объем анализируемых понятий на синхронном и диахронном уровнях. Диалект выступает как микросистема по отношению к языку на синхронном уровне...: «Итак в истории русского языка прежде всего должен быть решен вопрос: что был язык русский в то время, когда он только что отделился – прежде как местная доля языка, общего всем славянам, от языков других племен индоевропейских, а потом как одно из наречий славянских, от других наречий своего племени?» [1, с. 27], «Доказательства же мнения противного представляются не только в памятниках русских, но и в других славянских наречиях [Они есть и были и в других языках. Гласные глухие относятся к гласным чистым, как краткие к долгим.]» [1, с. 29], «Несмотря, впрочем, на то, что многое, по-видимому, содействовало постоянной близости книг и народа, в языке русском постепенно отделились один от другого, как два наречия, язык книжный и язык простонародный» [1, с. 37]. В научном дискурсе И.И. Срезневского хорошо просматривается диахронное разграничение, этапное развитие двух анализируемых понятий. В «Мыслях об истории русского языка» И.И. Срезневский пишет, что «язык не только до отделения народа от родственных народов, но и долго после остаётся наречием другого языка; потом сам дробится на наречия; каждое из этих наречий может в свою очередь образоваться в отдельный язык» [2, с. 22].

И.И. Срезневский четко разграничивал книжный и народный языки, указывая, что «причины внутренние и внешние дробили язык народа на местные говоры и наречия. Так с течением времени должны были язык книг и язык народа отделиться один от другого довольно резкими особенностями; и только вследствие иных благоприятных причин могли опять сблизиться хотя до некоторой степени в одно целое. Таким образом, история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них – история языка простонародного и история языка книжного, литературного» [6, с. 38].

Обращение к историческим материалам И.И. Срезневского позволяет проследить диахроническую динамику семантических изменений, историческую устойчивость, «жизнеспособность» слова, ареал географической жизни слова. По мнению русского диалектолога, одно из ожиданий от истории каждого языка являются данные о диалектном членении, при этом важны описания говоров, что позволило бы в дальнейшем определить сравнительную картину говоров.

Следует отметить, что И.И. Срезневский советовал особенно дорожить трудами, исследующими живой говор народа, важность научных исследований местных наречий. С 60-ых годов XX в. наблюдается мощный взрыв в диалектной лексикографии. В картотеке Архангельского областного словаря (АОС) отмечены некоторые значения общерусских существительных, зафиксированные в Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского (СлДЯ Срезн.), и, в сравнении с ним, представлены в современных архангельских говорах богатым иллюстративным материалом, который демонстрирует семантическую устойчивость общерусского слова в современной диалектной системе (подробное описание дается в работе автора в кн. «Витальность общерусского слова»). Например:

РОД. 1. Рождение. 2. Происхождение. 3. Семья, родня, родственники. 4. Род, поколение. 5. Род, порода (Ш, 135-138). Ср. в АОС: 1. Стару́хи тебѣ зна́ют от ро́да да до ко́рня. 2. Она́ само́йцо́го роду-то. 3. У йего́вой ба́бушки бы́ло се́мь де́вок, большо́й ро́т. 4. Из ро́да в ро́т ха́ты переходили. 5. А йе́шь пету́шки разны́ у́точной ро́т.

СВЕТ. 1. Противоположность тьме, светъ. 2. Сияние, блескъ. 3. Дневной светъ. 4. Разсве́тъ, утро. 5. Мирь, земля (Ш, 295-297). Ср. в АОС: 1. Она́ три го́да те́мная бы́ла – све́та не уви́дела. 2. Так ни к че́му йего́ (поднос) во́лочить за́фсе́, ста́нь йего́ держа́ть за́фсе́, дак он свет поте́ря́ет. 3. У них око́шка-то на землѣ, оне́ све́ту не ви́дят. 4. Пе́рет све́том зве́зды ста́ли па́дать. 5. Ска́жут, йе́жь жэ́ дику́шы на све́те, дичь на́ска́зала!

СТОРОНА. 1. Бокъ, сторона. 2. Берегъ реки. 3. Страна, земля, область (III, ч.1, 523-524). Ср. в АОС: 1. Никто́ ни с ка́кой стороны́ не бежѣт. 2. На той стороны́ о са́мой ре́кѣ живѣт. 3. Ты што, дѣтятко, с ка́торою стороны́?

ТРУД. 1. Трудъ, работа. 2. Трудность (II, ч. 2, 1138). Ср. в АОС: 1. Фся ф трудѣ, а молодѣш не хочет рабѣтатъ. 2. Было трудѣ, как училися.

ТРАВА. 1. Луговой злакъ, трава. 2. Сено (III, ч. 2, 1983). Ср. в АОС: Не на́о быка́м трава́ таска́тъ. 2. Я траву́ сме́тала, мо́жет у меня́ буксаль бу́ет.

ЛОБ. Черепъ, голова (II, ч. 1, 61). Ср. в АОС: Он ми́не таку́ мозгу́ в лоп спусти́л.

ЛУЧ. Факель (II, ч. 1, 59). Ср. в АОС: Лу́чь-от поста́вят, скота́-то перевозѣли.

ПИРОГ. Хлѣбъ ситный (II, ч. 2, 933). Ср. в АОС: Мучны́е пиро́ги то́жо ижжѣтной му́ки, с ве́чера, пиро́ги-то на дрожжа́х, а жы́тники на квáсе.

УХА. Наваръ, похлебка (III, ч. 2, 1327). Ср. в АОС: Ищѣ́ говорѣли: У́лина уха́ – карто́шка и крупá – бы́ли худы́ го́ды.

Расплывчатая, синкретическая семантика общеславянских слов сохраняется до настоящего времени в составе ОС. Ср. *стадо* в АОС: Ста́до конѣй и́дѣт. Осенью́ мно́го, стада́ летѣ́т, то́лько ре́ф стоѣ́т. Ста́до приходи́ло люде́й-то. – Сл.ДЯ Срезн.: Стада коньска и кобылья. Галицы стады бѣ́жатъ къ Дону великому. Стадо велико челове́къ. В данном случае собирательное существительное, которое в отличие от категории числа актуализирует качественную сторону однородной совокупности дискретных субстанций, не дифференцирует денотат по его видовому признаку. В ментальности носителей диалекта оказывается важным количественный параметр, качественная характеристика, т. е. когда же касается вопроса, о каких именно однородных сущностях идет речь, то она представляется не релевантной. Или: существительное *пол* четко актуализируется сема «нижняя часть», в результате чего развиваются следующие значения более конкретного характера: «нижняя часть печи» (АОС: Там пол на́слан. На пол накла́дено песку́, а свѣ́рху печь (дно в подпечье, специально устроенное с песком для падающих углей), «подпол, погреб» (Надо на́ пол полсти, сползаю, схожу́.), «земля» (Клю́ква-то на полу́ лежѣ́т.), «ровное поле на месте выжженного леса» (А по́том э́тот лес жга́ли весной то, а по́том э́ти по́лы паха́ли, ро́ш се́яли.), «дно» (По́л-то та́кой пешѣ́йный, хоро́ш купáнца.) и др. – Сл.ДЯ Срезн.: «низь, основаніе». Вышепредставленные примеры позволяют предположить, что первоначально в языковом сознании человека существенным был этот обобщенный показатель по одному общему параметру, который позднее детализировался по разным отличительным признакам, свойствам, особенностям, что онтологически лексическая семантика развивается по следующей схеме: широкое представление, семантическая размытость – конкретизация, выделение дискретного значения с конкретными дифференциальными признаками – перенос значения. Отмечены случаи, когда дефиниция носит обобщенный характер, примеры допускают уточняющую сему: в АОС: *веретья* (веретия) «высокое сухое место на пересеченной местности (в лесу, среди болот, на лугах) небольших размеров; высокое сухое место, поросшее место (в сосновом и еловом лесу); опушка леса», «трава, скошенная на сухом возвышенном месте», «ряд домов, поставленных в одну линию» – Сл.ДЯ Срезн.: «участок земли».

Закреплены лексемы с одинаковым графическим оформлением (не берутся во внимание написания с редуцированными гласными, ять и др.) и совпадающим значением: в АОС: *бисерье* «бусы» – Сл.ДЯ Срезн.: бисерье = бисерие. Одежда бисѣ́рьемъ обнизана; в АОС: *боль* «болезнь» – Сл.ДЯ Срезн.: «болѣ́знь» и др. Встречаются лексемы с частичным совпадением значением, отмечены слова с несколькими одинаковыми значениями, как правило, с одним: В АОС: *век* «жизнь», существование кого-н., чего-н., «период времени, существования, *время*», «очень долгое время, *вечность*», «возраст, количество времени, прожитое от рождения», «образ жизни» – Сл.ДЯ Срезн.: «жизнь», «вѣ́чность», «время», «тысячелетие». На том век стоит, выйти из веку, тот век, на всем веку, в жизни веков, веком своим, во весь век, в жизни веков, век на веку, на веку, на наших веках, господь веку (не) дал, век векушей, веки веков, век на век, веку нет, из веков веки и др., в АОС: *бой* «драка», «действие по глаголу бить в значении убивать, умерщвлять» – Сл.ДЯ Срезн.: «драка», «битва»; в АОС:

грязь «*топкое место, болото*», «мусор», «цветная глина, используемая как краска», «кровянистые выделения половых органов женщины, самки животного» – Сл.ДЯ Срезн.: «*топкое мѣсто*»; в АОС: *венок* «стебель хмеля», «травянистое растение», «букет цветов», «бумажная лента с надписью, накладываемая на лоб покойника», «венец, венчальная корона», «лоб?» – Сл.ДЯ Срезн.: «*вѣнецъ*»; в АОС: *гроза* «грозовая туча», «молния», «строгое, суровое обращение с кем-н., строгость», «некто, проявляющий суровость, строгость в обращении, ведущий себя угрожающе», «много, большое количество» – Сл.ДЯ Срезн.: «*ужась*», «угроза», «гроза», «како есть мѣсто то, идеже есть плачь и скрежесть зюбовь, нарицаемая гроза», «грозный»; в АОС: *ведьма* «злое, неизвестное животное», «колдунья», «металлическое орудие для вбивания шпилек в сапоги» – Сл.ДЯ Срезн.: «*колдунья, волшебница*» и др. Как правило, в представленных примерах отмечается семантический сдвиг, актуализируется какой-л. семантический компонент.

Объем толкования может быть разным: либо развернутое описание, либо носить обобщённый характер. Так, *дар* «брачное приданое» включает и «свадебные подарки невесты жениху и его родне, гостям»: в АОС: *дар* «*то, что дарят, что подарено, подарок, подношение*», «во мн. свадебные подарки невесты жениху и его родне, гостям», «*во мн. часть свадебного обряда, во время которого дарятся подарки*» – Сл.ДЯ Срезн.: «*donum*», «дарование», «даръ божественный, благодать», «складъ, thesaurus», «подать», «мн. откупъ», «мн. брачное приданое», «мн. дары святые» и др.

Зафиксированы слова с графическим совпадением, но с разным значением: АОС: *било* «деревянное приспособление, орудие для загибания полозьев, дуг, колес», «часть для приспособления для обработки льна – доска, работающая между двумя неподвижными досками» – Сл.ДЯ Срезн.: «доска, въ которую били для созыванія въ церковь или въ трапезу»; АОС: *блзна* «обман чувств, наваждение» – Сл.ДЯ Срезн.: «обольщение»; *блзнь* «заблуждение, ложное представление», АОС: *блзнь* «просвет в ткани, вызванный обрывом нити при тканье» – Сл.ДЯ Срезн.: «*рубецъ*»; АОС: *блзник* «человек, живущий недалеко, по соседству» – Сл.ДЯ Срезн.: «*близкий*», «родственникъ»; АОС: *варган* «узкий, сплетенный из лыка ремень» – Сл.ДЯ Срезн.: *варганъ* «музыкальный инструментъ»; АОС: *вар* «кипение, варка» – Сл.ДЯ Срезн.: «*жаръ, зной*», «пожар», «кипяток»; АОС: *варя* «пища, еда, приготовленная путем нагревания на огне (варки, жаренья)» – Сл.ДЯ Срезн.: «*мѣсто, гдѣ варили напитки*»; АОС: *вера* «желание, намерение, стремление, охота», «вкус, склонность, потребность, возможность» – Сл.ДЯ Срезн.: «*fides* (доверие, вера в честность, искренность, правдивость)», «*присяга, клятва*», «*сознание божественного закона, религія*»; АОС: *вежа* «вежливый человек» – Сл.ДЯ Срезн.: «*знающій, свѣдущій*»; АОС: *березник* «березовые дрова» – Сл.ДЯ Срезн.: *березникъ*; однокоренные слова: АОС: *вальчатой* «гуляющий, бродящий, непоседливый» – Сл.ДЯ Срезн.: *вальчеватой* «округловатый»; АОС: *ванда* «плетеное из прутьев донное приспособление для ловли рыбы» – Сл.ДЯ Срезн.: *вандышь* «снятокъ». В данном случае наблюдается семантическое различие при совпадении корневой морфемы. Известно, что система корней изменяется, когда изменяется система звуков. В процессе развития языка слова постепенно могут терять свое первоначальное значение.

Отмечены лексемы с разным объемом лексико-семантических значений, частично совпадающим: АОС: *береме* (редко *беремя*) «тяжелый груз, *тяжесть*» – Сл.ДЯ Срезн.: «*связка, охапка, тяжесть*»; АОС: *беседа* «вечернее будничное собрание молодежи», «праздничное дневное гулянье молодежи», «*приспособление для сидения*», «речь, язык, манера говорить» – Сл.ДЯ Срезн.: «*спѣдлице, мѣсто сидѣнья*», «разговоръ въ собраніи», «разговоръ съ кѣмъ нибудь», «речь, слово, слова», «речь, язык», «язык, нарѣчіе»; АОС: *беседник* «вечернее будничное собрание молодежи», «*участник вечернего собрания молодежи*», «возлюбленный, ухажер» – Сл.ДЯ Срезн.: «*витія*», «*соучастникъ въ бѣсѣдѣ*»; АОС: *варница* «котелок для варки еды над огнем вне дома», «жердь с крючком, рогатиной, на которую вешается чайник или котелок с пищей над костром», «*яма для варки соли, солеварня*», «суп из грибов» – Сл.ДЯ Срезн.: *варница* *Посташиа двѣ варници соль варити*; В АОС: *град*

«огороженное место?» – Сл.ДЯ Срезн.: «стѣна, ограда», «сад», «огражденный садъ, огородъ», «городъ», «осадная машина», «огородъ» и др.

Производя сравнительный анализ, мы отмечаем различные семантические изменения, происходящие в семантической структуре слова в процессе развития языка: сужение и расширение семантического значения слов, семантическая широкозначность. При рассмотрении вопросов истории развития языка, языка как динамической сущности для И.И. Срезневского было важно, по какому пути идут языковые изменения. Общерусские слова сохранили прямые первичные значения, наряду с которыми на протяжении исторического развития появлялись новые значения, близкие или полностью расходящиеся с соответствующими словами литературного языка, в чем немаловажную (а скорее – определяющую) роль сыграл фактор времени, которому диахроническая русистика наших дней придает огромное значение при реконструкции эволюционных процессов, протекающих на всех уровнях языка в исторической ретроспективе. Материалы исторических словарей (хронологически близких к праславянскому периоду), данные русских народных говоров позволяют во многих случаях установить четкую «логику» построения семантического гнезда – семантическую матрицу, – проследить развитие значений общерусских слов, восстановить архаичную сему, глубинные смыслы и символические представления.

Из представленного выше анализа лексических фактов, их частотности употребления очевидно функциональное сохранение архаичных значений общерусских слов в современных архангельских говорах, утраченных в литературной системе, что представляет ценную информацию для истории языка, культуры народа. Научный интерес представляют лексические значения слов, потому что они «имеют огромную познавательную ценность, поскольку в них отражается история одного и того же слова, так как в генетическом плане говоры одного языка тесно связаны друг с другом, имеют общие истоки, представляют собой частности в общей и вполне реальной истории языка» [7, с. 330]. Сохранившиеся древнейшие элементы в архангельских говорах демонстрируют «этимологическую память» слова, сохранение первоначального элемента, который может быть надежным источником для реконструкции этимологической мотивированности слова, его внутренней формы, послужит также надежным материалом для расшифровки, аргументирования «темных» мест в памятниках древнерусской литературы. Представленный выше сравнительный материал позволяет говорить и о стабильном состоянии, витальности корневых значений, сохранении архаичных явлений в анализируемых говорах.

Сегодня мы четко осознаем, что деятельность И.И. Срезневского во многом предопределила основные направления развития русской диалектологии. Особое место в научном наследии родоначальника исторической лексикографии Измаила Ивановича занимала диалектная лексикография. Он считал, что словари должны быть «по каждому из наречий и их местных оттенков» мысли, что мы наблюдаем в современной диалектной лексикографии.

Литература

1. Срезневский И.И. Мысли объ истории русскаго языка и других славянских нарѣчій. С.-Петербургъ, 1887.
2. Водник В. Ljubljanske novice. 1799. № 26.
3. Срезневский И.И. Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневского изъ славянскихъ земель: 1839-1842. С.-Петербург: тип. С.Н. Худекова, 1895.
4. Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русскаго языка // Вестник Императорскаго Русскаго географическаго общества за 1851 г. СПб., 1851. Ч. 1. Кн. 1-2. Отд. V.
5. Толстой Н.И. И.И. Срезневский – диалектолог // Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Язык русской культуры, 1999. С. 267-284.
6. Срезневский И.И. Мысли об истории русскаго языка. М.: КомКнига, 2007.
7. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИВНОСТИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДОНСКИХ ГОВОРОВ

N.A. Starodubtseva
Cand.Sci. (Philology)
Volgograd State University
Volgograd, Russia
M.V. Rassakhatskaya
Volgograd State University
Volgograd, Russia

EXPRESSION OF HIGH-INTENSITY SEMANTICS IN THE SPEECH OF SPEAKERS OF DON DIALECTS

Аннотация. В статье на материале речи носителей донских говоров Волгоградской области рассматривается специфика реализации высокой степени интенсивности. Выявляются релевантные фонетические, словообразовательные, лексические и грамматические средства экспликации данной семантики и способы их организации в диалектной коммуникации. Характеризуется роль интенсификов и интенсификации в экспрессивизации высказывания при выражении значимых для казака ценностных смыслов.

Ключевые слова: донские говоры, речь диалектоносителей, степень интенсивности, семантика.

Abstract. The article examines the specifics of the implementation of a high degree of intensity based on the speech of speakers of the Don dialects of the Volgograd region. The relevant phonetic, word-formation, lexical and grammatical means of explication of this semantics and ways of their organization in dialect communication are revealed. The role of intensifiers and intensification in the expression of value meanings significant for the Cossack is characterized.

Keywords: Don dialects, speech of dialect speakers, degree of intensity, semantics.

Рассматривая устную речь сельских жителей, лингвисты нередко подчёркивают, что данная форма характеризуется экспрессивностью, в которой эмоциональный компонент доминирует над логическим содержанием [6; 14; и др.]. При этом анализ речи позволяет говорить об уникальной способности языка «сохранять и концентрировать всё многообразие человеческого опыта как константные свойства ... в речи индивидов» [7, с. 227]. Исследование записей устной речи, произведённых во время полевых экспедиций в 2009–2021 гг. в Иловлинском, Киквидзенском, Кумылженском, Михайловском и Урюпинском районах Волгоградской области, подтверждает этот тезис. Собранные диалектные данные свидетельствуют о многообразии средств экспрессивизации в речи носителей донских казачьих говоров, в том и числе и о регулярной реализации интенсивности.

Указанная категория представляется не переходящим в новое качество количественным изменением качественного признака предмета / события / явления, отмеченным субъективной значимостью своего проявления для участников коммуникации (подробнее см. об этом: [4; 8; 9; и др.]). Немаловажно, что интенсивность связана не просто с количественной

квалификацией, «а только с такой, которая демонстрирует отклонение от “нормальной” меры» [5, с. 56], следовательно, в её основе лежит понятие градации количества (см.: [3, с. 12; 15, с. 7]). С учётом данного утверждения Е.А. Гордиенко раскрывает оппозиции, отражающие положение интенсифицированного признака относительно соответствующей нормы (узуальной, окказиональной, идеальной) – «выше нормы», «равно норме», «ниже нормы». Эта трёхчленная оппозиция позволяет выстраивать схемы и шкалы, разделяемые «точкой отсчёта» на две части: верхнюю, соотносённую с возрастающим признаком, и нижнюю – с убывающим [4, с. 70]. Отклонение в ту или иную сторону от нейтрального уровня («равно норме») вверх или вниз воспринимается как необычное – интенсифицированное либо деинтенсифицированное. Необходимо отметить, что деления на шкале интенсивности условны, поскольку имеют субъективный характер, то есть в их основе лежат восприятие и оценка индивида (или группы индивидов) [15, с. 32].

Категория интенсивности реализуется на различных языковых уровнях и имеет отношение к различным составляющим языка. В рамках статьи рассмотрим наиболее яркие, на наш взгляд, средства и способы её выражения, связанные в речи носителей донских говоров с обозначением высокой степени интенсивности признака.

Истории о ежедневных бытовых заботах нередко сопровождаются эмоциональными высказываниями информантов, что в первую очередь достигается интонационными средствами. Здесь интенсивность проявляется в выделении ударного или конечного гласного. В описании блюд подобное встречается при характеристике их вкусовых или внешних качеств. Так, например, раскрывается в рассказах диалектоносителей разница между блинчиками и блинами с указанием на степень мягкости и плотности продукта: *А блины на кислам малаке делаюца, туда кисла малако, яйца. эта.. сода, малако.. преснае малако льёца. ... Ани пы-ы-ышние такие. А эти хрустящие, эти лиш на парном малаке* (Кумылженский район); уточняется температурный уровень кисломолочного напитка: *А я, как свадьба, а я ядро навяла яво, вады холо-о-одной* (Кумылженский район); дается характеристика его густоты и плотности: *Палучалась там вадичка стякала с няё, ана палучалась крута-а-ая-крута-а-ая. Малако стикётъ фёё из неё* (Кумылженский район). В последнем примере можно говорить о множественной интенсификации – усилении уже интенсифицированного признака, вызванной тремя элементами: единица *крутая*, имплицитно содержащая в себе сему интенсивности («густо замешанный, сваренный до густоты; плотный» [2, т. 5, с. 709]), усиливается редупликацией – однократным повтором целого слова без изменения звукового состава – и интонационным выделением ударного гласного. Подобное явление свидетельствует о тенденции «смешения» разноуровневых средств выражения интенсивности в народной речи.

Нередко в качестве дополнительного «усилителя» признака выступают единицы словообразовательного уровня. Так, информант из Кумылженского района Буянова Клавдия Фёдоровна вспоминает о любимом развлечении своей молодости – выступлении в местном доме культуры. Женщина раскрывает необычные способности коллеги: *А улаساتина у ней страшный был*. Характеристика сильного голоса обозначена словосочетанием *страшный голосатина*. Прилагательное *страшный* в значении «очень сильный или очень большой (о степени проявления, интенсивности чего-либо)» [13]), усиливается суффиксом *-енн-*, подчеркивающим чрезмерную степень качества [11], что не только отражает «смешение» средств разных уровней, но и приводит к усилению интенсифицированного признака. Подобное прослеживается и в сочетании данного прилагательного с существительным *голосатина*, которому субъективно-оценочный суффикс *-ятин-* придает усиленную степень качества. Указанный формант нередко выступает средством усиления при описании казачьих блюд. Ср., например, в сочетании с прилагательным *вкусный*: *Эта фкусятина, очинь фкусна, утятина асобинна. Ушник* (Киквидзенский район).

Среди средств словообразовательного уровня интерес представляет также глагольный префикс *из-*, имеющий в составе причастий значение «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим словом» [11]. Так, его сочетание с прилагательным *раненый*

позволяет охарактеризовать тяжесть увечий, полученных близким родственником во время войны: *Мой отец пришёл с войны, хоть он и **израненный** был, но он, как сказать, старался им помазать фсем* (Кумылженский район).

Отличительной чертой народной речи является редупликация, выраженная не только повтором целого слова без изменения звукового состава, как было отмечено ранее, но и дублированием корневой морфемы (о редупликации см. подробнее [1; 10; и др.]). Подобный способ интенсивности фиксируется, прежде всего, в рассказах сельских жителей об особенностях приготовления казачьих блюд. В таких случаях данное языковое явление позволяет описать консистенцию пищи, цвет и размер продуктов: *Ты кусок сала, ну, среди лета. Ну, какая ана можыт быть? **Жёлтая-жёлтая**. А ана мне и уаварит: «Ой, Клавдия, знаешь, я как люблю жёлтую салу?»* (Кумылженский район); *Ана палучалась **у́стает-у́стает**, но кислае малако, как ирыян* (Кумылженский район). Реже удвоение встречается при описании внешности человека или предметов действительности, эмоционального состояния: ***Белая-белая**. Была у́линяная чашка* (Иловлинский район); *Цвели **сильно-разсильно**, а вышни нет* (Киквидзенский район); *И **очинь-очинь-очинь любить** ана лошадей. Каждый день ездить* (Кумылженский район); и др.

В воспоминаниях информантов немногочисленные морфологические единицы, выступающие в качестве интенсифицированных. В материале они представлены формами сравнительной и превосходной степени прилагательных и характеризуют чаще всего социальные и межличностные отношения казаков, черты их характера, особенности традиций и обрядов: *Кто **пабауаче**, те ни два дня ууляли, а ниделями ууляли. Казаки ж любят уулять* (Кумылженский район); *Мож, у людей канешна были, мож, люди **пабауаче** жылы* (Иловлинский район); *Трудна тагда было́, но люди были **лучше** и **дружней**. Люди друг другу были **дружнее**, дитё. **Дружнее**, чем сийчас* (Урюпинский район); *Вот он **прибжжит**, с бабушкой прастница, бабушка эта блауаславляит яво, канешна, **самые лучшие** пажыления, и даёт яму эти рублики* (Кумылженский район) и др.

Наиболее широко в анализируемом материале интенсивность представлена лексическими средствами выражения. Основным показателем интенсификации признака среди эксплицитных средств усиления являются наречия *очень* и *дюже*, имеющие сходную семантику – весьма, чрезвычайно, в сильной степени [12, вып. 8, с. 301; 13]. Эти интенсивы нередко обнаруживаются во фрагментах, характеризующих повседневные ситуации жителей сельской местности: *Фсё была **очинь проста*** (Кумылженский район); отношения между соседями, родственниками и т.д.: *Сасед у миня **очинь хороший**, што ни скажу, фсё привозит, привозит, и сахар, и картошки* (Михайловский район); *А тут ею тётка радная жыла, и ана ему «Илюша, ты мне тут помазывать будиши», сын у неё пил, ана **дюже баялась*** (Михайловский район); расстояние и время: *Я урю, уде радилсь, там и приуадилсь, што **очинь далеко** ат нас, радитилей* (Кумылженский район); *Где патануем, где кино покажут. Нам некауда была **дюжо хадить*** (Урюпинский район); и т.д. Кроме того, в массиве языковых фактов наблюдается употребление интенсивов, семантически близких к наречию *очень*. К таковым можно отнести наречия *страшно* и *сильно*, зафиксированные преимущественно в рассказах о послевоенном времени, когда люди выживали в тяжёлых условиях: *Мы ни **уладалава** **сильна**, а каласки сабирали* (Киквидзенский район); *Искупаца неуди, папоть: какой-та старик вазил на пари быков, бочка **страшна здаровая*** (Киквидзенский район) и др. В последнем фрагменте также наблюдается двойственная интенсификация, вызванная сочетанием наречия *страшно* с прилагательным *здаровый*, имплицитно содержащим в себе сему интенсивности (см. *страшно* – разг. «очень сильный или очень большой (о степени проявления, интенсивности чего-л.)» и *здаровый* – «значительный по размерам, силе и степени своего проявления») [13]). Следует отметить, что подобное сочетание интенсивов и интенсем характерно для разговорной речи в целом и диалектного материала в частности. Ср.: *Мама **всеуда очинь уоревала**, как мы плохо жили* (Кумылженский район); *Значит, я **очинь азартна** начал вникать в учебу* (Киквидзенский район) и др.

Исследование лексического состава записей показало, что в материале широко представлены литературные и разговорные варианты интенсем, что связано со стремлением информанта доступно рассказать о событиях своей жизни интервьюеру, показать «специфику тех семантико-смысловых «скреп», которые в конкретно-понятийном, образно-конкретизирующем и наглядно-символическом воплощении действительности соединяют разнонаправленные стихии в многогранный языковой континуум родной русской речи» [14, с. 15]. К таковым относятся, например, *богатый* (лит. «обладающий большим имуществом, большими материальными ценностями; зажиточный»), *заядлый* (разг. «страстно, с увлечением отдающийся какому-л. занятию»), *сразить* (лит. «взволновать, произвести чрезвычайно сильное впечатление»), *кричать* (лит. «громко плакать»), *страшно* (разг. «очень сильный или очень большой»), о степени проявления, интенсивности чего-л.) и др.: *Фсё свазили на калхоз. В калхозе многа была ската, авец, каней, лашыдей, зуси, куры. Калхозы были боуатые* (Кумылженский район); *Но он заядлый. Он в деда пащёл. Дед был рыбак, ахотник* (Кумылженский район); *Сначала он вапце был сражён* (Кумылженский район); *Ну, и так и фсё. Мамань уаварит: «Я кричала» – «Не кричи, фсё эта прайдёт, фсё ничую, фсё слюбица, ничё фсё». И так и адала её Панфиловым* (Кумылженский район); *Вот на сипаратарнам пака я работала, а патом вышла замуш – свинаркай стала, без выхадных, без атпускоф. Страшнае дела была!* (Киквидзенский район) и др. Реже в материале наблюдаются диалектные единицы. Среди диалектизмов были зафиксированы *давношний* – «очень давний» [12, вып. 7, с. 261], *задавучая* – «заносчивый, высокомерный, самоуверенный» [12, вып. 2, с. 188], *голосуи* – те, кто обладают громким, звонким голосом [12, вып. 6, с. 328] (ср. *голосистый* – «звонкий, громкий» [13]), *крутой* – «сильно скрученный, туго свитый, жесткий (о пряже, веревке и т.п.)» [12, вып. 15, с. 331] и др.: *Кауда палуцаеца ана крутая, ты яё рассучиваешь* (Михайловский район); *Ну давношние частушки, их няхто уж и в памине не паёт* (Кумылженский район); *И уаварит: «А-а-а, задавуча така стала, што даже ни здароваица»* (Кумылженский район) и др.

Выражение высокой степени проявления признака, действия или состояния связано в речи носителей донских говоров и с употреблением различных синтаксических конструкций. К их числу можно отнести вводные обороты, раскрывающие степень эмоционального или интеллектуального состояния индивида: *Мать в 42-м умярла, как щичас помню, 23 дикабря ана умярла* (Михайловский район); ряды слов с союзом *ни...ни*, которые служат средством усиления отрицания, придают ему исключаяющий характер: *Кружом степь, вот такая трава, бурьян, ни вады ниуде, ни озира, ни пруда, ни дерива, ниуде ничаво нет, степь и фсё* (Киквидзенский район); *И вот 14 лет я там прароботала, я в 1980 пашла, но 6 лет миня дед ни атпускал, у ниво руки балели, палопаноца, крофь, ни взять, ни палажисть, и он вот фсё на миня надеялся* (Михайловский район); предложения с повторяющимся союзом *и*, позволяющие информанту описать, например, трудности трудовой деятельности на селе в прошлые годы: *И козы были, и платки, и работали, и на начам платки, и на работу платки, и платками я толька и адивала дитей* (Михайловский район); *Ой, да я чем толька ни работала, кем?! И разнарабочая. И санитаркай работала в бальнице, лет, навернае, трицатъ, патом в бальнице поварам. И с повара я и на пенсию ушла* (Иловлинский район); *И на трактаре работала, и на камбайне ва время ваины работала, и на складах работала, и даяркай работала, и мильяницей работала* (Урюпинский район); в предложениях с местоименными словами *какой, такой*: *Я как взулянула, как фспомнила! Какие были там цветы!* (Киквидзенский район); *Фсе казаки, станица Ителевская, мы фсе родные селищя в Арлах, шыснацать двароф насиление. Какие мы фсе друженье были!* (Михайловский район); *«Ой, дефки, какие у вас тапачки!»*, а мы урязью панамажим, абуваца же не ва што была, а на улицу хочица фсё равно, малады ж были (Урюпинский район); *Патом падалири, красивый, да нас дашло, адияла, такая тёплая, вот с таких клачочкаф из разных шишта* (Киквидзенский район); и др.

Лишь в единичных случаях в качестве выражения интенсификации признака на синтаксическом уровне зафиксирована конструкция с просторечной усилительной частицей

аж, выступающей в некоторых контекстах в сочетании с предлогом *до* для обозначения «степени, которой достигает действие, состояние, или предела, который является результатом действия, состояния» [13]: *Ауцаиваюца, как фсё равно аж до синя* (Урюпинский район); *Атец был у нас уалубаулазый, чёрный-чёрный, аж с синивой такой волос валнистый* (Михайловский район). Частотны в народной речи обороты с усилительной частицей *даже*, что наблюдается, например, при характеристике высокой степени эмоционального состояния субъекта, когда информанты передают воспоминания о военном времени: *Как начинали бамбить, и мы убегли, и с этих пор мы большие ни пашли ф школу. Фсе пашли работать, а патом на акопах фсе, фсю маладѣш пазабрали, на каровах пахали, даже сердце ни терпит* (Михайловский район).

Одним из ярких способов интенсификации признака в речи диалектоносителей являются конструкции с междометиями, которые нередко фиксируются в воспоминаниях о тяжёлой послевоенной жизни, голоде и разрухе: *Ну, вот так, а патом, в 46 гаду, ох, нильзя пиридать, как мы галадали!* (Киквидзенский район); *О-ой, жыли, ня дай Боу! О-о-й, успади! Какие мы муки, Костя, приняли, уо-о-оспади! О-ой, успади!* (Кумылженский район). *После войны какая там убранства, уо-о-споди?!* (Иловлинский район); *И мать туды ў печку, а мы: «Хо-о-ой, курава какая фкусная, ой, курава!»*, *у-у-у, вот свёкла была фкусна* (Урюпинский район); и др. Отметим, что они часто подвергаются интонационному выделению, используются в составе конструкций с усилительным значением, в результате чего наблюдается «смещение» разноразрядных средств в одном контексте.

Для народной речи также характерно использование устойчивых сочетаний и идиоматических единиц с семантикой интенсивности, в частности, поговорок: *Ну ми-и-илые маи, курачки неуде клонуть* (Кумылженский район); *Ой, канешна, у миня радитили здеишие, ани тут испокон вякоф тут, панфиловские тут, да* (Кумылженский район). Подобные средства позволяют, в частности, ярче описать нрав донской казачки: *Патом маю мать атец взял – тоже ис Казарни, но мая мать была казачка баевая, она в зубы ни глядела никаму* (Киквидзенский район); *Думала в Думу написать, патом уже старая стала, думаю, я уже, навернае, скоро атайду, а патом скажут: «Вот была, глаза выдирала фсем!* (Киквидзенский район); *Я ф кулак малчать ни умею!* (Киквидзенский район).

Нередко диалектоносители, акцентируя внимание собеседника на значимых для донских казаков ценностных смыслах, прибегают к лексическому повтору, в т.ч. анафорическому: *Вот паэтому эта старая вера была очинь строгая, очинь и очинь строгая* (Кумылженский район); *И фсё я на сибе, и дом на сибе, за фсё платила, платила, за каждую квитанцию* (Михайловский район); *Техники никакой не было, фсё руками! Сеяли и веяли фсё руками* (Киквидзенский район); *Я вот за фсю жызьнь ни разу ни наплолася, ни разу ни накрутилася, ну ни разу с уаловой ничаво ни делала* (Иловлинский район); *Вот пишано фсяуда было, пишнную кашу фсяуда варили. А пишнную кашу фсяуда ели, казачье. Пишннная каша фсяуда была* (Иловлинский район); *Тауда: «Ой, Манька, да у тибя ни телилась карова, на тибе малака, на тибе смятаны, на тибе масла! Ой, да у тибя чѣ эт там, картошка, да на тибе картошки, кукурузы»* (Урюпинский район) и др.

Антитеза была зафиксирована в исследуемом массиве фактов, когда сельские жители размышляют об идеалах предыдущего и современного поколений: *Значит, эта как бы истрибляла веру в Бога. А свобода, што же хорошива из этава вышла? То хоть Бога баялись, а то и дьявала никто ни баица* (Кумылженский район). В единичных случаях в речи диалектоносителей отмечена возрастающая градация, с помощью которой описываются печальные реалии политического прошлого: *Веть кто словам ашыбѣца протиф савецкай власти – сразу этих людей падибрали, увазили, и па сей день никто ни знал* (Кумылженский район).

Применение сравнения позволяет носителям говоров охарактеризовать специфику организации сельского быта, важные для казачьей культуры черты – коллективизм, взаимовыручку, трудолюбие и т.д.: *Как празники – па очириди, ныншиний празник, какой празник у других, жыли, как радные семьи* (Михайловский район); *Сначала он ваще был*

*сражён, што пришло к нему чилавек пятнацать жєницин, ну и мужьски, канєшина, наши фєс, и стали мисить на лошади глину, и мы сразу приступили к маске, а он вот **стоит, словно яво на мести прибили**, и смотрит на нас, у ниво слёзы, и он гаварит: «У миня ж ничаво нет» (Кумьбыженский район); **Работали, как быки!** (Киквидзенский район).*

Таким образом, анализ речи носителей донских говоров, проживающих на территории Волгоградской области, свидетельствует о частотности и многообразии средств выражения интенсифицирующей семантики в бытовом общении, что обусловлено стремлением актуализировать в повседневной коммуникации значимые для мировосприятия донского казака смыслы, которые связаны как с практическим опытом народа, так и с его этнокультурными особенностями. Проведенное исследование массива фактов позволяет говорить о комплексном характере экспликации высокой степени признака, действия или состояния, когда в рамках одного высказывания наблюдается использование сразу нескольких равноуровневых языковых средств и способов их организации в контексте. Нейтральные и стилистически ограниченные в своем употреблении единицы, общерусские и диалектные слова и конструкции, их окказиональные сочетания выступают как единый комплекс выражения интенсивности, которая пронизывает всю народную речь и отражает постоянное стремление диалектной личности к усилению экспрессивизации повествования.

Литература

1. Бекташ Л. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2015. 182 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина [и др.]. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
3. Годизова З.И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. (на материале глаголов интенсивных способов действия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 39 с.
4. Гордиенко Е.А. Категория интенсивности: опыт применения принципа унификации при исследовании антонимо-синонимических отношений в лексике современного русского языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 3. С. 70–81.
5. Лукьянова А.Н. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
6. Оссоветский И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 199 с.
7. Проблемы исследования устной речи носителей русского и украинского языков в регионах со смешанным составом населения / Н.А. Тупикова, В.И. Теркулов, Е.С. Рудыкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. Т. 12, № 2. С. 227–234.
8. Рассахатская М.В. Средства выражения интенсивности и их стилистическая роль в текстах региональных СМИ (на материале городских и областных газет Волгоградской области) // Пятое Моисеевские чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Оренбург. гос. пед. ун-та, 275-летию Оренбург. губернии и 285-летию образования Оренбург. комиссии (Оренбург, 3–4 октября 2019 г.) / сост. и науч. ред.: П.А. Якимов. Оренбург: Оренбург. книга, 2019. С. 142–146.
9. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.
10. Рожанский Ф.И. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
11. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. URL: <http://rusgram.narod.ru/index1.html>.

12. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.
13. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
14. Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
15. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.

ЖИЗНЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

УДК 930.253;009

Л.Д. Бондарь

канд. ист. наук

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
г. Санкт-Петербург, Россия

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И И.А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ — УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК В
ЗЕРКАЛЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН)

L. D. Bondar

Cand. Sci. (History)

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

I. I. SREZNEVSKY AND J. BAUDOIN DE COURTENAY — TEACHER AND
STUDENT IN THE MIRROR OF ARCHIVAL DOCUMENTS (ON THE MATERIALS OF
THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES)

Аннотация. В статье представлены документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, отражающие научное взаимодействие И.И. Срезневского со своим знаменитым учеником – И.А. Бодуэном де Куртенэ; благодаря учителю И.А. Бодуэн де Куртенэ начал свой научный путь как диалектолог. В фонде И.И. Срезневского в СПбФ АРАН имеются документы И.А. Бодуэна де Куртенэ, относящиеся ко времени его подготовки к получению магистерской степени. Сохранившаяся переписка односторонняя: в фонде И.А. Бодуэна де Куртенэ хранятся 10 писем И.И. Срезневского за 1873–1879 г.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, материалы по диалектологии, магистерская степень.

Abstract. The article presents documents from papers of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, reflecting the scientific interaction of I. I. Sreznevsky with his famous student - J. Baudouin de Courtenay; thanks to the teacher J. Baudouin de Courtenay began his scientific career as a dialectologist. I. I. Sreznevsky's personal papers at SPbB ARAS have documents by J. Baudouin de Courtenay relating to the time of his preparation for a master's degree. The surviving correspondence is one-sided: 10 letters of I. I. Sreznevsky for 1873–1879 are stored in the personal papers of J. Baudouin de Courtenay.

Keywords: I.I. Sreznevsky, J. Baudouin de Courtenay, materials on dialectology, master's degree.

Фонд академика Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) (фонд 216) и входит в число крупных личных фондов архива. Он содержит 7 описей, включающих совокупно 4376 дел с 1838 г. и до смерти ученого в 1880 г. Здесь же хранятся документы (материалы третьих лиц) вплоть до

1920 г. – это, очевидно, документы, которые собирал уже его сын, Всеволод Измайлович Срезневский (1867–1936), которому и принадлежит заслуга формирования архивного фонда отца.

Биографические документы, отложившиеся в фонде, позволяют написать достаточно полную научную биографию И.И. Срезневского. Немногие личные фонды могут похвалиться такой обширной подборкой документов, представляющих все этапы научной биографии. Отдельное место занимает педагогическая деятельность И.И. Срезневского, представленная в документах начиная с 1838 г. – времени, когда молодой учёный состоял адъюнктом Харьковского университета после защиты магистерской диссертации. В целом, в фонде хранятся документы по деятельности И.И. Срезневского в Харьковском университете (документы за 1838–1842 г., относящиеся к командировке за границу для изучения славянских наречий), Главном педагогическом институте в Петербурге (списки студентов и планы пробных лекций студентов за 1853–1856 г.), а также большой блок документов по работе в Петербургском университете (1850–е–1870-е гг.).

Особо обращают на себя внимание документы по работе в Учёном комитете Министерства народного просвещения, которые характеризуют И.И. Срезневского как педагога, вдумчиво интересовавшегося, в том числе, вопросами методики и школьного преподавания. Здесь представлены некоторые записки авторства И.И. Срезневского 1850-х гг.: по поводу программы курса русского языка и словесности в гимназиях и об экзаменах по этим дисциплинам, о введении преподавания славянских наречий в филологической гимназии, о «читательных беседах», инспекторские дела и пр. В целом, тема «И.И. Срезневский как педагог и методист» требует особого изучения и может быть подкреплена основательной документальной базой.

В частности, заслуживает внимания вопрос взаимоотношений профессора со своими учениками. Показательным является, что в личном архиве И.И. Срезневского сохранилось множество работ его учеников. Очевидно, профессор сберегал те сочинения, которые казались ему интересными и, возможно, перспективными. Надо сказать, что такая оценка оказывалась часто оправданной: среди сохранных им студенческих работ встречаем имена, прославившие в будущем филологическую науку. Члены Императорской академии наук Григорий Александрович Воскресенский (1849–1918), Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), Александр Николаевич Пыпин (1833–1904), Антон Семёнович Будилович (1846–1908), а также представители литературных кругов (литературных критиков) Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868), Михаил Иванович Сухомлинов (1828–1901), Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) – все это имена учеников И.И. Срезневского, чьи материалы мы найдем в фонде академика.

Одним из учеников является выдающийся российско-польский лингвист-компаративист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (*Jan Niesislaw Ignacy Baudouin de Courtenay*; 1845–1929), член двух академий: Польской академии знаний (1893 г.) и Императорской Петербургской академии наук (1897 г.), профессор пяти университетов: Казанского, Юрьевского, Ягеллонского (в Кракове), Петербургского, а по возвращении в Варшаву после образования самостоятельного Польского государства – Варшавского; одновременно с Варшавским университетом, где он состоял почетным профессором, И.А. Бодуэн де Куртенэ работал в Католическом университете в Люблине (*Katolicki Uniwersytet Lubelski – KUL*). В Люблин профессор ездил из Варшавы, чтобы «получить аудиторию»; он был в лёгкой обиде на Варшавский университет; в одном из документов, сохранившихся в архиве люблинского университета в личном деле профессора, И.А. Бодуэн де Куртенэ сетовал: «там (в Варшаве — Л.Б.) меня причислили к категории инвалидов, названных почти что иронично «почетными профессорами» (Archiwum KUL. Nr 57 n) [8].

Филологическое образование самого И.А. Бодуэна де Куртенэ началось с Главной школы в Варшаве (отделение славистики историко-филологического факультета), где он получил степень магистра и продолжил стажировку в Германии. Но, вернувшись в Польшу, И.А. Бодуэн де Куртенэ не смог в тех условиях претендовать на место в Варшавском

университете, и это заставило молодого ученого отправиться на обучение в Петербург, где он и начал изучать славянские языки под руководством И.И. Срезневского. Хотя, как мы знаем, к тому моменту, когда И.А. Бодуэн де Куртенэ попал в круг учеников И.И. Срезневского, он был уже без пяти минут доктором философии Лейпцигского университета (докторская диссертация И.А. Бодуэна де Куртенэ была опубликована в 1868 г. [16]).

Со времени обучения И.А. Бодуэна де Куртенэ в Петербурге среди бумаг И.И. Срезневского сохранилось несколько документов. Один из них, текст-автограф И.А. Бодуэна де Куртенэ, озаглавлен «Август Шлейхер» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 923) и представляет собой краткую биографию знаменитого немецкого индоевропеиста с обзором его научных достижений. Обращение к личности Августа Шлейхера (*August Schleicher*; 1821–1868) не было случайным: И.А. Бодуэн де Куртенэ был его учеником в Йенском университете во время своей зарубежной стажировки, и активно публиковался в журнале, созданном А. Шлейхером и Адальбертом Куном (*Franz Felix Adalbert Kuhn*; 1812–1881), «*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*». Взаимоотношения между двумя великими учёными (И.А. Бодуэном де Куртенэ и А. Шлейхером) показаны в недавних публикациях О.В. Лукина [10, 11]. Несмотря на известные научные противоречия со своим учителем, И.А. Бодуэн де Куртенэ завершает заметку эмоциональной оценкой: «Он после Боппа более всех подвинул вперед знание строя индоевропейских языков, и в этом отношении он представляет последнее слово науки» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 923. Л. 3).

То же самое название, «Август Шлейхер», имеет другой документ И.А. Бодуэна де Куртенэ в бумагах И.И. Срезневского. Здесь имеется уточняющий заголовок: «Сообщено в заседании Императорского историко-филологического общества. 7 апреля 1870 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 921). Речь идет о Петербургском филологическом обществе, действительным членом которого И.И. Срезневский состоял с 1869 г., и здесь мы имеем дело с текстом, который впоследствии был опубликован (в сокращении) в русском сборнике трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ 1963 г. [6], а до этого (1869 г.) – на польском языке, сразу после смерти А. Шлейхера в качестве некролога в «*Tygodnik ilustrowany*» [17]; содержание же доклада было освещено в опубликованном в воронежских «Филологических записках» протоколе этого заседания [12, с. 28–29].

Наличие упомянутого первым текста позволяет сделать предварительное предположение, что именно И.И. Срезневский мог побудить молодого ученого подготовить публичный доклад для Филологического общества или, как минимум, быть посредником в этом деле. Первый текст имеет тезисный характер. К примеру, приведенная выше цитата полностью звучит так: «Место, занимаемое Шлейхером в науке. Его умственные способности. Он после Боппа более всех подвинул вперед знание строя индоевропейских языков, и в этом отношении он представляет последнее слово науки. Нападки на Шлейхера со стороны Гатталы». Объем этого текста – 5 страниц, в то время как объем текста доклада – 26 листов. Очевидно, мы имеем дело с тезисами готовящегося доклада. И то, что они находятся среди бумаг И.И. Срезневского, свидетельствует о том, что профессор так или иначе курировал его подготовку. Отметим, что среди эпистолярных документов И.А. Бодуэна де Куртенэ имеются сведения еще об одном выступлении И.А. Бодуэна де Куртенэ в Филологическом обществе – чтение отрывков «из его Хорутанских записок» 15 мая 1875 г. В повестке дня того же заседания стояли сообщения члена-корреспондента Императорской академии наук, профессора Казанской духовной академии Ивана Яковлевича Порфирьева (1823–1890) («с замечаниями И.И. Срезневского»), а также В.И. Срезневского (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 293. Л. 5–5 об.).

Времени подготовки И.А. Бодуэном де Куртенэ магистерской диссертации у И.И. Срезневского принадлежит еще два документа. Первый – это «Записка о печатных трудах Ивана Бодуэна де Куртенэ» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 922). Это автограф – перечень из 13 работ с 1866 г. Перечень неполный: за 1866 г. указаны не все публикации, не упоминаются переводы; за 1868 – из 14 работ (библиография работ И.А. Бодуэна де Куртенэ была

опубликована в 1960 г. [7]; сегодня также размещена на сайте Казанского федерального университета: <https://kpfu.ru/philology-culture/kls/personal/ baudouin/trudy>) указаны 11. Последняя запись – это как раз некролог А. Шлейхера 1869 г.

Второй документ интересен, среди прочего, с точки зрения истории преподавания в Петербургском университете. Это «Программа экзамена И. Бодуэна де Куртенэ по сравнительному языкознанию» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 924). Документ содержит несколько разделов, озаглавленных следующим образом: «I. Общие лингвистические вопросы», «II. Звуковые соответствия индоевропейских языков (за исключением кельтского) по «Compendium» Шлейхера», «III. Славянские наречия» (подразделы: «1) Старославянское. Грамматика. – Разбор “Древних славянских памятников юсового письма И.И. Срезневского”. 2) Языки: русский (нар. великорусское и малорусское), польский, чешский (с нар. словенским или словацким)»), «IV. Оправдание мнений, высказанных Бодуэном в следующих сочинениях: <...>» (указана публикация в чешском издании 1868 г. [15], докторская диссертация [16] и собственно магистерская диссертация, написанная в Петербургском университете, которая была опубликована на русском языке в Лейпциге [1]). Документ не датирован, но крайние даты его составления устанавливаются весьма определенно – по ссылкам на работы И.А. Бодуэна де Куртенэ; это, наряду с общим содержанием документа и с фактом нахождения программы среди бумаг И.И. Срезневского, позволяет довольно определенно отнести текст ко времени магистерской подготовки И.А. Бодуэна де Куртенэ в Петербургском университете и трактовать его как программу магистерского экзамена, который он готовил под руководством И.И. Срезневского, сохранившего этот текст.

Этим фактически ограничивается круг документов И.А. Бодуэна де Куртенэ в фонде И.И. Срезневского. Несмотря на небольшое количество, они имеют свою ценность – особенно на фоне того, что личный фонд И.А. Бодуэна де Куртенэ в СПбФ АРАН очень невелик: две описи (385 единиц хранения), в которых представлены бумаги за 1870–1909 гг. Это то, что поступило в архив из Библиотеки АН в 1931 г. Бумаги были переданы в Академию наук самим И.А. Бодуэном де Куртенэ в 1902 г. (то есть вскоре после приезда в Петербург из Кракова и назначения, в 1901 г., на должность профессора Петербургского университета); второе поступление состоялось в 1909 г. (СПбФ АРАН. Ф. 102. Дело фонда). Позднейшие документы находятся в «польской» части фонда И.А. Бодуэна де Куртенэ – в варшавском Архиве Польской академии наук.

Опись 1 фонда И.А. Бодуэна де Куртенэ в СПбФ АРАН – это рукописи; все они – материалы по южнославянской диалектологии и этнографии, то есть результат научных исследований, инициированных И.И. Срезневским. Известно, что после получения в 1870 г. степени магистра Петербургского университета и назначения на должность приват-доцента, И.А. Бодуэн де Куртенэ был направлен в командировку в северную Италию и Австрию, где вел полевые изыскания в области диалектологии и этнографии. Инициатором этой командировки и был его учитель И.И. Срезневский, сам имевший статус первого южнославянского диалектолога. Первая поездка состоялась летом 1872 г., после чего И.А. Бодуэн де Куртенэ предпринял несколько экспедиций, перечисленных, в частности, А.А. Шахматовым в одном из документов как поездки «с ученою целью за границу в 1872, 1873, 1877, 1885, 1890, 1891, 1893, 1895 и 1901 годах...» (СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 771. Л. 4–5).

Судьба диалектологических работ И.А. Бодуэна де Куртенэ неоднозначна. Из своих поездок, в ходе которых он уже к 1875 г. изучил «очень подробно 10 групп западно-южнославянских (словенских и сербо-хорватских) говоров» [2, с. III], И.А. Бодуэн де Куртенэ привёз исключительно обильный материал, за что сам же себя критиковал: «Находясь под влиянием какой-то лихорадочной жадности, я старался, прежде всего, записать по возможности более, не принимая в соображение того разумного правила, что для науки всегда желательнее и полезнее даже небольшое количество совершенно верных и несомненных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча наскоро замеченных явлений и обусловленных ими предположений иногда весьма проблематического свойства» [2, с. III–IV].

Поначалу И.А. Бодуэн де Куртенэ увлеченно занимался диалектологическими вопросами, и в его арсенале насчитывается около трёх десятков работ самого разного характера по этим проблемам, включая докторскую диссертацию, защита которой состоялась в Петербургском университете, «Опыт фонетики резьянских говоров» [2] с приложением [3]. Однако в определенный период времени этот интерес угас, и причины этого ученый объяснил сам. Во-первых, его постигло разочарование и большое сомнение в востребованности этого материала, о чем он пишет во второй книге с диалектологическими материалами: «Этот 2-й том будет, вероятно, вместе с тем и последним... Немаловажную роль играют так называемые «неблагоприятные обстоятельства. Моё положение таково, что я просто не имею права убивать столько времени на подобные работы. Да это, впрочем, небольшая беда, так как навряд ли издаваемые мною материалы и мои научные исследования в этой области кому-нибудь особенно нужны» [4, с. III]. Несмотря на скептицизм в отношении дальнейшей публикации материалов, самим И.А. Бодуэном де Куртенэ был издан еще один том материалов [5], а в 1988 г. итальянская исследовательница Лилиана Спиноцци Монаи опубликовала некоторые архивные материалы СПбФ АРАН (воплотив таким образом пророческие слова И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что его материалы будут обрабатывать другие исследователи – см. ниже), составившие четвертую часть материалов [19]. Помимо этого, в журнале В. Ягича в 1884–1885 г. были самостоятельно изданы диалектологические тексты [18].

С другой стороны, в своем письме в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук он прямо пишет о тех обстоятельствах, которые препятствовали ему заняться обработкой материала: «Получая относительно скудное профессорское жалование <...> и не имея никаких других постоянных источников дохода, <...> я принужден искать заработка и тратить время на труды, отвлекающие меня от занятий моею специальностью и не позволяющие даже думать о правильной и порядочной обработке моих материалов». И в завершение письма – пророческое высказывание: «Но так как теперь, работая обыкновенно по 14 часов в сутки для того просто, чтобы как-нибудь просуществовать с семьей, я могу только постепенно убивать себя в физическом и умственном отношении и приближать тот момент, когда действительно собранными мною материалами будет суждено заниматься не мне, но другим» (СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 771. Л. 12–13 об.).

Это письмо 1902 г., оно было составлено как раз по случаю передачи в Академию наук необработанных диалектологических материалов. Сегодня эти материалы хранятся в СПбФ АРАН; это тексты на славянских говорах (надижских славян, юдрских славян, тексты на словенских говорах Горицкого графства в Австрии и Крайны, образцы цирклянских говоров, Бохинско-посавский говор, словенские религиозные апокрифические памятники) – тексты, записанные как самим И.А. Бодуэном де Куртенэ, так и другими людьми. Отметим, что таким материалам ученый придавал не меньшее значение и не забывал выражать благодарность своим помощникам [4, с. I].

В фонде И.А. Бодуэна де Куртенэ находится также в не до конца обработанном виде словарь резьянских говоров (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 1. Д. 9) и глоссарий терского диалекта (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 1. Д. 10) – в форме словарной картотеки; есть также неразрезанные карточки (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 1. Д. 11–12). Очень долго этот материал оставался абсолютно неизвестным широкому кругу исследователей, пока в 2009 г. Л. Спиноцци Монаи не опубликовала терские словарные материалы И.А. Бодуэна де Куртенэ 1873 и 1901 г. [20].

В целом, через несколько лет после начала занятий южнославянской диалектологией И.А. Бодуэн де Куртенэ мог обсуждать со своим учителем специальные вопросы на равных. В этой связи примечателен еще один документ из фонда И.И. Срезневского. Это заметки И.А. Бодуэна де Куртенэ, атрибутированные как примечания к работе И.И. Срезневского «Фриульские славяне» [13; с. 14]. Здесь мы находим замечания И.А. Бодуэна де Куртенэ в соответствии с новыми языковыми и этнографическими сведениями, отразившими перемены, происшедшие ко времени посещения этих областей И.А. Бодуэном де Куртенэ (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 3. Д. 845).

Ещё один важный блок документов – это переписка. В фонде И.А. Бодуэна де Куртенэ хранятся письма к нему И.И. Срезневского (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 293): десять писем за 1873–1879 г.; большинство из них было адресовано в Казань. Среди этих эпистолярных – отпуск письма самого И.А. Бодуэна де Куртенэ. Обратных писем – к И.И. Срезневскому – в СПбФ АРАН нет. В письме от 17 декабря 1876 г. идет речь о подготовке «Фриульских славян». В этом же письме имеется следующий фрагмент: «Отказаться от Вашего доброго предложения помочь мне в приготвлении нового издания, не могу, потому что не могу желать лучшего помощника; но и затруднить Вас – искренно и верно боюсь. Решаюсь просить Вас пока об одном: читая, отмечать то, что Вы найдете в части огрех неверным, и сообщить мне свои поправки» (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 293. Л. 8 об.–9.). Очевидно, это сообщение можно связать с названным выше документом с замечаниями И.А. Бодуэна де Куртенэ к «Фриульским славянам» И.И. Срезневского.

В этих письмах интересен также материал, касающийся другого сюжета – участия И.А. Бодуэна де Куртенэ в работе над известным словарем литовского языка братьев Юшкевичей (СПбФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 293. Л. 10–22 об.), публиковавшимся ОРЯС в 1897–1922 гг. [9]. Из писем И.И. Срезневского узнаем, что Ивана Васильевича Юшкевича, младшего из братьев, проживавшего в Казани и готовившего словарь к изданию словарь, И.А. Бодуэну де Куртенэ рекомендовал именно И.И. Срезневский, уже оказавший к тому времени свою посредническую помощь в общении братьев Юшкевичей с Академией наук.

Так, небольшой блок рассмотренных документов СПбФ АРАН – свидетельство активного научного взаимодействия учителя и ученика, а также того влияния, которое И.И. Срезневский имел на молодого И.А. Бодуэна де Куртенэ, определив, прежде всего, его многолетнюю работу в области славянской диалектологии. Очевидно, что в ряде вопросов именитый ученый оказывал поддержку и служил своего рода стимулом в различных занятиях молодого исследователя. Характерно, что после смерти И.И. Срезневского диалектологические занятия стали для И.А. Бодуэна де Куртенэ постепенно утрачивать свою важность, объективно перекрылись другими актуальными исследованиями и, лишенные поддержки и научного стимула, сошли в итоге на нет. Эти же документы – дополнительный штрих к портрету И.И. Срезневского – великого ученого, неравнодушного к своим ученикам, умевшего распознать то, что имело научную ценность, готового поддержать и активно поддерживавшего заслуживающие внимания начинания.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг: Типография Бэра и Германа, 1870. 196 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава: Э. Венде и К°; СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1875. 128 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Резьянский катехизис как приложение к «Опыту фонетики резьянских говоров», с примечаниями и словарем. Варшава: Э. Венде и К°; СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1875. 48 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 78. № 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1904. 176 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. III. Резьянский памятник “Christjanske uzhilo”. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. 138 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Август Шлейхер // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Р. 35–44.
7. Бокарева Л.Е., Леонтьев А.А. Список трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) // И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) (К 30-летию со дня смерти). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 82–119.

8. Бондарь Л.Д. И.А. Бодуэн де Куртенэ в университетах России и Польши // Польская интеллигенция в Сибири XIX – XX вв.: Сб. материалов межрегиональных тематических чтений «История и культура поляков Сибири» 2006-2007 гг. Красноярск: б/и, 2007. С. 61–68.
9. Бондарь Л.Д., Кирикова О.А. Братя А.В. и И.В. Юшкевичи и Императорская Петербургская академия наук (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2015. Ижевск: Принт-2, 2016. С. 121–129.
10. Лукин О. В. Роль немецких лингвистов в формировании научных взглядов И.А. Бодуэна де Куртенэ (к 150-летию вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 119–125.
11. Лукин О.В. И.А. Бодуэн Де Куртенэ, А. Шлейхер и «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 888–904.
12. Протоколы заседаний Филологического общества. В 1869–1871 гг. // Филологические записки. 1873. Вып. 1. С. 19–45.
13. Срезневский И.И. Фриульские славяне // Записки Императорской академии наук. Т. 38. СПб.: б/и, 1878. 91 с.
14. Срезневский И.И. Фриульские славяне // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 21. № 5. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881. 56 с.
15. Baudouin de Courtenay J. Několik poznamenání o polském pravopisu // Sborník vědecký Musea Království Českého: Odbor historický, filologický a filosofický. Sv. 1. Praha: Museum Království Českého, 1868. S. 39–59.
16. Baudouin de Courtenay J. Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination // Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, heltischen und slawischen Sprache. 1868. Bd. 6. S. 19–88.
17. Baudouin de Courtenay J. August Schleicher // Tygodnik ilustrowany. 1869. Nr. 104.
18. Baudouin de Courtenay J. Der Dialekt von Cirkno (Kirchheim) // Archiv für slavische Philologie. 1884. Bd. 7. S. 386–590; 1885. Bd. 8. S. 103–462.
19. Baudouin de Courtenay J. Materiali per la dialettologia e l'etografia slava meridionale (= Materiali za južnoslovansko dialektologijo in etnografijo). IV / publ. di L. Spinozzi Monai, comm. di M. Matičetov. Trieste: Editoriale stampa triestina SpA, 1988. 243 p.
20. Il Glossario del dialetto Torre di Jan Baudouin de Courtenay / publ. da L. Spinozzi Monai. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2009. 704 p.

ТРУДЫ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

O.A. Voloshina
Cand.Sci. (Philology)
Moscow State University, Russia;
Shenzhen MSU-BIT University, China

WORKS OF I.I. SREZNEVSKY IN CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF MODERN LANGUAGE SCIENCE

Аннотация. В статье рассматривается значение разработанного И.И. Срезневским и примененного в многочисленных работах ученого филологического метода реконструкции культуры по древним памятникам письменности – широкий филологический анализ древних текстов предполагает привлечение сведений из области этнологии, культурологии, славистики и др. наук антропоцентрического цикла. В этом контексте рассматривается словарь древнерусского языка И.И. Срезневского как собрание богатейшего корпуса контекстов словоупотребления в наиболее авторитетных памятниках на древнерусском языке. Автор подчеркивает значение научного подхода И.И. Срезневского для современной науки о языке, выстраивающей многочисленные междисциплинарные связи.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, метод филологического анализа, реконструкция культуры по древним текстам.

Abstract. The article examines the importance of the philological method of cultural reconstruction developed by I.I. Sreznevsky and applied in numerous works based on the ancient texts - a widespread philological analysis of ancient texts involves the information from the field of ethnology, cultural studies, Slavic studies and other sciences of the anthropocentric cycle. In this context, the dictionary of the Old Russian language by I.I. Sreznevsky is considered as a collection of the richest corpus of contexts of word usage in the most important texts in the Old Russian language. The author emphasizes the importance of the scientific approach of I.I. Sreznevsky for the modern science of language, which builds numerous interdisciplinary connections.

Keywords: I.I. Sreznevsky, method of philological analysis, reconstruction of culture based on the ancient texts.

Идеи классика отечественной филологии, основоположника палеославистики, создателя первого словаря древнерусского языка – Измаила Ивановича Срезневского – оказываются живы и чрезвычайно актуальны в наши дни. Обращение к наследию ученого с таким широким диапазоном научных интересов полезно не только для описания истории развития отечественной русистики и славистики, но и для возрождения филологического метода исследования культуры и истории народа сквозь призму языка, воплощенного в конкретных текстах.

На мировую лингвистическую арену Измаил Иванович Срезневский выходит в середине XIX в. в период расцвета романтического направления в филологии, когда ученые увлекались изучением истории, культуры, этнографии народов, собирали древнейшие памятники письменности, стараясь извлечь из древних текстов «преданья старины глубокой». В самом начале XIX в. немецкий ученый Вольф Ф.А. предложил понимать филологию как «науку о древности», и в рамках немецкой школы эта наука понималась как совокупность дисциплин,

разными методами изучающих историю и культуру народа. Среди этих дисциплин были традиционные – история, география, этнография, учение о праве и государственности, а также собственно филологические науки: поэтика, грамматика и др. Однако поставленная задача реконструкции ушедшей культуры по текстам (по бытовым реалиям, архитектурным памятникам, особенностям национального костюма, по песням и танцам и т.п.) была так широка, что возникали новые направления исследования – этнолингвистика, описание особенностей древнего письма (зарождение палеографии), обсуждение принципов составления словарей к древнейшим памятникам письменности и т.п. Ученые первой половины XIX в. были энциклопедистами, ведь и сама филология понималась как энциклопедия ушедшей жизни, представленной в древнейших текстах.

Среди филологических дисциплин особое место занимало языкознание, ведь тексты на древнем языке воплощали представление наших предков об окружающем мире, а язык воспринимался как ключ к древнейшей культуре. Каждое слово оказывалось предметом пристального рассмотрения филологов – с особым вниманием изучались принципы написания слова, реконструкция его значения, возможность сочетания с другими словами в тексте, особенности контекстного значения слов и т.п.

Важной работой филологов оказывался поиск памятников письменностей по монастырским библиотекам и частным коллекциям, публикация этих текстов, комментарии к ним (создавались грамматические справочники и глоссарии непонятных слов). Именно такую деятельность проводил известный немецкий филолог Якоб Гримм, датчанин Расмус Раск, Йоган Цейс и др. Отечественный филолог Александр Христофорович Востоков опубликовал и прокомментировал Остромирово Евангелие XI в., на основе описания грамматики и фонетики древнерусского языка этого памятника Востоков «разгадал тайну» юсов – специальных букв для обозначения носовых гласных старославянского языка и древнерусского языка древнейшего периода.

В этом направлении работал и И.И. Срезневский, который собирал и публиковал памятники глаголического и кириллического письма, сравнивал тексты, комментировал их. В 1866 г. Срезневский на основе анализа более сотни древнерусских текстов издал «Древние памятники русского письма и языка (X-XIV)» – собрание и описание древнейших текстов, в котором автор предложил сравнительное описание систем письма памятников, высказал мнение о датировке и авторстве рукописей, сравнил редакции текстов, описал особенности языка конкретных рукописей и т.п. Эта объемная работа заложила основы древнерусской палеографии в русской филологической школе. Особенности новой науки – палеографии, ее метод и интересные убедительные результаты описывает Срезневский в труде «Славяно-русская палеография XI-XIV вв», а в работе «Древние памятники юсового периода» автор описывает рукописи и комментирует язык памятников, в текстах которых используются юсы.

Большое место в научном наследии И.И. Срезневского занимают работы, которые мы, пользуясь современной терминологией, назвали бы этнолингвистическими. Например, в сочинении «Об обожании солнца у древних славян» (1845—1846) Срезневский анализирует и сравнивает имена солнечных божеств разных славянских народов (Сварожич, Хорс-Даждьбог, Яровита и др.), а в работе «Архитектура храмов языческих славян» (1846) описывает особенности капищ, святилищ, мест проведения ритуалов у древних славян, опираясь на разнообразные сведения об особенностях языческого богослужения у славян. Частично этой теме посвящена диссертация И.И. Срезневского «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», защищенная им в Харьковском университете в 1846 г. В диссертации Срезневский характеризует особую касту жрецов, описывает их положение в обществе, ритуальные действия, посвященные солнцу, огню, божествам леса и воды, описывает капища и языческие храмы и т.п. В разделе о богослужениях подробно рассказано о ритуальных жертвоприношениях, обрядах гаданиях, цель которых – раззнать будущее, спросить совета у богов и т.п. Срезневский анализирует множество текстов славянских народов религиозной тематики, подчеркивая общие черты языческих славянских ритуалов.

Эти работы выполнены в русле, если пользоваться современными терминами, этнолингвистики и лингвокультурологии, автор опирается на этнологические и культурологические сведения, анализирует языковые факты (в частности, сопоставляет имена языческих богов во главе с Перуном у разных славянских народов).

В комментариях к древним текстам должно быть понятно каждое слово, ведь именно это загадочное, непонятное слово может открыть путь к новой интерпретации исследуемого текста. Для выяснения значения слов И.И. Срезневский предлагает привлечь сведения этнологического, культурологического и исторического характера. В частности, в статье «Крута каличья. Клюка и сума, лапотники, шляпа и колокол» (1862) Срезневский рассуждает об особой страннической одежде, в которой ходили пилигримы и калики по святым местам. Ученый пишет: «Каликами или калѣками в древности назывались у нас странники, ходившие на поклонение в святую землю. Сведения о них есть в памятниках XII-XIV века и в былинах, до сих пор повторяемых в народе. Положение их в обществе, судя особенно по былинам, было довольно значительное: и богатыри Владимировы... не стыдились показываться каликами, даже как будто считали это почетным; с почетом и принимаемы были калики всюду, куда приходили» [Срезневский 1862: 3].

Срезневский, опираясь на этнографические источники, описывает традиционную одежду странников, которая называлась *крута*: странники носили особый длинный плащ (который в русских текстах иногда заменялся на кафтан или даже шубу), головной убор, суму (первоначально из черного бархата) да клюку (костыль или посох).

Автор приводит многочисленные примеры описания калик в былинах, причем или сам богатырь выступает в роли странника и надевает особую одежду, или богатырь встречает калика. Вот как описывает былина одеяние странника-богатыря Ильи Муромца:

*«Обул Илья лапотники шелковые,
подсумок одел он черна бархата,
на головушку надел шляпку земли Греческой,
Не взял с собой палицы булатная»* [Срезневский 1862: 4-5].

Срезневский обращает внимание на появление в текстах былин слова *колокол*, которое называет одежду или особый принадлежащий каликам предмет, причем колокол держат пилигримы на плечах, а свойственная былине гиперболизация приписывает этому колоколу огромный вес:

*Стоит тут старец пилигримце,
на могучих плечах держит колокол,
а весом тот колокол во триста пуд* [Срезневский 1862: 10-11].

И.И. Срезневский пытается прокомментировать текст, объяснить появление колокола в составе традиционной одежды пилигрима. Кажется совершенно невозможным, чтобы пилигримы носили на плечах тяжелый колокол, в некоторых текстах калики используют в качестве посоха язык колокола и т.п. Что это? Очевидная странность и нелепица, «а между тем считать это выдумкою составителя былины нет никакого повода: русские былинари перепутывали лица, времена и местности событий, придавали времени древнему черты времени более позднего, увлекались гиперболической обрисовкой образов; но положительных выдумок ни из того, ни из сего, таких резких, как *колокол пилигрима*, они не допускали. Что же это, однако, если не выдумка?» [Срезневский 1862: 12-13].

Ответ находит И.И. Срезневский в чешских памятниках, описывающих одежду пилигримов: «*Колоколом, klakol, и колокольцей, klakolca* у чехов в древности назывался плащ, вроде капы, носимой пилигримами... Плащ дорожный без разреза спереди» [Срезневский 1862: 14]. Сопоставительный анализ текстов позволяет Срезневскому утверждать, что именно так выглядел плащ пилигрима, а в монастырских грамотах находит предписание аббата Михаила по уставу Юлианской обители братьям-священникам в поездках «употреблять именно *колокол* приличной длины» [Срезневский 1862: 14].

И.И. Срезневский считал очень важным зарисовывать элементы национальной одежды, он сам во время путешествия по славянским странам делал многочисленные зарисовки

предметов быта, одежды, головных уборов, бытовых мелочей, облегчающих ведение домашнего хозяйства, и, конечно, изб и церквей, являющихся местными достопримечательностями. Очевидно, внешний вид и функции предметов были чрезвычайно значимы для понимания текстов. Выяснив причину появления слова *колокол* среди слов, называющих одежду и круту пилигрима, Срезневский пишет: «Употребление этого слова в пересказах былины, хотя и неправильное, доказывает, что когда-то оно было у нас употребляемо и в значении одежды. В одном из пересказов былины *колокол* заменен *кафтаном*, словом, напоминающим *капу*..., в других пересказах остался *колокол* – и испытал горькую судьбу власти комментаторов-поэтов, превратясь в медь звенящую» [Срезневский 1862: 15].

И далее автор утверждает: «этот колокол, не менее других принадлежностей круты наших древних калик, пилигримов, доказывает, что крута их была не чисто русская, а общая западноевропейская» [Срезневский 1862: 15].

Этнокультурологический анализ текстов позволяет рассматривать изображенные реалии на широком культурологическом фоне; филологическая работа исследователя предстает как многогранная деятельность, включающая прочтение, интерпретацию текстов, сопоставление памятников на разных славянских языках, привлечение данных культурологии, религиоведения, этнологии для объяснения текстов, для воссоздания запечатленного в них мира.

Очевидно, важной составляющей филологической работы, этапом, завершающим собрание и изучение корпуса текстов, является создание словаря древнего языка. Объемные словари древнейшей лексики как бы ставили точку в филологической работе над собранными памятниками письменности, ведь такие словари – своего рода корпуса текстов на древних языках, представляющие языковую картину мира. Именно такой исторический словарь на материале немецкого языка начал составлять (и издавать) Якоб Гримм, за составление словаря древнерусского языка принялся И.И. Срезневский.

Изданию словаря всегда предшествует огромная работа, здесь же Срезневскому нужно было собрать авторитетные памятники древнерусского языка, на материале которых будет составляться словарь, проанализировать тексты, выписать контекстные употребления слов, расположить примеры в нужном порядке, снабдить слова параллелями из латинского и древнегреческого языков и т.п. Словарь И.И. Срезневского под названием «Материалы для словаря древнерусского языка» увидел свет лишь после смерти автора стараниями его детей, ставших настоящими помощниками в составлении словаря и подготовке текста к публикации.

В работе «Обозрение замечательнейших из современных словарей» (1854) Срезневский пишет: «Словари сопутствуют просвещению так же, как типография, театры, журналы и т.п... У создателя словаря забота изыскивать для объяснений значений слов факты историко-этнографические» [Срезневский 1854: 3]. На заре европейской лексикографической науки авторы предлагали разные способы структурирования слов и подачи материала в словарях. Срезневский сравнивает азбучный (алфавитный) порядок с логическим (с понятийным словарем-тезаурусом) и приходит к выводу, что важно попытаться сочетать оба принципа составления словаря, ведь понятийный позволяет говорить о доминанте определенного понятия для культуры (например, на нескольких страницах в словаре древнерусского языка перечисляются сложные слова с первым компонентом *Бог-*), тогда как алфавитный порядок помогает быстро найти нужное слово – это, скорее, технический прием расположения слов.

Срезневский подчеркивает отличие словаря лингвистического (словаря языка) от энциклопедического, ведь в словаре языка не нужно давать определение каждому слову, например, объяснять, что такое *нос*, достаточно привести слово с тем же значением из другого языка. Именно так делает Срезневский, сопровождая слова параллелями из латинского и древнегреческого языков. В словаре часто вовсе отсутствуют определения слов, потому что значение слова становится понятно из приводимых контекстов на древнерусском языке. Это положение для Срезневского особенно важно, ведь значение слова уточняется контекстом, определяется им. В этом смысле показательны рассуждения Срезневского о языке И.А.

Крылова: вырванные из контекста афоризмы Крылова, конечно, понятны, поэтому можно составлять словарь авторских крылатых выражений, однако истинный смысл афоризма получает лишь в контексте всей басни – наблюдается синтез целого текста и лаконично сформулированного вывода. Для Срезневского, как для истинного филолога, важно показать единицу в контексте, ведь связь частей и создает стилистику всего произведения, и подчеркивает особенность семантики слова или выражения.

Рассмотрим фрагмент словарной статьи слова ВРАЧ из словаря И.И. Срезневского:

ВРАЧЬ – лѣкаръ, medicus, *ιατρός*: - Не трѣбоужьт съдравии врача нѣ болащеи. МѠ. IX. 12. *Остр. Ев.* Желѣзо не вѣсть что дѣлаеть, нѣ врачъ вѣсть дѣиство желѣзноѣ. Изб. 1073 г. 69. Болащеи врача... (взыскающе). Гр. Наз. XI в. 95. и др. [Срезневский 1893: 315].

Мы видим, что автор приводит синоним к заголовочному слову и эквиваленты в латинском и древнегреческом языках (выбор этих языков совсем не случаен, ведь древнерусские тексты часто являлись переводами с древнегреческого языка богослужебных текстов, латинские параллели также активно учитывались филологами при переводе и комментариях к конкретным словам). Далее нет определения значения слова, но это значение определяется по цитатам – автор приводит многочисленные примеры контекстного употребления слова в наиболее авторитетных памятниках на древнерусском языке: Остромирово Евангелие, Изборник 1073 г. и др. Именно эти контексты дают возможность определить значение слова *врач* в древнерусском языке и особенность его метафорического употребления в богослужебных текстах (*врач = целитель души = Христос*).

Словарь содержит множество слов, иллюстрируемых контекстами из памятников древнерусского языка. Можно сказать, что словарь Срезневского представляет собой гигантский корпус древнерусских текстов, на материале которых объясняются и иллюстрируются значения слов. Этот корпус-словарь, сделанный вручную на карточках задолго до программ автоматического поиска всех контекстов конкретного слова, дает представление о языковой картине мира, воплощенной в цитируемых текстах, словарь представляет широкую панораму культурных и бытовых реалий, религиозных понятий и т.п.

В заключение стоит отметить, что структурная лингвистика с дифференциацией научных направлений, с точной формулировкой методов исследования системы языка в отрыве от анализа филологического (и культурологического) написанных на нем текстов, получив множество выдающихся достижений, возвращается к синтезу гуманитарных (антропоцентрических) наук, который был основой всех работ И.И. Срезневского.

Узкая специализация современных исследований все больше стремится учитывать возможность интеграции в общую картину гуманитарного знания – из фрагментов пазла складывается общая картинка. Сотрудничество дисциплин, использование результатов смежных областей знаний для достижения собственной цели – новый вектор развития современной гуманитарной науки, в рамках которого важен опыт ученых-энциклопедистов, их филологические (и шире – культурологические) работы, сам принцип работы с материалом и т.п. В контексте новой парадигмы научное и методическое наследие И.И. Срезневского становится особенно актуальным.

Литература

1. Срезневский И.И. Крута Каличья. Клюка и сума, лапотики, шляпа и колокол. Санкт-Петербург. В типографии Императорской Академии Наук. 1862.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. А-К. Санкт-Петербург. Типография Императорской Академии Наук. 1893.
3. Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. Харьков. В университетской типографии. 1846.
4. Срезневский И.И. Обзорение замечательнейших из современных словарей. Санкт-Петербург. 1854.

5. Срезневский И.И. Святителища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков. В университетской типографии. 1846.

УДК 811.16-112(092)

Н.В. Колгушкина
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
г. Рязань. Россия

**И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ В СОДРУЖЕСТВЕ С ХРАНИТЕЛЯМИ ДРЕВНОСТЕЙ
(Ф.Г. СОЛНЦЕВ, А.Н. ОЛЕНИН)**

N.V. Kolgushkina
Ryazan State University named for S.A.Esenin
Ryazan, Russia

**I.I. SREZNEVSKY IN COLLABORATION WITH THE CURATORS OF
ANTIQUITIES (F.G. SOLNTSEV, A.N. OLENIN).**

Аннотация. В статье рассказывается об интересе И.И. Срезневского к изучению и сохранению памятников старины, о взаимоотношениях с современниками – выдающимися исследователями и хранителями русских традиционных ценностей: художником-живописцем Ф.Г. Солнцевым и ученым-археологом А.Н. Олениным.

Ключевые слова: палеография, археография, памятники письменности, рукописи, собрание снимков, древнерусская старина, сохранение культурных ценностей.

Abstract. The article tells about the interest of I.I. Sreznevsky in the study and preservation of ancient monuments, about the relationship with contemporaries – outstanding researchers and keepers of Russian traditional values: painter F.G. Solntsev and scientist-archaeologist A.N. Olenin.

Keywords: paleography, archeography, monuments of writing, manuscripts, collection of photographs, ancient Russian antiquity, preservation of cultural values.

И.И. Срезневский известен как знаток развивавшихся в XIX в. исторических наук: археологии и археографии. Библиограф И.И. Срезневского, его младший сын Всеволод Измайлович, подметил увлечение отца к зарождающейся тогда науке — палеографии: «Близкая к области филологического и историко-литературного научения древних памятников область вспомогательных наук — палеография, археография и археология — заинтересовала самого Срезневского издавна. В 1860–1870-х гг., благодаря постоянным работам над рукописями, этот интерес значительно увеличился, в особенности к палеографии, которая к концу жизни Срезневского заняла одно из главных мест в его трудах» [6, с. 291]. Им было обработано и издано много ценных памятников письменности, тем не менее, из более 900 снимков, снятых им, большая часть не вошла при его жизни в издания. «Имея обыкновение делать с каждой древней рукописи, побывавшей у него в руках, снимок её письма, стараясь изучить особое начертание букв, Срезневский в 1870-е гг. сделался лучшим, авторитетнейшим и в некоторых вопросах единственным тогда знатоком русской палеографии, — анализировал его деятельность в этом направлении Всеволод Измайлович Срезневский. — Сохранилось собрание с югославянских рукописей, памятников глаголических, прорисей и фотографий целых памятников, немалое количество снимков с древних каменных и металлических образков и крестиков на бумаге, гуттаперче и гипсе, значительное собрание снимков с греческих памятников» [6, с. 293].

Деятнадцатый век в различных научных направлениях был отмечен особым интересом к русским древностям. Палеограф Срезневский и художник-реставратор Фёдор Григорьевич Солнцев (1801–1892) были их известными собирателями и хранителями. Начало творческой деятельности обоих учёных совпало с пробуждением интереса русского общества к отечественной истории.

Живописец и археолог Ф.Г. Солнцев был родом из ярославской глубинки. Сын крепостного, отпущенного на волю графом Мусиным-Пушкиным, он с ранних студенческих лет сделался археологом-рисовальщиком. По высочайшему повелению он был отправлен в Москву для реставрации росписей кремлёвских палат и в другие места России, в том числе и в Рязань для срисовывания старинных наших обычаев, одеяний, оружия, церковной и царской утвари, икон, скарба, конской сбруи. Ф.Г. Солнцев тщательно воспроизводил акварелью всякую старинную вещь, имеющую какую-либо историческое значение. Из громадного количества рисунков, изображающих древности (их более 3000) ни один не миновал глаз государя. Из них составлено шесть громадных томов «Древностей Российского государства» (4, 1849–1853).

Надо отметить, что Фёдор Григорьевич, работая с памятниками древнерусской старины, постоянно соприкасался и с рукописями, среди которых были уникальные книги и грамоты, самое интересное он копировал: заглавные буквы, заставки, образцы письма разных времён. Срезневский и Солнцев уже к 1850-м г. XIX в. имели большой опыт практической палеографии. Кипучая петербургская жизнь, путешествие того и другого по русским городам с целью сбора и описания памятников и письменных, и вещественных — всё говорит о безграничном интересе этих учёных к истории Отечества. Их дух захватывала мысль о том, какое огромное количество памятников необходимо было найти и сохранить.

Интересны в этом плане размышления Срезневского в статье «Палеографические исследования памятников русской древности» (1857 г.). «Любителю и ценителю древностей, — сокрушался он, — грустно читать сказания о временах минувших: пожары и войны истребляли целые города чуть не дотла; люди не успевали спасти самых драгоценных священных предметов, гибли храмы, утварь, иконы, книги. А приходила надобность в золоте и серебре, жемчуге и дорогих камнях, — и вещи, без которых можно было обойтись, лишались украшений, переделывались в другие, более нужные, чеканились в деньги. Грустно и слушать, как сберегалось то, что уцелевало от огня и меча, от нужды и прихоти: всё, что не было связано с каким-нибудь священным преданием и было ненужно для обыденного обихода, сваливалось в кладовых, подвалах, переходах, хлевах, куда вольно было заглянуть ветру и слякоти, птице и зверю или топилось в реке, погребалось в земле, сжигалось кострами, расходилось по рукам или искажалось подновлением; древние здания, казавшиеся ненужными, падали в груды развалин, под которыми только случайно, как искра в пепле таилось для будущего искателя что-нибудь менее разрушаемое временем. Примеры современные указывают, как это делалось прежде: ведают и теперь, как ценят иные из потомков достойные предков. Там черты древнего изображения покрыла щётка маляра; другое, снятое с места, завалено грудой извести; там ворох хартий лежит в углу, куда сметают сор; там, в библиотеке нет стёкол в окнах, на книгах отдыхают голуби, и ласточки ищут в них волокон и крупинок для своих гнёзд; там построение, священное по древности, предоставлено сторожем воле времени» [7, с. 267–268].

Осознавая причастность современников к происходящему, Срезневский искренне радовался неравнодушию, взывал к гражданским чувствам: «Погибло многое; но к счастью — не всё: в храмах и их развалинах, во дворцах, архивах хранятся разнообразнейшие остатки от давних веков, начиная с X-го. Тем святее должно быть для нас воспоминание о людях былых веков, которые теплили в себе чувство любви к древности и старине и берегли её остатки; тем живее должно быть в нас чувство признательности к царям, святителям и гражданам нашим, которые, особенно в последние три века, считали своим долгом и сами собирать, и наказывать хранить памятники прошлых веков» [7, с. 258].

Искренняя заинтересованность учёного-палеографа в сохранении старины заставила обратиться к читателям «Известий Императорской Академии наук по Отделению русского

языка и словесности» со своими доводами: «Но это народное достояние, народное — в чьих бы руках оно ни сохранялось, не может и не должно оставаться только для сбережения и для удовлетворения праздного любопытства. Оно потому и народно, что остаётся на память о судьбах народа, правдивым голосом своего времени и должно быть предметом исследований и соображений, без которых невозможно воссоздание прошедшего в истории и верность понятия о том, что и как прежде было» [7, с. 258–259].

В этой же статье автор с благодарностью отметил роль одного из радетелей старины: «Нельзя без тёплого чувства признательности к тем, кто покровительствовал и содействовал, и к тем, кто самоотвергал себя в труде, вспоминать о работах совершившихся, оконченных и начатых в последние тридцать лет. И здесь прежде, чем о других, надобно вспомнить об Оленине» [7, с. 268].

Алексей Николаевич Оленин (1801–1843) — просветитель, учёный-археолог, историк, палеограф, художник-график, член трёх русских академий — был для Срезневского идеалом научного меценатства, воплощением государственного подхода к сохранению культурных отечественных памятников. Блестящая гражданская карьера А.И. Оленина, занимаемые высокие посты на государственной службе, заведование Санкт-Петербургской Публичной библиотекой, членство в Российской Академии наук сочетались у него с плодотворной научной и просветительской деятельностью. Бесспорным авторитетом для И.И. Срезневского была деятельность А.Н. Оленина по собиранию и систематизации русских летописей, подготовке издания «Свода русских летописей», чему он посвятил всю свою жизнь. Доподлинно неизвестно, знал ли Измаил Иванович о том, что род Олениных связан с тем же рязанским краем, что и род Срезневских. Детство Алексея Николаевича прошло в родном имении Салаур Касимовского уезда Рязанской губернии. Родовое село Срезневских находилось в соседнем Спасском уезде.

Указывая на профессиональные достоинства А.Н. Оленина, Срезневский подмечает в статье его свойство содействовать талантливой молодёжи, где он выделял и Ф.Г. Солнцева: «Ему (Оленину — *Н. К.*) обязана русская наука мыслию о тщательной срисовке памятников древности и старины и об издании этих рисунков; ему обязана Россия выведением на путь деятельности, вслед за Ермолаевым, другого художника-археолога, умевшего ценить памятники как достояние художества и науки и посвятить себя труду с любовью и постоянством. Это был Солцев. В свои поездки по России, особенно в Москву и Киев, скопил он постепенно огромное количество рисунков всякого рода, столько же важных в учёном отношении, сколько великолепных и в исполнении. Издана только часть этого драгоценного собрания; но и эта часть содержит в себе пятьсот листов. Щедротой покойного государя императора [Александра I] они изданы под наблюдением особенного комитета в шести фолиантах с шестью томами описаний. В этом издании «Древностей Российского государства» палеография находит для себя драгоценный и обильный запас» [7, с. 267–268].

Особенно же ценил Срезневский в трудах Солнцева выполненные им ещё в 1830-х гг. акварельные рисунки предметов первого рязанского клада. 6 июня 1822 г. на городище Старой Рязани при строительстве дороги найден был самый ценный клад, получивший исключительный научный резонанс. Вот как описывает сенсационное археологическое открытие IX в. археограф-историк К.Ф. Калайдович, принимавший деятельное участие в работе Московского общества истории и древностей российских: «Я направил путь к месту драгоценной находки. Меня сопровождали старцы селения и крестьяне..., которым случай открыл сии сокровища». Один из них при вспашке сохою «не глубже на три четверти аршина открыл два круглых золотых украшения». Вечером, когда все ушли, сын крестьянина Ефимова «несколько раз водил сохою по месту, заключавшему в себе драгоценности: большая бляха попала на сошник. Вслед за ним вещи открывались одна за другою... Ими найдено 28 украшений». Другой крестьянин, выследивший их промысел, открыл ещё 6 вещей. В дальнейшем эти золотые женские украшения, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом, под названием «рязанские бармы» (так их впервые назвал Оленин — *Н. К.*) были доставлены в Санкт-Петербург лично Александру I. Царь «всемилодивейше указать

соизволил выдать упомянутым крестьянам 10 000 рублей» [1, с. 55]. Найденные же вещи назначено было хранить в комнатах Эрмитажа Зимнего дворца. Президент Академии художеств А.Н. Оленин по поручению царя доверил «верное срисовывание старинных золотых богатых убранств» из найденного клада молодому, но уже известному живописцу Фёдору Солнцеву.

И.И. Срезневский «с 1850 г. по самую кончину состоял членом Русского археологического общества; в 1855 г. он был избран управляющим Отделением русской и славянской археологии (до 1857 г.), а затем вторично, с 1859 г. по 1867 г.» [6, с. 291–292].

Ф.Г. Солнцев с 1859 г., будучи профессором живописи в Императорской Академии художеств, принадлежал к тому же Императорскому Русскому археологическому обществу, что и И.И. Срезневский. Как и прежде, и тот и другой получали официальные командировки по стране, один словесно описывая и прорисовывая, а другой — точно воспроизводя в рисунках старинные памятники: иконы, старину, костюмы и прочее.

Так, в 1855 г. И.И. Срезневский работал в Киеве, где описывал библиотеку Софийского собора. Кроме того, «по поручению общества Срезневским совместно с Солнцевым была предпринята работа по снятию копий с фресок и мозаик киевского Софийского собора и по обозрению, описанию и копировке на бумагу и гуттаперчу предметов древности, хранившихся в ризницах собора, лавры, Кирилловского монастыря, Спаса на Берестове» [6, с. 291–292]. В 1866 г. Срезневский официально был включён в комиссию, которая принимала работы по исправлению фресок в киевском Софийском соборе, выполняемых Солнцевым. Срезневский выступил по этому сложнейшему опыту с докладом «О фресках в Киевском Софийском соборе, изображающих портреты княжеской семьи» в Москве на Археологическом съезде 1869 г. Статья помещена в I томе «Трудов» этого съезда.

Подтверждением не только научных, но и дружеских связей служит фотография, на которой И.И. Срезневский и Ф.Г. Солнцев запечатлены сидящими вполборота друг к другу. Правые руки их соединены в рукопожатии. Сзади, положив им руки на плечи, стоит сын Срезневского Вячеслав – будущий доктор славяно-русской филологии, с ранних лет первый помощник отцу в снятии списков с памятников. Привлекают внимание спокойные открытые лица, выразительные взгляды. Ценность фотографии подкрепляется автографами трёх участников: чётко прописанной датой и местом их встречи – 2-го августа 1867 г. в Киеве [Ф. 435. Оп. 1. Ед. хр. № 22]. В дневниковых записях Солнцева читаем: «1867 г. 27 июня. В Динабургском вокзале встретился с И.И. Срезневским и его сыном, ехал до Витебска (Срезневские ехали делать фотоснимки)». Солнцев раскрывает частные подробности: «4 августа. И.И. Срезневскому и сыну его за фотографические снимки в Киево-Софийском соборе дали 60 рублей». И далее: «Измаил Иванович и Вячеслав Измайлович Срезневские выехали из Киева 4 августа 1867 г. в 7 часов вечера...» [Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. № 138].

Как профессор Императорской Академии художеств Солнцев продолжил традицию Оленина содействовать студентам: он организовал группу из юношей крестьянского происхождения, где первым в списке таких студентов значился рязанец Иван Петрович Пожалостин, будущий академик, знаменитый в Европе художник-гравёр.

Срезневский, выражая светлые надежды на сохранение традиционной народной культуры, помнил о Ф.Г. Солнцева как об одном из лучших исследователей русской старины, чьи труды необходимы учёным: «Нельзя не вспомнить, что много приготовленных материалов лежит у нас в неизвестности — рисунки и снимки Ермолаева, Кеппена, Солнцева, Сахарова и других. Как просветлела бы наша палеография и вся археология, если бы всё хорошее появлялось на свет в своё время» [7, с. 273–274].

Следует отметить, что интерес к творению радителей старины не утихает и у наших исследователей-современников. Так, ученые рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук, спустя почти полтора столетия, отыскивали новые неизвестные фактические материалы в 14 папках «россыпи» неизученных рисунков, зарисовок, копий и записей, сохраненных И.И. Срезневским. «Просмотр всей коллекции воспроизведений, – разъясняет исследователь О.С. Сапожникова, – приводит к выводу, что в ней собраны образцы почерков,

вязи, декора тех самых памятников XI-XVIII вв., которые были предметом специальных исследований Срезневского, опубликованных в его многочисленных работах» [4, с. 49]. Исследование этого материала активно продолжается филологами и историками [5, с. 25-41].

Мечта И.И. Срезневского о сохранении народной культуры не лишена была основания. Полтора столетия, благодаря Солнцеву и Срезневскому, радению и заботе А.Н. Оленина, императоров Александра I и Николая II, заинтересованных в сохранении исторических ценностей, мы знаем о русской старине, её достопримечательностях. Среди них есть памятники, не дошедшие до нас, но оставшиеся в описаниях, зарисовках и копиях, снятых упомянутыми нами учёными.

Литература

1. Горчаков В.Г. Рязанские клады. Рязань, 1995. 304 с.
2. Дневниковые записи Ф.Г. Солнцева // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. № 138.
3. Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Императора Николая I. [Отделения 1-6.] Москва, типография Августа Семена, 1849-1853.
4. Сапожникова О.С. Коллекция воспроизведений И.И. Срезневского в отделе рукописей БАН. Забытые факты и неизученные материалы // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1. С.47-62. Сапожникова О.С. Собор Рождества Богородицы.
5. Сапожникова О.С., Крысько В.Б. Рисунки типографского устава XI-XII вв. и подписи к ним в свете новых данных из собрания И.И. Срезневского // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2018. № 4. С. 25 — 41.
6. Срезневский Вс. И.И. Срезневский // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева. Смеловский-Суворина. СПб., 1909. С. 276-300.
7. Срезневский И.И. Палеографические исследования памятников русской древности // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. VI. 1857. Стлб. 257-275.
8. Фотография в группе с автографами И.И. Срезневского, Ф.Г. Солнцева и Вячеслава Срезневского // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 435. Оп. 1. Ед. хр. № 22.

Н.В. Кривошапова

канд. филол. наук, доцент

Приднестровский государственный университет

им. Т. Г. Шевченко

г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская республика

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ СТУДЕНТАМИ- ФИЛОЛОГАМИ МЛАДШИХ КУРСОВ

N.V. Krivoshapova

Cand. Sci. (Philology)

Assistant professor

Pridnestrovian State University «T.G. Shevchenko»

Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian republic

METHODS OF ANALYSIS OF ANCIENT RUSSIAN CHRONICLES BY UNDERGRADUATE STUDENTS OF PHILOLOGY

Аннотация. В настоящей статье отражены результаты использования аннотирования и реферирования в рамках учебных дисциплин «Историческая грамматика русского языка» и

«История русского литературного языка». Взятая за основу методика анализа как модернизированный опыт преподавателей с большим стажем работы позволяет заключить, что именно аннотирование и реферирование обучают студентов-первокурсников и второкурсников основам научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: история языка, древнерусский язык, сравнительно-исторический метод, рукописные тексты, летописи.

Annotation. This article reflects the results of the use of annotation and abstracting in the framework of the academic disciplines «History of the Russian literary Language» and «Historical Grammar of the Russian language». The methodology of analysis taken as a basis as the modernized experience of teachers with extensive work experience allows us to conclude that it is annotation and abstracting that teach first-year and second-year students the basics of research work.

Keywords: history of language, Old Russian language, comparative historical method, handwritten texts, chronicles.

Изучение курса «Историческая грамматика» студентами-филологами предполагает постоянное углубление знаний о структуре и функциях русского языка. Данная дисциплина позволяет расширить знания студентов по истории русского языка, прослеживается на большом отрезке времени; фактически изучается тысячелетняя история русского языка. Последовательное изучение истории русского языка происходит в соответствии с общими направлениями развития научного языкознания. «В начале XIX века сравнительное изучение родственных языков соединили с историческим изучением классических текстов, и к 1870-ым гг. в России утвердился первый научный метод – сравнительно-исторический, основной целью которого было уяснение того, «как язык стал» – каким образом возникли те или иные звуки, формы, слова» [1, с. 4].

Расширить научные познания в области древнерусского языка – языка восточных славян с конца X по XIII в. – позволяют аннотированные и реферативные сообщения, подготовленные и представленные студентами. Реферирование позволяет значительно расширить рамки программы, дать более глубокие знания по предмету. В условиях онлайн обучения позволяет сформировать своеобразный лекторий, сопровождающийся красочными презентациями. Более чем сорокалетний опыт преподавания данной дисциплины позволяет сформировать стройную систему реферирования. Основную её часть составляют рефераты, тематику которых можно разделить на три группы. В первую группу включены сообщения, приводящие сведения о лексикографических источниках, в частности о словарях, например: о «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко, о «Материалах к словарю древнерусского языка» И.И. Срезневского (в четырех томах), о «Словаре древнерусского языка (XI – XIV в.в.) и т.п.

Важно подчеркнуть, что перечисленные словари есть в наличии и студенты могут пользоваться ими. Исторические словари отличаются строгим отбором источников (взяты оригинальные памятники), исчерпывающей распиской текстов, приводятся сведения о количестве употреблений слова, его грамматической характеристике, наличии греческих параллелей.

Источники словарей – летописи, хроники, жития, поучения, юридическая литература, грамоты (в том числе и берестяные), надписи на предметах материальной культуры. Вторую, самую многочисленную группу составляют рефераты, посвящённые истории открытия и введения в научный оборот древнерусских памятников разного периода. В круг лингвистического исследования вовлекаются памятники разных жанров, чаще всего датированные. К их числу относятся «Остромирово Евангелие», Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Лаврентьевский список с текстом, «Повести временных лет» 1377 г., Новгородская I летопись по Синодальному списку XIII в., Успенский сборник, «Слово о полку Игореве», «Русская правда» (сборник юридических актов), «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина и многие другие.

Аннотация на литературно-художественное произведение представляет собой вполне самостоятельный жанр, который может стать предметом профессиональной деятельности.

Умение написать хорошую аннотацию достаточно высоко ценится на издательском рынке. В аннотации к художественному произведению обязательно нужно указать, на какого читателя рассчитано произведение. Например, здесь можно говорить о разных читательских предпочтениях или разнообразных читательских группах, которые принято выделять. Уместно в аннотации на художественное произведение дать сведения об авторе, указание на жанр, состав издания, если речь идет о сборнике. То есть описать это произведение достаточно подробно. Если в издании используются иллюстрации известного художника, то такая информация тоже должна быть представлена в аннотации.

Аннотация на научное произведение строится иначе. Например, мы обращаем внимание на статус автора в научном сообществе и таким образом говорим об авторитетности этого издания. Можно указать, какую ученую степень имеет автор работы. Если в библиографическом описании непосредственно не представлено указание на жанр произведения, то это тоже имеет смысл включить в аннотацию. Отдельно в аннотации научного произведения выделяются те моменты, которые представляют собой элемент нового или актуального в предлагаемом для читателя исследовании. Если это переиздание работы, то очень важно указать, что нового включено именно в это издание или это издание является стереотипным.

Международные библиографические стандарты требуют, чтобы аннотация предшествовала тексту каждой опубликованной в научном журнале статьи. Требования к объему, структуре и стилю аннотаций могут значительно отличаться в разных журналах, однако общим правилом является то, что аннотация не должна быть слишком маленькой и написанной формально. Дело в том, что аннотации размещаются в реферативных журналах и базах данных отдельно от статей, которые описывают, поэтому они должны быть исчерпывающими и понятными сами по себе, без отсылки к полному тексту статьи.

Согласно международным стандартам, аннотация должна быть информативной, в сжатом виде отражая все элементы содержания: цель исследования, его методологию, результаты, выводы.

Аннотация должна представлять собой связный текст и не иметь подзаголовка. Продумывая аннотацию, нужно исходить из нескольких очень простых принципов:

- сначала пишите статью, затем — аннотацию;
- ознакомьтесь с требованиями к аннотации, предъявляемыми в данном журнале;
- оставьте только значимую информацию, избегайте сокращений, длинных цитат, расплывчатых формулировок;
- не копируйте в аннотацию фрагменты статьи;
- используйте в тексте аннотации ключевые слова и слова, содержащиеся в заглавии, а также их распространенные синонимы;
- пишите только о том, что действительно содержится в вашей статье;
- не вдавайтесь в чрезмерные детали: имена, названия, даты, цифры и т. п.;
- не раскрывайте в аннотации всех карт: читатель должен в конечном счете захотеть обратиться к полному тексту вашей статьи;
- не используйте лексику, понятную только узким специалистам;
- после написания проверьте текст дважды;
- дайте прочитать получившуюся аннотацию кому-нибудь из неспециалистов и внимательно отнеситесь к его замечаниям и предложениям.

На учебных занятиях (в соответствии с рабочей программой) совершенно не предусматривается изучение исторической лексикологии. Чтение, перевод, анализ отрывков из разновременных и разножанровых текстов позволяет значительно пополнить словарный запас древнерусских слов, например: *куна* – денежная единица; *яругы* – овраги; *полк* – поход; *гораздый* – искусный; *вельми* – очень; *бесерменин* – мусульманин; *комонь* – конь; *пороси* – прах, пыль; *свада* – ссора; *ярь* – смелый; *чърлений* – красный и т.д. Результаты подобной работы сказываются положительным образом при изучении словообразования и лексикологии современного русского литературного языка.

По мнению Е.Н. Муссуровой, привлечение текстов грамот (Грамоты Мстислава, Договорной грамоты Новгорода с великим князем Ярославом 1264 – 1266 г., Смоленской грамоты 1229 г. и т.д.) позволяет проследить основные этапы становления современной морфологической системы русского языка, в частности, системы именного склонения, моделей образования кратких и полных прилагательных, видо-временной категории глагола и т.п., т.к. именно памятники деловой письменности наиболее полно отражают «живую» речь славян [3, с. 27].

Определенную группу составляют рефераты, посвященные научной деятельности учёных – историков языка. Кроме сообщений о научном наследии М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева И.И. Срезневского, Н.Н. Дурново, А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Л.П. Якубинского, Ф.П. Филина, В.В. Иванова и т.п., привлекается материал о культуре древней Руси Д.С. Лихачева, палеографа В.Н. Щепкина (его учение о почерках древних рукописей), о знаменитых археологических экспедициях академика В. Янина (членами его группы найдено более 380 берестяных грамот XI века и более 500 – XII–XIV вв.).

Любой словарь – это не просто книга, это историческая повесть о жизни людей, их думам, чаяниях, бедах и радостях; каждое слово, помещенное в словаре, связано с жизнью, деятельностью народа — творца языка. В одном ряду с творениями Я. Грота, Вл. Даля, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова и других лексикографов в русском языкознании стоит трехтомный труд «Материалы для словаря древнерусского языка» [4] Измаила Ивановича Срезневского, знаменитого ученого–слависта, академика Императорской академии наук, почетного члена 32 европейских академий и различных научных обществ. Над этим словарем Срезневский работал в течение всей своей научной жизни. В его создании приняли участие и многие из его учеников, студенты Петербургского университета – будущие известные русские литераторы и филологи: Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, И.А. Бодуэн де Куртэн, В.И. Ламанский, А.Н. Пылин и др.

«Материалы для словаря древнерусского языка» изданы Академией Наук через 10 лет после смерти автора (издание в трех больших томах с «Дополнением» закончено в 1912 г.). Словарь Срезневского представляет собой уникальное собрание лексического материала по 2700 письменным источникам – древнейшим русским памятникам письменности (почти все известные до XIV века включительно, а также и более поздние по состоянию на середину XIX века). Приводимое слово сопровождается не только ссылкой на его упоминание в письменном источнике, но и переводом на латынь и русский язык середины XIX века, а также указывается древнегреческое слово-источник для переводных слов. Так, например, из словаря можно узнать, что слово *аэроходный* впервые упомянуто в словаре Пандекта Антиоха XI века по выписке из Ирмология ок. 1259.

В Научной библиотеке филологического факультета хранятся несколько экземпляров первого издания «Материалов для словаря древнерусского языка» Срезневского. И у каждого из них особая судьба. Одни специально приобретались для библиотеки Московских Высших женских курсов, об этом говорит их фирменный переплет с корешком из коричневой кожи и тисненый золотом суперэкслибрис «В. Ж. К.». Другие экземпляры попали в библиотеку из библиотек частных лиц в разное время: есть книга, которая принадлежала литературоведу и историку литературы А.Е. Грузинскому, преподававшему на Высших женских курсах.

Долгое время исследователи и студенты пользовались только бумажными версиями словаря Срезневского. С наступлением эры глобальных сетей словарь Срезневского изменил форму, но продолжает быть востребованным. Поработать с электронным вариантом «Материалов для словаря древнерусского языка» Срезневского можно в электронной библиотеке РГБ. Словарь Срезневского в интерактивном варианте с возможностью поиска слов по разным параметрам представлен на специальном сайте словаря: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> [6].

Современные исторические словари продолжают традиции И.И. Срезневского, его лексикографические принципы:

- ✓ при работе со словом попытаться найти максимальное количество версий его происхождения, аргументировав документально каждую из них;
- ✓ четко структурировать словарь и однотипно выстроенные словарные статьи располагать в алфавитном порядке;
- ✓ при необходимости приводить в качестве примера переводы анализируемых слов;
- ✓ уделять внимание сочетаемости слов и проблемным словоформам;
- ✓ использовать пометы разных типов, приводить примеры фразеологизмов с анализируемыми словами;
- ✓ контекстуально дополнять лексическое значение слова;
- ✓ понятно излагать семантику слова, использовать ресурсы синонимии и антонимии;
- ✓ словарь – обширное, иногда даже многотомное исследование, актуальное на момент издания.

Научное сообщество со времен Н. Трубецкого и Р. Якобсона многократно увеличилось в размерах; производимая этим сообществом научная продукция — тоже. У нас теперь нет возможности отслеживать все события, происходящие в нашей области знания, знакомиться со всеми публикациями. Поэтому мы вынуждены, во-первых, шире задействовать инструменты аннотирования и реферирования текстов, лежащие в основе работы библиографических баз данных, а во-вторых, все больше полагаться на коллективное мнение членов нашего сообщества – мнение, выраженное в количестве цитирований тех или иных работ и тех или иных журналов.

В завершение нередко дополняем сообщения студентов, рассказывая о собственных научных изысканиях по материалам памятников «Вести-куранты» и виршей Симеона Полоцкого (XVII век), и это всегда вызывает интерес у студентов.

Таким образом, опираясь на собственный опыт преподавания лексикологии, исторических дисциплин, можем утверждать, что аннотирование и реферирование позволяют:

- расширить объём материала по дисциплинам «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Лексикология», «Основы научно-исследовательской работы»;
- указать студентам на связь со смежными дисциплинами («Введение в языковедение», «Старославянский язык», «Современный русский литературный язык», «Древнерусская литература»);
- не только получить конкретные знания по древнерусскому языку, но и развить учебно-познавательные и коммуникативные компетенции студентов;
- установить связь между содержанием учебных вузовских курсов и научной мыслью в ее хронологии.

Трансформированная методика изучения летописей с опорой на реферирование и аннотирование, по нашему мнению, способна привести к улучшенным результатам в преемственности изучаемых студентами-филологами дисциплин и к обмену опытом преподавателей, читающих исторические дисциплины, на различных научных форумах.

Литература

1. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. / В.В. Колесов М., 2009. 512 с.
2. Кривошапова Н. В. Академическое письмо (на русском языке): учебно-методическое пособие / Н. В. Кривошапова. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2022. 232 с. (электронное издание)
3. Муссурова Е.Н. Древнерусские тексты как источник формирования научно-исследовательского потенциала студентов-филологов // Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко по итогам

НИР 2021 года / Фокша М.В., Ковальская Е.П. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2022. 156 с. (электронное издание). С. 27-30.

4. Срезневский И.И. «Материалы для словаря древнерусского языка» – URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 17.10.2022 г.)

УДК 81'374

О. В. Никитин

*доктор филол. наук
Московский государственный областной университет
г. Мытищи, Россия*

«СЛОВАРЬ» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (К 100-ЛЕТИЮ ЗАВЕРШЕНИЯ ИЗДАНИЯ)

O. V. Nikitin

*Doctor of Philology
Moscow Region State University
Mytishchi, Russia*

I.I. SREZNEVSKIY'S "DICTIONARY" AS A LEXICOGRAPHIC PHENOMENON (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF COMPLETING THE PUBLICATION)

Аннотация. В статье рассматриваются «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского в русле лексикографической традиции XIX в. Показано, в чем состоит оригинальность этого авторского труда в отличие от похожих лексиконов. Особое внимание уделено лингвокультурному осмыслению словаря как научному явлению. Подчеркивается, что он стал источником для будущих лексикографических проектов XX-XXI вв. Делается вывод о богатом языковом потенциале труда И.И. Срезневского и актуальности принципов диахронической толковой лексикографии в широком поле гуманитарного знания.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, история лингвистики, лексикография, источниковедение, языковая личность, картина мира, филологическая культура.

Abstract. The article discusses the “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I.I. Sreznevskiy in line with the lexicographic tradition of the XIX century. The author analyzes what is the originality of this author’s work in contrast to similar lexicons. Special attention is paid to the linguistic and cultural understanding of the dictionary as a scientific phenomenon. It is emphasized that it has become a source for future lexicographic projects of the XX-XXI centuries. The conclusion is made about the rich linguistic potential of I.I. Sreznevskiy’s work and the relevance of the principles of diachronic explanatory lexicography in a wide field of humanitarian knowledge.

Keywords: I.I. Sreznevsky, history of linguistics, lexicography, source studies, linguistic personality, mental picture of the world, philological culture.

Лексикографическая практика XIX столетия – уникальное явление отечественной науки. Целая плеяда самобытных ученых и ярких авторских словарей во многом перевернула культурную традицию в области филологии, обогатила ее новыми источниками, оригинальными методологическими находками, а главное – превратила лексикографию из «учёной» дисциплины в «науку общечеловеческую». Словари стали настольными книгами в гимназиях и университетах, ими начали активно пользоваться писатели, они появились в общедоступных библиотеках и проникли в слои провинциальной интеллигенции – о них говорили в печати как о *явлении*. А в случае с И.И. Срезневским словарь стал семейным делом [4].

Многие из лексиконов XIX века (и здесь речь идет не только о филологических словарях) являются образцами скрупулёзного труда, итогом высокой интеллектуальной и духовной деятельности незаурядных ученых – А.Х. Востокова, А.И. Галича, Ф.С. Шимкевича, В.И. Даля, Я.К. Грота, И.И. Срезневского и др. Их судьбы и труды сложно оценивать однозначно: у одних – долгая и продуктивная общественная деятельность, заслуженные лавры при жизни, другие были одиночками-маргиналами, не менее талантливыми. Но каждый из них совершил своё открытие. А.Х. Востокова теперь мы воспринимаем как мэтра лексикографии, стоявшего у истоков нескольких *научных* направлений этой отрасли языкознания. А.И. Галича, автора замечательного «Словаря русских синоним, или сословов» (Ч. 1. СПб., 1840) вспоминают, к сожалению, редко. «Корнеслов русского языка» (СПб., 1842) Ф.С. Шимкевича, один из первых удачных опытов составления этимологического словаря, практически забыт, как и его сочинитель. В.И. Даль удостоился всенародной известности, а его «Толковый словарь живого великорусского языка» (Ч. I-IV. М., 1863-1866) неожиданно получил новое развитие в авторском «Русском словаре языкового расширения» А.И. Солженицына (М., 1990), обсуждается и в наши дни [5]. До сих пор эта книга для чтения считается самым интересным, по-художественному захватывающим источником о быте, культуре, нравах и словесных играх наших предков. Перфекционист Я.К. Грот с немецкой пунктуальностью замахнулся на фронтальное изучение лексического фонда родного языка, с указанием самых мелких деталей употребления слова, союза, предлога. Вышедший под его редакцией «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» (Вып. 1. СПб., 1891), продолженный затем А.А. Шахматовым и другими учеными, – *тезаурус*, самый полный по замыслу толково-объяснительный лексикон рубежа XIX-XX вв. Впечатляет колоссальный объем использованной литературы, приведённых цитат, уточнённых значений. По сути, это словарь смыслов, показавший бесчисленное богатство оттенков речи.

На их фоне «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского» не потерялись, а внесли свежее дыхание в филологическую традицию конца XIX века, где имела очевидная лакуна: до И.И. Срезневского еще не было ни одного полного, законченного *исторического* словаря с четким набором строгих принципов, таким широким тематическим и жанровым отбором текстов, фиксацией древнерусских памятников и их греческих параллелей.

Если говорить о культурных предпосылках подготовки «Материалов», то очевидно, что интерес к истории слов возник в связи со славяноведческим направлением в России начала XIX в., изданием многочисленных документов прошлых веков, а также увлечением богатой литературной и народнопоэтической традицией. Через историю слова, внимание к сравнительному изучению наречий и И.И. Срезневский, и просветители-слависты его времени хотели проникнуть в историю своего народа. Единственный достоверный способ это осуществить – изучение древней письменности [6, с. 33-34]. В знаменитой речи И.И. Срезневский говорил: «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном. По сличении лучших списков надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы» [Там же, с. 80].

Можно сказать, что XIX столетие – век собирательства языковых сокровищ. Изданию «Материалов» предшествовали менее известные и растворившиеся во времени небольшие словари, подготовленные как примечания к изданным памятникам, например, к «Актам юридическим», к «Псковской судной грамоте», к Новгородской летописи и др. Параллельно с И.И. Срезневским этим занимались А.Н. Пыпин, П.А. Лавровский и другие ученые. Но они не создали *концепции* исторического словаря, хотя своими трудами во многом помогли И.И. Срезневскому в определении хронологических границ, порядка отбора лексем и текстов и др. Не было вначале четкого плана и у И.И. Срезневского [7, с. II]. Уже позднее он писал:

«Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках. Собственные русские памятники, насколько они мне известны, – летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи (так у автора. – *О. Н.*), – собраны мною для словаря все без исключения. Памятники славяно-русской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но еще не все. Памятники не прочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запас. Не смею думать о совершенной полноте моего труда; тем не менее хотелось бы достигнуть всего по моим силам и средствам возможного» [Там же].

Показательно, что в «Предисловии» к «Материалам», в самой первой строке, есть любопытное уточнение, говорящее о том, как воспринимали это издание современники и дети – самые близкие по духу люди. Его назвали так: «Словарь древнего русского языка, вернее “Словарь русского языка книжного и народного”» [7, с. 1]. Это свидетельствует о том, что и И.И. Срезневский понимал смысл лексикографической деятельности не только в том, чтобы показать свойства образцовой церковнославянской речи (как во многом было до него в академических лексиконах [2]), но и извлечь из документов живую народную стихию, описать широкое стилистическое поле письменной культуры.

«Материалы» И.И. Срезневского позволили современным исследователям посмотреть на лексикон с другой стороны: помещенные в нем единицы можно квалифицировать как «ментальные слова», отражающие ключевые понятия древнерусского «домостроя»: *бог, воля, вера, дух* и т. п. В этом смысле имя ученого вполне вписывается в словарные разработки конца XX – начала XXI в., посвященные изучению языковой картины мира и ее констант [8]. Причем И.И. Срезневский интересен здесь не просто как фиксатор конкретного слова – он всегда видел за ним большее (мир бытовой и мир духовный; особенности восприятия и фразеологии речи; характер употребления в памятниках разной жанровой и стилистической направленности и мн. др.). Так, например, слово *Бог*, кроме основного значения, в его «Материалах» представлено еще и устойчивыми выражениями *Богъ вѣсть, Богъ вѣдаетъ; иди к Богови; кого Богъ отвѣдетъ, Богъ отъиметь; Богъ послѣхъ; Богъ сѣдишь, да сѣдитъ Богъ, сѣди Богъ* и др. [7, с. 137-139], а также многочисленными образованиями с этим корнем, свидетельствующими о том, что в русской языковой картине мира *Ѧеос* воспринимался не только как божество, но и как духовное явление, через словесную интонацию которого происходило Его воскресение, празднование, вразумление и т. д. Оттого, скорее всего, в столбцах книги И.И. Срезневского так много встречается словообразовательных конструкций: *боголюбца, богомиръныи, богомыслныи, богоносныи, богоратныи* и др. Они иллюстрируют тот ментально-духовный обиход человека Древней Руси, который и составлял смысл его круга жизни и деятельности.

Близко к этому стоит проблема выделения семантических групп слов, относимых к сходным по значению понятиям, имеющим характерную словообразовательную структуру. Например, в труде И.И. Срезневского есть целая подборка лексем с морфемой *благо-*, состоящих из двух корней: *благовоздаяние, благодушествовати, благоизволение, благоокорство, благоприбыток, благословеститися* и мн. др. Их описание и анализ в источниках, а также сравнение с другими словарями могут быть полезны в исследовательской практике.

Современные ученые обращают внимание на труд И.И. Срезневского и с другой стороны: он является источником изучения псевдогапаксов, каких, по случаю, в нем оказалась совсем немного [1, с. 299-301], по сравнению, например, с «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля [Там же, с. 301-305] и особенно «Словарем русского языка XI-XVII вв.» [Там же, с. 305-317]. Это обстоятельство подтверждает высокую ценность идентификации и обработки тех источников, которые И.И. Срезневский включил в свой словарь. Несмотря на почти кустарную работу с текстами, ручной набор и сложности со шрифтами, данный лексикон оказался даже более *научным*, чем последующие опыты. А потому его используют и сейчас в лексикографической практике, на него ссылаются как на первоисточник историко-культурных сведений о древнем периоде развития русского языка.

М.И. Чернышева замечала, что «в настоящее время русская историческая лексикография находится на переходном этапе», вместе с традиционными подходами сосуществуют и экспериментальные: возникают диахронические корпуса, компьютерные базы источников, новые информационно-поисковые системы и электронные словари [11, с. 29-32]. Всё это расширяет источниковедческую базу для составления лексиконов разных типов и дает возможность более успешно и детально решать те проблемы, которые без такого сопровождения раньше не подвергались столь тщательному анализу. М.И. Чернышева предложила, в частности, создать новый «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» [Там же, с. 31]. Обсуждается идея подготовки полного исторического словаря русского языка [9].

Думается, что методики XXI века можно применить и к «Материалам» И.И. Срезневского, например, выявить с их помощью специфику семантических изменений, произвести подсчеты употребляемости того или иного слова, составить лексико-тематический корпус, проверить спорные случаи и т. п. Оставленные потомкам «задачи Срезневского» (лексемы, помеченные знаком вопроса), о которых она не раз писала (см.: [10]), впервые пытаются решать как раз в начале XXI столетия, создают тем самым очередной научный прецедент. Классический словарь снова стал объектом внимания ученых, но уже с критической стороны: он помогает выявлению фальсификации языковых, исторических фактов, их ошибочной интерпретации [Там же, с. 157]. А значит – в этом мы полностью согласны с М.И. Чернышевой – возникает такая ситуация в филологической науке, в которой становится принципиально важным иметь *достоверные* данные, не прикрываясь «абсолютными» авторитетами, каким оставался до нашего времени труд И.И. Срезневского. Назрела программа «изучения и пересмотра словарного наследия XIX–XX вв. и приведения его в соответствие с нормами современного научного знания...» [Там же].

Феномен «Материалов» И.И. Срезневского состоит еще и в том, что эта книга вышла из научных кабинетов лексикографов и уже давно выполняет просветительскую задачу [3, с. 121-122]. Она заняла самое важное место в экспозиции Музея академика И.И. Срезневского в РГУ имени С.А. Есенина. С рассказом об этом словарном чуде начинаются лекции и экскурсии, радио- и телепередачи. Значит, лексикографический эксперимент И.И. Срезневского удался и переступил порог нового времени. Этот маячок, когда-то зажженный вдохновенной мыслью одного из первых русских славистов, будет светить в каждом уголке, где есть люди, которые помнят традиции и почитают филологию духа. Ею всегда жил И.И. Срезневский. Его словарь – вершина культурной истории лексикографического дела XIX столетия – и сейчас является путеводителем для создания новых исторических памятников такого жанра (см., например, Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Наука, 2004-2020), надежным источником по изучению церковнославянской и народной традиций, запечатленных в слове.

Литература

1. Астахина Л.Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.
2. Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка, составленный академиком А.Х. Востоковым. Т. 1. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1858. 255 с.
3. Колгушкина Н.В. Музей академика И.И. Срезневского: роль книги в его создании // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1-2. С. 120-121.
4. Колгушкина Н.В. Создание Словаря древнерусского языка – семейное дело Срезневских // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2017. С. 406-412.
5. Никитин О.В. «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына как лексикографический эксперимент // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 143-155. <http://doi:10.51762/1FK-2021-26-04-13>

6. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 135 с.
7. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Том первый. Часть I. М.: «Книга», 1989. 807 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
9. Чернышева М.И. Полный исторический словарь русского языка: проблемы создания // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции (Санкт-Петербург, 27-30 апреля 2015 г.). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 188-189.
10. Чернышева М.И. Возвращаясь к «задачкам Срезневского» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 154-159.
11. Чернышева М.И. Новые тенденции в развитии русской исторической лексикографии // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов Международного симпозиума / Отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2021. С. 29-32.

УДК 811.161.1

С.А. Рылов

канд. филол. наук

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Россия

**ИДЕЯ 'РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА' И.И. СРЕЗНЕВСКОГО КАК
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАУЧНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ
СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ» В
СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ**

S.A. Rylov

Cand. Sci (Philology)

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

**THE IDEA OF THE 'DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE' BY I.I. SREZNEVSKY
AS A METHODOLOGICAL BASIS OF THE SCIENTIFIC APPROACH TO
UNDERSTANDING THE CONTENT OF THE TERM "DEVELOPMENT OF THE
SUPPLY STRUCTURE" IN MODERN RUSSIAN STUDIES**

Аннотация. Цель работы – показать, на основе анализа трудов Срезневского, новизну и оригинальность его идеи '*языкового развития*', оценить вклад ученого в проблему развития структуры предложения как части общей проблемы языкового развития. Анализ показывает глубокое, новое по сравнению с предшественниками разграничение Срезневским терминов и понятий «история языка» и «развитие языка». Основываясь на идее '*развития языка*' И.И. Срезневского, автор статьи дает дефиницию многозначного в науке термина «развитие структуры предложения», уточняет внутреннее понятийное содержание этого термина.

Ключевые слова: методология научного исследования, термин (и понятие) «история языка», термин (и понятие) «развитие языка», сущность идеи '*языкового развития*', термин «развитие структуры предложения», «развитие структуры предложения».

Abstract. The aim of this study is to show, basing on the analysis of Sreznevsky's works, the novelty and originality of his idea of '*language development*', to evaluate the contribution of the scientist to the problem of the development of sentence structure as part of the general problem of language development. The analysis shows a deep, new in comparison with Sreznevsky's

predecessors, distinction between the terms and concepts of “history of language” and “development of language”. Based on the idea of ‘*language development*’ by I.I. Sreznevsky, the author of this article gives a definition of the term “development of the sentence structure”, which is ambiguous in science, clarifies the internal conceptual content of this term.

Keywords: methodology of scientific research, term (and concept) “history of language”, term (and concept) “language development”, the essence of the idea of ‘*language development*’, the term “development of sentence structure”, “development sentence structures”.

Огромное научное наследие академика И.И. Срезневского составляют не только научные труды, словари, письма, но и оригинальная методология научного исследования. Как известно, основное внимание ученый сосредоточил на лексике, на истории слов. Однако И.И. Срезневский постоянно обращался и к вопросам истории языка. Общая идея ‘*развития*’ в отечественной лингвистике связывается прежде всего с именем И.И. Срезневского. Действительно, основополагающей «мыслью» актовой речи И.И. Срезневского, прочитанной в Петербургском университете (1849), стала мысль о ‘*развитии языка*’, о *закономерности развития системы языка*: «Язык есть собственность нераздельная целого народа. Переходя от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век, он хранится народом как его драгоценное сокровище, которое по прихотям частных желаний не может сделаться ни богаче, ни беднее, — ни умножиться, ни растратиться. <...> Всё, что в нём есть, и всё, что в нём происходит, и сущность его и изменяемость, всё законно, как и во всяком произведении природы. Можно не понимать, а потому и не признавать этой законности, но от того законы языка не перестанут быть законами» [8, с. 16–17]. Эта идея пронизывает не только программную работу ученого «Мысли об истории русского языка», но и его лекции по истории русского языка в записи Н.Г. Чернышевского, прочитанные И.И. Срезневским в 1849/50 уч. г. в Петербургском университете [5, с. 93–132]. К сожалению, многие важные мысли И.И. Срезневского недостаточно оценены. Огромны заслуги ученого в области разработки самой природы и принципов языкового развития. Эти идеи остаются актуальными и в современной русистике, в частности при разработке одной из актуальных проблем исторического синтаксиса русского языка — проблемы развития структуры предложения, которая является частью общелингвистической проблемы языкового развития.

Покажем на основе анализа научных трудов И.И. Срезневского новизну и оригинальность его идей о природе ‘*языкового развития*’; оценим вклад ученого в проблему развития структуры предложения как части общей проблемы языкового развития.

Как показал анализ работ И.И. Срезневского, он разграничивал термины и понятия «история языка» и «развитие языка». При этом, несмотря на терминологический синкретизм, обнаруживается глубокое понимание Срезневским этих терминов, близкое к диалектическому. Прежде всего специфично его понимание «истории языка», и проявляется новый подход, в отличие от его предшественников. Дело в том, что история языка понималась им не как ‘последовательность событий’, не как ‘хронология’ (в современном представлении). И.И. Срезневский отмечал: «Не употребляем, говоря о жизни и переменах языка, слова “развитие”, потому что и прежде перемен в нем и всегда язык уже развит — неразвитого состояния он не может иметь. Эти изменения могут быть в известном смысле очень различны, и история должна следить все их» [5, с. 96]. Иначе говоря, **история языка** у Срезневского — это описательная процедура, не отличающаяся от *сравнения*; это перерыв постепенности в развитии, регистрация развития; это **наука о развитии**» [5, с. 107].

Основополагающей в концепции И.И. Срезневского оказывается идея ‘*развития языка*’. При этом явно прослеживается оригинальное, глубокое, близкое к диалектическому понимание самой природы языкового развития, которое «опережало своё время» [4, с. 12]. Развитие языка рассматривалось ученым не как ряд последовательных изменений, не как механическая смена одного состояния другим, что было характерно для многих языковедов XIX века. По Срезневскому, развитие языка — это изменения в языке: «неразвитого состояния он не может иметь» [5, с. 96]; «язык изменяется, живя, точно так же, как зерно, живя,

изменяется в дуб» [5, с. 96] — такое образное сравнение неоднократно встречаем у Срезневского; «языки движутся внутренней силой» [5, с. 97]. Очень важный параметр *'языкового развития'*: «без знания того, с чего началось развитие, нельзя решительно следить самого развития» [5, с. 100]; «чтобы знать развитие, необходимо прежде всего знать, что развивалось» [5, с. 108]. Самим И.И. Срезневским совершенно определенно сформулированы *сущность* и *новизна* идеи о природе *'языкового развития'*, его принципы, остающиеся актуальными и в современной синтаксической науке: «мало исследовать внешние влияния на известный язык, чтобы понять его изменения: должно рассматривать и внутреннее влияние собственного его закона изменяемости. Язык изменялся бы, хотя б и совершенно не было на него никаких внешних влияний; *мысль эта новая, но всё более и более принимаемая...*» [5, с. 100]. Развитие языка представлялось И.И. Срезневскому, прежде всего, как *объективный, непрерывный, поступательный процесс развертывания исходной системы*. Именно такое понимание *'языкового развития'*, сложившееся в трудах И.И. Срезневского, — **методологическая основа** научного подхода при решении проблемы развития структуры предложения.

Составной термин «развитие структуры предложения» — это видовой коррелят по отношению к родовому общелингвистическому термину «развитие языка». Поэтому проблема развития структуры предложения — часть общелингвистической проблемы языкового развития.

Впервые термин «развитие» применительно к синтаксису (в том числе и к грамматической структуре предложения) был применен, по-видимому, А.В. Поповым, ср.: «Да и вообще прогресс *синтаксического развития* [выделено мной — С.Р.] заключается в переходе членов предложения от независимости к взаимной зависимости» [7, с. 26]. Тем не менее прошло еще немало времени, прежде чем термин «развитие структуры предложения» вошел в отечественный научный обиход. Обусловлено это тем, что широких исследований грамматической организации простого предложения в диахроническом плане не проводилось. Лишь с 60-х гг. XX в. термин «развитие структуры предложения» и его варианты: «развитие структуры простого предложения», «развитие грамматической структуры простого предложения» и др. — получают распространение в научной литературе, о чем можно судить даже по названиям работ, вышедших в 60–80-е гг. Однако этот термин чаще всего не получает строгой научной дефиниции: его содержание кажется очевидным для многих лингвистов, поэтому он не был даже включен ни в «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, ни в «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, ни в «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990), ни в энциклопедию «Русский язык» (1997).

Между тем анализ показывает, что предметно-понятийная отнесенность термина в разных исследованиях далеко не одинакова. Реально намечаются, по крайней мере, **четыре** его значения. Во-первых, под «развитием структуры предложения» понимаются исторические изменения в этой структуре, затрагивающие интонацию, порядок слов и те морфологические и лексические средства, которые выполняют синтаксические функции. Такова точка зрения А.С. Мельничука [6, с. 4–7]. Во-вторых, «развитие структуры предложения» трактуется с учетом *функционального* аспекта синтаксических конструкций: это «изменения в построении предикативных центров простого предложения, в характере их распределения, а также сдвиги в стилистическом функционировании структур» [2, с. 53]. Автора процитированного определения Л.П. Иванову интересуют не только качественные, но и количественные характеристики употребления синтаксических структур в речи: изменение частотности предикативных центров, имеющих разную морфологическую выраженность, «нестабильность статистических характеристик» предикативных центров простого предложения. Итак, под «развитием» понимается не просто процесс изменения, а распространение, употребительность синтаксических структур в речи определенного хронологического среза. В-третьих, «развитие структуры предложения» соотносится с процессом «становления эргативной конструкции предложения», это «становление простого **распространенного** предложения в связи с

развитием структуры мысли» [9, с. 19]. В-четвертых, «развитие структуры предложения» рассматривается как «общая перестройка структуры простого предложения, происходящая в процессе развития индоевропейских языков от эпохи языковой общности к современному состоянию», это изменение «тех форм, которые создают структурное единство предложения», а также принципов его организации [1, с. 22].

Таким образом, отсутствие дефиниции термина «развитие структуры предложения» порождает многозначность этого термина, неустойчивость его предметно-понятийной отнесенности, расширение или сужение объёма выражаемого им понятия.

Весомый вклад в упорядочение терминов (и понятий), выражающих идею '*изменчивость во времени*', внесли лингвисты ленинградской/петербургской школы. Особо следует отметить позицию В.В. Колесова, который внес определенную ясность и *упорядоченность* в терминологическую путаницу. По В.В. Колесову, необходимо различать три уровня познания любого научного объекта: уровень объективного процесса преобразования данного объекта (системы); уровень познания отдельных элементов этой системы; уровень описания системы в целом. Первому уровню соответствует процесс движения реального объекта во времени, что и отражается терминами *становление, движение, развитие*. Со вторым и третьим уровнями познания связаны такие термины, как *изменение, эволюция, история*; каждый из них имеет собственную понятийную отнесенность. Не синонимичны друг другу и термины «первого уровня познания» Если *становление* — это «простая смена одного момента другим с уничтожением предыдущего», *движение* — это «качественно заполненное, конкретно осознаваемое через определенные действия или события становление», то *развитие* — это «объективный процесс преобразования исходной системы» [3, с. 173]. Для развития характерны: определенная *направленность*, векторное усилие *во времени*, сосредоточение мыслительного напряжения на *причинно-следственные связи* отдельных этапов изменения, «постепенное разворачивание того, что в самом начале уже содержится в объекте, но пока ещё в «неразвитом» виде [3, с. 173].

Итак, термин «развитие» применительно к языку и уже — к синтаксису языка, к предложению как языковой единице не может быть тождественным ни термину «становление», ни термину «изменение», ни термину «эволюция». Внутреннее содержание термина «развитие языка» глубже и шире, его выражает сема '*сам процесс, в ходе которого что-то может виться, разворачиваться, преобразовываться из чего-то*'. — Именно на таком представлении основывалась идея '*языкового развития*' у И.И. Срезневского, который исследовал прежде всего *логику* «разворачивания системы, а не различные ипостаси этой системы в разные периоды её развития» [4, с. 10].

Продолжая традицию, сложившуюся в петербургской школе, и основываясь на идее '*развития языка*' И.И. Срезневского, будем понимать под «развитием структуры предложения» объективный процесс качественно-количественного преобразования во времени исходной структуры, совершающийся в результате функционирования в речи языковых единиц и категорий (структурных типов предложения, членов предложения и т.д.).

В качестве резюме отметим следующее:

1. Научное наследие академика И.И. Срезневского составляют не только его труды, словари, письма, но и его *методология научного исследования*, глубокое, опережающее своё время понимание природы и принципов '*языкового развития*', которые остаются актуальными и в современной лингвистике.

2. При рассмотренном подходе, основывающемся на идеях языковедов петербургской/ленинградской школы и И.И. Срезневского, «ключевым» в проблеме развития структуры предложения становится *синхронно-диахронно-функциональный* аспект, состоящий в исследовании внутренней грамматической организации предложений разных структурных типов и их функционирования в речи на различных синхронных срезах, но в *развитии* — с привлечением широкого текстового материала.

3. Как общие тенденции, так и конкретные способы и средства развития структуры простого предложения в истории русского языка остаются во многом невыясненными.

Развивая идеи И.И. Срезневского, необходимо осуществлять детальные исследования структуры древнерусского и русского предложения-высказывания на широком текстовом материале.

Литература

1. Адмони В.Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 1960, № 1. С. 22-31.
2. Иванова Л.П. О развитии структуры предикативного центра простого предложения // Филологические науки, 1980, № 5. С. 51-59.
3. Колесов В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 163–199.
4. Колесов В.В. «Язык» и «развитие» в понимании И.И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура: Сб. научн. трудов / Отв. ред. В.В. Колесов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 5-12.
5. Лекции И.И. Срезневского по истории русского языка в записи Н.Г. Чернышевского // И.И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 93–132.
6. Мельничук О.С. Развитие структуры слов'янского речення. Киев: Наукова думка, 1966. 324 с.
7. Попов А.В. Синтаксические исследования. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. Воронеж, 1881. 307 с.
8. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 136 с.
9. Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М.: Наука, 1984. 168 с.

Научное издание

**ТРАДИЦИИ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В РУССКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И
ЛЕКСИКОГРАФИИ XXI ВЕКА.**

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Сборник статей
V Международной научно-практической конференции
26–28 сентября 2022 г.

Ответственный редактор
Осипова Елена Петровна

Дизайн обложки П.Д. Полынова

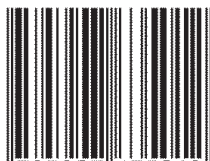
Подписано в печать 28.11.2022. Бумага офсетная.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 17,625. Уч.-изд. л. 25,39
Тираж 300 экз. Заказ № 64

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано с готового оригинал-макета

Отпечатано ИП Колупаева Е.В.
390010, г. Рязань, ул. Пирогова, д. 7, кв.51
Тел. 8-920-955-35-20
E-mail: kolupaeva_ev@bk.ru

ISBN 978-5-907635-01-2

9 785907 635012